

711436)
Ч=36 Джеймс ЧЕЙЗ

Почему я?

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Количество предыдущих
выдач

Выдана

Выдана

И (Девн)
11-336
ДЖЕЙМС ЧЕЙЗ пр 23

**В ЛОВУШКЕ
ПОХИТИТЕЛЬ
ПОЧЕМУ Я?**

ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ

Переводы с английского

Ташкент
«Камалак»
1993

Романы Чейза отличает динамичный сюжет, весьма искусно разработанная интрига.

В опасной ситуации оказывается герой «Похитителя» Гарри Барбер. Он вынужден проявить мужество и сообразительность, чтобы выскользнуть из-под тонко рассчитанного удара. Иного характера криминальная история «В ловушке». Дэвид Чисхолм совершает преступление в силу стечения обстоятельств, и остается загадкой — был ли он морально готов к этому роковому шагу. Широкую известность получил на Западе роман «Почему я?». Великий Керри, «Рыжий дьявол», наводивший страх на гитлеровцев в годы второй мировой войны, весьма своеобразно пользуется своей славой профессионального убийцы. Его репутация стала средством к существованию. Но добровольно оказавшись на самом дне общества, Керриден, однако, не теряет человеческое лицо.

Ч

Чейз, Джеймс Хэдли.

Почему я?: Детективные романы/Пер. с
англ.— Т.: Камалак.— 416 с.

И (Англ)

4703040100 — 135

Ч ————— Без объявл. — 93

356(04) — 93

ISBN 5—633—00886—3

© А. Пономарев (оформление), 1993.

© Н. Пусенкова, 1993.

© С. Соколов (перевод), 1990.

© ИПО «КАМАЛАК» (составление), 1993.

В ЛОВУШКЕ

Глава I

Они выплеснулись из автобуса, как патока из консервной банки: двадцать шесть туристов, в основном толстухи средних лет, да несколько пожилых мужчин. Сбившись в кучу, как стадо баранов, приезжие устали на Дуомо — гордость Милана.

Без труда можно было отличить в этой толпе американцев. Англичане, конечно же, держались высокомерно — им не были в диковину подобные достопримечательности; американцы напротив — откровенно восхищались величием собора и энергично щелкали фотоаппаратами.

— Это моя группа, дружище, — прошептал Умберто. — Что за стадо! Они забудут все, что я расскажу, еще до того, как вновь погрузят свои задницы в автобус. А завтра не смогут и вспомнить, как выглядел Дуомо.

— Увы, это так, — сказал я. — И потому считаю, что ты не должен тратить свой талант на этих скотов. Как истинный друг, готов принести себя в жертву и заняться вместо тебя...

— Ты? — презрительно ухмыльнулся Умберто. — Да что ты знаешь о Дуомо?! Сделай милость, отвали. Хоть бы ты ногу сломал.

Он поправил фирменное кепи с надписью «Официальный гид», затянул потуже старый галстук и с важным видом направился к иностранцам. На его лице играла фальшивая улыбочка, левая рука тщательно прикрывала большое жирное пятно на пиджаке.

Еще один туристский автобус подкатил к стоянке, и новая группа появилась около собора.

— А это мои голубчики, — произнес Филиппо, потушив сигарету и аккуратно спрятав окурочек под кепи. Он подмигнул мне: — Что за сборище безмозглых чудовищ! Постараюсь в ближайшие полчаса нагнать на них дикую скуку! Если Умберто опять затянет свою чепуху, то придется надрывать, чтобы перекричать этого придурка.

Я схватил его за руку.

— Слушай, приятель, ты неважно выглядишь. Мы с тобой близкие друзья. Отдохни в тенечке, а я проведу этих идиотов по Дуомо. Охотно освобожу тебя от этой обузы за каких-нибудь пятьсот лир, ну и, конечно, все чаевые пойдут тебе.

— Проваливай, ворюга, — проворчал Филиппо, вырывая руку. — Сделай одолжение, перережь себе глотку — это прекрасное лекарство от зависти.

— С чего ты решил, что я завидую? — поинтересовался я. — Посмотри на себя — рубашка грязная, на пиджаке дыра. Выглядишь хуже последнего бродяги. Неужели тебе кто-нибудь может позавидовать?

— Лучше иметь грязную рубашку, чем не иметь никакой, — ухмыльнулся Филиппо. — И вообще, лучше дыра на пиджаке, чем на брюках. Посмотри сначала на себя...

Я проследил за тем, как он повел свою группу, затем украдкой взглянул на манжеты собственной рубашки. Они были чистые, но весьма ветхие. Ботинки беспокоили меня больше, чем одежда. Утром я сделал себе новые подошвы из куска толстого картона, который стащил у своей квартирной хозяйки. Я прекрасно понимал, что первый же дождливый день загонит меня домой, резко снизив и без того скудную возможность подзаработать. Я приобрел бы новую пару обуви, если бы для этого не пришлось влезать в очередные долги.

Будь я итальянцем, а не американцем, мне было бы легко стать официальным гидом. Существующая система

такова: туристические агентства содержат в своем штате только гидов, сопровождающих туристические группы. В обязанности сопровождающего входит доставка туристов в тот или иной город, оплата счетов в гостиницах, организация питания и оказание необходимой помощи членам группы. Но он совсем не обязан знать исторические сведения о достопримечательностях. Агентство прибегает к услугам так называемых официальных гидов, которые должны поджидать туристов. Оплачивает труд экскурсоводов сопровождающий, он же договаривается и об обслуживании групп, прибывающих на следующей неделе. Таким образом официальные гиды могут рассчитывать на регулярный заработок, в отличие от неофициальных гидов, вроде меня, довольствующихся неорганизованными туристами, у которых обычно маловато денег из-за ограничений. Надо сказать, приходится прилагать немало усилий, чтобы убедить таких туристов, что им необходим гид. А кроме того, неофициальный гид не имеет права носить соответствующую повязку на руке и специальное кепи, и потому обычно вызывает подозрение, когда предлагает свои услуги.

Тем не менее, работа гидом, пусть даже и неофициальным, дает возможность получать небольшой доход. Для меня же это практически единственная возможность, поскольку я живу в Милане без разрешения полиции.

Это утро пока еще не принесло мне никакой прибыли. Целых два часа я терпеливо поджидал клиентов и уже начал волноваться — у меня совсем не было денег, а обеденное время приближалось. Хотелось есть, и я стал подумывать, не поискать ли Торчи, одного из самых преуспевающих карманников, «работающих» в Дуомо. У него можно одолжить лир сто, пока он не отправился обедать. Я всегда мог рассчитывать на небольшой заем у Торчи. Но поскольку уже пришлось задолжать ему двести лир, как-то не очень хотелось обращаться к нему снова.

Я как раз обдумывал, что лучше — обойтись без обеда или отправиться-таки на поиски Торчи, когда вдруг увидел молодую женщину, легко и грациозно идущую в мою сторону.

Лет тридцати. Одета в палевую юбку в складку и изумрудно-зеленую шелковую блузку, с глубоким вырезом на груди, довольно пышной формы, волосы — цвета потускневшей меди — коротко острижены, большие глаза широко расставлены.

Она не была красавицей в традиционном понимании, но

притягивала к себе взоры с силой неоновой рекламы, сверкающей на неосвещенной улице.

В нескольких шагах от меня молодая особа остановилась, открыла сумочку и извлекла из нее путеводитель по Италии. Нахмурясь, стала его прилежно перелистывать.

Мои конкуренты — два других неофициальных гида — ринулись в ее сторону, прежде чем я смог оторвать взгляд от стройных ног в тончайших шелковых чулках.

Но я был гораздо ближе к ней и не позволил опередить себя. Те двое остановились, бормоча ругательства и злобно поглядывая на меня.

— Извините, синьора,— сказал я с изысканным поклоном,— не нужен ли вам гид? Здесь очень много интересного, о чем путеводитель умалчивает. Буду счастлив показать вам все это.

Она подняла глаза, ее взгляд пронзил меня насквозь, и тут я вновь отметил, что изумрудно-зеленая блузка скрывает формы, которые могут свести с ума любого мужчину.

Незнакомка улыбнулась. Ее крупные ровные зубы своей белизной соперничали с апельсиновыми косточками; глаза, обрамленные длинными черными ресницами, были цвета фиалок.

— Какая же у вас квалификация, что вы беретесь конкурировать с путеводителем? — осведомилась она.

— Я специалист по готической архитектуре и в частности — эксперт по итальянским кафедральным соборам,— сказал я.— За последний год мне довелось показать Дуомо тысяче ста двадцати трем туристам, и все они остались весьма довольны.:

Она закрыла путеводитель.

— Бог мой! Целой тысяче? И вы, конечно, официальный гид?

— Господи, да вам стоит только взглянуть на официального гида, чтобы понять, как это здорово, что я не отношусь к их числу. Вон там стоит один из них — джентльмен с синими венами на носу и чудными кривыми зубами.

Молодая женщина рассмеялась, посмотрев на Джузеппе. Он — один из моих лучших друзей, хотя и не относится к писаным красавцам и напивается каждый вечер.

— Я поняла, что вы имеете в виду,— незнакомка поправила локон на шее.— Вы правы, я не думаю, что мне доставит удовольствие воспользоваться его услугами. Но, может быть, вы очень дорогостоящий гид?

— Синьора, я самый лучший и самый дешевый гид в Милане.

Она вздернула подбородок.

— Я дам вам тысячу лир, не больше.

— Синьора, за тысячу лир я покажу вам еще и «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи, она в трапезной, — это несколько минут на такси, за которое я готов заплатить.

— «Вечерю» я уже видела, — сказала она. — А вы американец?

— Скажем так, мы соотечественники.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Я думала, мое итальянское произношение безупречно.

— Конечно, но у вас американский облик.

Она вновь рассмеялась.

— Правда? Ну, хорошо, раз вы мой гид, может быть, направимся в собор?

— Охотно, синьора, — откликнулся я.

И мы вошли в полумрак Дуомо, где Умберто уже просвещал свою группу, нелепо размахивая руками и тщетно пытаюсь удержать внимание туристов.

Увидев рядом со мной молодую женщину, он словно бы споткнулся; его словесный поток прервался, понадобилось время, чтобы он вспомнил, о чем говорил.

— Сегодня в Дуомо необычайно много народа, — сказал я, ведя девушку мимо Филиппо и его группы. Филиппо голодными глазами проводил мою спутницу и угрюмо взглянул на меня.

— Предлагаю начать осмотр с останков Сан Карло Борromeо, архиепископа Милана, который умер в 1586 году. Вплоть до прошлого года на него было просто приятно глядеть. К сожалению, сейчас лицо святого несколько пострадало, и он уже не такой красавец, как раньше. Но все же любопытно, как он выглядел, когда его положили в гробницу почти триста шестьдесят лет назад. Пока мы будем с ним «знакомиться», толпа рассеется, станет свободнее...

— Я не знала, что он похоронен здесь. Я часто видела его громадную статую, которая стоит на берегу Лаго Маджоре. Почему их делали такими огромными?

— Близкие друзья боялись, что память о нем не сохранится. Они думали, что статуя высотой в 75 футов надежнее запечатлеет его образ в умах людей. Значит, вы знаете Лаго Маджоре, синьора?

— У меня там вилла.

— Это прекрасное место, вам очень повезло.

На секунду мы задержались на верхних ступеньках, ведущих в подземную часовню, где покоились останки архиепископа во всем их величии.

Я коснулся ее локтя.

— Можно обратиться к вам с просьбой сейчас, чтобы потом не докучать?

Незнакомка с удивлением посмотрела на меня. Мы были одни в полумраке, совсем рядом, и мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не обнять ее. Это и обеспокоило, и удивило меня, поскольку обычно я вполне владею собой, когда нахожусь наедине с женщиной.

— В чем дело?

— Монах, который покажет вам гробницу архиепископа, естественно, будет надеяться на небольшое вознаграждение за труды. К сожалению, в данный момент я не при деньгах. Буду весьма признателен, если вы дадите ему сто лир. Потом эти деньги вычтем из моего вознаграждения.

— У вас что, действительно совсем нет денег? — спросила она.

— Ну... временные трудности...

Она открыла сумочку и протянула мне двести лир.

— Как гид вы не можете много зарабатывать.

— Но это не значит, что я плохой гид. Просто мне немного не повезло...

— Я думаю, вы очень хороший гид, — сказала она и улыбнулась.

— Извините меня, пожалуйста... — Я рванулся вперед и схватил Торчи, пытавшегося проскользнуть мимо. Крепко держа его за руку, я подвел его к девушке. — Разрешите, синьора, представить вам синьора Торчи, самого известного карманника, работающего в Дуомо. Торчи, будь добр, верни все вещи, которые ты только что украл.

Торчи, низкорослый коротышка с веселым круглым лицом, лучезарно улыбнулся и стал шарить по своим карманам.

— Это ведь исключительно для практики, синьор Дэвид, — заверил он меня, вручая незнакомке бриллиантовую брошь, часы, портсигар и кружевной платочек, который до того элегантно выглядывал из кармашка ее блузки. — Вы же знаете, я никогда не беспокою ваших клиентов. Все было бы возвращено.

— Убирайся, негодяй, — рявкнул я, — если ты еще раз пустишься со мной на подобные шутки, я вырву твое воровское сердце!

— О, такое выражение в Дуомо,— воскликнул искренне шокированный Торчи.— Помните, что вы находитесь в храме господнем!

Я замахнулся на него, и он поспешно скрылся в темноте подвала.

— Очень сожалею о случившемся,— произнес я.

Американка сложила свои вещи в сумочку.

— А он весьма ловко все это проделал. Как он ухитрился?

Я засмеялся.

— Да то просто детские игры. Высший класс он показал, когда умудрился снять пояс с резинками с одной молодой дамы. Она ничего и не почувствовала, пока ее чулки не стали сползать с ног. Этот пояс до сих пор висит у него над кроватью.

— О, господи!

— Торчи — великий артист, но далеко не единственный. Дуомо полон ловких карманников, довольно прилично живающихся на туристах. К счастью, я знаю большинство из них, и обычно они не трогают моих клиентов. Видимо, бриллиантовая брошь оказалась слишком сильным соблазном.

— Мне не следовало надевать ее,— она повернулась и с сомнением взглянула на слабо освещенную лестницу.— Могу я опереться на вашу руку? Похоже, ступени стертые...

— Я только что собирался предложить вам это.

Незнакомка оперлась на мою руку. На полпути она оступилась и конечно упала бы, не поддержи я ее.

— Проклятые каблуки,— пробормотала женщина дрожащим голосом.

— Конечно, все дело в них. Ступени хоть и стертые, но вполне надежны.

Мой локоть касался ее груди. Я взглянул на нее. Ее лицо было совсем рядом, в полумраке глаза мерцали, как у кошки. Я не удержался и поцеловал ее в губы. И вдруг... она прильнула ко мне всем телом. Но уже через мгновение решительно отстранилась.

— Нам не следовало это делать.

Я снова прикоснулся к ее губам.

— Нет-нет, прошу вас... не надо...

Я отпустил ее.

— Извините,— выговорил я, с трудом переводя дыхание.— Не знаю, что это нашло на меня. Сожалею, искренне сожалею...

Не отрывая от меня глаз, молодая женщина прикоснулась к моим губам кончиками пальцев.

— Не надо извиняться. Вы не совершили ничего такого, о чем следует жалеть. Кажется... мне это даже понравилось. Давайте покинем это мрачное место. Согласны?

Обжигающие лучи солнца, уличный шум, толпы людей ошеломляли после полумрака и тишины Дуомо.

Некоторое время мы не двигались, привыкая к солнечному свету и волнам звуков, захлестывающим нас. В то же время мы ощущали свою обособленность от окружающего мира.

— А знаете, я положила вам в карман банкноту, — сказала незнакомка. — В тысячу лир. Думаю, после некоторой практики, смогла бы стать экспертом не хуже синьора Торчи.

— Но я не заработал этих денег, — возразил я, — и не могу их взять.

— Пожалуйста, не надо... Ненавижу разговоры о деньгах, и потому, прошу вас, замолчите.

— Ну, по крайней мере, разрешите проводить вас на крышу собора. Лифт сразу же за углом. Статуи стоят того, чтобы посмотреть на них вблизи.

— И, пожалуйста, не надо больше о Дуомо. Давайте где-нибудь поедим. Я хочу поговорить с вами.

Произнеся это, она открыла сумочку и вынула темно-зеленые защитные очки. Когда она их надела, я испытал настоящий шок. Как только очки скрыли ее глаза, лицо стало невыразительным и холодным, точно посмертная маска.

— Но о чем же вы хотите поговорить со мной? — тупо спросил я.

— Вы всегда так непонятливы? Итак, куда же мы направимся?

Я был в затруднительном положении — просто не верилось, что она говорит всерьез.

— Ну, здесь есть «Максим», а если вы предпочитаете что-то более респектабельное, то могу рекомендовать «Алла белла Наполи».

— Нет-нет, предпочитаю в простой ресторан, куда ходят рабочие и где хорошо кормят.

— Вы уверены, что хотите именно в такой ресторан?

— Да, мы пойдем туда, где вы обычно обедаете.

Мы направились к ресторанчику Пьеро, что в переулке по Корсо Витторио Эммануэле, в пятидесяти метрах от Дуомо.

Пьеро вышел из-за кассы, чтобы обслужить нас. Ко-

ротышка с объемистым брюшком, он отрачивал черную густую бороду, чтобы омолодить морщинистое лицо. Подойдя к столику, Пьеро долго и внимательно рассматривал мою спутницу, в его глазах читалось удивление и восхищение.

— Синьора, синьор,— произнес Пьеро галантно,— буду счастлив подать все, что вы пожелаете.

Незнакомка сняла очки, и в красноватом свете лампы под абажуром глаза ее загорелись, как рубины.

— Закажите что-нибудь, пожалуйста,— обратилась она ко мне.— Что здесь лучше всего готовят?

— Очень неплохое ризотто, это блюдо пользуется заслуженной славой в Милане, а Пьеро так вообще делает его лучше всех. Затем, котлеты по-милански...

Она кивнула.

— И бутылку сасселлы...

Когда Пьеро удалился на кухню, она открыла сумочку и предложила мне свой портсигар. Я взял сигарету, первую за последние два дня. Сначала я зажег ее сигарету, потом свою. Мне все еще казалось, что это лишь сон. Я был похож на человека, держащего мыльный пузырь, человека, который боится пошевелиться и даже дышать, опасаясь, как бы пузырь не лопнул.

— Вы, наверное, думаете обо мне ужасные вещи? — спросила она, глядя мне в лицо.

— О, нет. Просто не могу поверить в свою удачу.

Молодая женщина улыбнулась.

— И в то же время, видимо, считаете меня не совсем нормальной... из-за моего поведения.

— Ничего подобного... Мне кажется, вы действовали под влиянием момента, а сейчас размышляете, не следует ли об этом сожалеть.

— Вам правильно кажется, именно это и произошло. И я не могу никак решить, что же делать — бежать без оглядки или держаться нагло и высказать все, что думаю.

— Выскажите все,— посоветовал я.— Мы должны чаще следовать своим побуждениям. Мир был бы куда более привлекательным, если бы мы меньше думали об условностях.

— Хорошо, тогда я расскажу все без смущения. Ну вот, решила и уже почти не волнуюсь... Но сначала назовите свое имя.

Она тщательно изучала меня, и я чувствовал, что ее взгляд не упустил ничего. Я был рад, что сегодня надел

чистую рубашку и побрился. Иногда я не утруждаю себя бритьем.

— Дэвид Чисхолм. А ваше?

— Лаура Фанчино.

— А я-то думал, вы американка. Фанчино — известная итальянская фамилия.

— Я американка. У меня муж итальянец.

Я с интересом посмотрел на нее:

— Есть или был?

— Разве это имеет значение?

— Думаю, да.

— Ну, тогда — ни да, ни нет.

Подошел Пьеро и поставил на стол два бокала, кампари и бутылку минеральной воды.

— Ризотто будет готово через пять минут, синьора. А кампари — это от меня, чтобы вы не скучали в ожидании.

Я похлопал легонько по его плотному животу.

— Ну-ну, Пьеро, ступай, ты мешаешь.

Ухмыляясь, он подошел к кассе.

— Что вы хотите сказать этим своим «ни да, ни нет»? — спросил я. — Он жив или...

— Видите ли, произошел несчастный случай, теперь муж не может ни двигаться, ни говорить. Это длится уже четыре года.

— Сочувствую. Это ужасно.

— Не правда ли? — Лаура налила немного минеральной воды в бокал. — И не только для него. Для меня это не менее ужасно.

— Ни за что не стал бы вас целовать, если бы знал это, — смущенно промолвил я. — Сожалею о случившемся...

— И все-таки почему вы это сделали? — не глядя на меня, она стала медленно вращать бокал.

— Мне ужасно захотелось поцеловать вас, вы притягивали, точно магнит.

Лаура продолжала вертеть бокал в руках. Наступила долгая пауза. Наконец, она сказала:

— Меня тоже потянуло к вам.

Сердце мое учащенно забилось.

— Вы понравились мне с первого взгляда. Это достаточно наглое признание?

Я засмеялся.

— Совсем не так плохо. Теперь и я вам кое в чем признаюсь. Когда я впервые увидел вас, у меня было такое ощущение, что я наступил на обнаженный электрический провод.

В этот момент появился Пьеро с ризотто. Он откупорил бутылку вина. Мы ждали, пока он не вернулся к своей стойке за кассой.

— Не могу понять, почему такой человек, как вы, работает гидом? — проговорила она задумчиво.

— К сожалению, здесь нет другой работы, которую я мог бы выполнять. Я отношусь к числу так называемых незарегистрированных иностранцев. Конечно, я держу это в секрете.

— Вы хотите сказать, что у вас нет разрешения полиции на проживание в Италии?

— Именно так.

— Но вы не можете его получить.

— Не могу, пока не найду работу. Ну, а на работу меня не принимают, потому что нет на то разрешения полиции. Это обычные итальянские уловки. Порочный круг.

— Почему же вы живете в Италии?

— Мне нравится здесь, и я пытаюсь написать книгу о кафедральных соборах этой страны. Я был архитектором, когда жил до войны в Нью-Йорке. Не особо выдающимся, но сводил концы с концами. Потом меня призвали в армию. Я участвовал во вторжении в Италию: моя часть была одной из первых, вошедших в Рим. Меня поразило величие Италии, и я решил написать книгу о ее соборах. Мною уже кое-что было сделано в этой области. Демобилизовавшись, обосновался в Милане. И столкнулся с этой порочной системой. Я не могу бороться с итальянским полицейским бюрократизмом, потому и стал гидом в Дуомо.

— Не лучше ли все-таки получить разрешение полиции?

— Может, и лучше. Да только меня это просто не волнует.

Пьеро принес телячьи котлеты. Когда он ушел, она тихо спросила:

— И что, у вас действительно совсем нет денег?

— Сейчас есть, — усмехнулся я.

— Но раньше... когда вы сказали...

— У меня есть небольшой заработок. Слушайте, давайте не будем больше говорить обо мне. Может быть, вы расскажете немного о себе?

Лаура пожала плечами.

— Мне нечего особенно рассказывать. Во время войны я работала в аппарате заместителя министра. Он прибыл в Италию, чтобы помочь в создании контрольной комиссии. Встретила Бруно — это мой муж, и он сделал мне пред-

ложение. Он был очень богат, вы даже не можете себе представить, насколько богат. А мне к тому времени изрядно надоела конторская работа. Бруно был безумно в меня влюблен, и я вышла за него замуж. Год спустя он попал в автомобильную катастрофу. У него переломан позвоночник и поражен спинной мозг. Были и другие ужасные повреждения. Врачи сказали, что он вряд ли выживет, но ни не знали Бруно. Нет на свете ничего такого, чего бы он не добился. Он решил, что будет жить, и живет уже четвертый год. Если это можно назвать жизнью. Он не двигается, не владеет своими конечностями, не говорит.

— Есть какая-нибудь надежда на улучшение?

Лаура покачала головой.

— Не знаю, как долго будет продолжаться это... это существование. Врачи говорят, Бруно может умереть завтра, но может прожить еще и год, и...

От тоски, прозвучавшей в ее голосе, у меня мурашки поползли по спине.

— Мне очень жаль,— сказал я.

— Да.— Она внезапно улыбнулась.— Вот видите, в настоящее время у меня довольно сложная жизнь.

— Что вы делаете в Милане? — спросил я, не в силах избавиться от какого-то неприятного ощущения, которое не могла прогнать даже ее улыбка.

— Записалась на два часа в парикмахерскую. Обстановка дома настолько удручающая, что я решила уехать пораньше и посетить Дуомо. И вот теперь рада, что сделала это,— ее глаза словно обласкали меня.

А я думал о ее муже, который не мог ни двигаться, ни говорить. Представил, как бы я чувствовал себя на его месте. Бедняга, наверное, не знает и минуты покоя, и все время тревожится, когда она уезжает из дома.

— Бруно доверяет мне,— произнесла Лаура.— Ему и в голову не приходит, что я живой человек и могу дать волю своим чувствам. Он верит в преданность, долг, самопожертвование.

Меня поразило, что она с такой легкостью прочла мои мысли.

— Это очень осложняет вашу жизнь?

— Да. Но теперь другое дело,— не глядя на меня, промолвила Лаура.— Я начинаю понимать, какой была дурочкой. Четыре года — большой срок, лучшие годы моей жизни. Я не знаю, сколько все это еще будет продолжаться. И потом... вряд ли он что-нибудь узнает.

Я ощущал, как кровь пульсирует в моих жилах. Следующий шаг за мной. Она просто хочет, чтобы кто-нибудь убедил ее, что сделать это нетрудно. Если не смогу убедить я, сможет другой, и очень скоро.

Но перед глазами у меня неотступно стоял образ ее мужа, и я представлял себя на его месте.

— До конца быть уверенным в этом нельзя,— сказал я.— Некоторые люди так тонко чувствуют, что могут все понять по жесту, взгляду... Вдруг вы чем-то выдадите себя. Это будет для него слишком тяжким испытанием.

Лаура опустила голову. Она просидела так несколько секунд, не двигаясь и не глядя на меня. Затем тихо сказала:

— Очень трогательно, что вы подумали о нем. Большинству мужчин это не пришло бы в голову.

— Я думаю не столько о нем, сколько о вас. У меня за душой немало грехов. Часто по ночам они не дают мне уснуть...

Она улыбнулась. Это была холодная улыбка, не затронувшая ее глаза.

— Я начинаю думать, что вам следует продолжить работу над вашей книгой, Дэвид. Вы рассуждаете, как святой, который вполне может писать о кафедральных соборах.

Кровь прилила к моему лицу.

— Полагаю, что заслужил эти слова. Но я ничего не могу с собой поделать. Если бы ваш муж мог постоять за себя — все было бы иначе. Но бить лежачего! Тут я предпочитаю оказаться в роли простофили.

— Мне нравятся ваши принципы, Дэвид,— ее глаза потускнели. Она разговаривала со мной так, словно нас разделял пролив шириной в сотню миль.

— Знаете, это будет похоже на стрельбу по сидячим птицам. Мне импонирует охотничий инстинкт. Но когда речь идет о птицах, я предпочитаю стрелять влет.

Лаура взглянула на часы.

— Мне пора... Я не порываюсь оплатить обед, вам ведь это не понравится.— Она поднялась.— Пожалуйста, не провожайте меня.

Ну что ж, сам напросился. И получил то, что заслужил.

— Увидимся ли мы когда-нибудь еще? — спросил я, взглянув на нее почти заискивающе.

Она рассмеялась, и в глазах ее появилась искреннее удивление.

— Почему мы должны увидеться? Не думаю, что мне

будет так уж интересно слушать о соборах, а вас вряд ли волнуют мои проблемы.

Лаура стояла против света, и под блузой угадывались очертания ее груди. Благие намерения стали покидать меня, я внезапно осознал, чего лишаюсь.

— Подождите минутку...

— Прощайте, Дэвид. Благодарю за приятный обед продолжайте писать свою книгу. Уверена, она будет пользоваться большим успехом.

Лаура прошла между столиками. Пьеро поклонился ей, она сказала что-то в ответ, задержавшись в дверях. Очертания ее стройных ног и округлых бедер просвечивали сквозь льняную юбку. Она вышла на улицу, не оглянувшись.

Я продолжал сидеть, чувствуя себя опустошенным и разбитым, и все смотрел на то место, где она только что стояла, разговаривая с Пьеро. Я считал себя последним идиотом, но в то же время знал, что поступил правильно.

Пьеро подошел к моему столику.

— Все ли было так, как вы хотели, синьор Дэвид?

— Все было прекрасно. Дай мне счет.

— Синьора очень хороша собой,— сказал он, протягивая счет.

Я дал ему банкноту в тысячу лир.

— Сдачу оставь себе.

— Но это слишком много,— удивленно возразил Пьеро.— Вам ведь нужны деньги. Счет всего...

— Бери деньги и катись к чертовой матери!

Он поспешно вернулся к кассе и сел, обиженно глядя на меня.

Я протянул руку к пепельнице, чтобы потушить сигарету, и тут увидел... бриллиантовую брошь, наполовину прикрытую салфеткой.

Мысль моя лихорадочно заработала. Нет, Лаура не забыла ее. Каким-то образом она умудрилась перед уходом вынуть украшение из сумочки. И оставила здесь брошь специально, чтобы я ее нашел.

Торчи жил в маленькой квартирке, расположенной на улочке, идущей от площади Лоретто. Это та самая площадь, где партизаны бросили тело Муссолини для всеобщего обозрения. Торчи всегда был ярким противником Муссолини и приложил немало усилий, чтобы найти жилье именно здесь. Ему доставляло удовольствие каждое утро, идя на работу, плевать туда, где труп дуче был брошен на поругание кричащей, озлобленной толпе.

Квартирка Торчи находилась на последнем этаже гряз-

ного и ветхого здания, стены которого были испещрены следами пуль. Рядом с домом до сих пор валялись груды кирпича и обломков после бомбежек.

Я взобрался на четвертый этаж. Торчи в полдень всегда возвращался домой для сна, и я знал, что застаю его. У него были устоявшиеся привычки: каждое утро он отправлялся в Дуомо к половине десятого, возвращался в двенадцать к обеду, снова шел в собор к четырем часам и оставался там до семи. За исключением двух недель в году, когда он навещал родителей в Неаполе, Торчи не менял своего распорядка.

Дверь открыл сам хозяин, одетый в грязную белую рубашку и черные брюки. Ноги его были босы, капли пота выступили на круглом лице, как будто он только что окатил голову водой.

— Сеньор Дэвид! — воскликнул Торчи, и лицо его сразу светлело. — Заходите. Вы не навещали меня уже несколько месяцев.

— Да, пожалуй, — сказал я, проходя за ним в большую неприбранную гостиную.

На диване в одних розовых трусиках лежала Симона, любовница Торчи. Эта была маленькая, темноволосая и пышнотелая женщина с огромными карими глазами. Ее короткие черные кудряшки всегда напоминали мне паразитическую шапку.

Она без всякого выражения посмотрела на меня и отвернулась к окну. Ее полные губы сжимали сигарету, и серый пепел спадал на маленькие остроконечные груди. Прежде чем сойтись с Торчи, она была натурщицей. Собственная нагота не вызывала у нее смущения.

— Не обращайтесь внимания на Симону, — сказал Торчи. — Она сегодня в дурном расположении духа. Когда жара спадет, я ее поколочу, и тогда настроение у нее заметно улучшится.

Не поворачивая головы, Симона произнесла эти нецензурные слова.

Торчи подавил ухмылку и повторил: — Не обращай на нее внимания, сеньор Дэвид, она просто свинья. Садитесь. У меня есть виски, берете специально для такого случая.

Я сел к столу. Торчи принес бутылку и два стакана.

— Хочу извиниться за ту маленькую неприятность, что произошла сегодня утром, — сказал он, наливая почти полный стакан виски. — Уж слишком велик был соблазн.

Вы же знаете, первый раз в жизни я поработал с вашими клиентами.

— Знаю-знаю. Но зачем ты взял брошь? Ведь сбыть бриллианты невозможно.

Торчи долго смаковал глоток виски, затем вздохнул и сказал:

— Хороший шотландский виски. Один из моих друзей подарил мне целый ящик. Очень приятный виски, попробуйте.

— Ты не смог бы продать эту брошь,— повторил я.

— Смог бы. У меня есть друг, который занимается бриллиантами, он хорошо платит.

— И сколько бы он дал за такую брошь?

Торчи пожал плечами:

— Не знаю. Сегодня утром в Дуомо было темно, я не смог ее как следует рассмотреть.

Я вынул из кармана драгоценность и положил на стол.

Торчи замер, его глаза впились в брошку.

Симона поднялась с дивана и подошла к столу, а в ее глазах появился жадный блеск.

— Дай мне лупу,— сказал Торчи.

Она подошла к комоду, вынула из ящика увеличительное стекло, которым пользуются часовщики, и протянула ему. Торчи взял его и поднес к глазам.

Пока Торчи изучал драгоценность, все молчали. Так же молча он протянул лупу и брошь Симоне.

Женщина разглядывала брошь еще дольше. Затем положила лупу и украшение на стол и вернулась к окну. Лениво, точно сытая кошка, она растянулась на диване и зажгла очередную сигарету.

— Вы хотите продать ее, синьор Дэвид? — спросил Торчи.

— А сколько она может стоить?

— Я бы вам дал за нее двести тысяч лир.

Симона вскочила, оскалившись в злобной гримасе.

— Идиот! Она не стоит и сотни тысяч! Ты что, с ума сошел?!

Торчи улыбнулся.

— Синьор Дэвид мой хороший друг, а друзей я не обманываю. Настоящая цена — двести тысяч лир.

— Тупая скотина! — прошипела Симона.

Значит, брошь стоит по меньшей мере триста тысяч, а возможно, и все четыреста.

— Та особа дала ее вам, синьор Дэвид? — спросил Торчи, внимательно наблюдая за мной.

— Нет, она забыла брошь на столе.

— Забыла?! Ни одна женщина не позволит себе такого. Она дала ее вам. Деньги будут готовы к четырем часам.

— Торчи, я смогу на эти деньги купить паспорт?

Он усмехнулся.

— Бóюсь, что нет. Паспорт стоит дороже, синьор Дэвид.

— Вот как?! — я допил виски и встал. — Можешь одолжить мне пятьсот лир, Торчи?

— Значит, вы не хотите ее продавать?

— Не знаю, надо подумать.

— Хорошо, даю вам двести тридцать тысяч, это мое лучшее предложение.

— Я подумую. А сейчас мне нужно пятьсот лир.

Торчи вынул из кармана толстую пачку денег.

— Берите больше. Здесь пять тысяч лир... вот, возьмите.

— Пяти сотен вполне достаточно.

Он пожал плечами и протянул через стол банкноту.

— Если вам назовут лучшую цену за брошь, пожалуйста, сообщите мне, — проговорил Торчи. — Все-таки я сделал первое предложение и получил первый отказ.

— Конечно, скажу, — кивнул я и положил деньги и брошь в карман.

— Придурок, сукин сын, — внезапно заорала Симона. — Хочешь сам остаться нищим и меня пустить по миру!

Торчи проводил меня до двери.

— А все потому, что она хочет, чтобы я купил ей новую шляпу, — зашептал Торчи. — У нее уже двадцать шесть шляп. Зачем ей еще — не понимаю.

— А мне откуда знать? — сказал я, пожимая ему руку. — Я тоже не всегда понимаю женщин.

Он вдруг многозначительно ухмыльнулся.

— Но вы-то умеете добиваться своего, а?

— Не всегда, — сказал я и спустился с четвертого этажа на раскаленную улицу.

Четыре мухи бесцельно бродили по потолку, потом вдруг сорвались вниз и зажужжали вокруг моей головы. Я лежал на кровати и тупо наблюдал за ними.

Моя комната была на нижнем этаже большого дома, стоящего на задворках театра Ла Скала. Иногда, в сильную жару, когда окна театра были открыты, до меня доносились пение и музыка. Многое зависело от направления ветра. Иногда удавалось прослушать задаром целую оперу.

Комната была скверная. Единственное ее достоинство заключалось в чистоте, да и то потому, что я убирал сам.

Ветхая мебель, а обои... когда я бросал взгляд на обои, то частенько начинал скрипеть зубами.

Из обстановки в комнате имелись кровать, кресло, умывальник. Около окна стоял стол, заваленный записными книжками и бумагами. Тут же лежала рукопись в кожаном переплете, над которой я работал уже четыре года. Под столом были свалены справочники, стоившие мне изрядных денег. На стене висела жалкая репродукция «Весны» Боттичелли.

На деньги, взятые у Торчи, я купил пачку сигарет, хлеб, батон колбасы и бутылку розового вина. Поев, закурил и поставил рядом стакан вина.

Было двадцать семь минут девятого. Уйдя от Торчи, я долго бродил бесцельно по улицам, погруженный в свои мысли.

До семи часов я так и не пришел ни к какому решению и вернулся домой.

На самом деле решение-то было не столь уж трудным. Надо было лишь выбрать — оставить брошь себе или возвратить владелице.

Мне не повезло. Если бы за брошь я мог приобрести паспорт, я бы, видимо, соблазнился и отдал ее Торчи. Но Торчи давал всего двести тридцать тысяч! Хотя... за эти деньги вполне можно выбраться из Италии, приобрести новый костюм, и, при определенной экономии, прожить полгода не работая.

Я дггал, уверяя Лауру Фанчино, что не стремлюсь получить разрешение полиции на проживание в Италии. То есть так оно и было, только не стремился я потому, что меня разыскивали и итальянская, и американская военная полиция. Разыскивали из-за истории, которая произошла в конце войны, примерно шесть лет назад.

И двести тридцать тысяч, которые предложил мне Торчи, были серьезным искушением. На эти деньги я не смог бы купить паспорт, но они принесли бы мне на время душевное спокойствие и комфорт. Да, искушение имело место.

Но почему, почему Лаура решила прибегнуть к нему? Зачем оставила брошь? Пожалела меня и «забыла» украшение, чтобы я его продал и прикарманил деньги? Полагает, что я на это способен? А может быть, она была уверена, что я возвращу драгоценность, а значит, у нее появится возможность еще раз увидеть меня?

Я продолжал курить и смотреть в потолок, размышляя над тем, как быть. Наконец решил: брошь продавать не буду. Ведь умудрялся же я до сих пор жить, не воруя и не прибе-

гая к услугам женщин. И я чувствовал, что в какой-то мере для меня вопрос чести — не допускать этого и впредь.

Хочется ли мне увидеть Лауру снова? Лежа в душной и жаркой комнатенке, я мысленно представлял ее такой, какой она стояла в дверях, освещенная солнцем. И понимал, что не только хочу встретить ее еще раз, но и должен сделать это.

Нет моей вины в том, что ее муж искалечен и ждет смерти. Каким самоуверенным индюком я выглядел, когда разглазбольшествовал о стрельбе влет. Он целый год наслаждался ею. А сейчас... я вовсе у него ничего не отнимаю, просто он остается в стороне.

Я опустил ноги на пол и встал с кровати.

Естественно, самый простой способ разобраться с этой проблемой — позволить ей самой принять решение. Сначала она дала мне шанс переспать с ней, и я отказался. Теперь моя очередь предоставить ей возможность переспать со мной. Пусть решает. Если она отвергнет такую возможность — не буду больше о ней думать. Но не испытать судьбу — просто грех.

Я прошел по общему коридору к телефонной будке. Прошло немало времени, прежде чем я отыскал в справочнике ее номер.

Она сразу же сняла трубку — неужели сидела у телефона, поджидая моего звонка?

— Кто это? — спросила она тихо, словно бы опасаясь, что ее могут услышать.

Я пытался представить себе комнату, в которой она находится. Мне хотелось знать, далеко ли лежит ее муж.

— Это Дэвид, — так же тихо сказал я.

— О! Какой вы умный, нашли мой номер...

— У меня ваша бриллиантовая брошь.

— Но это невозможно! Брошь у меня в сумочке.

Я приоткрыл дверь будки: в ней было очень жарко, и я с трудом дышал.

— Вы оставили брошь на столе. Я нашел ее сразу же после вашего ухода.

— Какой ужас! Я даже и не вспоминала о ней.

— Как мне быть? — спросил я. — Могу послать ее по почте, могу привезти...

Наступила долгая пауза. Я слышал ее дыхание.

— Алло, — сказал я. — Вы еще у телефона?

— Конечно. Я думаю, — сказала она медленно и вдруг спросила: — Вы можете для меня кое-что сделать?

— Что именно?

— Приложите на минуту телефонную трубку к вашему сердцу.

— Это единственное, что я не могу для вас сделать,— сказал я, поскольку не хотел, чтобы она знала, как сильно бьется мое сердце. И в то же время понимал — она знает, что я взволнован.

— Ну и как, вы готовы стрелять по сидящим птицам?

— Да, готов. У меня изменилось отныне мнение на этот счет...

— Сейчас вы говорите, как истинный охотник.

— Возможно...

— Думаю, не стоит рисковать, посылая брошь по почте...

— Это ваша брошь и ваш риск. Вы должны решить сами,— сказал я, пытаюсь придать голосу твердость.

— Да, да. Теперь я уверена, что посылать драгоценности по почте — не самое удачное решение.

— Тогда я привезу...

— О, нет! Где вы живете, Дэвид?

— У меня комната на первом этаже дома 23, по улице Карнини. Это сразу же за Ла Скала.

— Завтра я приду и заберу брошь. Скажем, в семь.

— У меня не очень уютная комната,— хрипло выговорил я.— Но тем не менее, буду рад вас видеть.

— Значит, завтра, в семь вечера,— сказала она.— Спокойной ночи, Дэвид.

Глава 2

В пятницу, около половины пятого, я завершил экскурсию по Дуомо с двумя пожилыми американцами. Это были милые люди, искренние в своей благодарности. Они дали мне три тысячи лир — слишком щедрая награда за то время, которое я на них потратил.

Когда они укатили на своем автомобиле, Торчи возник из темноты и слегка толкнул меня локтем.

— Я рад, что ваши дела идут хорошо, синьор Дэвид,— сказал он с радостной улыбкой.— Два последних дня были для вас очень успешными.

— Это так,— согласился я и вручил ему пятисотлировую купюру.— Спасибо, твои деньги принесли мне счастье.

— Что вы решили насчет броши? — спросил он, сунув банкноту в карман.— Могу принести деньги через час.

— Вещь не продается. Она ведь мне не принадлежит. Я верну ее.

Торчи поджал губы.

— Вы хорошо знаете, что я люблю вас, как брата, синьор Дэвид,— сказал он,— и думаю, простите меня, если я скажу, что на свете нет такой женщины, которая бы стоила двести тридцать тысяч лир. Мне все равно, кто она. Просто она не стоит таких денег.

— Не понимаю, какая связь между женщинами и бриллиантовой брошью?

— О, вы понимаете, наверняка, понимаете. Я ведь видел, что произошло между вами и той синьорой там, в Дуомо. Все это естественно и понятно. Такая красивая женщина, как она, создана для любви. Но если бы вы продали брошь, вы могли бы истратить деньги с большей пользой для себя. А если возвратите драгоценность, заработаете всего лишь благодарность... ну, возможно, и еще кое-что. Но отказаться от денег в надежде получить от нее это кое-что — плохая сделка. Будьте же разумны, синьор Дэвид.

— Убирайся,— сказал я, рассмеявшись сго философии.— Ты не получишь эту брошь.

— Подождите, не торопитесь,— взволнованно зачастил Торчи.— Так и быть, я дам вам двести пятьдесят тысяч и в придачу вы получите Симону. Это прекрасная сделка. Симона замечательная женщина, она весьма искусна в любви. Правда, у нее несколько неровный характер. Но если ее регулярно бить, она будет вам угождать. Ну, скажите, разве сделка, которую я предлагаю, не превосходна?

— Согласен, сделка просто восхитительная, но брошь не продается. Если бы она была моя, я бы не колебался, но она мне не принадлежит, и кончим на этом.

Торчи разочарованно взглянул на меня.

— Боюсь, синьора произвела на вас слишком сильное впечатление. Это плохо. Ни один мужчина не должен терять голову из-за женщины...

— Да убирайся ты к черту,— завопил я, теряя терпение. Я рассердился — и знал почему: он выразил словами то, что мой рассудок твердил с тех пор, как я позвонил Лауре.

Горшок золотистых бегоний стоял на моем столе у окна. Репродукция Боттичелли была засунута под кровать. Я одолжил веселую скатерть в красную с синим клетку у Филиппо, синее шелковое покрывало у Умберто, а у Джузеппе — очень хороший персидский ковер.

Каморка преобразилась. Правда, обои по-прежнему оставались чудовищными, но убогость обстановки не так

бросалась в глаза. Я купил две бутылки сасселлы и уговорил Пьеро приготовить мне дюжину разных бутербродов. Он заботливо дал мне два бокала и две тарелки и в последнюю минуту настоял на том, чтобы я взял полбутылки коньяка, который, по его словам, должен завершать трапезу.

Я почистил и погладил костюм, заложив ручные часы, купил пару поношенных ботинок. Наконец, все приготовления были закончены — оставалось только ждать. Высунувшись из окна, я смог разглядеть церковные часы в конце улицы — было без пяти семь.

Закурив очередную сигарету, я в десятый раз переставил бутылки на столе и поправил складку на покрывале.

У меня пересохло во рту: сердце билось учащенно, было трудно дышать. Все три дня Лаура занимала мои мысли, и сейчас, когда она находилась в пределах досягаемости, нервы мои были натянуты как струна.

Но вот раздался стук. На секунду я замер, стиснув руки, затем кинулся по коридору к входной двери.

Лаура Фанчино стояла на тротуаре. На ней было строгое синее платье из льна, большая соломенная шляпа и защитные очки. Обеими руками она прижимала к груди сумочку.

— Алло, Дэвид! Видите — я пунктуальна.

— Да, удивительно пунктуальны,— хрипло произнес я.— Входите, пожалуйста.

Я посторонился, и она прошла мимо меня.

— Сюда,— сказал я, открывая дверь в свое жилище.— Боюсь, здесь не очень уютно.

Лаура прошла в комнату, минуту-другую разглядывала ее, затем сняла очки и улыбнулась.

— Вы постарались навести уют к моему приходу, не правда ли?

Она сняла шляпу и положила ее вместе с сумочкой на комод. Затем подошла к зеркалу над камином и оправила прическу длинными, тонкими пальцами.

Я глядел на нее, не в силах поверить, что она действительно здесь.

— Когда ветер дует в нужном направлении, можно лежать и слушать великолепную музыку,— сказал я.

Она обернулась, все так же мило улыбаясь.

— Конечно, кафедральные соборы и классическая музыка вполне совместимы. А как продвигается ваша книга?

— За последнее время я ничего не сделал. Иногда я не притрагиваюсь к ней неделями.

Я сознавал, что веду себя ужасно чопорно, но ничего

не мог с собой поделаться. Ее присутствие повергало меня в трепет.

— Может быть, возьмете бутерброд,— сказал я, прекрасно понимая, каким мужланом выгляжу.— Не знаю, голодны ли вы.

Лаура закрыла рукопись и повернулась ко мне. От выражения ее глаз кровь застучала у меня в висках.

— Голодна? — переспросила она.— Да, Дэвид, я голодна уже четыре года.

Церковные часы пробили девять. Лаура зашевелилась и отодвинулась от меня.

— Я должна идти, Дэвид,— прошептала она.— Мне нужно вернуться домой к одиннадцати.

— Побудь еще немного. Разве ты не можешь позвонить?

— Нет, я обещала, что буду к одиннадцати.

Лаура торопливо одевалась.

Я хотел встать, но она сказала:

— Не надо, дорогой. Оставайся в постели. Здесь, право же, мало места для двоих.

— Как ты вернешься обратно?

— На автомобиле, я оставила его на дороге, возле парка. Если потороплюсь, буду дома через полтора часа.

— Ты будешь осторожна?

Лаура засмеялась.

— Неужели я стала так дорога тебе, Дэвид?

У меня в горле застрял комок.

— Когда встречаешь новую любовь, всегда начинаются осложнения и сердечные муки.

— Да, но есть и компенсация.

Она разгладила платье на бедрах, надела шляпу и взяла сумочку. Ее губы надолго прижались к моим. Затем она ласково оттолкнула меня.

— Когда ты придешь? — спросил я, удерживая ее за руку.

— Не знаю, может быть, на следующей неделе. Я приеду, когда удастся выбраться из дома.

— Нет-нет, подожди,— воскликнул я, садясь.— Ты не можешь так уйти, Лаура. Ты должна сказать более определенно. Как насчет понедельника?

— У сиделки понедельник — свободный день.

— Тогда вторник?

— Не могу. По вторникам я читаю ему вслух.

— Но когда же ты сможешь?

— Не знаю. И сегодня было вырваться непросто. Видишь ли, Дэвид, четыре года я жила отшельницей. Мне сложно оставить виллу без убедительного предложения. И я, наверное, не смогу часто оставаться так долго, как сегодня.

— Но что же будет со мной?! Мы должны увидеться! А ты не можешь прийти днем? Здесь очень тихо от двух до пяти. Приходи в следующую среду.

— Постараюсь, Дэвид, но не могу ничего обещать. Разве ты забыл, что говорил мне?

— А что такое я говорил?

— Ты сказал, что бывают люди, очень тонко чувствующие, что Бруно может догадаться...

— Зачем ты напоминаешь об этом? — резко спросил я. — Хочешь подчеркнуть мою низость?

— Не говори глупостей, Дэвид. Нет никакой низости в том, что два человека полюбили друг друга. Просто мы должны быть очень осторожны, чтобы не причинить ему боль.

— Значит, мне придется ждать, пока ты сможешь вырваться?

— Другого выхода нет. Но знай — я все время буду думать о тебе, — Лаура прикоснулась рукой к моему лицу, затем открыла сумочку и вынула листок бумаги. — Какой у тебя номер телефона?

Я продиктовал.

— Я позвоню. А ты, Дэвид, пожалуйста, не звони мне. Это небезопасно. В его комнате параллельный телефон, и сиделка весьма любопытна. Она может подслушать. Обещаешь, что не будешь звонить?

— Обещаю. Но ты постарайся прийти поскорее... Да, подожди, ты забыла брошь! — Я подбежал к столу и вынул украшение из шкатулки. — Было бы ужасно смешно, если бы ты снова забыла ее.

Лаура небрежно сунула брошь в сумочку.

— Милый, ты такой чудесный любовник! — прошептала она. И дверь за Лаурой закрылась.

Начались дни ожидания.

Суббота и воскресенье прошли довольно спокойно. В воскресенье мне удалось заполучить группу в десять человек. Туристы наняли меня на целый день, и я охотно сопровождал два автомобиля и показывал достопримечательности Милана. В конце дня в моем кармане лежали пять тысяч лир.

Проснувшись в понедельник, я сказал себе: сегодня она должна позвонить. Лаура позвонит и предупредит, что

сможет прийти либо в четверг, либо в пятницу. И я стану терпеливо ждать.

Потом до меня дошло, что Лаура не сказала, когда именно позвонит. А вдруг она уже звонила, а меня не было дома? Моя квартирная хозяйка — настоящая алкоголичка. Эта старая ведьма никогда не помнит, что и кому нужно передать. Иногда она и к телефону-то не подходит.

Обдумав все, я решил дожидаться звонка Лауры. У меня в кармане пять тысяч лир, поэтому не обязательно идти работать. Я с удовольствием представил, как буду сидеть в комнате, ожидая ее звонка; каждая минута будет преисполнена опьяняющего волнения.

До десяти утра она, конечно же, звонить не будет. Так что можно сходить и купить еды.

Я побрился, оделся и вышел из дома. Купил хлеба, сыру, колбасы, бутылку розового вина и две газеты. Когда я вернулся домой, было немногим больше девяти.

Прочитав газеты от корки до корки, я взял одну из записных книжек и попытался сосредоточиться на плане новой главы.

Но мысли все время возвращались к Лауре, и мне ничего не оставалось, как отшвырнуть записную книжку.

В половине двенадцатого я сказал себе — вот сейчас она позвонит.

Но она не звонила.

Целый день я проторчал в своей жуткой конуре, напрягая слух, чтобы не пропустить звонок. Так и не дождавшись, уснул прямо в кресле.

Лаура не позвонила ни во вторник, ни в среду. Оба дня я не выходил из комнаты. И час за часом во мне росла ненависть к Бруно Фанчино. Меня уже радовало, что он недвижим и безгласен. Я называл его всеми непристойными словами, которые только мог вспомнить. Я жаждал расквитаться с ним и молился о его смерти.

Утром в четверг я все еще сидел в кресле и ждал. За все это время мне ни разу не пришла в голову мысль побриться. Глаза покраснели от бессонницы. Нервы, казалось, обнажились — малейший звук причинял мне боль.

Около полудня, когда солнце было в зените, зазвонил телефон. Я распахнул дверь и рванулся по коридору к телефонной будке.

Мужской голос спросил: «Могу ли я поговорить с синьором Пуччили?»

Ответом была моя злобная непристойная брань. Затем я бросил трубку и ворвался к себе в комнату.

У окна стоял Джузеппе, его отекавшее от пьянства лицо выражало испуг.

— Что тебе нужно? — заорал я на него. — Что ты тут делаешь?

— Спокойно, Дэвид, — произнес он. — Что случилось? Ты заболел?

— Убирайся вон! Катись к чертовой матери!

— Тише, бедный мой мальчик, — сказал он. — Что же могло довести тебя до такого состояния? Сядь и расскажи мне все. Я никогда тебя таким не видел.

В душе моей бушевала злоба, и я тупо повторил:

— Убирайся. Проваливай отсюда.

Джузеппе пощелкал своими неестественно белыми, плохо пригнанными вставными зубами, и вены на его испитом носу побагровели.

— Может быть, все дело в женщине? — спросил он.

Я бросился к нему и схватил за шиворот.

— Что ты знаешь о женщинах?! Ты, пьяница, ничтожная старая развалина!

Выпихнув его в коридор и захлопнув дверь, я схватил бутылку вина и запустил ее в камин. Бутылка разбилась вдребезги, и осколки, как шрапнель, засыпали комнату, а красное вино каплями крови забрызгало стены.

Это было в четверг.

В пятницу телефон по-прежнему молчал. Сдерживая бешенство, я ждал до шести часов, а затем направился к телефону и набрал ее номер.

Сердце мое бешено колотилось. Наконец, трубку сняли, и женский голос произнес: «Резиденция синьора Фанчино. Сестра Флеминг слушает».

Я молчал, напрягая слух, в надежде различить какой-нибудь звук, который бы выдал присутствие Лауры в комнате. Но ничего не было слышно, кроме легкого дыхания сиделки.

Мне ничего не оставалось, как положить трубку.

Я вернулся к своей двери и замер. Не хватало мужества оказаться один на один со своим ожиданием. И вдруг в этот миг мне открылось — Лаура, точно вирус, вошла в мою кровь. Да я просто болен ею. А это тщетное ожидание сломило мой дух. Уже много лет я терпел лишения, утешая себя мыслью, что когда-нибудь вырвусь из этой обстановки, сделаю что-то стоящее. И вот теперь осознал — мне не вырваться никогда. Мое будущее лопнуло, как мыльный пузырь; а все потому, что женщина с волосами цвета по-

тускневшей меди и формами, сводящими мужчин с ума, не сняла телефонную трубку и не набрала мой номер.

Стоя перед своей дверью и держась за ручку, я решил сделать то, что делают все малодушные, бесхребетные мужчины. Получив удар, который валит с ног, они только и могут что напиться, а затем ищут утешения с какой-нибудь уличной девкой.

Открыв, наконец, дверь, я вошел в свою жалкую каморку. Лаура сидела на ручке кресла, сложив руки на коленях, скрестив стройные ноги, скромно прикрытые строгим темно-синим льняным платьем.

В конце коридора зазвонил телефон — пронзительный резкий звук, который еще минуту назад заставил бы меня рвануться к будке. Но теперь я едва его слышал. Телефон внезапно перестал быть мучительным тираном, от прихоти которого могло замереть мое сердце. Сейчас это был посторонний звук, столь же безличный, как случайный прохожий на улице.

Я прислонился к двери, глядя на Лауру.

— Прости меня, — сказала она. — Я ничего не могла поделывать. Телефон мой ревниво охраняется. Я знала, что ты страдаешь... но и мне сегодня стало просто невозможно. Я сказала сиделке, что возьму машину и покатаюсь вокруг озера. Добравшись до Милана, я позвонила ей и сказала, что у меня сломалась машина...

Я не был уверен, что все верно расслышал.

— Ты говоришь, что сегодня не вернешься домой.

— Да, Дэвид, я останусь здесь, с тобой.

Ноги у меня подкашивались.

— Если бы ты видела меня сейчас в коридоре, — сказал я, опускаясь на кровать. — Мне до смерти хотелось напиться. Еще пять минут, и мы бы разминулись. Но вот ты здесь и обещаешь целую ночь.

— Я совсем не хотела, чтобы ты так огорчился, Дэвид, — сказала Лаура. — Неужели ты вообразил, что я забыла тебя?

— Нет-нет. Но у меня такое ощущение, будто я получил удар в солнечное сплетение. — Я посмотрел на кучу стекла в камине, красные пятна на стене. Комната выглядела мрачно и убого. Уже не было покрывала, ковра, скатерти. Единственным воспоминанием о первой встрече были золотистые бегонии на столе. — Мне стыдно просить тебя остаться здесь, Лаура, ты видишь, какая это дыра.

— Думаешь, это имеет значение? С тобой я буду счастлива и в пещере. Но, Дэвид, мы должны что-то сделать.

Это может случиться снова,— и она показала взглядом на осколки стекла.

— Нет, больше такого не случится. Ты должна его оставить, Лаура. Он тебе не нужен. Разве ты этого не понимаешь? Он не имеет права требовать, чтобы ты осталась с ним.

— Дэвид, ты хочешь, чтобы я переселилась сюда?

Я изучающе посмотрел на нее: дорогие тонкие чулки, строгое элегантное платье, ухоженные руки, бриллиантовая брошь стоимостью в триста тысяч лир... Такая женщина на фоне грязных пожелтевших обоев, смятой узкой кровати и истертого ковра?!

— Нет-нет! — воскликнул я. — Конечно, нет. Ты не можешь прийти сюда.

— Дэвид, но у меня нет денег, кроме тех, что дает Бруно. Как ты думаешь, смогу я работать с тобой? Из меня бы вышел неплохой гид.

— Пожалуйста, не шути так, — сказал я, чувствуя, как кровь прилила к моему лицу.

— Я не шучу, дорогой, я пытаюсь разрешить проблему. Может быть, ты найдешь работу получше? Или закончишь свою книгу? Я могу что-то делать, Дэвид. Не хочу, чтобы ты думал, что я совершенно беспомощна. Как ты считаешь, я могу стать официанткой?

— Перестань, — возмутился я.

— Но мы должны что-то делать, Дэвид.

Мне ужасно хотелось обнять ее.

— Какого черта мы говорим об этом? Мы оба знаем, что не смогли бы так жить. Очень скоро ты бы возненавидела меня, Лаура. Ты светская женщина и привыкла к роскоши... Есть только один выход.

Она быстро взглянула на меня, ее глаза внезапно потемнели, а изящные руки сжались в кулаки.

— И что же это за выход?

— Я должен найти работу поближе к Лаго Маджоре. Джузеппе знает все ходы и выходы и поможет мне. Нам будет легче встречаться. Тебе не придется совершать дальние поездки. Ты сможешь отлучиться из дома на часок-другой без опасения, что сиделка заподозрит неладное.

Из ее глаз исчезло сосредоточенное напряжение, и она расслабилась.

— И тебя это устроит, Дэвид? — спросила она поскучневшим голосом и открыла сумочку, чтобы достать сигарету.

— Похоже, тебе не понравилась моя идея, — сказал я, глядя на нее виновато.

— Мне кажется, это будет небезопасно. Вокруг столько любопытных глаз. Вряд ли наши встречи останутся в тайне. Придется постоянно хитрить, изворачиваться. Бруно разведется со мной, если узнает, что я ему изменяю. А это... видишь ли, после его смерти... одним словом, мне завещано солидное состояние. Если я сделаю хоть один неверный шаг, то могу все потерять.

— Понимаю,— мне стало тошно.— Я не подумал об этом. Не учел, что ты имеешь законное право разбогатеть... Это увеличивает пропасть между нами, верно?

— Ну что ты! Напротив.

— Неужели ты воображаешь, что я захочу жить на твои деньги?

— Уверена, что не захочешь. Но ведь это не мой деньги, а Бруно. И потом... ты можешь просто-напросто согласиться на заем, чтобы создать свое дело. Расплатишься со мной, когда достигнешь успеха.

— Ты много думала об этом, не так ли? — сказал я.— Но если он прожил четыре года, почему бы ему не прожить еще столько же? Или еще больше? Ты считаешь, что мы можем ждать?..

— Ах, дорогой, кажется, мы начинаем ссориться,— задумчиво проговорила она.

— Прости, Лаура, но я думаю о том, чтобы никогда не повторились эти страшные три дня. Знаешь, что я собирался сегодня сделать, потеряв надежду увидеть тебя?

— Знаю. Мужчины часто совершают подобные поступки, когда их обидят. Не думай, что ты один такой,— она стряхнула пепел в камин.— Ты обещал мне, что не будешь звонить.

— Я знаю, прости меня и за это. Я был на грани безумия.

— Ты столкнешься с еще большим риском, живя у озера. Представь, что мне не удастся вырваться. И что тогда? Ты явишься на виллу? Дэвид, из этой затеи ничего не выйдет...

— Но что же нам делать?

Лаура внимательно, словно изучающе, посмотрела на меня.

— Есть выход, Дэвид,— сказала она наконец.

И в этот момент я инстинктивно понял, что эта женщина давно все продумала и ждала момента, пока я не исчерпаю все свои идеи и не осознаю, что у нас нет другого выхода, кроме того, который предложит она.

— Какой же? — спросил я не очень уверенно.

— Доктор считает, что Бруно полезно днем находиться в инвалидной коляске,— произнесла Лаура, глядя на свои сложенные на коленях руки.— Вечером его снова нужно переносить на кровать. Сиделка не может с этим справиться и потому мы держим человека... Он также присматривает за автомобилем и моторной лодкой. У него неплохое жалование — семь тысяч лир в неделю, плюс жилье и питание.

— Зачем ты говоришь мне об этом? — резко бросил я.

— Он увольняется в конце недели.

Меня бросило сначала в жар, потом в холод.

— И ты хочешь, чтобы я занял его место?

Она все еще не поднимала на меня глаз.

— Это единственно возможное решение, Дэвид.

— Понимаю,— мне трудно было контролировать свой голос.— Я хотел бы четко все представить. Ты хочешь, чтобы я стал сиделкой твоего мужа, верно? Утром я буду переносить Бруно с кровати в кресло, а ночью — соблазнять его жену. За это мне будут платить семь тысяч лир в неделю. Да, пожалуй, предложение действительно привлекательное.

Лаура взглянула на меня, глаза ее блеснули.

— И это все, что ты можешь сказать, Дэвид?

— О, нет, далеко не все. Не представляю ничего более отвратительного, чем то, что будет происходить: каждое утро я должен буду смотреть в глаза совершенно беспомощному и незащищенному калеке после того, как проведу ночь в утехах с его женой. Большой низости невозможно и вообразить. Я буду пользоваться не только его кровом и пищей, но и его женой, и за все это он будет еще и платить из собственного кармана. Потрясающее предложение.

Она молча поднялась, подошла к комоду и взяла шляпу и сумочку.

— Подожди, Лаура,— воскликнул я растерянно.— Ты не можешь так уйти. Мы должны еще раз все обсудить.

— Нет, я ухожу. Пойду в гостиницу. Прощай.

Я загородил выход.

— Неужели ты не понимаешь, насколько невозможна твоя идея,— произнес я, уже с меньшим пафосом.

— О, я понимаю. Разреши мне, пожалуйста, уйти,— голос ее звучал тускло, если не сказать — презрительно.

— Перестань разыгрывать трагедию. Будь я проклят, если ты не останешься, чтобы все обсудить и найти другой выход. Сядь и дай мне подумать.

Ее лицо побледнело. Лаура смотрела на меня, сжав кулаки, сердитыми и обиженными глазами.

— Больше не о чем думать,— прошептала она.— Я нашла единственно возможное решение. Но... мы, кажется, слишком горды, слишком кичимся своим мужским достоинством. Что ж, мне здесь больше нечего делать. Все ясно. Я была последней идиоткой, когда отдалась тебе. Ты пробудил во мне страсть, но у тебя нет душевной смелости довести все до конца! — Ее голос срывался от негодования.— Будешь размышлять, когда я уйду! И будь любезен — дай мне пройти!

Я резко схватил ее за плечи:

— А результат твоих размышлений — безумная идея! — яростно воскликнул я.— Или ты готова спать с другим чуть ли не на глазах у своего мужа? Ты способна на это?

Сумочка выпала у нее из рук, она обвила мою шею и прижалась губами к моей щеке.

— Дэвид! Я так люблю тебя, что, кажется, могла бы спать с тобой прямо в его комнате. Разве ты не понимаешь — он не существует для меня. Вообще ничего не значит! И никогда ничего не значил. Я вышла замуж не за него, а за его благополучие... и с тех пор расплачиваюсь за это... Мне его не жалко, и он не жалеет меня. Когда он был здоровым и могущественным, то относился ко мне свысока. Ты не имеешь права обвинять меня в бессердечии. Сделай то, о чем я тебя прошу, Дэвид. Иначе... я уйду и пушусь в загул. Эти последние дни были настоящим кошмаром. Мне не пережить такое вновь. Ты должен сделать это ради меня, Дэвид, или закончим все сейчас.

Я отстранил Лауру и посмотрел ей в глаза — они были полны горя.

— Поцелуй меня, Дэвид.

Ее губы прильнули к моим, и мое сопротивление было сломлено.

Внезапно я проснулся и подскочил в постели, почувствовав чье-то легкое прикосновение.

— Проснись, Дэвид,— сказала Лаура, наклонясь надо мной.— Я приготовила кофе. Через несколько минут мне нужно уходить.

— Ты уже одета! Который час?

— Шесть. Ты так мирно спал. Мне было жаль будить тебя. Сегодня будет чудесный день! — она принесла мне чашку кофе.— Начинается он прекрасно, правда, Дэвид?

— Замечательно,— произнес я, внезапно вспомнив обе-

щание, которое ей дал.— Надеюсь, нам не придется пожалеть об этом.

— Больше мы ничего не можем сделать,— она сидела на постели стройная и прекрасная, как всегда.— Я должна уйти. Но прежде стоит повторить... Ты приедешь на виллу в воскресенье вечером. После обеда я буду в Стрессе, встречу там тебя и перевезу через озеро. Есть поезд, который отходит из Милана в шесть часов. Сегодня утром ты должен сходить к Нервини на улицу Боккаччо — у меня там открыт счет. Скажешь, что будешь работать у синьора Фанчино и что тебе нужно должным образом одеться. У Нервини будут знать, что тебе требуется.

— Одеться? — перебил я, чуть не пролив кофе.— Что ты имеешь в виду?

— Ну, дорогой, не упрямясь,— Лаура успокаивающе положила руку мне на плечо.— Естественно, ты не можешь явиться на виллу в той одежде, которую носишь. У тебя должны быть соответствующие вещи.

— Это какие же? — поинтересовался я, поставив кофейную чашку на пол.

— Белый халат, униформа, когда ты будешь водить машину, комбинезон... ну, понимаешь, всякое такое...

Я почувствовал, как у меня перехватило дыхание и кровь прилила к голове.

— Униформа? О, я понимаю...

— Но, дорогой...

— Все в порядке, просто я не сразу сообразил, кем буду служить... Прости, туповат. Значит, я буду своего рода лакеем, не так ли?

Лаура беспомощно развела руками.

— Хорошо, дорогой, забудем об этом. Если ты не можешь ради меня это сделать...

— Да нет же, все нормально,— пытался я улыбнуться.— Дело в том, что я просто не сразу понял. Но сейчас все встало на свои места. Черт побери, да это же шаг вперед — стать лакеем богатого человека, после того, как побегал в качестве гида по Дуомо. Это продвижение наверх.

Она смотрела на меня в упор.

— Дэвид, если в тебе все сопротивляется, то... Просто у меня нет иного плана.

— Ладно, не заводись,— сказал я.— Теперь ситуация мне ясна. Скажи, а кроме ношения белого халата или униформы, что еще входит в мои обязанности?

— Будешь помогать обихаживать Бруно по утрам и вечерам, присматривать за автомобилем, ездить со мной

и покупками в Милан или Лавено. Если придут гости, — правда, к нам мало кто ходит, — придется прислуживать за столом и подавать напитки. Остальное время — твое собственное. У тебя будет две комнаты в домике на берегу озера. Там очень спокойно, можно работать над книгой. Я стану приходить к тебе. Ночью это довольно легко и безопасно. Вот и все твои обязанности, Дэвид. Но если они тебе противны, пожалуйста, скажи, и мы забудем об этом.

Я долго и жадно смотрел на нее, веря и не веря в то, что эта женщина, с прекрасными глазами цвета фиалок, умоляет меня об одолжении... Женщина, способная довести меня до иступления.

— Ради тебя я готов на все, — прошептал я наконец.

Глава 3

Я спустился от станции по крутой, мощенной булыжником улице, которая вела к берегу. Было уже семь часов вечера, а солнце все еще припекало, город наводняли нетерпеливые туристы.

Лаура поджидала меня, сидя в тени на парапете набережной. Темные очки скрывали глаза, и лицо ее казалось таким же бесстрастным, как чистый лист бумаги.

Две деревенские женщины в черном, стоявшие рядом с Лаурой, с любопытством наблюдали, как я пересек улицу и подошел к ней.

Лаура поднялась, но ничем — ни улыбкой, ни жестом — не выразила своей радости.

Мы спустились к озеру, к причаленной восьмиметровой моторной лодке, сверкающей медью и полированным красным деревом. Две женщины в черном, облокотясь на перила, окружавшие пристань, продолжали глазеть на нас. В лодке она села в мягкое кресло у руля.

Я положил два новых чемодана в лодку и вопросительно посмотрел на Лауру.

— Вы умеете управлять? — сухо спросила она.

— Да, — сказал я и отвязал канат. Отталкиваясь шестом, я вывел лодку из маленькой, забитой яхтами бухты на открытую воду.

— Она заводится так же, как и автомобиль, — сказала Лаура, затем прошептала: — Я так рада видеть тебя, дорогой. Эти старые суки пытались подслушать, о чем мы говорим.

Я завел мотор, включил скорость и повернул руль.

— Здесь все шпионят друг за другом,— продолжала Лаура, усаживаясь поудобней.— Когда проживешь здесь столько, сколько я, поймешь, почему я сказала, что для тебя слишком опасно работать где-нибудь, кроме виллы.

Я чувствовал себя неловко и был раздражен. Злился на нее за такое неласковое приветствие, а теперь, когда она стала оправдываться, еще больше рассердился — уже на себя за свою обиду.

— Куда плыть?

— Прямо, через озеро. Видишь вон ту виллу — белую, на середине холма, правь туда.

Я лишь однажды побывал в Лаго Маджоре с тех пор, как осел в Италии. Меня покорила красота озера, его таинственное очарование. И сейчас, глядя по сторонам, я почувствовал, как меня охватывает прежний восторг. Дурное настроение испарилось.

Слева от меня виднелся остров Белла, с его классическими парками, разбитыми еще в семнадцатом веке Барромео. За ним скрывался другой остров — Пескатори, еще левее красовались белые виллы острова Палланзы, о котором Хемингуэй писал в романе «Прощай, оружие».

За озером вдаль уходила гряда покрытых лесом холмов. У их подножия расположилась Ароло, маленькая деревушка, застроенная домиками с черепичной крышей.

Вилла, на которую указала мне Лаура, обособленно стояла на середине холма, спускавшегося прямо к воде. Это был великолепный особняк с длинной верандой, окруженной садом, разбитыми террасами.

— Ты побывал у Нервини? Купил все, что нужно?

— Гораздо больше того, что ты рекомендовала.

— Все пригодится, Дэвид. Не верится, что это происходит с нами... Я не могла заснуть всю ночь — думала о тебе.

— Я тоже не спал,— вздохнул я, но не стал объяснять, что думал не столько о ней, сколько о ее муже.— Расскажи мне подробнее о вилле. Кто в ней живет, кроме тебя... и него?

— Есть еще Мария, кухарка. Будь с ней осторожен, Дэвид. Она работает у Бруно давно, ее наняли задолго до того, как я его встретила. Мария меня не любит и постоянно шпионит за мной. Будь внимателен к ней и, пожалуйста, не давай ей повода для подозрений.

— Она ночует на вилле?

— Нет, у нее в деревне свой домик. Кухарка приходит в семь утра и уходит после девяти вечера.

— А кто еще?

— Сиделка Флеминг. Она рассчитывает, что Бруно ей что-нибудь завещает, поэтому ведет себя так, как будто он ее личная собственность. Она очень любопытна и с удовольствием настроила бы Бруно против меня, если бы у нее был хоть малейший повод. Тебе нужно остерегаться ее. Комната Флеминг рядом с комнатой Бруно, обычно она не закрывает плотно дверь. Сегодня у сиделки свободный день, она вернется только во вторник утром, поэтому в понедельник на меня ложатся ее обязанности. Пока меня нет, с Бруно сидит Мария.

Все это мне страшно не нравилось, но я ничего не сказал Лауре.

— И это все?

— Мы держим садовника. Джулио стар и глух, кроме того, он никогда не заходит на виллу. Да, еще доктор Перелли! Доктор навещает Бруно дважды в неделю, к тому же он душеприказчик Бруно. Мы недолюбливаем друг друга. Перелли относится к числу тех узколобых чудищ, которые считают, что все красивые женщины аморальны. Лучше всего держаться от него подальше. Если он будет часто тебя видеть, то может сделать нежелательные для нас выводы.

Я достал сигарету, закурил и бросил спичку в воду.

— Похоже, у тебя здесь настоящий гадюшник.

— Я прожила в нем целых пять лет. Но не волнуйся, все обойдется, если мы будем осторожны. Мне надо тебя еще кое о чем предупредить. Пожалуйста, пойми меня правильно, Дэвид. Днем мне придется относиться к тебе... как к слуге. Постарайся не обращать на это внимание... Иначе нельзя, мы постоянно будем под прицелом любопытных глаз. Но ты... ты не будешь сердиться, не правда ли?

Такого непредвиденного удара я не ожидал.

— Все будет в порядке, — пробормотал я после некоторого замешательства. — Конечно же, осторожность — прежде всего, и мы должны вести себя соответственно.

— Я постараюсь за все вознаградить тебя, любимый. Достаточно было Лауре сказать это, как я тут же смирился.

Любовь к ней сидела во мне как болезнь, от которой невозможно излечиться. Я знал, что сошел с ума, согласившись работать на вилле, и в глубине души осознавал, как разрушительно влияние этой женщины. Я казался себе

козявкой, которую проткнули булавкой. Но пути назад уже не было.

— Пристань за этими ивами, — распорядилась она. — Смотри, вон в том доме наверху твои комнаты, а внизу хранятся лодки.

На краю скалы стояло небольшое двухэтажное здание с огромным окном, выходящим на озеро; под ним — двустворчатая дверь, ведущая в элинг для лодок. По обе стороны здания росли плакучие ивы — они затеняли плавательный бассейн, выдолбленный в скале. Крутая лестница поднималась от маленькой гавани наверх, к цветникам виллы.

— Вот этой дорогой я буду приходить к тебе, — сказала Лаура, показывая на ступеньки.

— В темноте они могут показаться опасными.

Она засмеялась.

— Только не для меня, Дэвид. Я знаю каждую ступеньку. Когда обстановка на вилле становится невыносимой, я прихожу сюда. Думаю, комнаты тебе понравятся — мне приятно было обставлять их для нас...

Я выключил двигатель, и лодка своим ходом доплыла до пристани под ивами.

— Лучше тебе самому найти дорогу в свои комнаты, — сказала Лаура, легко вспрыгнув на пристань. — Не стану рисковать и показывать их тебе. Когда переоденешься, приходи на виллу. Сначала поднимешься по ступенькам, потом по дорожке до веранды. Мария подаст ужин. Потом придешь ко мне, я представлю тебя Бруно.

Она протянула мне ключ.

— От твоих комнат. Дэвид, очень важно, чтобы ты не оставлял двери незапертыми. Никто, кроме меня да старухи из деревни не приходит сюда. Никто никогда не был внутри, и впредь не должен быть, иначе все удивятся; почему я разрешила тебе здесь жить. Ты сможешь сам присматривать за комнатами?

— Мне приходилось убирать свою конуру в Милане, — сказал я, улыбнувшись. — Конечно, смогу.

— Старуха приходит раз в неделю. Ей можно доверять — она не болтлива. Но и ей не стоит попадаться на глаза.

— Помилуй, но к чему такая таинственность?

Лаура засмеялась.

— Поймешь, когда окажешься в комнатах.

Она улыбнулась и сняла очки — глаза ее были полны нежности. Я притянул ее к себе. Рот у нее был сухой и го-

рячий, как будто ее терзала лихорадка. Гибкие пальцы впились в мои плечи, и она всем телом прильнула ко мне.

Скрытые ивами, мы замерли на несколько мгновений. Вода мирно плескалась о стену пристани. Лаура вырвалась из объятий, быстро взбежала по ступеням и скрылась из виду.

Загнав лодку в эллинг и заперев ворота, по узкой лестнице я поднялся с чемоданами в жилую часть здания.

Отперев дверь, я остановился как вкопанный. Стоял и тупо глядел на большую комнату с окном в эркере, выходящим на озеро,— нет-нет, это не для меня — здесь слишком роскошно!

Обследовав второй этаж и убедившись, что других комнат здесь нет, я медленно закрыл двери и поставил чемоданы на пол.

В комнате было метров тридцать, не меньше. Мозаичный пол устлан огромным бухарским ковром. Стены обиты шелковой декоративной тканью. В просторном эркере разместились удобная софа, покрытая красно-белым атласным покрывалом. Обстановку дополняли четыре солидных мягких кресла, диван, радиола и шкафчик с пластинками — не загромождавшие помещения и оставлявшие ощущение простора.

В стену был встроен бар, и когда я поближе рассмотрел его, то увидел, что он поворачивается движением руки, и на его место встает книжный шкаф.

Я распахнул дверь, ведущую в другую комнату. Это оказалась маленькая гардеробная с двумя зеркалами в рост человека и парой больших шкафов, освещенных изнутри. За гардеробной расположилась ванная — сочетание черного мрамора и мозаики из зеркал.

Мария оказалась толстой пожилой женщиной с приятным лицом и добрыми глазами. Она накидывала на плечи шаль, готовясь идти домой, когда я вошел на кухню.

— Добрый вечер,— произнес я.— Меня зовут Дэвид Чисхолм. Синьора Фанчино сказала, что вы меня покормите.

Я сразу почувствовал, как обстоятельно она изучает меня. В ее глазах нарастали подозрение и страх, и она не в силах была это скрыть.

— Ваш ужин в духовке,— промолвила она и поинтересовалась:— Синьора сказала, где вы будете жить?

Вопрос был задан как бы невзначай, но я тотчас понял, что для нее важно знать, где я поселился.

— В домике на пристани,— сказал я, не глядя на Марию.

— На пристани? Значит, того, другого мужчины, там уже нет?

Я достал из духовки телятину со спагетти, поставил на стол и бросил через плечо:

— Именно поэтому я здесь.

Мария взяла узел и грузно направилась к двери.

— Пожалуйста, будьте осторожны в обращении с синьором Бруно,— вдруг обернулась она у порога.— Тот мужчина совсем не годился,— выражение ее лица стало сердитым.

Меня смутил ее прямой и подозрительный взгляд.

— Постараюсь быть внимательным,— пообещал я.

— Тот, другой мужчина, Беллини, появился здесь три месяца назад. Здоровенное страшилище. Целыми днями прохлаждался да курил сигары. Он ужасно неуклюже поднимал синьора Бруно. Доктор Перелли сказал, что такой тип не годится в помощники.

— Не буду вас задерживать. Вас, наверно, ждут дома,— промолвил я.— Доброй ночи.

Мария еще мгновение колебалась, затем вышла из кухни.

Я долго прислушивался к ее тяжелым шагам, пока она шла по тропинке к дороге. Тело мое все покрылось холодным потом. Я инстинктивно чувствовал, что это старая женщина не просто подозревала, а твердо знала, почему я оказался здесь.

...Лаура ждала меня на веранде, прислонясь к одной из мраморных колонн, которые поддерживали изысканно украшенную крышу. Взгляд ее был устремлен на озеро. Услышав мои шаги, она повернула голову и улыбнулась.

— Сегодня мне придется посидеть с Бруно, но завтра ночью я приду. Как тебе понравились комнаты?

— Они чудесные, но не опасно ли мне жить в них? Ведь если кто-нибудь увидит меня там, то сразу догадается, что я для тебя значу.

— Надо сделать так, чтобы туда никто не попал. Я рада, что угодила тебе, Дэвид. Мы будем там счастливы...

— О, да! Это немножко лучше, чем пещера.

Лаура рассмеялась.

— То, что я говорила о пещере, правда. Только я предпочитаю домик для лодок. Что ты скажешь о Марии?

— Думаю, она уже все про нас знает.

Лаура внимательно посмотрела на меня.

— Почему ты так думаешь?

— Просто интуиция. А может, меня насторожили ее слова... Этот Беллини... он тоже жил в домике для лодок?

— Ну, конечно, нет, — Лаура изумленно посмотрела на меня. — Почему ты об этом спрашиваешь? Беллини был просто наемным работником, он жил в деревне.

— Но я так понял Марию, что Беллини...

Лаура дотронулась до моей руки.

— Не обращай на нее внимание, Дэвид. Домик — моя собственность, поэтому я и предоставила его тебе. Беллини там не жил, он никогда даже не был там.

— А где он сейчас?

— Понятия не имею. Думаю, вернулся в Милан. Но почему он тебя интересуется?

— Да нет, не особенно. Просто слова Марии пробудили во мне любопытство, вот и все.

Она вновь коснулась моей руки, и наши пальцы сплелись.

— Мария не любит меня, не слушай ее, Дэвид. А сейчас тебе пора встретиться с Бруно. Будь осторожен — его глаза не упускают ничего. Когда ты с ним, не обращай на меня внимания.

— Все эти сложности не очень радуют, Лаура.

— Понимаю... Но надо через это пройти, — она коснулась тонкими пальцами моего лица. — Пожалуйста, помни, Дэвид, он для меня ничего не значит, и, думаю, я для него тоже не имею никакого значения.

Лаура пошла вдоль веранды, я нехотя последовал за ней.

Завернув за угол, мы оказались перед инвалидным креслом. Точнее, перед столом, а уж за ним стояло кресло. Мне были видны очертания худого тела под покрывалом, а вот лицо скрывала большая ваза с цветами, стоящая на столе.

Лаура жестом велела мне не двигаться и приблизилась к креслу.

— Бруно, пришел новый помощник, — произнесла она негромко. — Его зовут Дэвид Чисхолм. Он американец, живет в Милане, поскольку изучает итальянскую архитектуру. Его нашло агентство Донетти, у него прекрасные рекомендации, — она повернулась и поманила меня.

Превозмогая себя, я приблизился к креслу и встал так, чтобы свет падал на меня. Я чувствовал себя разбитым

и почти больным, мои руки вспотели. Не знаю, откуда у меня взялись силы, чтобы встретиться с его глазами — горящими на смертельно-бледном лице.

Бруно Фанчино было лет сорок пять. Копна черных с проседью волос обрамляла худое и длинное лицо. Он был красив, но неестественная бледность делала его похожим на мраморное изваяние. Мертвое лицо! Но глаза были живыми. Более того, удивительно выразительными. Лучше всяких слов они говорили, что это человек выдающихся способностей, с сильным характером, но в случае необходимости — жестко решительный.

В этой сцене было что-то нереальное. Человек не мог ни говорить, ни двигаться, он лишь изучал меня взглядом, и в этом взгляде не было неприязни. Напротив — сквозил дружеский интерес. Мною овладели стыд и презрение к себе. Чтобы скрыть растущее смущение, я неуклюже поклонился и отошел.

— Может быть, вкатить кресло в дом, синьора? — спросил я.

Заметив мое смятение, Лаура сообразила, что я могу выдать себя, и встала между нами.

— Пожалуй, тебе пора вернуться в дом, Бруно, уже поздно.

Лаура отвернулась от него и тут я вдруг увидел, как изменился взгляд Бруно. О, я испытал настоящее потрясение — в его глазах читалась ненависть и... презрение. Однако это выражение пропало так же быстро, как и появилось. Может быть, мне все это почудилось. Хотя, впрочем, едва ли.

Лаура кивнула мне.

— Вкатите кресло в комнату. Будьте осторожны, не толкайте его, мягче...

Я вкатил кресло в просторную спальню, залитую мягким светом лампы, отбрасывающей блики на белый потолок.

В центре комнаты стояла огромная деревянная кровать. Дорогие персидские ковры покрывали мозаичный пол. Стены украшали гобелены известных мастеров — это мог определить даже мой неопытный глаз. Все в комнате свидетельствовало о прекрасном вкусе и несомненном богатстве.

Я подкатил кресло к кровати. Лаура стояла в дверях, наблюдая за мной. Она не сделала ни одного движения, чтобы помочь.

Я нервничал, чувствуя, что они оба следят за моими движениями. Я расстелил постель, снял с Бруно тонкое

одеяло, которым было прикрыто изможденное тело. Он остался в серой шелковой пижаме. Его узкие ступни иссохли, как у скелета.

Просунув одну руку под мышки, другую под колени, я поднял Бруно — и едва смог сохранить равновесие. Я-то приготовился поднять тяжесть, а он оказался легким, почти невесомым. Неуклюже положив эти мощи на постель и прикрыв их одеялом, я отошел в сторону. Капли пота стекали у меня со лба.

— Спасибо, Дэвид, — спокойно сказала Лаура, — можете идти. Вы не понадобится до восьми утра. Пожалуйста, будьте пунктуальны.

Я поклонился Фанчино, потом ей и вышел на веранду.

Мне было слышно, как Лаура сказала:

— Пока он немного неловок, но скоро привыкнет. Я включу радиолу. Ты хотел бы послушать Шопена или мне лучше почитать тебе?

Интересно, как же он даст ей понять, что именно хочет? Как видимо, это ужасно — быть заточенным в мертвое тело, целиком зависеть от доброты людей и прекрасно понимать, что все облегченно вздохнут, когда он, наконец, умрет.

Дойдя до верхних ступеней лестницы, ведущей к бухте, я услышал первые ноты этюда Шопена. Минуту я стоял, прислушиваясь, затем спустился вниз.

Сиделка Флеминг поправляла перед зеркалом наколку, когда я открыл дверь и заглянул в комнату, находящуюся рядом со спальней Бруно. Это была костлявая женщина с пронзительными карими глазами, длинным носом и тонко очерченным решительным ртом. Она уже давно вошла в средний возраст, но несмотря на неприветливую внешность старой девы, не возникало сомнений, что у нее высочайшая квалификация. С такой сиделкой не страшно в любой критической ситуации — она не потеряет присутствия духа что бы ни случилось.

Флеминг внимательно посмотрела на меня, когда я остановился в дверях.

— Вы новый помощник? — спросила она на плохом итальянском и я сразу же узнал тонкий голос, который слышал по телефону.

— Да, синьора, — ответил я по-английски.

— Не называйте меня так, зовите просто «сестра». Я буду готова через пять минут. Подождите, пожалуйста, на веранде. Как ваше имя?

— Дэвид Чисхолм.

— Очень хорошо, Чисхолм,— сказала она.— Скорее всего, у вас нет никакой подготовки для подобной работы?

— Боюсь, что нет,— признался я, понимая, что она твердо намерена относиться ко мне неодобрительно.

Сиделка нетерпеливо тряхнула головой.

— Я же просила миссис Фанчино нанять квалифицированного человека. Доктор Перелли мог бы найти профессионала без всякого труда, но она решила все сделать сама. Ну хорошо, надеюсь, вы будете справляться лучше, чем этот ужасный Беллини. Должна предупредить, если вы допустите небрежность в отношении синьора Фанчино, мне придется доложить доктору Перелли.

— Мне известны условия,— сказал я.— И потом... и вас, и меня наняли для одного дела — чтобы ухаживать за синьором. Так почему же вы должны мне выговаривать? Если синьора Фанчино будет довольна...

Я вышел на веранду, понимая, что не стоило с ней разговаривать таким образом, но она задела меня за живое. Рассматривая цветники внизу, я увидел, как Лаура в белом купальнике спускается по дорожке, размахивая купальной шапочкой.

Я любовался красотой ее тела и страстно желал, чтобы она обернулась и увидела меня. Но она не обернулась. Через несколько минут я увидел, как Лаура плывет по озеру.

— Я готова,— произнесла у меня над ухом сестра Флеминг.

Она подошла совершенно бесшумно и конечно же видела, как я наблюдал за Лаурой. Ее настороженные, холодные глаза встретились с моими, и я первый отвел взгляд.

— Идемте,— сказала она, и мы прошли через веранду в комнату Бруно.

Он лежал в той позе, в которой я оставил его накануне. Его взгляд встретился с моим, и я слегка поклонился. Глаза его при этом выражали интерес и благожелательность. У меня возникло странное ощущение, что я начинаю ему нравиться. А вот когда его взгляд едва коснулся сестры Флеминг, я понял, насколько она ему безразлична.

Подчиняясь инструкциям Флеминг, я перенес хозяина с постели на кресло, очень осторожно, стараясь не встряхнуть. Сестра осталась довольна — насколько я мог судить по ее удивленному лицу.

— Пока все, Чисхолм,— сказала она.— С остальным я прекрасно справлюсь сама.

Я снова поклонился Бруно. Его глаза, казалось, вели со мной немой разговор, они говорили: вам, синьор, повезло, что вы не оказались во власти этой суровой женщины. Возможно, мне всего лишь почудилось, но у меня осталось ощущение, что именно это пытался он сказать.

Я вышел и быстро спустился по дорожке к лодочному домику. Укрывшись в тени ив, стал искать глазами Лауру. Наконец, разглядел ее белую шапочку, Лаура была примерно в километре от того места, где я стоял, и плыла в моем направлении.

Я стал ждать.

Когда она поднялась на мостки, я тихо произнес:
— Доброе утро, синьора.

Лаура не обернулась, но я увидел, как напряглась ее спина.

— Ты не должен приходить сюда, Дэвид. Это опасно. Тут, на Пескатори, живет один старый черт, он постоянно следит за мной в подзорную трубу. Наверняка и сейчас этим занимается. Пожалуйста, уходи.

Меня охватила злость.

— Пошел он... этот старый черт... Ему ведь меня не видно. Слушай, Лаура...

— Все равно, Дэвид, пожалуйста, уходи. Нельзя, чтобы нас увидели.

— А может, будут другие указания? — колко осведомился я.

Она резко обернулась и взглянула на меня.

— Ты уже попал под чары Бруно? Обаяние — это его дар, Дэвид. Даже в таком состоянии он заводит друзей быстрее, чем я. Ты хотел бы стать его другом?

— Вряд ли,— отрезал я.— Ну что ж, пойду займусь лодкой.

Я подошел к домику, отпер дверь и вошел в помещение.

Лаура была права. Бруно обладал неотразимым обаянием. Страшно искалеченный, он не мог даже улыбаться — мышцы его лица были парализованы. Но глаза, его выразительные глаза прямо-таки излучали обаяние и легко завоевывали друзей.

Вечером я пришел, чтобы перенести его с кресла на кровать, и застал на веранде. Я колебался, стоя рядом и глядя на него, следует ли мне уйти или надо ждать

сестру Флеминг. Оставайтесь, сказали его глаза так явно, как если бы он произнес это вслух.

Бруно смотрел на меня с дружественным интересом, и мне показалось, что ему следует рассказывать, чем я занимался в течение дня.

Я говорил о том, что привел лодку в порядок, что хорошо бы у нее отрегулировать двигатель, а он слушал, и в глазах его читалось одобрение.

— Синьор, может быть вы как-нибудь захотите совершить небольшую прогулку на лодке. Я отнесу вас вниз, а лодку поведу очень медленно, не будет никакой тряски. Для вас это было бы переменной обстановки после веранды, к которой вы прикованы.

Он явно обрадовался моему предложению, но тут же комично скосил глаза в сторону сестры Флеминг, которая только что подошла, как бы говоря мне — нет никакой надежды, пока я в ее власти.

Я вкатил кресло в комнату и перенес его на кровать гораздо аккуратнее, чем в прошлый вечер, и был вознагражден за труды одобрительным кивком сестры Флеминг.

Затем пришла Лаура, я поклонился Бруно и отправился к себе.

Переоделся во фланелевые брюки и рубашку, сел у открытого окна с сигаретой и стал размышлять.

Да, Бруно обаятелен. Не часто доводилось мне страдать от укоров совести, но сейчас я чувствовал себя подлецом. Чтобы заглушить муки, я говорил себе — не будь тебя, любовником Лауры неизбежно оказался бы кто-то другой. Но от подобных мыслей становилось еще тошнее. Тем более, что Бруно вызывал у меня чувство симпатии. Несмотря на безумную любовь к Лауре, мне подумалось, что стоит упаковать чемоданы и убраться отсюда.

И однако искушение остаться в этих роскошных комнатах было слишком сильным. Мысль о том, что ночью я увижу здесь Лауру лишала меня всякой воли. Нет, бежать от нее, видно, не удастся.

Лаура! Действительно ли она влюблена в меня? С ее внешностью и деньгами она могла выбирать! И какие мужчины могли оказаться у ее ног! Почему же она выбрала меня?

Вспоминая на трезвую голову нашу первую встречу, я осознавал — немислимо, чтобы такая женщина мгновенно воспылала страстью к абсолютно незнакомому мужчине, плохо одетому и без денег. Может быть, Лаура относится к числу тех женщин, которые не могут существовать без

мужчины, любого мужчины? С тех пор, как Мария намекнула, что Беллини обитал здесь, у меня появилось подозрение — не был ли он ее любовником? Но Лаура живет здесь более четырех лет, а Беллини пробыл лишь три месяца.

Пытаясь проанализировать свои чувства, я понял, что пока ее нет рядом, я могу думать о ней объективно. Что мне известно о Лауре, кроме того, что она красивая и страстная женщина? Было в ней что-то необъяснимое, странное. Чем-то она напоминала Бруно — живыми у нее были только глаза. Когда их скрывали темные очки, лицо походило на маску, на нем не отражалось ни тени чувства. Казалось, она так вышколила себя для того, чтобы никто не мог догадаться, что у нее на уме.

Так что же у нее на уме?!

Я не пришел ни к какому выводу, однако чем больше думал о наших отношениях, тем большую неловкость испытывал.

Лаура застала меня сидящим перед окном. Я не слышал, как отворилась дверь, и вздрогнул, когда она коснулась моей руки.

— О чем ты задумался, Дэвид?

Я поспешно вскочил.

На ней был светлый свитер и темные льняные брюки. Медные волосы сзади перехватывала тонкая зеленая ленточка. Лаура казалась юной и очаровательной, глаза ее оживленно блестели.

Она нежно улыбалась, и сразу отступили, исчезли без следа неловкость, сомнения, угрызения совести.

— Ты рад, что я здесь? — спросила она, глядя мне в глаза.

Мне не нужно было лукавить.

— Да, рад, безумно рад, — и я притянул ее к себе.

Лунный свет падал через открытое окно на мозаичный пол, на постель.

Я открыл глаза и приподнялся — Лаура лежала рядом.

Она спала, но дыхание ее было неровным, руки судорожно сжимались в кулачки. Лаура тихонько стонала. Этот звук и разбудил меня. Видно, ей снилось что-то неприятное, пугающее.

Я прикоснулся к ее плечу.

— Что с тобой? — прошептал я. — Проснись, Лаура, тебе снится кошмар.

Лаура так сильно вздрогнула, что чуть не упала. И,

вновь застонав, села на постели. Я обнял ее и притянул к себе.

— Все хорошо. Это был просто сон.

— Да, сон. Всего лишь сон.

Она прижалась ко мне, и я почувствовал, как сильно колотится ее сердце.

— Тебе действительно снились кошмары,— сказал я, улыбнувшись.— А ты думала, тебя схватил сам дьявол?

Лаура вновь вздрогнула и отодвинулась от меня.

— Который час, Дэвид?

— Четвертый,— сказал я, взглянув на часы на ночном столике.— У нас еще много времени, спи спокойно.

— Нет, я хочу поговорить с тобой, дорогой. Дай мне сигарету.

Я вскочил с постели, схватил пачку сигарет — мы закурили. При вспышке спички я успел окинуть взглядом ее прекрасное тело — волна нежности захлестнула меня.

— Милая, что тебе приснилось?

— Это не имеет значения. Но что ты думаешь о Бруно, Дэвид?

— А что тут думать... — мне не хотелось сейчас говорить о Бруно.— Прекрасный дух, заточенный в мертвом теле. Это все, что можно о нем сказать.

— Значит, он тебе понравился?

— Просто меня восхищает сила духа этого человека.

— О, Бруно живет не за счет силы духа. Он жаждет как можно дольше держать меня при себе.

Я ничего не сказал.

— Как ты считаешь, он еще долго протянет? — спросила она после длительной паузы.

— Лучше не думать об этом,— неловко сказал я.— Так что же тебе снилось, Лаура?

— Как всегда — Бруно. Он преследует меня даже во сне,— она вздохнула, словно маленькая обиженная девочка.— Так чудесно было бы освободиться от него. Подумай только, что бы это значило. Нам больше не пришлось бы встречаться украдкой. Мы могли бы пожениться.

— Могли бы,— задумчиво проговорил я и попытался представить, как бы все это выглядело. И вновь накатило сомнение — а что я знаю о ней?! Что скрывается под ее маской? Захочется ли мне на ней жениться, когда она станет свободной?

— Деньги для тебя что-нибудь значат, Дэвид? — внезапно спросила она.

— Конечно значат, я всегда хотел иметь много денег, но почему-то мне не везло. А в чем дело?

— Да просто интересно, на что ты готов ради больших денег.

— Что ты имеешь в виду? Не понимаю.

Лаура повернулась на бок, ее рука нежно коснулась моего лица.

— Пошел бы ты на риск? Мне кажется, каждый знает свою цену, не правда ли? Я знаю. И готова на многое — лишь бы цена была велика.

Вдруг я инстинктивно почувствовал, что оказался на опасной дороге. Так слепой начинает ощущать, что находится на краю пропасти, и знает, что, сделав еще один шаг, рухнет в бездну.

— Про себя не могу сказать, что готов сделать все, что угодно, даже ради очень солидного куша, — произнес я с наигранной легкостью. — Хотя многое все-таки зависит от суммы...

— Вот как?! — ее пальцы заскользили по моей груди. — Предположим, сумма — триста миллионов лир.

Триста миллионов лир составляли примерно двести тысяч фунтов. А это — огромное состояние.

— И где же взять такие деньги?

— Имущество Бруно оценивается в эту сумму, может быть, немного больше. Кроме того, есть еще вилла. Дэвид, если бы ты захотел на мне жениться, я бы дала тебе половину этих денег — сто пятьдесят миллионов лир. Не думаю, что нам удалось бы вывезти их из страны, но ты смог бы открыть свое дело в Милане или Риме. Если бы захотел, вернул их, когда дела пошли бы успешно. Или еще лучше — я стала бы твоим партнером. Но для этого мне нужна свобода!

— Не думал, что ты можешь стать такой богатой, — тупо сказал я. — А ты уверена, что после его смерти все деньги достанутся тебе?

— Да, видела завещание. Есть и еще деньги. Но часть предназначается его дочери. Я должна унаследовать две трети имущества, она — одну треть.

— Разве у Бруно есть дочь?

— Первая жена скончалась за три или четыре года до того, как мы встретились. Его дочери девятнадцать лет, она сейчас в Англии. Заканчивает образование.

— Она вернется сюда?

— Возможно. Триста миллионов, Дэвид! Правда, упительная перспектива?

— Не знаю, стоит ли строить воздушные замки, Лаура. Бруно может прожить еще долго.

— Да-да, конечно,— горящий кончик ее сигареты прочертил дугу в темноте.— Мне кажется ужасным, что он продолжает существовать. Именно существовать — ведь это нельзя назвать жизнью.

Я ничего не ответил.

— Мне приснилось, что он умер,— сказала она после долгой паузы.

— Но он жив! — отрезал я.— И давай забудем об этом.

— Но ты же ведь прекрасно знаешь, что жизнь его держится на волоске,— продолжала она, будто не слышав меня.— Если однажды, когда ты поднимешь его, Бруно выскользнет из твоих рук и упадет, он умрет.

— Вряд ли он упадет, когда я буду его поднимать,— жестко ответил я.

— Но ведь бывают несчастные случаи...— ее холодные пальцы продолжали ласкать мою обнаженную грудь.— Триста миллионов — большие деньги, Дэвид! Половина тебе, половина — мне.

— Что ты предлагаешь, Лаура? — резко спросил я.

— А ты не думаешь, что это акт милосердия — освободить его от мук жизни?

Мне не верилось, что Лаура говорила всерьез. Она была так спокойна и холодна, голос звучал почти равнодушно — и в то же время она предлагала убить ее мужа.

— Ты считаешь это актом милосердия — если он случайно упадет? — спросил я.— Зачем об этом говорить, вряд ли такое случится.

— Но, дорогой, зачем разыгрывать из себя тупицу? Ты можешь не удержать его, когда будешь поднимать, не правда ли?

Мне стало трудно дышать. Я решил, что настало время назвать все своими именами.

— Это убийство, Лаура.

Ее пальцы замерли.

— Не говори глупостей, Дэвид, конечно, это не так. Если ты должен как-то это назвать, назови убийством из милосердия. Когда лошадь ломает ногу, ее ведь пристреливают. Из милосердия.

— Хотел бы я посмотреть на лицо судьи, когда ты будешь ему объяснять это.

— Судья? Но при чем тут судья?

— Как при чем? Убийство есть убийство. Неужели ты этого не понимаешь?

— Разве имеет значение, как ты это назовешь? — в голосе ее звучало раздражение. — Кто об этом узнает? Триста миллионов! Да они окупают все, мой дорогой. И потом, жизнь для Бруно — настоящая мука.

— А можно ли будет за эти деньги выкупить мою жизнь, когда меня схватят? — зло спросил я. — И спасут ли они тебя, когда ты станешь сообщницей убийцы? Черт побери, не уверен, что трехсот миллионов будет достаточно!

— Не заводись так. Говорю тебе — никто не узнает. Это будет несчастный случай.

— Узнают, непременно узнают! — Перегнувшись через нее, я зажег свет. Лаура заморгала и прикрыла руками грудь.

— Зачем ты зажег свет? — недовольно пробормотала она.

— Слушай меня, — грубо сказал я. — Мотив убийства виден за милую. Все, что нужно полиции, — это знать мотив преступления. Им достаточно будет взглянуть на эту комнату, чтобы понять, что мы любовники. Не заблуждайся — ни Мария, ни сестра Флеминг не будут молчать. Они обязательно расскажут, что я жил здесь. У нас нет никаких шансов.

— Дэвид, ты кричишь на меня?! — она заслонила глаза рукой. — Пожалуйста, потуши свет.

— Не знаю, отдаешь ли ты себе отчет в том, что говоришь? Надеюсь, что нет. Но если все это серьезно, мы расстаемся.

— О, Дэвид, ты совсем расстроился. Всерьез — ты о чем?

— Ты предложила мне убить Бруно. Я верно понял?

— Но почему ты кричишь? — она нахмурилась. — Он и сейчас почти мертв. И если ты нечаянно...

Я вскочил с постели и схватил халат.

— Значит ты все-таки имела в виду убийство!

— Да нет же, нет. Просто это серьезное искушение, — она села, странно глядя на меня и все так же прикрывая руками грудь. — Правда, соблазнительно, дорогой? Мне так нужна свобода с тех пор, как я встретила тебя. И потом эти деньги... Но... успокойся, конечно же, это всего лишь разговоры. Хотя... если бы ты сказал, что дашь ему возможность упасть, я не стала бы тебя отговаривать...

— Ах, Лаура, выкинь подобные мысли из головы. И не воображай, что сможешь выйти сухой из воды. Такое просто невозможно.

— Пожалуйста, не сердись, Дэвид. Вот уж не думала, что тебя так расстроит невинная болтовня.

— Невинная?! Речь-то шла об убийстве! Да, пойми, Бруно имеет такое же право на жизнь, как и ты!

Лаура покачала головой.

— Не согласна, дорогой, но... не буду спорить. Я сказала, не подумав.

Я подошел к окну и посмотрел на залитое лунным светом озеро.

— Поспи немного. Еще совсем рано.

— Не думаю, что смогу сейчас заснуть. Пожалуй, мне лучше вернуться на виллу. Не возражаешь, дорогой?

Три часа назад я бы ни за что не поверил, что могу так обрадоваться ее уходу.

— Возможно, будет безопаснее, если ты уйдешь сейчас.

— Верно,— она лучезарно улыбнулась.— Ты веришь в безопасность, Дэвид, не так ли?

— Не будем сейчас это обсуждать.

— Хорошо, дорогой,— и она вновь улыбнулась.

Я не смотрел, как она одевалась,— стоя у окна и созерцая голубую гладь озера.

Лаура не подошла ко мне. Внезапно мы стали чужими. В дверях она задержалась и послала мне воздушный поцелуй. Ее большие глаза цвета фиалок потеряли всякое выражение. Улыбка была натянутой. И я внезапно понял, что не только мне хочется остаться в одиночестве.

Глава 4

На следующее утро, выполнив свои обычные обязанности, я направился в гараж, чтобы привести в порядок шестиместный «альфа-ромео». У меня лучше работает голова, когда руки заняты делом, а подумать надо было о многом.

Прошлой ночью Лаура меня по-настоящему ошеломила. После того, как она ушла, я был готов поверить, что все это всерьез. Я даже решил, что она намеренно избрала меня для убийства, поэтому и бросилась мне на шею в Дуомо.

Но сейчас, при ярком свете дня, я осознал, как ночная тьма искажает человеческое восприятие, и смог себя убедить, что Лаура вовсе не имела это в виду.

Нет, конечно, она не имела в виду того, что сказала. Это была пустая, бессмысленная болтовня, которая возможна в темноте и немыслима при дневном свете.

Но тем не менее, все это беспокоило меня, оставив очень неприятный осадок.

Лаура говорила о трехстах миллионах лир. Половина тебе, сказала она, половина — мне.

Я размышлял о том, что можно сделать с такими деньгами. Прежде всего, купить паспорт. Я стал бы снова свободным. Мне не пришлось бы переходить на другую сторону улицы при виде полицейского.

Ты можешь сделать так, что Бруно выскользнет из твоих рук. Конечно, могу. Это так просто. И он упадет на мозаичный пол. Я представил его хрупкое, изможденное тело. Бруно совсем бы не мучился. Такое падение прикончило бы его вернее, чем выстрел в голову.

Пот выступил у меня на лбу. Теперь меня постоянно будет преследовать мысль о том, что если он упадет, я смогу получить сто пятьдесят миллионов лир.

Вот она, уловка Лауры, — заставить меня думать об этой куче денег.

Но я не намерен совершать убийство. Не собираюсь даже думать об этом. Я перестал полировать машину и отер со лба пот.

— О, Дэвид!..

Она сказала это так неожиданно, что я уронил банку политуры.

Лаура была в белом купальнике, длинные тонкие пальцы сжимали купальную шапочку. Лицо ее казалось немного бледным, под глазами залегли темные круги. Она неловко и смущенно улыбнулась.

— Прости, я не хотела тебя тревожить.

— Видимо, мои нервы сегодня не в порядке, — сказал я, наклоняясь за упавшей банкой. — Ты подошла тихо, как призрак.

— Мне надо сделать кое-какие покупки в Лавено. Ты поедешь со мной. У меня будут довольно тяжелые вещи. Ты сможешь быть готовым через час?

— Да.

Лаура повернулась и легкой непринужденной походкой направилась к плавательному бассейну.

Я глядел ей вслед, чувствуя, как неприятная дрожь побежала по спине.

Лаура сама вела лодку и делала это мастерски. Мы прошли Рено, потом Черро, и тут она внезапно заглушила мотор и повернула лодку в маленькую бухту, скрытую плакучими ивами. Загнала лодку под занавес из ветвей и своим

ходом довела до берега. Потом повернулась и посмотрела на меня.

— Мне надо поговорить с тобой, Дэвид. Прошлой ночью мы стали совсем чужими, это было ужасно.

— Мы обсуждали достаточно страшные вещи.

— Надеюсь, ты не веришь, что я действительно хочу избавиться от Бруно?

— Я знаю только то, что ты сказала.

Она взволнованно изучала мое лицо.

— Я испортила наши отношения, Дэвид?

— Ты, безусловно, поразила меня.

— Но я не имела в виду убийство! Пожалуйста, поверь мне, дорогой. С Бруно ничего не случится. Даже если ты скажешь сейчас, что готов это сделать, я тебе не разрешу, а если ты все-таки сделаешь, я никогда тебя не прощу.

— На мой счет можешь не беспокоиться. Я не сделаю ничего подобного. Убийство совершенно беспомощного человека не входит в мои представления о морали.

— Правильно, я тоже не нахожу это нравственным.

— Давай забудем об этом, Лаура.

— Это все сон. Все было как наяву. Ты поднимал его. В комнате были доктор Перелли, сестра Флеминг и я. Когда ты поднял его с кресла, что-то случилось, и ты споткнулся. Доктор Перелли закричал. Бруно упал на пол вниз головой. Ты держал его за ноги — он ударился головой...

— Замолчи! — я схватил ее за руку. — Не хочу тебя слушать!

В глазах Лауры появилось странное выражение, словно она пыталась прочесть мои тайные мысли.

— О, Дэвид, я не знаю, что на тебя нашло, — сказала она. — Почему ты так на меня кричишь?

— Разве я кричал? — я отпустил ее руку. — Извини, пожалуйста.

— Я хочу, чтобы между нами все было как прежде, Дэвид.

— Все в порядке.

— Мне бы хотелось, чтобы в твоих словах звучала большая убежденность, — неловко произнесла она. — Ну, подумай сам, Дэвид, если бы я действительно намеревалась избавиться от Бруно, мне бы в первую очередь пришлось отделаться от тебя, не так ли? Я бы предложила тебе уехать, потому что мне нужно было бы найти кого-то другого, и ты бы мешал. Но я не хочу избавиться от Бруно, и больше всего на свете мечтаю о том, чтобы ты остался со мной. Ну, пожалуйста. скажи мне, что я тебя убедила.

— Забудь об этом.

Лаура наклонилась ко мне, и я ее поцеловал. Губы ее были нежны и горячи. Она обвила мою шею руками.

— Милый Дэвид, не знаю, что бы я без тебя делала. Я легонько отстранил ее.

— Мне не стоит жить в этом домике, Лаура.

Ее глаза отразили испуг.

— Но почему, дорогой?

— Это как вывеска, где сказано все. Мы оба сошли с ума, решив, что так лучше. Я сниму комнату в деревне, как сделал Беллини.

— Но тогда мы не сможем встречаться по ночам!

— Мы можем встречаться в домике на пристани, но жить там я не буду. Это уже решено.

Она посмотрела на меня испытующе.

— Значит, ты все-таки помнишь, что сказал ночью? Что полиции нужен убедительный мотив. Им достаточно взглянуть на эти комнаты, чтобы понять, что мы любовники.

— Я помню, что говорил.

— Надеюсь, не из-за полиции, Дэвид, ты не хочешь жить в домике?

Мне пришлось сделать усилие, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Нет, не из-за полиции. Просто я там чувствую себя не в своей тарелке. Комнаты слишком роскошны.

— Хорошо, дорогой, но жить в деревне будет не очень удобно, там ведь совсем неважные условия.

— Я привык к тяжелым условиям.

— Ну, что ж... если ты так решил... А теперь... не следует здесь оставаться дольше. Мне надо сделать уйму покупок.

Когда мы вернулись из Лавено, Лауру ждала телеграмма. Я как раз вносил в дом коробку с бакалейными товарами, когда она ее читала.

— Это Валерия,— шепотом объяснила она.— Приезжает в следующий вторник.

В этот момент из кухни вышла Мария и спросила Лауру, видела ли она телеграмму.

— Да, спасибо, это от Валерии. Она возвращается домой в следующий вторник.

Лицо Марии просветлело, и она радостно всплеснула руками.

— Синьор Бруно будет так доволен!

— Думаю, да,— безразлично сказала Лаура, затем, повернувшись ко мне, продолжила: — Боюсь, вам придется

найти комнату в деревне. Теперь я сама буду жить в домике, поскольку приезжает Валерия.

— Да, синьора.

Лаура посмотрела на Марию.

— Вы не знаете, где можно снять комнату?

— Возможно, при гараже, — сказала Мария. — Джиам Биччи говорил мне, что хотел бы сдать комнату.

— Вам стоит посмотреть ее, Дэвид, — произнесла Лаура и прошла через холл в комнату Бруно.

Я услышал ее голос:

— Валерия возвращается домой, Бруно. Конечно, было бы лучше, если бы она уведомила меня заранее. Я думала, она не вернется раньше сентября.

Дверь закрылась, и я прошел в кухню, чтобы поставить там коробку.

— Где я могу найти Биччи? — спросил я Марию, когда она стала распаковывать коробку.

— Его дом стоит в самом начале деревни. Лучше всего пройти через сад, а потом вдоль тропинки на холме.

— Спасибо, — я закурил сигарету. — Схожу после обеда. Мне кажется, вы довольны, что синьорина Валерия возвращается домой?

— Довольна? — Мария улыбнулась. — Очень довольна. Жаль, что она не вернулась еще раньше. Синьор Бруно очень по ней скучает. Увидите, как он изменится к лучшему с ее возвращением.

— Надеюсь, так оно и будет.

Дожидаюсь обеда, я решал, как мне поступить.

Ситуация стара как мир: два любовника и богатый муж, который им мешает. Деньги, не последнее соображение. Сумма огромная, значит и соблазн велик. Я не доверял Лауре, я не доверял себе. Она уже посеяла в душе моей зерно сомнения. Если я останусь с ней, трудно сказать, какое влияние она на меня окажет. А вдруг все-таки заставит пойти на убийство? Другие совершали подобные поступки, возможно, сможем и мы.

Из сложившейся ситуации есть только один выход — бежать отсюда. Конечно, порвать с Лаурой нелегко. Когда она рядом, мужество покидает меня, я лишаюсь воли. И все-таки придется порвать нашу связь. Мысль о возвращении в миланскую конуру не вызывала у меня восторга, но все же это лучше, чем болезненное ощущение тревоги, которое теперь меня не покидало.

Через неделю вернется Валерия. Когда она здесь появ-

вится, я уеду. Еще шесть дней, а затем — я складываю вещи и возвращаюсь в Милан.

В глубине души я понимал, что уезжать надо немедленно, но искушение провести еще несколько дней на озере и столько же ночей с Лаурой было слишком велико. И кроме того, если я уеду сейчас, Лаура вряд ли заплатит семь тысяч лир за прошедшую неделю, а деньги мне очень нужны.

Я стал гадать, нет ли новостей у Торчи насчет моего паспорта. Он обещал что-то сделать, хотя и предупредил, что это будет дорого стоить.

Я решил после чая отправиться в Милан и поговорить с ним. Может быть, он знает что-то о Беллини. Очень любопытно, что это за человек.

После обеда я направился в деревню, узнать о комнате. Поселок был расположен примерно в километре от виллы.

Джиаам Биччи оказался маленьким толстяком с очень пышными седыми усами и абсолютно лысой головой. Он повел меня наверх и показал комнату. Не бог весть что, но, по крайней мере, чистая. Мы договорились о цене, и я сказал, что перееду завтра же утром.

— Вы с виллы? — спросил он, изучая меня взглядом.

— Да, вместо Беллини.

— Он нахмурился.

— Этот Беллини! Я рад, что его уже здесь нет.

— А в чем дело?

— Да во всем! Грубиян, всегда затевал ссоры, заглядывался на девушек, напивался.

— Он тоже снимал комнату в деревне?

— Поначалу. Но он так себя повел, что хозяева его выставили. Насколько я знаю, он жил в домике на пристани. Хорошо, что уехал.

— Вы уверены, что он жил в домике на пристани? — насторожился я.

— По крайней мере неделю, прежде чем ему пришлось уехать.

— Почему же он уехал?

Биччи провел рукой по лысине и неохотно выдавил:

— Неприятности из-за женщины.

Мне стало ясно, что он не хочет развивать эту тему. Я отправился обратно на виллу, обдумывая то, что узнал. Беллини все-таки жил в домике. А значит — был любовником Лауры. Вернулись все мои сомнения на ее счет. Действительно ли она планирует убить Бруно? Или она

просто такая женщина, которой все время нужен мужчина, любой мужчина, даже типа пьяницы Беллини?

Следующий мой шаг — разговор с Торчи. Быть может, он знает кое-что о Беллини. Каждая крупница информации поможет мне понять, что на самом деле скрывается под холодной и непроницаемой маской, которую носит Лаура.

Я бесцельно бродил по саду и остановился посмотреть на виллу. Ставни были закрыты. В жаркое время дня, все, включая сестру Флеминг, расходились по своим комнатам на сиесту. Бруно был на веранде — здесь он отдыхает в это время часа два.

Сейчас я видел его, одиноко и неподвижно лежащего в тени, и мне пришла в голову мысль, что он наблюдает за мной.

Бруно был на моей совести. Я подумал, что ему, наверно, чертовски одиноко. Хорошо сестре Флеминг говорить, что ему надо отдыхать, но у него для отдыха есть ночи. Скорее всего, он испытывает грусть, когда его и днем оставляют одного, занимаясь своими делами.

Под влиянием минуты я решил подняться на веранду и посмотреть, не хочется ли ему побыть в чьем-то обществе; может быть, он будет доволен, если я почитаю вслух. Я прошел в свои комнаты, взял с полки «Жизнь художников» Вазари и вернулся на виллу.

Я смутился, встретившись с ним глазами, и начал жалеть о затее. Не было видно, что он рад моему приходу, и, поколебавшись, я сказал, показывая на книгу:

— Вот, читал Вазари, здесь много занимательного. Может быть, почитать вам немного?..

В его глазах загорелось удивление и интерес.

— Здесь неплохой отрывок о Бандинелли и его вражде с Челлини, — продолжал я. — Это вам интересно?

Его глаза меня поблагодарили. Невероятно, насколько легко можно его понять, если следить за выражением глаз. Я подвинул кресло и сел.

У меня ушел почти целый час на главу о Бандинелли. Закончив, я взглянул на него, чтобы понять, понравилось ли ему.

— Прекрасная вещь, особенно если учесть, что она написана почти четыре века назад, не правда ли? — сказал я, отложив книгу. — Не устаю перечитывать эти четыре тома. — И я стал рассказывать ему о монографии, которую пишу, и о своих успехах.

Было видно, что все, о чем я рассказываю, вызывает у него самый живой отклик. Для меня это оказалось непри-

вычным ощущением — иметь перед собой заинтересованного слушателя. Сестра Флеминг набросилась на меня с упреками как раз в тот момент, когда рассказ дошел до описания панелей в Сиенском кафедральном соборе.

— Интересно, о чем вы думаете, находясь здесь? — вызывающе осведомила она, когда я поспешно встал.

— Я читал синьору, чтобы ему приятнее было провести время.

Сестра Флеминг собралась сказать что-то еще более резкое, но случайно поймала взгляд Бруно, который недвусмысленно предложил ей замолчать. Она раздраженно пожала плечами и отвернулась... Бруно с надеждой посмотрел на меня, как бы приглашая прийти еще. Я кивнул и спустился в сад.

Из летней беседки появилась Лаура с книгой в руках.

— У вас нет возражений, если я сегодня вечером съезжу в Милан? — спросил я и заметил, что сестра Флеминг следит за нами с террасы.— Я хочу забрать часть своих книг.

Она кивнула.

— Конечно, нет. Может быть, вы хотите взять автомобиль?

— Если это удобно.

— Да, возьмите, я никуда не собираюсь.

Я поклонился и спустился вниз, к домику на пристани. А через десять минут уже мчался по дороге на Сесто Календо. Через час был в Милане.

Оставив автомобиль на стоянке около Дуомо, я отправился на поиски Торчи. Он грелся на солнце возле главного входа, зорко выискивая глазами возможную добычу.

— Синьор Дэвид! — обрадованно воскликнул он.— Вот приятная неожиданность! Где вы были? Я уже несколько дней вас разыскиваю.

— Я работаю в Лаго Маджоре.

Он поднял свои густые брови.

— Вы покинули Дуомо?

— На некоторое время. Надеюсь вернуться на следующей неделе. Как успехи, Торчи? Похоже, ты не очень занят. Не выпить ли нам?

Пока мы шли по улице Витторио Эммануэле, я осведомился о Симоне.

— У нее все хорошо. Но скажите... вы не изменили своих намерений? Эта бриллиантовая брошь...

— У меня ее больше нет,— сказал я и открыл дверь в ресторанчик.— Можешь об этом забыть.

Пьеро принес бутылку кьянти. Видимо, он тоже был рад меня видеть.

— Я надеялся, синьор, что вы снова приведете с собой прекрасную синьору.

— Возможно, когда-нибудь она здесь появится.

Когда он ушел, Торчи спросил:

— Вы все еще встречаетесь с синьорой?

— Не беспокойся о ней,— сказал я, разливая вино по стаканам.— Салют!

Мы выпили.

— Синьор Дэвид! — вытерев рот рукой, сказал Торчи.— У меня есть для вас новости. Прошлой ночью ко мне пришел Джакопо. Он болел, но сейчас опять работает. Он говорит, что поможет вам достать паспорт.

Я почувствовал, как мурашки побежали у меня по спине.

— Ты действительно думаешь, что он может что-то сделать?

Торчи усмехнулся.

— За соответствующую плату.

Эти слова, хотя я их и ожидал, слегка меня охладили.

— Сколько это будет стоить?

— Шестьсот пятьдесят тысяч.

— Он с ума сошел! — чуть не крикнул я.— Шестьсот пятьдесят тысяч! Это грабеж!

Торчи быстро огляделся, но в зале никого не было, кроме Пьеро, занятого кассой.

— Я сказал, что у него не будет клиентов при таких ценах, но он и слушать не хочет. Говорит, слишком велик риск. Бланки паспортов стоят очень дорого. Он сказал, что многим придется дать в лапу. Ему останется всего тысяч десять.

— Врет,— отрезал я.— И потом, у меня нет таких денег.

Торчи плутовато покосился на меня.

— Может быть, прекрасная синьора одолжит вам?

— Она не имеет к этому отношения. Оставим ее в покое, Торчи.

Я допил стакан и, наполнив его снова, подвинул бутылку Торчи.

— Похоже, я останусь в этой стране, пока не сдохну.

— Вы так хотите вернуться в Америку?

— В Америке для меня найдется работа, Торчи. Я архитектор.

— Да, понимаю. Ну, может быть, вам повезет. Вдруг Джакопо немного снизит цену.

— Забудем об этом. Торчи, ты никогда не встречался с человеком по фамилии Беллини? Здоровенное страшилище, курит сигары.

Торчи заволновался.

— Марио Беллини? Да, я его знаю. У него комната недалеко от моста.

— Он в Милане?

— Сейчас нет. Уехал месяца четыре назад. Я слышал, он направился в Рим.

— Расскажи о нем, Торчи, это для меня важно.

— На него работали две уличные проститутки,— с кривой усмешкой сказал Торчи.— Кроме того, он просто бандит, очень жестокий. Всегда предпочитал насилие: темный переулок, долгое ожидание, затем удар по голове. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Милан полон такими головорезами.

— Да, но Беллини хуже всех. Три раза сидел в тюрьме. Он нам мешает. Если бы он остался в Милане, полиции пришлось бы удвоить патрули.

— Опиши его, Торчи.

— Крупный, выше ста восьмидесяти сантиметров, очень мощный. У него густые черные брови, синеватый подбородок и маленькие злые глазки. Постоянно курит сигары.

— Что ты еще о нем знаешь?

Торчи потер нос рукой.

— Помните Андре Галлио, карманника?

Я кивнул.

— Беллини убил его брата, Луиджи. Поэтому удрал из Милана. Полиция не смогла найти убийцу, но я знаю, кто это. И Андре знает.

— Почему же вы не заявили в полицию?

Торчи усмехнулся.

— В полицию идти незачем. Андре — член мафии. Беллини скоро будет мертв. Они сейчас его ищут.

— Как это случилось?

— Луиджи работал в Дуомо. Он добыл прекрасное жемчужное ожерелье. Беллини видел это и потребовал половину. Галлио послал его к черту. Беллини устроил засаду на Луиджи, тот увернулся и бросился бежать. Марио застрелил его и забрал ожерелье. Андре подоспел как раз, когда Беллини уходил. Он его видел.

Я задумался. Знала ли Лаура об этом?

— Мне придется возвратиться в Дуомо, синьор Дэвид,— сказал Торчи.— Меня ждет Симона. Вы пойдете со мной?

Я покачал головой.

— Мне тоже пора. Передай ей привет. Очень приятно было посидеть с тобой, Торчи.

Когда вечером я пришел на виллу, чтобы перенести Бруно в постель, то немало удивился, увидев у него высокого худого мужчину.

Лаура сидела на перилах веранды, сестра Флеминг сновала по дому с очень деятельным видом.

Я догадался, что посетитель — доктор Перелли. У него была маленькая бородка, очки на носу с горбинкой. Он долго и внимательно разглядывал меня, пока я поднимался по ступеням веранды.

— Это Чисхолм, доктор, — сказала Лаура. — Ему подождать?

— Нет, нет, я уже ухожу, — ответил Перелли низким, грубоватым голосом. — Приду во вторник. Валерия сообщила, в какое время возвращается?

— Нет, но думаю, она вернется дневным поездом. Приходите к обеду, доктор. Я знаю, что вы с таким же нетерпением ждете ее приезда, как и Бруно.

— Постараюсь прийти.

— Вы можете перенести синьора Бруно на постель, — промолвила Лаура, поворачиваясь ко мне.

Чувствуя, что Перелли следит за мной, я покатил кресло в комнату. Сестра Флеминг уже приготовила постель. Пододвинув кресло к кровати, я внезапно вспомнил сон Лауры. «В комнате были доктор Перелли, сестра Флеминг и я. Когда ты поднял его с кресла, что-то случилось, и ты споткнулся. Доктор Перелли закричал. Бруно упал вниз головой...»

Я внезапно ощутил холодок внизу живота. В комнату вошли Лаура и доктор Перелли.

Лаура сказала:

— Теперь он поднимает Бруно. У него это получается лучше, чем у всех остальных.

Я взглянул на нее. Игра света, или она действительно побледнела? Лаура быстро взглянула на меня и отвернулась.

Я снял покрывало. Бруно внимательно посмотрел на меня. В его глазах появилось вопросительное выражение, как будто он почувствовал, что я взволнован.

Я поднял его. Сестра Флеминг убрала кресло с дороги, но толкнула его несколько сильнее, чем нужно. Оно отскочило от ночного столика и врезалось в меня. Я потерял равновесие как раз в тот момент, когда опускал Бруно на постель.

Лаура вскрикнула. Перелли громко произнес:

— Осторожно!

Я упал на одно колено, крепко держа Бруно. Раздался такой звук, будто сломалась сухая ветка. Я поднялся и осторожно положил Бруно на постель. Все это заняло не более трех секунд. То, что могло стать серьезным несчастным случаем, вылилось в простую неуклюжесть. Я даже не встряхнул Бруно.

— Очень сожалею, синьор,— сказал я. Во рту у меня пересохло, мышцы ног дрожали.

— Это я виновата,— промолвила сестра Флеминг.— Со мной такого никогда не случалось.

Глаза Бруно улыбнулись мне.

— Вы действительно должны быть более осторожны, сестра,— сердито проговорил Перелли.— Если бы этот человек не оказался столь ловок...

— Я же сказала вам, что сделала удачный выбор,— спокойно произнесла Лаура. Она была бледна.

— С вами все в порядке, Бруно? — спросил Перелли, наклоняясь над безмолвным и неподвижным телом.

Я вышел на веранду — ноги мои не сгибались, по лицу струился холодный пот. Пока я вынимал платок, появился Перелли.

— Ситуация была опасной,— заметил он.— Вы умело избежали неприятностей.

Я ничего не ответил, боясь выдать волнение.

— Проводите меня до машины,— внезапно сказал доктор и двинулся вниз по дорожке, ведущей к фасаду дома.

Когда мы подошли к автомобилю, он обернулся и спросил:

— Вы американец?

Я сразу почуял скрытую опасность. Если доктор спросит о документах и убедится, что у меня их нет, он может заявить в полицию.

— Не совсем так, синьор. Мой отец был американским офицером в первую мировую войну. А мать неразумная итальянская девушка, которая оказалась не очень-то осмотрительной. Я сохранил фамилию отца по ее просьбе.

Казалось, этот ответ удовлетворил его.

— Вас наняла сестра Флеминг?

— Нет, синьора Фанчино.

Его лицо посуровело.

— Ясно. Сестра Флеминг сказала, что вы читали вслух синьору Фанчино.

— Да, она возражала, но мне кажется, он был рад этому небольшому разнообразию.

— В будущем она не станет возражать,— проговорил он.— Я разрешаю развлекать его днем. Сегодня Бруно выглядит гораздо лучше.

— Буду рад сделать все, что в моих силах.

Доктор погладил свою бородку и задумался. Я видел, что у него оставались сомнения на мой счет.

— Синьор Фанчино считался одним из самых блестящих умов Италии,— внезапно произнес Перелли.— Для него особенно тяжело оказаться в теперешнем положении. Его состояние не улучшается в основном потому, что ему нечем занять ум, и это вызывает затяжную депрессию. Сестра Флеминг сказала, что вы читали ему Вазари.

— Я думал, это внесет некоторое разнообразие в ту халтуру, которой она его пичкает.

— Почему вы интересуетесь Вазари?

— Я пишу книгу об итальянских кафедральных соборах. Работа здесь дает мне средства к существованию и оставляет достаточно свободного времени, чтобы трудиться над книгой. Я рассказал об этом синьору Фанчино. Кажется, он заинтересовался.

— Конечно, это его интересует. Когда началось вторжение в Италию, на него была возложена ответственность за хранение в безопасном месте всех сокровищ из различных соборов. Он — эксперт по искусствоведению, под его наблюдением проходила реставрация многих фресок, поврежденных во время войны. Трудно придумать для него что-нибудь лучше рассказов Вазари, думаю, он с удовольствием освежил их в памяти.

Мне было приятно это услышать.

— Но... есть ли надежда на его выздоровление?

Перелли покачал головой.

— Он никогда не встанет на ноги, но речь может восстановиться. Причина ее потери в основном психологическая — шок. Если Бруно страстно захочет чего-то, или испытает сильное потрясение, речь может вернуться к нему.

— Никакие медицинские средства помочь не могут?

— Нет, здесь может сыграть свою роль только из ряда вон выходящая ситуация.

— И он знает?

— Еще нет, я никому не говорил об этом, и не хочу, чтобы вы сказали. Сначала ему надо избавиться от своей депрессии, должно значительно улучшиться общее состояние, прежде чем он сможет сделать такую попытку. Бруно

заметно повеселел с тех пор, как вы стали вести с ним беседы. Конечно, весть о возвращении дочери тоже сыграла свою роль, — он бросил портфель на сиденье автомобиля и спросил: — У вас комната здесь?

— Я живу в деревне, в местном гараже.

Казалось, его обрадовали мои слова.

— Я буду здесь во вторник. Надеюсь увидеть дальнейшее улучшение, — и доктор уехал.

...Я заканчивал укладывать свои вещи, когда пришла Лаура.

Она была бледна, глаза ее запали.

— Я увидела свет, Дэвид, и подумала, что мне следовало бы спуститься сюда.

Я поставил чемодан на пол.

— Твои мечты чуть было не осуществились. Теперь я стану верить снам.

Лаура неуверенно направилась к окну.

— Я испугалась, Дэвид, мне показалось, что ты готов его уронить.

— И не собирался этого делать.

Я сел на постель, держась от нее подальше, вынул пачку сигарет и закурил.

— О чем с тобой говорил Перелли?

— Он приветствовал мое желание читать Бруно хорошую литературу.

Она усмехнулась.

— Что он сказал о состоянии здоровья Бруно?

— Его беспокоит нынешняя депрессия, но доктор считает — если у твоего мужа появится интерес к жизни, процесс выздоровления может пойти быстрее.

— Он не сказал, сможет ли Бруно снова двигаться?

— Перелли исключает такую возможность.

Лаура вздохнула с явным облегчением.

— А сможет ли Бруно когда-нибудь говорить?

Я вспомнил предупреждение Перелли.

— Об этом доктор ничего не сказал.

— Мне придется худо, если Бруно составит другое завещание, Дэвид.

— Если он и сможет изменить завещание, не могу понять, зачем ему это надо. Ты ведь его жена, и имеешь законное право на часть наследства.

Она стала нервно шагать по комнате.

— Он теперь меня ненавидит, Дэвид. Это, конечно, моя вина. Я не проявляла особой доброты к нему с

момента его болезни. Боюсь, у меня нет нужного подхода к больным.

Я молча продолжал слушать.

— У нас произошла серьезная ссора как раз перед несчастным случаем. Бруно сказал тогда, что намерен изменить завещание. Мария слышала, как он это говорил. Муж хотел оставить мне только одну треть наследства, а две трети — Валерии. Затем произошел этот несчастный случай, и он уже не мог ничего изменить. Если бы сегодня он упал...

— Прекрати этот разговор, — я подошел к ней. — Если ты намерена продолжать в том же духе, лучше уходи.

— Не прогоняй меня, дорогой, — она обвила руками мою шею и прижалась ко мне всем телом. — Теперь, с возвращением Валерии, нам придется соблюдать особую осторожность. Возможно, эти несколько ночей — последние, что мы сможем провести вместе, — она поцеловала меня. — Скажи, что ты любишь меня, Дэвид.

И опять я попал в сети, расставленные этой загадочной женщиной. Точно безумный, я стал целовать ее и так крепко прижал к себе, будто боялся, что она вот-вот исчезнет.

Лаура сбросила платье, я поднял ее и отнес на постель.

Вдруг ее руки нежно меня отстранили.

— Дэвид, ты читал его завещание?

— Завещание! Как я мог, о чем ты говоришь?

— Не знаю, может быть, ты случайно его увидел. У меня есть копия, я держу ее в ящике стола. Я просто хотела знать, не нашел ли ты ее случайно.

— Неужели ты считаешь, что я могу шарить по чужим ящикам?

— Пожалуйста, не сердись, Дэвид. Я могла оставить копию просто на столе.

— Ты не оставляла, я ее не видел. Почему ты об этом спрашиваешь?

— Понимаешь ли, Дэвид, ты упомянут в завещании.

Я внезапно понял, что чувствует человек в доме, населенном призраками.

— Не говори ерунды, как я могу быть там упомянут?

— Но это так. Ты жеходишь в штат его слуг, и Бруно завещал определенную сумму каждому из работающих на него к моменту его смерти.

— И как велика сумма?

— Шестьсот пятьдесят тысяч лир, дорогой.

— Так много? — я пытался говорить спокойно, но сердце мое бешено заколотилось. Это как раз та сумма, которую Джакопо хотел получить за паспорт.

— Вот так. И не пожалеешь ли ты когда-нибудь, что не уронил его? Ты упустил свой шанс. Во второй раз тебе это сделать не удастся.

— Как ты можешь так говорить! — воскликнул я, чувствуя, что у меня начинают дрожать руки.

Шестьсот пятьдесят тысяч лир! И никаких условий — не надо жениться на Лауре, нет нужды брать у нее денег: как раз та сумма, которая мне нужна, чтобы выбраться из Италии.

— Но разве нельзя говорить о том, что чувствуешь? — Лаура положила руки мне на плечи. — И разве Бруно что-то значит для меня или для тебя?! Я так жалею, что ты не уронил его, Дэвид. Ты бы получил свои деньги, я — свои.

— Замолчи! — крикнул я и вырвался из ее рук. — Я не хочу тебя слушать.

— Знаешь, Дэвид, твои слова звучат так, будто ты опасаясь соблазна. Это правда?

— Нет! Заткнись и не говори об этом!

— Не сердись, дорогой, обними меня.

Я колебался, глядя на Лауру, лежавшую в призывной позе. Затем снова обнял ее и вдруг почувствовал, как она внезапно вся напряглась, ее пальцы впились мне в руку.

— Тут кто-то есть, — прошептала она.

— Я ничего не слышал.

— Уверена, что это так. Иди и посмотри, Дэвид, но будь осторожен.

Я соскользнул с постели и тихо подошел к окну. Луна скрылась за ивами, и я видел только темные силуэты деревьев.

Лаура подошла и встала рядом, прячась за мою спину.

Послышался слабый плеск весел.

— Внизу кто-то в лодке, — прошептала она. Ее дрожь передалась мне. — Спустись вниз и посмотри, Дэвид.

Я спустился вниз по лестнице, затем подошел к бассейну. До меня отчетливо доносился приглушенный плеск весел. Лодка уходила довольно быстро, но держась близ берега.

Вдруг я остановился как вкопанный и принюхался. Кто-то стоял здесь совсем недавно и курил сигару.

Глава 5

На следующее утро сестра Флеминг сказала мне, что Лаура вместе с Марией готовит комнату для Валерии. До обеда я перенес свои вещи в комнату над гаражом Биччи и занялся устройством на новом месте. Хозяин наблюдал за мной с интересом.

Я не стал говорить Лауре о запахе сигар, который почувствовал около бассейна. Сказал лишь, что кто-то на лодке действительно подплывал довольно близко. Но кто это был, рассмотреть не удалось.

Она ужасно разволновалась и тут же покинула меня.

Я ломал голову — кто же был в лодке. Возможно, Беллини? Но ведь он — далеко не единственный, кто курит сигары.

Обустроив, насколько возможно, свою новую комнату, я отправился на виллу. Из головы у меня не выходило завещание Бруно, и потом, странное совпадение — шестьсот пятьдесят тысяч лир... Сумма, которую я могу получить после смерти Бруно. И это сумма, которую с меня потребовали за паспорт.

Сейчас я уже начал сомневаться, что лучше — покинуть виллу с приездом Валерии или продолжать работу в надежде, что смерть Бруно принесет мне желанные деньги.

Уехав с виллы, я поставлю крест на моей надежде выбраться из Италии. Нечего было и думать, что я смогу заработать нужную сумму.

Соблазн остаться был очень велик. Мысль о том, что смерть Бруно мне выгодна то и дело возникала в моей голове. Иногда я даже жалел, что не уронил его, оступившись. Вряд ли еще раз представится удобный случай.

Я гнал прочь подобные мысли и понимал — следует как можно скорее уехать.

Днем было ужасно жарко, слишком жарко, чтобы находиться даже на веранде. Я нашел Бруно в его комнате. Жалюзи были закрыты, и вентилятор включен. Бруно казался усталым и измученным.

— Может быть, слишком жарко, чтобы читать? — спросил я.

Его глаза попросили меня почитать, я сел и приступил к рассказу Вазари о жизни Джотто. Минут через двадцать вошла Лаура. На ней было бледно-голубое платье и большая шляпа. Чувствовалось, что она с трудом сдерживает волнение.

— Сожалею, что вынуждена вас прервать, — сказала

Лаура.— Я отправляюсь в Стрессу. Сейчас позвонил Санито и сказал, что мой жемчуг готов. Я оставила его почистить в прошлом месяце. Мне нужны деньги.

Я взглянул на Бруно и прочел в его глазах подозрение. Да и мне показалась странной эта спешная поездка в такую жару, тем более, что наверняка все магазины в Стрессе закрыты на сиесту.

Бруно конечно же почувствовал ее оживление, не ускользнул от него и тот нетерпеливый взгляд, который она бросила на часы.

Лаура двинулась к небольшой копии тициановской Венеры, висевшей на стене.

— Пожалуйста, помогите мне, Дэвид.

Я отложил книгу и подошел к ней.

— Слушаю вас, синьора.

— Снимите, пожалуйста, эту картину. Она пыльная, а я не хочу пачкать перчатки.

Я очень удивился, сняв картину. За ней скрывался маленький сейф, встроенный в стену. Лаура стала открывать сложный замок. Раздался щелчок, и дверца сейфа распахнулась. Лаура вынула толстую пачку банкнот по десять тысяч лир, взяла около пятидесяти купюр, бросила кипу денег обратно и заперла сейф.

Пока я вешал картину, она подошла к Бруно.

— Мне надо идти. Быть может, я немного задержусь. Хочу еще заглянуть к Елене, а ты ведь знаешь, как она любит посплетничать.

Она помахала ему изящной маленькой ручкой и направилась к двери. После ее ухода наступила долгая, неловкая пауза. Ясно, что Лаура его расстроила, что он обеспокоен.

Я вновь принялся читать, но понимал, что день для него испорчен. Он не знал, куда она направилась и с кем собирается встретиться.

Прочитав страницу, я поднял глаза. Фанчино меня не слушал. Его взор был устремлен на закрытые окна.

Я поднялся.

— Скажу сестре, что вы хотите подремать.

Фанчино безучастно посмотрел на меня и закрыл глаза.

Сестра Флеминг читала роман в своей комнате.

— Он хочет спать,— сказал я.— Думаю, вам следует знать, что Бруно сейчас один.

Она кивнула.

Я вышел на веранду и увидел моторную лодку — выйдя из бухточки, она направилась в сторону Стрессы. За рулем была Лаура.

Я не верил, что она отправилась к ювелиру. Кто-то позвонил ей и назначил свидание. Явно человек ей не безразличный.

Вчера он бродил вокруг домика и курил сигары. Похоже, вернулся Марио Беллини.

Я колебался лишь несколько секунд. Можно воспользоваться лодкой Биччи. Если повезет, я легко выйду на ее след, хотя она и отправилась в путь полчаса назад.

...К тому времени, когда я вывел моторку Биччи и включил двигатель, лодка Лауры уже скрылась из глаз.

Конечно, шансов мало, и солнце печет нещадно, но я решил не упускать такую возможность.

Почти час мне понадобился, чтобы добраться до Стрессы. Длинная полоса причала пустовала, солнце обжигало меня, пока я шел вдоль берега к бульвару. Я заметил нищего, сидевшего в тени и с тоской смотревшего на озеро. Я спросил, не видел ли он большой моторной лодки, причалившей здесь полчаса назад.

— Да, синьор,— сказал он.— Лодка направилась в Пескатори. Ее отсюда не видно, потому что она стоит на другой стороне.

Я поблагодарил его и отправился к своей лодке. На Пескатори, маленьком острове, где жили одни рыбаки, найти ее будет несложно.

Причалив, я решил, что скорее всего найду ее в гостинице на дальнем конце острова, и отправился туда по пустынному пляжу. Все ставни в обветшалых, но живописных домиках были закрыты.

Метрах в ста от гостиницы, под ивами, я заметил моторную лодку.

За гостиницей к воде спускался небольшой сад. Я прошел по тропинке и сел за столик в тени, откуда мог наблюдать за окнами гостиницы.

Появился усталый официант. Я заказал кофе и минеральную воду. Прошло часа два. Оттуда, где я сидел, было видно ее лодку, поэтому я не сомневался, что Лаура еще здесь. Мне казалось, она в одной из тех комнат, окна которых выходят в сад. Моя догадка оказалась верной. Внезапно ставни в верхнем этаже распахнулись, и в окне появился высокий здоровяк.

На нем был зеленый шелковый халат, распахнутый на мощной груди, поросшей черными волосами. Удлиненное грубое лицо и переломанный сплюснутый нос, плотно прижатые к черепу уши и жестокий рот напомнили мне статую римского борца. Он стоял, глядя на озеро, со сгучающим

и удовлетворенным выражением. Толстые сильные пальцы сжимали незажженную сигару.

Я знал, что передо мной Марио Беллини, и мне стало ясно, почему Торчи назвал его свирепым. Он мог быть опасным и диким, как горилла. Через минуту-другую Беллини отошел от окна. И в этот момент мелькнул силуэт Лауры. Я встал и вернулся к своей лодке. Я знал, где смогу теперь найти Беллини, если он мне понадобится. Не стоит показывать Лауре, что я следил за ней.

Но я зря торопился, она вернулась на виллу только вечером. Я стоял на террасе и наблюдал за огнями Стрессы, когда увидел появившуюся из темноты моторную лодку.

Лодка летела, выписывая странные зигзаги по глади озера, ее огни ярко светили в сгущающейся темноте. Я с удивлением следил за ее движением. Затем мое удивление сменилось испугом: Лаура, видимо, не вовремя выключила мотор, и лодка бортом ударилась о стену причала, нос ее врезался в ступени. Я наклонился, пытаюсь рассмотреть, что там происходит.

Было слышно, как Лаура ругается в темноте, затем зажегся электрический фонарик, и она медленно стала подниматься по ступеням.

Женщина прошла рядом со мной, ничего вокруг себя не видя, брела, пошатываясь, что-то бормоча себе под нос — Лаура была пьяна, как уличная девка.

На следующий день я Лауру не видел. Все утро у меня ушло на то, чтобы привести лодку в порядок. Лаура сильно поцарапала облицовку и содрала медную отделку.

После обеда я читал Бруно отрывки из моей книги. Он явно заинтересовался, несмотря на депрессию, которая стала для меня очевидной утром, когда я переносил его на кресло.

Вечером, выполнив свои обязанности, я взял лодку Биччи и отправился на озеро удить рыбу.

Почему Беллини вернулся? Я продолжал ломать голову. Его возвращение вызвало такое оживление у Лауры. Но мне было все равно. Если ей хочется иметь в любовниках такого зверя, как Беллини, она может наслаждаться вволю. Я был счастлив, что убрался из домика и с ее глаз.

Сегодня пятница. Завтра у меня выходной. Потом еще два дня, и я могу сложить вещи и уехать. Появление Беллини было последней каплей. Теперь порвать с Лаурой не составит труда.

Утром, перенеся Бруно на кресло, я сразу же вер-

нулся в гараж и попросил Биччи одолжить мне автомобиль.

Я чувствовал потребность в общении. Даже беседа с Джузеппе предпочтительнее моих собственных мыслей. Сам факт, что Лаура привезла Беллини в домик на пристани, как только я перебрался в деревню, вызывал у меня болезненное ощущение. Хоть я и пытался убедить себя, что мне это безразлично, я продолжал о ней думать.

Биччи указал мне на старый, потрепанный «фиат».

— Можно его взять. Оплатите только бензин, за прокат я с вас ничего не возьму.

Я поблагодарил его и подкатил машину к насосу. Пока он заполнял бак, к гаражу подъехала Лаура в «альфаромео». Она резко затормозила, увидев меня, и помахала рукой.

— Дэвид, я забыла заплатить тебе.

Она была бледна, но глаза оживленно блестели. Я никогда ее такой не видел.

— По-моему, еще не время,— сказал я.

— Можешь получить деньги, пока я об этом помню,— она открыла сумочку и протянула мне семь тысячелировых банкнот.— Куда ты направляешься?

— В Милан.

— Поедем со мной, я как раз еду туда.

— Не знаю, когда вернусь,— сказал я, не глядя на нее.— Думаю, лучше, если у меня будет собственный транспорт.

Лаура внимательно посмотрела на меня.

— Пожалуйста, как тебе удобнее. Очень жаль, что я не видела тебя эти два дня. Да и сегодня мне опять надо в Стрессу. Давай встретимся завтра ночью, хорошо?

— Знаешь, завтра приезжает Джузеппе, он проведет ночь у меня,— солгал я.— Он никогда раньше не видел озеро и просил помочь с ночлегом.

— А ты не можешь отказать под благовидным предлогом?

— Попробую.

— Я хочу видеть тебя завтра ночью,— она улыбнулась.— Ну хорошо, до свидания.

Я постоял, провожая глазами большой автомобиль, а затем вернулся к «фиату».

Что бы ни случилось, решил я, мчась к Сесто Календо, я не пойду в воскресенье в домик на пристани. Хоть силой, но притащу Джузеппе к себе в деревню. Я понял, что теперь могу с ней развязаться.

Двигаясь по многолюдной Корсо Магента в сторону Дуомо, я увидел Симону. Она узнала меня и приветственно помахала рукой.

Не без труда я подрулил к ней, жестом показывая обозленным водителям, чтобы они меня обгоняли.

— Я так и знала, что это вы. Не подбросите меня?

— Конечно,— я открыл дверцу.— Вам домой или еще куда-нибудь?

— Да нет, просто хочу покататься,— сказала натурщица, садясь рядом со мной.— До работы еще есть время. Можете потратить на меня полчаса?

— Конечно, у меня нет особых дел. Я собирался повидаться с Джузеппе.

— С этой развалиной? Зачем вам с ним связываться? Давайте поедем в парк и посидим несколько минут на солнце.

— Хорошая идея,— согласился я и повернул к площади Каstellо.

— Я вас не видела уже несколько дней. Где вы скрываетесь?

— Работаю на Лаго Маджоре, но во вторник вернусь в Милан.

— И потом уедете из Италии? Теперь, когда у вас есть документы...

Я с удивлением посмотрел на нее.

— Какие документы, Симона?

— Торчи сказал, что вам был нужен паспорт. Да не волнуйтесь, я не проболтаюсь.

— Торчи говорил мне, что мог бы достать документы, но цена слишком высока. У меня нет таких денег...

Я притормозил, когда мы въехали в парк, и остановился напротив входа в замок Сфореско.

Симона искоса глянула на меня.

— Сколько Торчи заплатил вам за бриллиантовую брошь?

— Я не стал ее продавать, вернул синьоре.

Молодая женщина покачала головой.

— Скажите правду, я обещаю ему ничего не говорить. Мне важно знать. Если скажете, я разрешу вам меня поцеловать.

— Это очень великодушно с вашей стороны,— улыбнулся я.— Но я не продавал брошь Торчи.

Внезапно она нахмурилась.

— Почему вы лжете? Брошь-то у него, Торчи не знает,

что я ее видела. Он ее от меня спрятал. Мне очень важно знать, сколько он вам заплатил.

— О чем вы говорите? — спросил я, волнуясь. — Эта брошь у Торчи?

— Да! Я видела, как он ее разглядывал, полагая, что я сплю.

— Не может быть. Возможно, это какое-то другое украшение.

Симона фыркнула.

— Это та самая брошь. Когда он ушел на работу, я обыскала всю квартиру и нашла ее. Это она. Вы продали ее Торчи?

Я покачал головой.

— У синьоры есть «альфа-ромео»?

— Да, ну и что?

— Значит, это она продала брошь Торчи. Машина как раз отъезжала от дома, когда я возвращалась с работы. За рулем была женщина. В Милане дамы редко водят автомобиль. Я ее запомнила.

— Когда это было?

Симона нахмурилась, припоминая.

— В прошлый вторник, сразу после полудня.

Вторник. На следующий вечер я видел Торчи, а несколькими часами позже Лаура рассказала мне о завещании Бруно. Я моментально понял, что она подкупила Торчи, отдав ему брошь, чтобы он сказал ей цену паспорта. Зная цену, ей легче было соблазнить меня нужной суммой.

Симона потеряла ко мне интерес.

— Теперь, пожалуйста, доведите меня до площади Пьемонте, иначе я опоздаю.

Я молча вел машину, в голове у меня роились тревожные мысли. Когда мы добрались до площади, я затормозил и раскрыл дверцу.

— Вы ничего не скажете Торчи о броши? — спросила Симона.

— Вряд ли я его увижу. У меня встреча с Джузеппе.

— Зря теряете с ним время.

Я покачал головой.

— Джузеппе может быть и впрямь старая развалина, но по крайней мере он надежный друг. До свидания, Симона.

Я доехал до Дуомо, оставил автомобиль на стоянке и направился к Пьеро пообедать.

Около двух часов, когда Торчи обычно бывает дома,

я подъехал к его квартире, поднялся на четвертый этаж и постучал.

Торчи открыл дверь почти сразу и слегка вздрогнул, увидев меня. Но уже в следующую минуту его круглое лицо засияло от радости.

— Синьор Дэвид! Вот уж кого я совершенно не ожидал увидеть. Входите. У меня еще осталось немного шотландского виски.

Я вошел в квартиру и незаметно запер дверь на задвижку.

— Я был неподалеку и подумал, что стоит зайти спросить насчет паспорта. Ты видел Джакопо?

Торчи кивнул:

— Я видел его сегодня утром. Но он не хочет снизить цену. Он говорит, за меньшую сумму не стоит рисковать. Шестьсот пятьдесят тысяч, ни лирой меньше.

Я подошел к столу и сел.

— Помнишь бриллиантовую брошь, принадлежащую синьоре?

Он оцепенел.

— Да, синьор Дэвид, а в чем дело?

— Я слышал, она у тебя.

Он как раз разливал виски, рука его так сильно вздрогнула, что виски расплескались.

— Нет, у меня ее нет,— с трудом проговорил он, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Что она хотела взамен?

— Не понимаю. Синьора ничего мне не давала. Зачем ей это нужно? И вообще, кто это выдумал все?

— Что ты ей дал взамен броши, Торчи?

Он побагровел.

— Вы ошибаетесь, синьор Дэвид! Ладно, давайте выпьем. Сейчас слишком жарко, чтобы ссориться.

Я перегнулся через стол и залепил ему пощечину. Он отпрянул, злобно глядя на меня.

— Очень жаль, Торчи, но я должен знать. Не хочется выколачивать из тебя сведения, но если ты меня вынудишь, придется.

— Убирайтесь,— визгливо заорал он.— Мы больше не друзья!

Я медленно двинулся вокруг стола, он стал пятиться назад.

— Почему она дала тебе брошь, говори!

Он прислонился к стене и смотрел на меня злыми и испуганными глазами. Правую руку он прятал за спиной.

Что в ней, нож? Я готовился ударить его левой рукой, но в последний момент выбросил правую и стукнул Торчи по голове. Он рухнул на колени, ударившись при этом о стену. Но в следующую же секунду вскочил и, сжимая в руке короткий кинжал, бросился на меня с быстротой змеи, готовой ужалить.

Лезвие просвистело в паре сантиметров от моего лица. Он замахнулся снова, но и на этот раз мне удалось увернуться.

Он мастерски владел ножом, но я его не боялся. В Италии мне уже доводилось участвовать в ножевых драках, и я не сомневался, что смогу с ним справиться.

— Лучше брось нож, Торчи, или тебе придется плохо,— сказал я, встав так, что между нами находился стол.

— Убирайтесь, или я убью вас,— процедил он сквозь стиснутые зубы.

Я взялся за спинку стула и поднял его как щит. Торчи стал медленно приближаться. Я отступал, выставив перед собой ножки стула. Он ухватился за одну из ножек и попытался ударить меня ножом в бок. Но руки его были слишком коротки.

Я притиснул его к стене, зажав между ножками стула. Торчи начал ругаться, пытаясь оттолкнуть стул, но поделаться ничего не мог.

— Брось нож, Торчи!

Он злобно оскалился. Я стремительно перехватил стул так, что две ножки уперлись в грудь Торчи. Он выдохнул с присвистом — так выходит воздух из проткнутой шины — и уронил нож. Я отбросил стул и заломил ему руку за спину, вынудив опуститься на колени.

Он стал было сопротивляться, но я так сильно рванул вверх заломленную руку, что у него перехватило дыхание. И он замер.

— Выкладывай,— сказал я жестко.— Почему она дала тебе брошь?

Торчи молчал.

Я еще сильнее выкрутил ему руку, и он тихонько завыл. Капли пота потекли по его лицу.

— Вы ломаете мне руку!

Раздался хруст. Торчи упал лицом вниз, потянув меня за собой. В какой-то момент он чуть не вырвался, но я наступил ему на шею ногой, и он вынужден был заорать:

— Скажу, все скажу!

Я немного ослабил давление, не отпуская, однако, руки.

— Она хотела узнать, не собираетесь ли вы уехать из Италии. Я сказал, что собираетесь.

— Объяснил, почему?

— Мне не пришлось этого делать — синьора знала. Я отпустил его, отпихнув ногой нож, и подошел к окну. Если он говорит правду, ситуация сложилась опасная. Торчи сидел на полу, постанывая. Пот струился по его лицу.

— Расскажи все как было.

— Синьора пришла сюда днем, — заговорил Торчи. — Я ее узнал. Она не назвала имя, но я понял, что это та самая женщина, в которую вы влюблены.

— Рассказывай, что произошло! Быстро!

— Она объяснила, что хочет вам помочь, но вы слишком горды, чтобы принять помощь. Она спросила, по-прежнему ли вы собираетесь уехать из Италии. Было такое впечатление, что она знала о ваших намерениях, но ждала моего подтверждения. Я ответил, что не сплетничаю о своих друзьях. Тогда она достала брошь. Синьора сказала, что брошь будет моей, если я расскажу все, что знаю о вас.

— И ты рассказал? — закричал я, едва не задохнувшись от злости.

— Искушение было слишком сильным, синьор Дэвид, — жалко залепетал Торчи. — Но я знал, что вы ее любите, и она любит вас, и мне казалось, что я помогу вам, если все ей расскажу.

— Продолжай, проклятая крыса! Что ты ей все-таки сказал?

— Объяснил, что вы собираетесь уехать и что я пытаюсь достать вам паспорт.

— Ты говорил, сколько потребовал Джакопо?

— Да. И тогда она спросила, не разыскивает ли вас полиция.

— Хорошо, валяй дальше.

Торчи заколебался.

— Тут нечего стыдиться, — осторожно произнес он. — Я рассказал, что вы дезертировали из армии, и я тоже. Сказал, что у вас нет документов и что если она хочет помочь, то могла бы дать вам деньги.

— Это все, что она хотела знать?

Торчи нахмурился.

— Спросила еще, действительно ли ваша фамилия Чисхолм.

Мурашки побежали у меня по спине.

— И что ты ответил?

— Что это действительно ваша фамилия,— Торчи все еще осторожно поглаживал свою руку.— Тогда она спросила, не называл ли кто-нибудь вас Чесхэмом. Я ответил, что никогда такого обращения не слышал.

Я чувствовал себя, как после удара в солнечное сплетение. Она знала! Вот почему и подошла тогда ко мне!

— Ты прекрасный друг, Торчи,— хрипло сказал я.— Тебе все-таки можно доверять.

Торчи не поднимал глаз.

— Выпейте виски, синьор Дэвид,— взмолился он, с трудом вставая.— Хотя бы для того, чтобы подтвердить, что мы не враги.

— Нет! Мы не враги. Но мы и не друзья. Мы чужие.

Я отодвинул задвижку, открыл дверь и вышел из комнаты.

Теперь я знал, что как только Лаура захочет от меня избавиться, она снимет телефонную трубку и подскажет полиции, где меня найти. Найти, чтобы повесить.

Я попал в западню.

Глава 6

«Я сказал ей, что вы дезертировали из армии...»

Мчась по автостраде, соединяющей Милан с Сесто Календо, я вспоминал, как начались мои беды.

Точная дата — 23 апреля 1945 года. Через два дня после освобождения Болоньи, когда американские и английские войска, организовав переправу через По, добились перелома в военных действиях.

Остатки моей части — примерно сто пятьдесят человек, побывавших в самом пекле схваток,— в передышке между боями были отозваны для перегруппировки и направлены в деревушку на берегу Рено.

К этому моменту большинство из нас понимало, что война будет закончена через несколько дней. Мы прошли через ожесточенные бои и были рады возможности немного передохнуть.

В тот день я и два других сержанта купались в реке, когда лейтенант Роулинз появился на берегу и помахал мне рукой.

Мы любили Роулинза. Большой, сильный, с чувством юмора. Он сражался вместе с нами уже шесть месяцев за спасение Италии, опекал и вел в ожесточенные бои, никогда

не оглядываясь назад, чтобы проверить, следуем ли мы за ним. Он свято верил, что мы его не подведем. Он был хороший офицер и прекрасный человек.

Я подплыл к нему и встал по пояс в воде.

— Очень сожалею, что мешаю вам отдохнуть,— сказал лейтенант, улыбаясь.— Но вы мне нужны. Неплохо вы тут устроились.

Он нагнулся и протянул мне руку. У него был редкий дар относиться к подчиненным, как к равным, сохраняя при этом свой авторитет.

— Одевайтесь, сержант,— сказал он, сев на траву.— Мы с вами отправляемся в штаб-квартиру.

Пока я вытирался, он закурил и надвинул пилотку на глаза.

— Вы ведь говорите по-итальянски? — спросил он.

— Да, сэр. Мальчишкой я десять лет жил во Флоренции.

— Почему так получилось? — спросил он, глядя на меня.

— Я родился во Флоренции. Мой отец был художником, не очень талантливым, но большим энтузиастом. Когда мне исполнилось десять лет, умер его брат и оставил ему немного денег и дом в Калифорнии. Мы уехали из Флоренции и обосновались в Калифорнии.

Он кивнул.

— Хорошо знаешь Флоренцию?

— Я снова был там в 1934 году, когда изучал архитектуру, специализируясь на периоде Ренессанса. Да, знаю этот город довольно прилично.

— А Рим и Венецию?

— Я в них не заблужусь. Но в чем дело, лейтенант?

Роулинз бросил сигарету в реку.

— Вы водите машину?

— Да, уже много лет.

— Думаете, смогли бы быть гидом? Вы должны быть готовы ответить на любой вопрос и ответить правильно — как по истории, так и по искусству.

— Думаю, что справлюсь,— сказал я, не понимая, к чему он клонит.

— Ну ладно, все равно никого другого нет,— промолвил Роулинз, поднимаясь.— Поэтому выбор пал на вас.

— Что я должен сделать, лейтенант?

— Вы должны сопровождать на экскурсию генерала Костэна — Флоренция, Рим, Венеция. Завтра начинаете.

Я с недоумением уставился на него.

— А что, войной он больше не интересуется?

Роулинз подавил улыбку.

— У него отпуск по болезни, сержант. Лучше бы ему не слышать подобных разговоров — он настоящая бочка с порохом. Только для вашего личного сведения, Чисхолм, — задача у вас не из легких. Будь это в моих силах, я не послал бы ни вас, ни кого-то другого, но в штаб-квартире есть ваши анкетные данные, и генерал потребовал вас.

— Что он за человек?

— Я же говорю — вспыльчив, точно порох. Вам придется все время следить за собой. У него очень четкие представления о том, как солдат должен выглядеть и вести себя. Я экипирую вас для этой работы, но вы должны быть безупречны. Он может даже поинтересоваться, начищены ли подошвы ваших сапог, и если нет — да поможет вам бог!

Я почесал затылок.

— Вы не могли бы сказать, что я болен, лейтенант? Это, в общем-то, не по моей части.

Роулинз усмехнулся.

— Конечно, нет... Но когда закончите эту работу, я дам вам отпуск — он вам понадобится. Поехали, нужно оформить ваши документы. Вы должны явиться к генералу в Болонью завтра, в десять утра, у вас не так много времени.

Штаб-квартира генерала Костэна в Болонье находилась на улице Рима, около железнодорожного вокзала.

В девять пятьдесят семь я доложил о своем прибытии майору с серым лицом.

За время службы в армии я побывал во многих штаб-квартирах, но не видел ни одной, которая содержалась бы в таком идеальном порядке. Полы натерты так, что в них, как в зеркало, можно смотреться. Дверные ручки сияли, как бриллианты. Я увидел, что сержант открыл дверь, предварительно обернув руку бумагой, чтобы не оставлять на ней следов пальцев. Мужчины за столами выглядели так, будто их только что вынули из целлофановых пакетов; они восседали на стульях, как хороший наездник на лошади.

Майор изучал мои документы с таким видом, словно вся его жизнь зависела от того, найдет он в них какую-нибудь ошибку или нет. Затем он поднял усталые глаза и осмотрел меня с тщательностью ученого, занятого поисками неизвестного доселе микроба.

— Повернитесь кругом, — сказал он.

Я повернулся, чувствуя спиной, как он детально осматривал меня сзади.

— Хорошо, вольно, сержант.

Я встал к нему лицом и стал ждать, глядя поверх его головы, как положено по уставу.

— Знаете, что вы должны делать?

— Да, сэр. Должен сопровождать генерала во Флоренцию, прибыть туда в Гранд-отель к обеду. Мы пробудем во Флоренции четыре дня, затем отправимся в Рим, проездом остановимся на двое суток в Сиене — отель «Континенталь», затем трое суток проведем в Риме — отель «Флора». Из Рима предстоит доставить генерала в Венецию через Терни, Фано, Равенну, Феррару и Падую. В Венеции живем четверо суток в гостинице «Лондра», и наконец, 8 мая возвратимся в Болонью.

Майор почесал длинный нос и кивнул.

— Правильно, сержант. За этим зданием вы найдете машину генерала. Хеннесси, вестовой генерала, уже там. Отправляйтесь посмотреть на машину и поговорите с Хеннесси. Он скажет все, что вам нужно знать. Доложитесь мне в десять пятьдесят пять.

— Да, сэр.

Сержанты, сидевшие за столами, смотрели на меня с сочувствием, так, словно я болен оспой.

Я отдал честь, повернулся и вышел из комнаты.

Хеннесси во дворе загружал чемоданы в багажник огромного «кадиллака». Это был высокий худой человек с каменным лицом и жесткими глазами.

— Вы — шофер? — спросил он, осматривая меня с ног до головы.

— Да. Недурна машина.

— Вы ее полюбите, — усмехнулся он. — Посмотрите сюда, — он показал мне маленький кожаный чемодан, настолько хорошо отполированный, что я видел в нем свое отражение. — Ручная полировка, — продолжал Хеннесси с нескрываемой горечью. — И здесь пять таких сучьих детей. Каждый день приходится тратить по два часа, чтобы они так выглядели. Я-то знаю, я этим занимаюсь. Ну, что поделаешь, он хочет их видеть такими, значит, надо доводить до блеска.

— Вы хотите сказать, что я должен полировать его чемоданы? — у меня отвисла челюсть.

— Да, если хотите остаться в полном здравии, — ответил Хеннесси и положил чемоданы в багажник так осторожно, будто сделан он был из яичной скорлупы. — Взгляните на эту машину. Тоже работка для вас. Абсолютная чистота, ни пылинки, отполирована и снаружи, и внутри. Каждый раз, когда останавливаетесь, чтобы генерал поел

или помочился, вы приводите эту суку в порядок, ясно? Он не любит садиться в грязный автомобиль. Не забудьте о пепельницах. Если он почувствует запах в пепельнице, когда сядет в машину, он запишет это в свою маленькую книжку.

— Какую еще книжку?

Хеннеси аккуратно сплюнул на асфальт.

— Вы еще узнаете о его маленькой книжке. Все, что ему не нравится, он записывает в эту книжечку. Все, что вы забудете сделать, каждое грязное пятно, любая ваша ошибка — все заносится в эту книжку. Затем он вручает ее майору Кею с соответствующими указаниями, и вы получаете по шее. Я просидел три дня на «губе» за то, что забыл опорожнить пепельницу.

Я окинул взором бескрайние просторы сверкающих поверхностей автомобиля, и сердце мое ёкнуло.

— А разве вы не отправитесь с нами в это путешествие? — спросил я.

Холодное, гранитное лицо Хеннеси расплылось в улыбке.

— Это первый отпуск, который я получил от генерала за четыре месяца. Нет, я намерен наслаждаться жизнью. Он весь ваш, сержант!

Я открыл дверцу машины и взглянул на приборную доску. Это была самая лучшая машина, которую я когда-либо видел, а уж тем более водил. В ней было все — от бара до окон, опускающихся при нажатии кнопки.

— Он действительно такой крутой, как я слышал? — спросил я без всякой надежды.

— Нет, гораздо круче. Знаете, что меня поражает?

— Что же?

Хеннеси предусмотрительно огляделся по сторонам и произнес:

— Что он умудрился так долго прожить. Не могу понять, почему до сих пор никто не пырнул его ножом, — он с надеждой посмотрел на меня. — Сержант, если вдруг... Знайте, все кто здесь есть, начиная с полковника и кончая мной, обратятся к папе римскому с петицией, чтобы он причислил вас к лику святых.

— Майор предупредил, что вы сообщите все, что мне надо знать, — холодно сказал я. — Это все, или у вас есть что-то еще?

Хеннеси вытащил из кармана сложенный лист бумаги.

— Я здесь все записал. Упустите что-нибудь из этого списка — потеряете нашивки. Ну слушайте: он любит, чтобы его будили в семь утра. Ни секундой раньше, ни се-

кундой позже. Он проверит вас по своим часам. Все должно уже быть готово. Следите за его ботинками. Он любит, чтобы они блестели на подъеме, поэтому вы должны каждый раз, чистя их, вынимать шнурки. Если следы ваксы будут на шнурках, ждите взрыва. Вода в ванной должна быть 36 градусов, и если у вас нет навыка в доведении воды до нужной температуры, вам предстоит приятнейшие впечатления. — Хеннесси взглянул на свои заметки и дал их мне с ехидной ухмылкой. — Генерал кладет свою вставную челюсть в коробочку на ночном столике. Вы должны ее отполировать. Еще один его пунктик. Ни пятнышка на челюсти — или на свет появляется маленькая книжечка. Кофе и один тост должны быть в полной готовности, когда он выходит из ванной. Температура кофе — 80 градусов, или начнется извержение вулкана. Пока он одевается, вы выходите и ждете за дверью. Когда он будет готов, он позовет, он зовет только один раз, так что стойте прямо за дверью и не хлопайте ушами. Зовет генерал негромко. Он вам скажет, что собирается делать в течение дня, но скажет только один раз. Вам не надо ничего записывать: слушайте и запоминайте. Ну и как, усвоили?

— Усвоил, — мрачно сказал я.

— По вечерам генерал напивается, — продолжал Хеннесси. — Иногда может так наклюкаться, что даже не понимает, где находится. Это тоже ваша задача. Он считает, что вы должны доставить его домой и уложить в постель. Осторожнее, когда будете иметь дело с ним, пьяным. Надравшийся — он настоящий динамит. Я видел, как он сломал одному парню руку, как спичку, потому что тот недостаточно быстро уступил ему дорогу.

Я взглянул на часы. Через две минуты надо доложиться майору Кею.

— Спасибо, — произнес я. — Вы мне рассказали все, что я хотел знать; даже если половину приврали, все равно это ужасно. Тем не менее, я надеюсь, вы хорошо отдохнете. Судя по вашему рассказу, вы и впрямь заслужили отдых.

Я сел в машину, подъехал к парадному входу и пошел доложиться майору Кею.

— Ждите около машины, Чисхолм, — сказал он, вставая. — Генерал выйдет через две минуты.

Перед парадным входом замерли, как статуи, четверо полицейских в белых касках. Хеннесси стоял около дверцы машины, задрал подбородок, напрягая все тело. Я встал рядом с ним по стойке смирно.

Мы ждали около двух минут. Вышли три офицера: два

полковника и майор Кей. Они тоже встали по стойке смирно рядом с нами.

Затем появился генерал.

На нем был серый костюм, в руке он нес фетровую шляпу. Я удивился, поскольку ожидал, что он будет в форме.

Генерал был среднего роста, крепкого телосложения, широкоплечий. Лицо цвета красного дерева, большое и мясистое. Рот — узкая щель, прямая, как линейка. У него были глубоко посаженные глаза выгоревшего голубого цвета. Беспокойные глаза, холодные и далекие, как льды Эвереста.

Он шел по дорожке с видимой небрежностью, но его глаза ничего не упускали. Генерал точно опалил меня пламенем паяльной лампы. Затем медленно обошел, осматривая со всех сторон машину. Вернулся на дорожку и снова оглядел меня.

— Вы Чисхолм?

Голос у него был мягкий и низкий. Пришлось напрячься, чтобы понять, что он сказал.

— Да, сэр.

— Давайте посмотрим двигатель.

Я открыл капот и отступил назад.

— Это масло, сержант? — спросил он, указывая на головку распределителя.

Мне пришлось внимательно всмотреться, чтобы разглядеть тонкую пленку масла на ее поверхности.

— Может быть, сэр.

Генерал вынул белоснежный платок и вытер головку. Он показал мне темное пятно на накрахмаленной белой ткани.

— Кто занимался автомобилем?

Хеннесси произнес задуманным голосом:

— Я, сэр.

— А, Хеннесси, опять вы! Не понимаю, сколько раз мне придется повторять, что я не переносу масляные пятна на носовом платке,— он скомкал платок и бросил на дорогу.— Майор Кей!

Майор Кей вышел вперед.

— Сэр?

— Пятнадцать суток работы на кухне для этого человека и отмените его отпуск.

— Да, сэр.

Генерал посмотрел на меня.

Я распахнул дверцу прежде, чем он успел что-нибудь сказать. Он еще раз изучающе взглянул на меня — я перехитрил его и он это понял.

Генерал устроился на заднем сиденье. Я закрыл дверцу, сел за руль и завел мотор.

Мягкий голос сзади пробормотал:

— Поехали.

Включив скорость, боковым зрением я увидел, как два полковника и майор отдали честь.

Последнее, что бросилось мне в глаза — побелевшее, убитое лицо Хеннеси.

На всем расстоянии от Болоньи до Флоренции можно было решить, что я веду пустую машину. Но присутствие его все время ощущалось. Чувствовался запах сигарет, которые он курил. Слышалось слабое покашливание. Малейший звук обострял мою бдительность.

Господи, в каком же состоянии окажутся мои нервы после пятнадцати суток, если я буду вот так реагировать...

Мы прибыли в Гранд-отель, расположенный на берегу Арно, ровно в тринадцать часов. Я выскочил из автомобиля и успел открыть дверцу еще до того, как он полностью остановился.

Генерал опять испытующе оглядел меня.

— Оставьте багаж для портъе,— распорядился он.— Отведите машину в гараж. Она нам сегодня не понадобится. Для вас заказана комната. Пообедайте и ждите меня у регистратуры в четырнадцать часов.

— Да, сэр.

Я наблюдал, как генерал прошел по широкому тротуару и скрылся в гостинице. Он держался прямо, но двигался медленно, как человек, терзаемый тайной болезнью. Я вспомнил слова лейтенанта Роулинза о том, что генерал болен, и стал гадать — чем же именно.

Вынув чемоданы из багажника, я вручил их двум носильщикам, предупредив, чтобы они бережно с ними обращались.

Затем я подъехал к гаражу и, прежде чем запереть, тщательно осмотрел машину. Ее покрывал толстый слой пыли, а пол, где сидел генерал, был запорошен пеплом.

Он сказал, что днем машина не нужна, но ничто не мешает ему изменить решение. Потрачу-ка я на всякий случай половину обеденного времени на приведение автомобиля в порядок. Работая очень быстро, я вылизал «кадиллак» до блеска, но на это ушло значительно больше получаса. Наконец, обливаясь потом, я закончил работу и запер автомобиль в одном из боксов гаража.

Забежав в гостиницу, я схватил ключ от моей комнаты,

поднялся на лифте на второй этаж и по длинному коридору добрался до номера.

Неплохая комната, с видом на Арно. Бросив свой вещевой мешок, я позвонил и заказал бутерброды с колбасой и полбутылки розового вина.

Пока я проглотил бутерброды, помылся и почистился, было уже почти два часа. К регистратуре я подошел одновременно с генералом.

— Пойдем в фойе и там решим, с чего начнем,— сказал генерал.

Мы направились в фойе.

Там было несколько штабных офицеров, смакующих кофе с коньяком, пара пожилых дам, кучка итальянских бизнесменов и два генерал-лейтенанта, которые глядели на меня, не веря своим глазам. Сержант в фойе Грандотеля! Неслыханно! Тут они заметили генерала и поспешно вспомнили о своих срочных делах.

Генерал сел у стола, я вытянулся перед ним, а дамы и бизнесмены уставились на меня.

— Сядьте, сержант,— сказал генерал.— И давайте все обсудим.

Я примостился на краешке кресла и стал ждать.

— Тут у нас только четыре дня,— продолжал он.— Я хочу увидеть все, что можно. Что вы предложите?

— Кафедральный собор, Бабтистерий и часовню Медичи — на это уйдет полдня,— сказал я.— На завтрашнее утро останется галерея Уффици, дворец Веккио, после обеда — дворец Питти и площадь Микеланджело. На третий день утром — Санта-Кроче и Баргело. После обеда — Сан-Марко, где мы познакомимся с фресками Фра Анжелико; вечером — поедим по городу и посмотрим дворцы. В последний день можно отправиться в Фьезоле полюбоваться окрестностями.

Он кивнул.

— Ну, это все относится к культуре. А что будем делать вечерами?

— Это зависит от того, что вы предпочитаете, сэр. Здесь, во Флоренции, нет особенных вечерних развлечений, кроме музыкальных кафе, нескольких игорных домов и оперы. Правда, я знаю пару мест, где выступают полуголые красотки...

Его зубы обнажились в странной усмешке.

— Мне нравятся грубые места, сержант. После всех культурных мероприятий следует расслабиться. Мы навестим пару этих домов...

— Да, сэр.

Генерал вытащил толстый бумажник из внутреннего кармана пиджака. Бумажник был набит десятитысячными банкнотами.

— Неплохая приманка, чтобы заварить кашу, не так ли, сержант? — он помахал бумажником. — Наверно, при виде его у многих зачесутся руки, как вы думаете?

— Да, сэр.

Он кивнул, вынул пару банкнот и сунул мне.

— Идите и купите себе костюм. Отныне я не хочу, чтобы вы ходили в форме, — он слегка усмехнулся. — Мы оба в отпуске, сержант.

— Да, сэр.

Он взглянул на свои ручные часы.

— Ждите ровно в три часа, переодетый и готовый к выходу.

Можно было сломать шею, пытаясь купить костюм, рубашку и галстук, да еще и успеть в отель и переодеться к трем часам. Но я умудрился все сделать вовремя. Генерал ждал меня у регистратуры. Он оглядел меня с ног до головы.

— Что вы делали до армии, сержант?

— Был архитектором.

Он кивнул.

— Не забывайте, что сейчас вы солдат, — произнес он, не сводя с моего лица выцветших голубых глаз. — Архитектор — это прекрасно в мирное время, но какую, к черту, пользу он приносит во время войны.

— Да, сэр.

— Подгоните машину, мне не хочется ходить пешком. Я чуть не рассмеялся ему в лицо.

— Да, сэр.

Я отправился в гараж и подогнал машину к парадному входу. Генерал обошел автомобиль, внимательно его изучая. Когда он окончил осмотр, я был наготове около дверцы и быстро распахнул ее. Он внимательно оглядел салон, посмотрел на пепельницы и сел в машину. Опустившись на сиденье, генерал сказал:

— Спасибо, что вы позаботились о машине. Я становлюсь старым чудаком, но мне нравится, когда автомобиль содержат в чистоте.

Я был так поражен его речью, что чуть не проявил свое удивление. Но, спохватившись, отчеканил:

— Да, сэр, — и сел за руль.

В эту минуту он почти вызвал во мне симпатию.

Мы вернулись в гостиницу после семи.

— Оставьте машину здесь, — сказал он, выходя из «кадиллака». — Она сегодня нам понадобится. Встретимся у регистратуры ровно в девять.

Генерал отправился в отель, рассматривая на ходу красочные открытки, которые купил во время нашей экскурсии.

Опорожнив пепельницы, я вымел салон и потратил десять минут на то, чтобы метелкой из перьев стряхнуть пыль. Затем вошел в гостиницу. Убедившись, что генерала нет в фойе, я направился к маленькому американскому бару и заказал двойную порцию виски. Мне это было необходимо. Полдня генерал впитывал информацию, как губка влагу.

Мы облазили все уголки Кафедрального собора, провели двадцать минут перед картиной Микеланджело «Снятие с креста», двадцать минут, в течение которых он спрашивал меня об истории ее создания. Долгое время мы стояли перед бронзовыми дверьми Джиберти в церкви, где он изучал все их восхитительные панели как человек, который жаждет насытиться красотой, прежде чем навсегда потеряет зрение. Он задержался в часовне Медичи после прекращения допуска публики, в то время как служитель следовал за нами, надеясь, что мы уйдем, но в то же время беспокоясь, как бы не обидеть синьора, который дал ему две тысячи лир, чтобы нам не мешали. Генерал сидел возле бессмертного произведения Микеланджело «Ночь и день», пока я рассказывал историю семьи Медичи. Было очевидно, что он впитывал каждое слово почти с фанатическим интересом.

Когда мы вышли на шумную, людную улицу, он сказал: «Я получил огромное удовольствие, Чисхолм, спасибо. Если вы такой же хороший архитектор, как и гид, то перед вами большое будущее».

В его устах это действительно была похвала.

Выпив виски, я пошел в ресторан, где наслаждался самым вкусным за всю свою жизнь ужином. Время от времени я посматривал, не покажется ли генерал, но его не было. Я решил, что он ужинает у себя в номере.

Я отправился к себе, принял душ, побрился и растянулся на постели, чтобы отдохнуть до девяти часов. Теперь, когда у меня появилось время поразмышлять, мне пришло в голову, что в поведении генерала была некая странность. Рядом с ним меня не покидало ощущение сильнейшего напряжения. Я был похож на слепца, идущего по льду и

знающего, что где-то впереди полынья. И что рано или поздно я попаду в нее.

Совершенно ясно — он слишком много пьет. У него вылинявшие, слезящиеся глаза алкоголика. И кроме того, в этих глазах таилось необъяснимое беспокойство. Когда он смотрел по сторонам, они мелькали, как жало змеи, будто генерал опасался, что кто-то вот-вот выстрелит ему в спину. Он как бы постоянно был на страже, чтобы вовремя увернуться. Но в лице генерала не читалось страха, он не был похож на труса. Чувствовалось лишь, что он знает об опасности и ждет ее постоянно.

Часто по лицу его пробегала судорога, словно он испытывал внезапную сильную боль. И эти судороги тревожили меня. Руки его были столь же беспокойны, как и глаза. Короткие толстые пальцы, безупречно чистые, с хорошо отполированными ногтями, все время были в движении — либо постукивали по коленям, либо нервно сжимались и разжимались.

Более нервного и нервирующего человека я не встречал, и инстинктивно понимал, что он обладает дикой и необузданной натурой, едва прикрытой тонкой оболочкой цивилизации.

К девяти я спустился вниз. Генерал переоделся в темно-синий костюм и, едва взглянув на него, я понял, что он здорово выпил. Его лицо побагровело, на лбу выступили капли пота, глаза блестели. Но он довольно твердо стоял на ногах. Чувствовалось, что он пребывает в мерзком настроении и достаточно малейшего повода, чтобы на мою голову обрушилось возмущение.

Я открыл дверцу автомобиля.

Генерал сел в «кадиллак». Я ждал, придерживая дверцу.

— Вы говорили о заведении с полуголыми девками? Что ж едем туда...

Я вел машину так быстро, как только смел, по одной из тех узких дорог, что идут вдоль берега реки, повернул налево на улицу Торнабуони, затем направо на улицу Порто Росса, потом в переулок у площади Сипьории и остановился у трехэтажного дома. Над двойными стеклянными дверями сверкала неоновая вывеска: «Казино».

Я открыл дверцу.

— Это и есть то заведение, сэр.

Он медленно вышел и остановился, тупо глядя на вывеску.

— Не очень-то привлекательно.

— Не очень, сэр.

— Подождите меня. Быть может, я скоро вернусь. Генерал распахнул стеклянные двери. А я отогнал машину в сторону и закурил. Так, куря, прождал пять часов — самые долгие пять часов в моей жизни. Около двух он появился.

Подогнав машину, я выскочил и распахнул дверцу. Генерал сел в автомобиль не говоря ни слова. От него несло спиртом, он долго возился, устраиваясь.

— Отель,— пробормотал он, откинув голову на спинку сиденья и закрывая глаза.

Когда мы прибыли в гостиницу, он спал. Я осторожно дотронулся до его руки. Генерал проснулся столь внезапно, что испугал меня.

Он трупом лежал на сиденьи машины и вдруг в мгновение ока выпрямился и левой рукой схватил и рванул меня за запястье так зверски, что я невольно качнулся вперед и рухнул на колени. Другая его рука вцепилась мне в горло, сжимая его стальными клещами.

Служа в армии, я не раз оказывался в скверных передрягах и сталкивался с парнями сильнее и круче меня. Но всегда чувствовал, что у меня есть шанс справиться с ними.

Сейчас же, парализованный убийственной хваткой, понял, что не могу пошевелиться. И тут я по-настоящему испугался. Но вдруг дышать стало легче — толстые пальцы разжались.

— Черт побери, что вы делаете? — грубо спросил он.— Как вы смеете дотрагиваться до офицера?

Я поднялся, тяжело дыша и принимая стойку смирно.

— У меня есть желание сломать вам шею,— продолжал он.— В следующий раз пойдете под трибунал.

— Да, сэр,— с трудом выдавил я.

— Получите семь суток гауптвахты, сержант,— сказал он, свирепо глядя на меня.— Может это научит вас не распускать рук.

Не оборачиваясь, он медленно прошел в гостиницу.

Наутро ровно в семь я постучал в его дверь и с трудом расслышал: «Войдите».

Я внес в комнату поднос.

Генерал стоял у окна в шелковом халате с растрепанными волосами, зажав сигарету в провале рта. Он выглядел лет на десять старше, под его глазами залегла свинцовая синева.

— Доброе утро, сержант.

— Доброе утро, сэр.

Я поставил поднос и вытянулся по стойке смирно. Генерал взял виски и снова отошел к окну.

— Приготовьте ванну, сержант.

— Да, сэр.

Я наполнил ванну, смерил температуру воды, добавил горячей, решив, что она как раз остынет к тому времени, когда он покончит с виски, и вернулся в спальню.

— Что мы делаем сегодня? — спросил он.

Генерал уже выпил виски и держал пустой стакан в большой загорелой руке, как будто не знал, что с ним делать.

— Осмотрим галерею Уффици и дворец Веккио. А после обеда — дворец Питти и площадь Микеланджело.

Он нахмурился.

— Мы именно это решили посмотреть?

— Да, сэр.

Генерал еще больше взъерошил волосы, поставил стакан и подошел к ночному столику.

— Мне кажется, мы можем посмотреть более интересные вещи. Взгляните на эти снимки.

Он протянул мне открытки с изображением кафедрального собора и часовни Медичи, которые купил вчера.

— Не знаю, откуда они взялись, — произнес он. — Может быть, управляющий отелем прислал их мне... во всяком случае, недурны.

Я уставился на него, он — на меня.

— Кафедральный собор выглядит великолепно, — продолжал генерал. — Думаю, мы должны начать с него. Посмотрите на эту башню, как она называется?

— Кампанила, сэр.

Он сел на постель и начал тереть глаза ладонями.

— Да, мы должны сначала посмотреть это. Ваше дело, сержант, — быть гидом. Не мне вам объяснять. Взгляните на часовню Медичи. Вы видели что-либо подобное? Я не видел. Мы ее тоже посмотрим. Может быть, пойдем в вашу галерею завтра?

Я решил за лучшее промолчать.

— В девять ровно у регистратуры, сержант.

— Да, сэр.

Я отправился в ресторан завтракать. Пока расправлялся с парой булочек с мармеладом, думал о генерале. Либо он поддразнивал меня в надежде, что я его поправлю и у него будет повод меня наказать, либо он действительно забыл, что видел все это вчера. Если забыл, значит, у него не в порядке с головой, и я вспомнил слова лейтенанта Роулинза о том, что он болен.

Если генерал действительно все забыл, дело плохо.

Он будет продолжать экскурсии в кафедральный собор и часовню Медичи до конца отпуска, может быть, даже захочет его продлить.

Множество людей, прошедших через войну, свихнулось. Это называют шоковым потрясением, или военным неврозом, или как-то еще. Некоторые свихнулись окончательно. Я таких встречал и видел, что с ними произошло. Может быть, и генерал относится к их числу?

Я решил понаблюдать за ним пару дней, а затем позвонить майору Кею и спросить, что же делать.

Это была здравая мысль, и плохо, что я сразу же не реализовал ее и не позвонил в штаб. Тогда не пришлось бы выбираться из того переплета, в который ввергла меня судьба. Но, к сожалению, у меня не было твердой уверенности, что генерал аномален, и не хотелось за здорово живешь подставляться.

Ведь не шутка — когда сержант звонит майору и говорит, что генерал свихнулся.

Генерал ждал меня у регистратуры, когда спустился в фойе с последним ударом часов, пробивших девять.

— Сначала мы отправимся в кафедральный собор, — сказал он. — Портье только что говорил мне, что его стоит посмотреть. Вам бы следовало это знать, сержант.

— Да, сэр, — отчеканил я.

Генерал вышел и проверил автомобиль. Он даже вытер носовым платком головку распределителя. Слава богу, перед этим я проверил ее чистоту собственным платком. Я знал, что он не найдет и следа масла: он и не нашел. Генерал не нашел ничего такого, к чему можно было бы придраться, и сел в автомобиль.

Пришлось-таки везти его в кафедральный собор.

Все протекало так же, как и в предыдущее посещение. Он осмотрел все. Стоял перед «Снятием с креста» Микеланджело, как будто никогда раньше не видел это полотно, и заставил рассказывать в подробностях его историю. Мы изучили знаменитые бронзовые двери, прошли в часовню Медичи, где повторился рассказ об этой семье. Все, как вчера.

Казалось, он поглощал информацию с тем же фанатичным интересом, что и накануне, но меня уже нельзя было одурачить. Он даже купил те же самые открытки.

К обеду мы вернулись к гостиницу.

— Куда направимся сегодня после обеда? — спросил он, выходя из машины.

— Если вас интересуют картины, здесь есть галерея Уф-

фиди,— сказал я.— Там выставлена значительная часть полотен знаменитых итальянских художников.

— Что ж, посмотрим картины,— сказал он.

И снова у меня возник большой соблазн позвонить майору Кею. Но я этого не сделал. Решил посмотреть, что произойдет после обеда и вечером. Если он по-прежнему будет вести себя странно, утром позвоню.

После обеда мы отправились в галерею Уффици.

Слава богу, в предвоенные годы я проводил достаточно времени в галерее. Мои знания оказались на высоте, а генерал хотел выяснить многое,— детали личной жизни художников, то, как они смешивали краски, каков смысл ряда картин Боттичелли...

Мы вернулись в гостиницу около шести вечера. Генерал купил целую стопку открыток с особенно понравившимися ему репродукциями и потребовал, чтобы я пришел к нему в номер посмотреть на них. Он заставил меня снова рассказать историю жизни художников, записывая все данные на обратной стороне открыток.

Это же занятие продолжалось до половины восьмого.

— Думаю, завтра мы все завершим,— сказал генерал, складывая открытки.— Я наслаждался сегодняшним днем, сержант. Вы — отличный гид. Хотелось бы мне обладать вашими познаниями в живописи. Эта область очень меня интересует.

Я предложил ему почитать книгу Вассари «Жизнь художника», и он отметил это в своей записной книжке.

— Идите ужинать. Что мы делаем сегодня вечером?

— Что вам будет угодно, сэр?

Он посмотрел на меня невидящими глазами.

— Помнится, вы говорили, в городе есть заведения, где можно посмотреть красоток? Может, это окажется занимательным?

— Есть здесь такое место, но оно невысокого пошиба.

— Рискнем. Мне надо расслабиться, сержант. Давайте посмотрим это шоу.

Сердце у меня упало. Я снова представил себе пятичасовое ожидание в автомобиле.

В девять вечера я отвез его в то же самое казино. Но на этот раз он меня не одурачил. Я устроился удобнее с книжкой и бутылкой виски и забыл о нем.

А около одиннадцати случайно поднял голову и увидел его в дверях казино. Генерал смотрел в мою сторону. Я быстро развернулся, подъехал и остановил машину возле него.

— Какого черта вы себе позволяете, заставляя меня ждать? — яростно прошипел он. — Бог мой, я научу вас не спать! Вы потеряете свои нашивки!

— Да, сэр, — смиренно сказал я.

Генерал сел в машину.

— Поезжайте до конца улицы, там остановитесь.

Он был хорош, но не так пьян, как в прошлый вечер.

Я доехал до конца улицы и затормозил. Мы ждали. Прошло минут десять, пока я не услышал стук каблучков по асфальту.

— Откройте дверцу, — вполголоса велел генерал.

Я вышел. По направлению к нам шла рослая блондинка в меховом пальто, без шляпы, на очень высоких каблуках. Ей было лет двадцать, но профессия и жизненный опыт делали ее старше.

Она остановилась около машины, и я распахнул дверцу. Когда блондинка садилась в автомобиль, меня обдал запах ее духов; такой аромат требует обилия свежего воздуха. Девушка погладила генерала по руке.

— Какой прекрасный автомобиль, дорогой, — сказала она, сверкнув белыми зубками. Затем расстегнула пальто, у нее была пышная грудь — особенность многих итальянок.

— Где вы живете? — спросил генерал, глядя на нее так, как он смотрел бы на невычищенную винтовку.

— Улица Специали, это недалеко, дорогой.

— Знаете, где это, сержант? — спросил он, взглянув на меня.

— Да, сэр.

— Тогда поезжайте туда...

Машина тронулась.

— Дом рядом с фонарем, — девушка наклонилась вперед.

Я затормозил около фонаря, вышел и открыл дверцу. Девушка, лукаво подмигнув мне, выскочила и у входа стала рыться в сумочке, ища ключ. Генерал последовал за ней, хмуро глядя на неосвещенный дом.

— Ждите здесь, сержант, — пробормотал он. — Держите ухо востро. Если позову, бегите ко мне.

— Да, сэр.

Я закурил, перешел через улицу и стал наблюдать за темным домом. Через три-четыре минуты в комнате наверху зажглась лампа, осветив желтую занавеску.

Пятый этаж, мрачно подумал я. Надеюсь, он не станет звать.

Я ходил взад и вперед примерно в течение часа, затем внезапно увидел тень у освещенной занавески. Я узнал

широкие плечи и круглую голову генерала. Он три раза прошел мимо окна, и мне стало интересно, что же он делает. Затем он остановился перед окном, отдернул занавеску и открыл окно.

Я помахал рукой, чтобы привлечь его внимание.

— Это вы, сержант? — Его мягкий, тихий голос был еле слышен. — Вы мне нужны!

Я не был уверен, что правильно понял.

— Я должен подняться, сэр? — крикнул я.

— Да, черт возьми, поднимайтесь!

Удивившись, я пересек улицу, открыл входную дверь и в темноте нащупал лестницу. Осторожно поднялся, пересек площадку, вслепую отыскал следующий пролет. Внезапно надо мной забрезжил свет, и я пошел быстрее.

— Сюда, сержант, — нетерпеливо произнес генерал. Он стоял на лестничной площадке, глядя на меня через перила. — Я не собираюсь торчать здесь всю ночь.

Пришлось последний пролет преодолеть почти бегом.

— Мне нужна ваша помощь, сержант, — сказал генерал. Он стоял спиной к свету, и лица не было видно, но мне не понравилось прерывистое дыхание и хриплый, надорванный голос.

— Да, сэр, — произнес я, глядя на него в упор.

— Войдите и посмотрите, что с ней случилось. Мне кажется, она умерла.

Я окаменел.

— Идите же, черт вас побери!

От ярости, которая прозвучала в его голосе, мороз пробежал у меня по коже. Я понял, что в комнате произошло нечто страшное.

Я приблизился к двери и заглянул внутрь. В просторной комнате стояли диван и пара больших кресел, пол устлала веселые коврики, целая батарея бутылок украшала сервант. Дверь на противоположной стене вела в спальню. Оттуда, где я стоял, была видна часть кровати.

— Она в спальне, — сказал генерал. — Пойдите и посмотрите...

До меня доносился странный запах. Мне казалось, я узнал его...

— Возможно, ей это не понравится, сэр, — произнес я неуверенно.

— Она не будет возражать, — прошипел генерал и подтолкнул меня. — Да идите же...

Добравшись до спальни, я понял что это за запах.

Мой желудок свело, тошнота подступила к горлу, Но следовало проверить.

Приблизившись к постели, я похолодел от ужаса.

Я видел людей, раненных в грудь осколками мины, я видел целую роту, «накрытую» снарядами, я видел охваченного пламенем и разбившегося вдребезги парашютиста. Но я не видел ничего более ужасного, чем то, что предстало моим глазам.

На полу валялся нож, большой кухонный нож, алый от крови. Генерал вспорол ей живот, как свинье, и нанес не менее сотни ран. Нетронутым осталось только лицо.

И на этом лице застыла мученическая гримаса. Большие все еще полные ужаса, глаза, уставились в пустоту, белые зубы блестели в свете лампы, белокурые волосы разместились по подушке.

Мне пришлось подойти к стене и прислониться, чтобы не упасть.

— Сядьте-ка лучше, сержант,— сказал генерал.— Вы неважно выглядите.

Я справился с тошнотой, посмотрел на него и оцепенел, генерал стоял в дверях, в руке у него был автоматический пистолет «Беретта», направленный прямо на меня.

Маленькие швейцарские часы на камине пробили полчасика; их резкий звон, похожий на колокольный, гулко звучал в тихой, как склеп, комнате.

— Сядьте, сержант,— повторил генерал.— Мне надо с вами поговорить.

Я опустил на диван — колени у меня дрожали.

Генерал медленно двигался по комнате, все время держа меня под прицелом. Возле серванта он налил два больших стакана виски, взял один из них, отошел и кивком показал на другой.

— Выпейте, сержант, и снова сядьте.

Я взял стакан и вернулся к дивану. Моя рука так сильно тряслась, что часть виски пролилась на пол. Генерал осушил свой стакан залпом.

— Ну, так-то лучше,— сказал он и поставил стакан на стол.— Мне это было нужно,— он коснулся пальцем лба, потряс головой и нахмурился.— Вы видели, что я с ней сделал?

— Да,— прошептал я.

— Врачи называют это приступом безумия,— пояснил он и снова потряс головой.— Мне хотелось этого уже несколько месяцев. Чертовски забавно, сержант, как вами овладевают подобные идеи. Возможно, если бы генералам

разрешали быть на передовой и вступить в схватку с врагом, этого бы не случилось. Я не гожусь для того, чтобы сидеть за столом. Время от времени мне нужна кровавая баня. Это желание возникает у меня подспудно, затем растет и крепнет, пока я не осознаю, что не могу думать ни о чем другом. Тогда я уже не способен больше работать — мне необходимо выпустить пар.

Я молча потрясенно слушал.

— Ладно, сейчас дело сделано, — продолжал он, облокотившись о спинку кресла. — Я чувствую себя гораздо лучше и завтра уже буду в состоянии работать, — генерал вынул портсигар, зажег сигарету и бросил его мне. — Закурите, сержант, нам следует кое-что обсудить.

Я оставил портсигар на полу, так как был не в силах пошевелиться.

— Это чертовски неприятно, начнется кутерьма. Она не стоит того, чтобы из-за нее поднимали шум, но власти поднимут и постараются найти козла отпущения. Теперь я задам вопрос и хочу получить объективный ответ. Кто, вы думаете, более важен для армии — вы или я?

Я уставился на него, ничего не понимая.

— Думаю, вы важнее, или, по крайней мере, были важнее, — голос у меня прерывался.

Генерал улыбнулся.

— Я все еще важнее, сержант. Сейчас, после разрядки, я такой же нужный человек, каким был всегда. Со мной будет все в порядке еще пару лет, до следующего приступа. Я знаю, это ведь не в первый раз...

Он выпустил дым через нос, продолжая меня изучать.

— Так вот... я хочу, чтобы вы взяли вину на себя. Ведь кто-то должен быть виноватым. Армия не может обойтись без меня, но она прекрасно обойдется без вас.

Полынья! Я знал, я предчувствовал, что угожу в нее.

— Но ведь это убийство, генерал, — мне трудно было выговаривать слова. — И я не хочу брать на себя чужое убийство. Вы это сделали, вам и расплачиваться.

Он подошел к бутылке, налил себе еще виски и вернулся к креслу.

— Армия стоит на первом месте, сержант, — сказал он назидательно. — Вы мне нравитесь. Я бы с вами так не говорил, если бы вы мне не нравились. Вы хороший парень. Вы, черт побери, лучший сержант, которого мне доводилось встречать. Поэтому я даю вам шанс на жизнь. Если бы вы мне не нравились, я бы вас просто пристрелил. Затем вызвал бы полицию и сказал, что вы угнали мою

машину, что я выследил вас и пришел сюда сразу после того, как вы ее убили. Вы бросились на меня, и поэтому мне пришлось вас застрелить. Я — генерал, и они бы мне поверили.

Я сидел, глядя на него, и чувствовал, что все кончено.

— Вам либо придется взять вину на себя, сержант, либо я вынужден буду вас застрелить. Ну-ну, не пугайтесь. Если вы согласитесь взять вину на себя и будете молчать, я сделаю так, что вы сможете скрыться. Я дам вам денег и час сроку. Затем звоню в полицию, что вы ответственны за все, что произошло в этой комнате. Что вы об этом думаете?

— Все равно станет известно, что это сделали вы, — взволнованно произнес я. — Вы говорили с девицей в кабаке, вас многие видели.

Он покачал головой.

— Я с ней не говорил. Все, что мне пришлось сделать, — это поднять палец. Никто и не заметил. А девица поняла знак, схватила пальто и побежала за мной. — Он вынул что-то из кармана, зажав между двумя пальцами. — Я взял ваш личный номер, когда вы чистили автомобиль, сержант. Вам не следовало оставлять его без присмотра. Они найдут солдатский номер около кровати. Это все, что им нужно. Ну, и мои показания. — Внезапно он вскочил и вновь направил пистолет на меня. — Вы берете вину на себя?

Я вспомнил его чудовищную силу. Даже если удастся выбить у него пистолет, он все равно свернет мне шею. Посмотрев на его окаменевшее лицо, я понял, лишь секунды отделяют меня от выстрела.

— Беру вину на себя, — сказал я.

Он кивнул и заметно расслабился.

— Я рад, сержант. Мне не хочется вас убивать. Вы можете спастись, если будете осмотрительны. Я дам вам достаточно денег, чтобы хватило на первое время. Теперь слушайте внимательно. Возьмите автомобиль и гоните как можно быстрее до Перугвии. Оставьте там машину. Затем направляйтесь в Рим. Вам придется идти пешком и держаться в стороне от главных магистралей. Как только окажетесь в Риме — вы в безопасности. Я им скажу, что вы были в форме. Им и в голову не придет искать вас в штатском. Можете скрываться, пока не кончится война, а она кончится довольно скоро. Через несколько дней

сражения прекратятся, и итальянцы займутся приведением страны в порядок. Им будет не до вас.

Генерал вынул бумажник, достал десять десяти тысячных банкнот, скомкал и бросил мне на колени.

— На это вы продержитесь. Ну, шевелитесь...

— В части подумают, что я дезертировал... — начал я.

— Не мелите чепухи: в вашей части будут знать, что вы убили женщину. Идите же. Каждая секунда, потраченная зря, затягивает петлю у вас на шее.

Я с трудом поднялся и, точно сомнамбула, двинулся к двери. Все это время «Беретта» держала меня на прицеле.

— Не думайте, что сможете избежать наказания, — сказал я, открыл дверь и начал долгий спуск по темной лестнице.

Глава 7

Пока я ехал по узкой дороге, огибавшей озеро и ведущей в Ароло, я думал о том, как же мне повезло, сообщения в газетах о капитуляции германских армий появились одновременно с информацией об убийстве проститутки. Естественно, весть о разгроме Германии затмила все остальные.

Насколько я понял из короткой заметки в газете, генерал не стал звонить в полицию. Он дождался, пока я ушел, оставил мой личный номер возле постели и отправился в отель.

Оттуда сообщил в полицию, что у него украли автомобиль, и поставил в известность майора Кея о моем дезертирстве. Это было за три дня до того, как обнаружили труп проститутки.

К тому моменту, когда итальянская полиция начала плохо организованные поиски, я уже обосновался в Риме. Там я познакомился с Торчи, «штатным» карманником в Соборе святого Петра. Торчи посоветовал мне стать гидом и нашел комнату в доме, где жил с Симоной.

Я рассказал ему, что дезертировал из армии, и это объяснение вполне удовлетворило его любопытство. Он и сам дезертировал из итальянской армии несколько месяцев назад и считал, что ни один здравомыслящий человек в армии не останется, если есть возможность удрать.

В то время было очень трудно с газетами, и единственная, которую я смог найти, опубликовала буквально

несколько строк об убийстве, и о том, что у генерала угнали машину. Полиция разыскивала сержанта Дэвида Чесхэма, который, по ее мнению, мог помочь в раскрытии тайны.

Поскольку она искала сержанта Чесхэма, я считал, что спокойно могу пользоваться своим настоящим именем, — вряд ли кто запомнил эту маленькую заметку.

Первые четыре года меня вполне устраивало пребывание в Италии; я зарабатывал на жизнь в качестве гида и переезжал из города в город, собирая материал для книги. Но со временем мне все чаще приходили мысли о возвращении в Штаты. И я стал искать возможность купить фальшивый паспорт. Но цены на них были немыслимые.

...Добравшись до Ароло, я оставил автомобиль под деревянным навесом и пошел к себе в комнату.

Впервые за последние шесть лет я испугался. Мне трудно было вообразить, как Лаура могла узнать, что я скрываюсь от правосудия. Но она знала. Я находился в ее власти с момента нашего знакомства, ничего об этом не подозревая.

Мой первой реакцией было желание упаковать чемоданы и бежать.

Но поразмыслив, я решил, что бегство отсюда не решит моих проблем. Лаура может сообщить в полицию, кто я такой, и на меня начнется охота. И если один раз мне удалось увернуться, то теперь все будет по-иному. Полиция сейчас достаточно хорошо организована, и мои шансы спастись весьма сомнительны.

Я пришел к выводу, что мне лучше выждать и посмотреть, что она намерена предпринять, как собирается использовать имеющуюся у нее информацию.

...Следующий день был воскресеньем. Лаура предложила встретиться этой ночью. Я решил, что безопаснее не избегать этой встречи. Вполне возможно, она раскроет свои карты, и тогда я буду знать, что делать.

После обеда, я, как обычно, читал Бруно. Вечером сестра Флеминг напомнила, что уедет рано утром, так как понедельник — это ее свободный день.

— Миссис Фанчино будет присматривать за ним, пока меня нет, — сказала она. — Она знает, что нужно делать. Это не прибавит вам работы.

Лаура появилась к чаю, она была бледна, с синевой под глазами. Она подошла ко мне, когда я по дорожке направлялся к себе.

— Хэлло, Дэвид,— улыбнулась она.— Я тебя сегодня увижу?

— Да, конечно,— с трудом удалось изобразить радость.

— Прекрасно. Встретимся в домике на пристани в девять.

Она повернулась и направилась обратно к вилле.

Мысль о том, что я должен лечь с ней в постель, наполнила меня отвращением.

Моя безрассудная страсть была теперь мертва, и ничто на свете уже не смогло бы ее воскресить.

Около девяти я взял лодку Биччи и поплыл в сторону пристани. Лаура спускалась по ступеням, когда я загнал лодку в бухту.

— Хэлло, Дэвид,— весело проговорила она.— Ты очень точен!

В ее глазах вновь светился призыв. Но если прежде призывный взгляд ее прекрасных глаз сводил меня с ума, то сейчас вызвал лишь чувство гадливости.

— Хэлло,— сказал я, вылезая из лодки.— Может, побеседуем здесь? Тут прохладнее, чем в комнате.

— Подумай о москитах! Я не хочу, чтобы меня съели заживо.

Она избежала по лестнице, отперла дверь и принялась открывать окна.

— Дай мне выпить, Дэвид. Виски со льдом.

Я налил два стакана и подал один ей. Она чокнулась со мной и кокетливо улыбнулась.

— Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы были вместе. Ты скучал по мне, Дэвид?

Я секунду колебался, затем принял решение: пока не поздно надо остановить все это.

— Неужели нам нужно притворяться, Лаура? — спросил я.

Она подняла брови, изобразив удивление.

— О, Дэвид, в чем дело?

— Ты знаешь не хуже меня.

Лаура подошла к постели, села, поджав под себя ноги, затем нежно произнесла:

— Не глупи, дорогой. Подойди и поцелуй меня.

— Если ты хочешь, чтобы тебя целовали, отправляйся на Пескатори,— ответил я, не двигаясь с места.

Лаура сидела очень тихо, ее глаза внезапно стали колючими.

— Ты что, шпионил за мной? — наконец спросила она.

Я кивнул.

— Да, шпионил. Это традиция на острове — ты сама говорила о ней.— Я закурил и аккуратно положил обгоревшую спичку в коробок.— Мне было любопытно посмотреть, как выглядит твоя подруга Елена. Я и подумать не мог, что у нее волосатая грудь и что она курит сигары.

Мне показалось, что Лаура вот-вот набросится на меня. Она стала похожа на взбешенную тигрицу. Но усилием воли она овладела собой, хотя, судя по всему, я нанес ей удар, к которому она была не готова.

— Мне кажется, нам следует объясниться,— сказала она холодно.

Я неотрывно следил за ней, покрывшись потом, зная, что она в выигрышном положении и может им воспользоваться.

— Я не люблю шпионов, Дэвид.

— Я и сам их не люблю, но раз ты убедила меня своей любви, я чувствовал, что вправе узнать, есть ли у тебя еще любовники. И это мне удалось. Я понял, что я для тебя — всего лишь побочный продукт при хорошей трапезе. А основной, старый и верный любовник, у тебя по-прежнему Беллини. Почему же ты удалила его, если не собиралась хранить мне верность?

— Откуда ты знаешь, что мой любовник — Беллини?— почти прошипела она.

— Оказывается, он довольно известная личность в Милане. Три раза сидел в тюрьме. Убийца и профессиональный бандит, не гнушается жить на доходы уличных проституток. Не могу высоко оценить твой выбор, но без сомнения, он по-своему привлекателен.

Лаура густо покраснела.

— А чем он хуже тебя? Или, быть может, это он искромсал женщину на куски и сбежал из армии, когда должен был сражаться?!

— Я так и думал, что мы обязательно дойдем до этого,— сказал я, пытаюсь говорить спокойно.— Торчи предупредил, что ты тоже шпионила за мной. Очень жаль, что ты не получила верной информации.

Лаура поднялась.

— Меня вполне устраивает то, что я знаю. Да не пугайся — я не собираюсь доносить в полицию.

— И все-таки тебе стоит узнать правду. Я ее не убивал.

— Зря стараешься, Дэвид. Я узнала об убийстве много лет назад. Ты помнишь майора Кея? Одно время мы

были с ним близкими друзьями. Он рассказал мне о тебе как раз в то время, когда ты был настоящей сенсацией в Болонье. Майор Кей даже показал твою фотографию. Там, в Дуомо, я сразу же тебя узнала.

— Так вот чем объясняется твой интерес ко мне. Ты вообразила, что нашла самого подходящего человека для убийства мужа, не так ли?

— А ты что, решил, что я способна броситься на шею первому попавшемуся бродяге?

— Если судить по Беллини, то так оно и есть.

Лаура рассмеялась.

— Тебя не вывести меня из равновесия, Дэвид. Но раз уж мы заговорили об этом, ответь, пожалуйста, почему же ты все-таки убил ту женщину?

— Я ее не убивал. Если ты знала майора Кея, то, возможно, слышала и о генерале Костэне. Генерал убил девушку и обставил все так, что в преступлении стали подозревать меня.

— Надо было заявить в полицию, там, думаю, разобрались бы в этом деле.

— Ладно, оставим пустые разговоры,— нетерпеливо сказал я. — Нет нужды оправдываться перед тобой. Сейчас важнее другое, почему Беллини не убил Бруно? И почему ты решила связаться со мной, если у тебя был Беллини, способный на любую грязную работу?

Лаура подошла к окну и села на подоконник.

— Ты и не представляешь, Дэвид, насколько глуп Марио. Одно время я думала, что он справится с этой задачей, но после того, как обсудила с ним план, четко поняла — он способен испортить все дело.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Значит, ты действительно хочешь избавиться от Бруно?

— О, да. Бруно совершенно бесполезен. И мне нужна моя свобода и его деньги.

— Ты бессердечная сука.

Она улыбнулась.

— Возможно, и так, Дэвид. Но, с другой стороны, я очень терпелива. Я жду уже четыре года. И готова ждать еще столько же.

— Ну, в этом я не участвую.

— Не будь столь самоуверен. Я ведь могу и сообщить полиции, где ты находишься.

— Ну и черт с тобой,— спокойно сказал я.

Лаура внимательно посмотрела на меня и усмехнулась.

— Ладно, я не собираюсь тебя испытывать. И давай закончим свидание, я устала.

— Я уеду отсюда, как только вернется Валерия.

Она покачала головой.

— Не думаю, что ты можешь себе это позволить. Вот когда я скажу...

— Так давай, скажи, что я могу уехать...

— Надо подумать... Спокойной ночи, Дэвид.

Она подошла к двери, но я остановил ее.

— Шантаж не пройдет. Я уезжаю с приездом Валерии. Если ты выдашь меня полиции, я выдам тебя доктору Перелли. Конечно, мое положение несколько хуже, чем твое. Но скажу Перелли, что ты планируешь убить Бруно, признаюсь, что был твоим любовником, впрочем, как и Беллини. Ты доктору не нравишься. И если он покопается... Ты не очень-то умно замела следы. Доктор Перелли может Бруно изменить завещание.

Она окинула меня презрительным взглядом.

— Спокойной ночи, Дэвид,— и вышла из комнаты.

Я не одержал победы, но хотя бы вырвался из тупика.

На следующее утро, приготовив все для Бруно на день вперед, сестра Флеминг отправилась в Милан. Ее отсутствие выбило меня из колеи. Я дежурил возле Бруно и ждал, когда Лаура меня сменит.

Но вот, наконец, она пришла, и я спустился к бухте. Мне нужно было привести лодку в порядок.

Я закончил работу лишь к обеду. По дороге на виллу встретил Лауру.

— Валерия приедет завтра в полдень,— сказала она, стараясь не глядеть на меня.— Я хочу, чтобы ты встретил поезд. Возьми лодку. Ей будет приятно приехать сюда по озеру.

— Хорошо.

Лаура не спешила уходить.

— Дэвид, я думала о том, что ты сказал вчера. Что ж, если хочешь, можешь... уехать. Не буду задерживать тебя здесь против твоей воли.

— Очень мило с твоей стороны, Лаура. Я знал, что ты не захочешь впутывать доктора Перелли в наш маленький спор. Но не воображай, что сможешь выдать меня после моего отъезда. Доктор Перелли навестит меня и в тюрьме, если я попрошу его об этом.

Она криво улыбнулась.

— Не будь таким подозрительным, Дэвид.

— Но у меня есть основания для подозрений...

— Мне придется найти кого-то другого, чтобы поднять Бруно,— сказала она.— На это уйдет несколько дней. Может быть, ты останешься до следующего понедельника?

Я колебался. Интуиция подсказывала мне, что выбраться отсюда следует как можно скорее, но просьба Лауры была обоснованной. Ей надо найти кого-то на мое место.

— Ладно,— сказал я.— Подожду до следующего понедельника.

Она подняла на меня глаза, и я понял, что совершил ошибку.

Во второй половине дня я читал Бруно. Глаза хозяина лихорадочно блестели, видимо, его взволновало сообщение о приезде дочери.

Мне жаль будет расставаться с Бруно. Он вызывал во мне чувство уважения и даже восхищения. Но я должен уехать. Слава Богу, дочь станет присматривать за ним. Лаура не посмеет ничего с ним сделать, если при нем неотлучно будут находиться либо сестра Флеминг, либо Валерия.

Поскольку сейчас Бруно вряд ли было интересно то, что я читал, я закрыл книгу.

— Рад, что дочь снова будет с вами,— сказал я.— А я должен буду уехать. Надо еще собрать материал о кафедральном соборе в Оривието. Жаль расставаться с вами, надеюсь, вы понимаете, что мне еще столько нужно сделать.

В его глазах четко прочиталось удивление и разочарование, но это выражение скоро исчезло, и мне стало ясно — он согласился с тем, что я должен подумать и о себе.

Мария принесла чай, и я оставил их.

Вечером, после того, как я перенес Бруно на кровать, Лаура проследовала за мной на веранду.

— Можешь идти к себе, Дэвид,— сказала она.— Сегодня ты больше не понадобишься. Я лягу спать в комнате Флеминг, чтобы быть рядом с Бруно.

Все это она говорила волнуясь. Но почему? Может, Лаура что-то замышляет и хочет убедиться, что меня не будет на вилле?

— У меня свидание с Джузеппе,— сказал я.— Вернусь, видимо, поздно.

Она оживилась.

— Хочешь взять автомобиль?

— Одолжу у Биччи.

Пока я шел к деревне, мне пришло в голову, что

сегодня ночью у Лауры последняя возможность избавиться от Бруно. С возвращением Валерии шансов будет меньше, и все станет намного опаснее. Воспользуется ли она этой возможностью сегодня? Не потому ли она явно обрадовалась, узнав, что я собираюсь в Милан. Может, она решила, что Беллини сделает то, что отказался сделать я?

Через час стемнеет, и Мария отправится домой. Лаура будет одна с Бруно. Что же делать?

Биччи как раз запирает гараж на ночь, когда я подошел.

— Мне нужно в Милан, — сказал я. — Задержусь допоздна. Можно взять машину?

— Конечно, — ответил он. — Машина заправлена. Поезжайте и наслаждайтесь жизнью.

— Может позвонить синьора Фанчино. Скажите, что я не вернусь до часу ночи.

Я сел в машину и отправился вниз по шоссе, пока не добрался до поворота. Здесь Биччи видеть меня не мог, и я съехал с дороги и выключил мотор.

Очень возможно, что Лаура захочет проверить, где я. Она должна убедиться, что я уехал в Милан.

Я добрался до виллы, когда луна выплыла из-за далекой горы. Я двигался тихо и осторожно, прячась за деревьями. Остановился под большой ивой, откуда было видно окно Бруно.

Лаура сидела в кресле с книгой в руках. Раздавались звуки музыки — вальс Шопена. Все выглядело так спокойно и по-домашнему, что я засомневался, не трачу ли я попусту время.

Через некоторое время погас свет в кухне, затем Мария пришла в комнату Бруно. Она была уже одета, значит, собиралась домой. Мария сказала что-то Лауре, и та, отложив книгу, вышла вместе с ней из комнаты.

Я выскочил из укрытия, взбежал на веранду и отодвинув большой диван от стены, спрятался за ним на полу.

Теперь я был прямо под окнами Бруно, и даже если бы Лаура вышла на веранду, она бы меня не увидела.

Я слышал, как она вернулась.

— Мария ушла домой, Бруно. Я пойду лягу. И ты тоже постарайся уснуть.

Радиола замолчала, и мгновение спустя погас свет. А минут через пять я услышал легкие шаги. Приподнявшись, я увидел, как Лаура тихо вышла из комнаты сестры Флеминг и побежала вниз по ступеням к бухте.

Она оставила в комнате свет, чтобы Бруно думал, что она там.

Я шел следом за ней до террасы, с которой был виден домик на пристани. В широком окне загорелся свет. Значит, ее там ждут.

Лаура спустилась по ступенькам и скрылась в дверях. Я подождал несколько мгновений, затем спустился к бухте. Там стояла маленькая весельная лодка, привязанная к моторной.

Я укрылся в тени деревьев под самыми окнами домика. Вскоре ставни распахнулись.

— Здесь жарко, как в духовке,— сказала Лаура.— Почему ты не открыл окно?

Ее голос отчетливо доносился до меня в тишине, царящей на озере.

— Ладно, уже открыто,— пробурчал грубый мужской голос.— Что там происходит?

В окне показалась массивная фигура Беллини.

— Завтра приезжает Валерия,— сказала Лаура.— Дэвид остается до следующего понедельника. Сестра Флеминг попросила небольшой отпуск. Все складывается замечательно, так что ночью в пятницу...

Беллини проворчал:

— Хорошо, что в пятницу. Мне осточертело ждать. Я должен убраться из страны.

— До пятницы ничего не выйдет. Мы не имеем права на ошибки. Кроме того, у Дэвида должно быть время, чтобы узнать ее поближе. Это важнее всего.

— Ты уж слишком осторожна,— недовольно сказал Беллини.

— О, нет, Марио, это ты слишком бесшабашен. Но нам нельзя рисковать ради того, чтобы выиграть несколько дней. А теперь слушай, и, пожалуйста, постарайся все точно запомнить. Ты прибудешь сюда в девять вечера в пятницу. Если все будет в порядке, поднимешься на виллу. Я останусь здесь, чтобы убедиться, что никто не придет. Никто и не должен прийти, но нам надо быть уверенными...

Беллини бесцеремонно перебил ее.

— Пока это — лишь проклятые разговоры. Когда я получу хоть какие-то деньги? Вот что хотелось бы знать.

— Ты получил пятьдесят тысяч лир всего несколько дней назад,— резко сказала Лаура.— Сейчас я не могу дать тебе больше.

— Мне нужны деньги,— огрызнулся Беллини.— Я все время твержу тебе, что мне надо убраться из страны. Здесь сейчас небезопасно. Ты ведь знаешь, на кого похожи

эти дьяволы, когда они начинают за тобой охотиться. Мне нужен миллион. Ты обещала эту сумму, и, черт побери, я ее получу!

— Хорошо, деньги будут в пятницу. Я продам жемчуга. Но ты ничего не получишь, если совершишь хоть малейшую оплошность.

— А если ты, гадючка, попытаешься меня надуть, я сверну тебе шею.

Лаура засмеялась.

— Не бойся, никакого надувательства, все будет честно.

— Да уж, чтоб без обмана. А теперь иди ко мне...

На сегодня мы достаточно наговорились.

— Но ты действительно все понял, Марио?

— Заткнись и иди сюда!

Около часу ночи я заметил Лауру, поднимающуюся от пристани. Она курила сигарету и что-то напевала. Пошатываясь, она поднялась на веранду и вошла в комнату сестры Флеминг.

Я ждал, когда погаснет свет, чтобы затем вернуться к себе. Прошло несколько минут, и вдруг я с удивлением увидел, что свет загорелся и в комнате Бруно.

Двигаясь быстро и бесшумно, я добежал до веранды и подкрался к открытому окну.

— Ты еще не спишь? — спрашивала Лаура.— Хочешь знать, где я была все это время?

Я заглянул в комнату.

Лаура стояла скрестив руки на груди и зажав сигарету в ярко покрашенных губах. Она успела переодеться в зеленую пижаму и комнатные туфельки без каблуков. Выражение ее лица было язвительным и злобным.

Вынув сигарету изо рта, она рассмеялась.

— Я была в домике на пристани. Разве тебе не хочется за мной пошпионить, Бруно?

Она стряхнула пепел на пол и скривила губы в жестокой усмешке.

Свет настольной лампы падал на лицо Бруно. Его глаза были сосредоточены и настрожены.

— Пожалуй, пришло время свести счеты,— продолжала Лаура.— Я давно и терпеливо ждала этого момента.

Я стоял в тени и внимательно следил за ней, готовый броситься на помощь Бруно в любую минуту.

— Давай начнем с того времени, когда ты осознал, какую ошибку совершил, женившись на мне. Да, наш брак был ошибкой для обеих сторон. Я вышла за тебя замуж

потому, что ты был очень богат. Но богат — это не значит щедр. Это открылось мне довольно скоро. А когда ты стал меня еще и презирать, вот тогда я поняла, что допустила ошибку.

Лаура загасила окурок, вынула пачку из кармана пижамы и зажгла новую сигарету.

— Если бы ты был добрее ко мне, Бруно, я быть может и смирилась бы с той суммой, которую ты мне выделил. Но ты, увидев, что я не разделяю твоих интересов и что твои друзья наводят на меня скуку, сознательно повел себя так, чтобы я постоянно чувствовала твое превосходство. О, это высокомерие! А когда ты решил сделать наш брак чистой формальностью и настоял на отдельных комнатах, я поняла — необходимо что-то предпринять.

Она подошла и села к нему на кровать.

— Для тебя, Бруно, было бы безопаснее развестись со мной. Я бы охотно дала тебе повод для развода, если бы ты пообещал мне достаточную компенсацию. Но тебя не устраивал развод, не так ли? Все твои мысли сводились к Валерии, к тому, как бы скандал не испортил ее будущее. Ты ни минуты не думал обо мне.

Лаура бросила сигарету на пол и затоптала ее ногой.

— Ты вздумал за мной шпионить. Разве тебя волновало, что Лоуренс — мой любовник? Я была тебе совершенно безразлична. Но мне следовало вести себя достойно ради будущего Валерии! И ты совершил самый глупый поступок, на который только был способен. Ты заявил, что изменишь завещание, если я не расстанусь с Лоуренсом. Вот тогда-то я и решила, что должна действовать, и очень быстро.

Лаура наклонилась над мужем.

— Я хочу видеть твои глаза, Бруно. Четыре года я ждала подходящего момента, чтобы рассказать тебе все. Я выпустила жидкость из тормозной системы, Бруно. Полиция решила, что резервуар, или как он там называется, был проколот случайно, но это сделала я. Когда ты поехал встречать Валерию, я знала, что ты будешь мчаться, как сумасшедший, поэтому и позаботилась о тормозных колодках. Но мне не повезло — тот страшный удар лишь уложил тебя в постель. Правда, я стала хозяйкой положения.

Лаура замолчала, внимательно глядя на Бруно. Минута показалась мне бесконечной. Я как замороженный уставился на нее, она казалась мне сейчас красивой, но отвратительной змеей.

— Как спокойно ты все это воспринял, — наконец, процедила она. — Ты всегда был таким невозмутимым и

безразличным. Но я выведу тебя из этой спокойной самоуверенности. Я еще не кончила, Бруно! Я заставлю тебя страдать за твое пренебрежение ко мне. Ты еще пожалеешь, что не умер тогда.

Она встала с постели и взад-вперед зашагала по комнате.

— Глупо с твоей стороны оставлять Валерии столько денег. Почему ты хочешь завещать ей виллу и даже лодку? Ты даже на минуту не задумался, что же станет со мной, не так ли? Ну вот, она не получит ни денег, ни виллы, ни лодки. Все достанется мне! Слышишь?

Лаура подошла к постели и злобно посмотрела на Бруно.

— Я намерена получить это! Ночью в пятницу Валерия умрет! Звучит драматично, правда? Но все будет именно так. Мне понадобилось время для подготовки. Это было нелегко, но мне доставляли удовольствие все приготовления. Бедняжку Валерию убьют ночью в пятницу. Она станет очередной жертвой маньяка, а этот маньяк — твой милый, интеллигентный Дэвид Чисхолм!

Она наклонилась к Бруно, ее глаза сверкали.

— Думаешь, я пьяна? Не веришь ничему? Ну, посмотрим! Подожди до пятницы. Тогда все увидишь сам. Что, Дэвид не похож на маньяка, не так ли? Но это правда! Его разыскивает полиция. Поэтому он все это время и болтался в Милане. У него нет паспорта, он дезертировал из армии, он скрывается. Я знала все задолго до того, как его встретила. Майор в его части был моим приятелем. Он рассказал мне о нем. Твой умный, милый Дэвид разрезал женщину на куски лет шесть тому назад. Встретив в Дуомо, я тут же узнала его, майор мне показывал фотографию. Я поняла, что он как раз тот человек, которого я искала. Все было так просто, Бруно, мне пришлось только притвориться, что я влюбилась в этого дурака, и он, как ягненок, приехал сюда.

Лаура поправила подушку Бруно, улыбаясь ему.

— Сначала я предполагала, что Беллини расправится с Валерией, но он сказал, что это небезопасно, — она вновь села на постель, сложив руки на коленях, сверкая глазами. — Мне нужно было найти другого, такого, который сразу бы вызвал подозрение у полиции. Поэтому я и выбрала Дэвида. Этот дурак вообразил, будто я хочу, чтобы он убил тебя. И отказался это сделать. Но сначала мне надо избавиться от Валерии.

Она вынула еще одну сигарету из пачки и стала вертеть ее в руках, продолжая пристально следить за Бруно.

— Итак, это сделает Беллини, а вину придется взять на себя Дэвиду. Вот что должно произойти. Я хочу, чтобы ты знал все детали. Сестра Флеминг уедет в пятницу, она попросила отпуск до вторника. Вечером в пятницу, как только Мария уйдет домой, Беллини придет на виллу. Я буду в домике на пристани. Дэвид займется автомобилем. Я позабочусь, чтобы у него нашлась работа неподалеку от дома. Ты будешь вдвоем с Валерией.

Она немного помолчала.

— Я хочу, чтобы ты представил всю эту сцену. Беллини неожиданно нападет на Валерию, и прежде чем она успеет вскрикнуть, сломает ей шею. Может быть, ему придется сделать это в твоей комнате. Хотелось бы, чтобы все произошло именно здесь. Шок может убить тебя, и это облегчит мне задачу. Беллини уйдет отсюда, как только убедится, что она мертва. Затем я вызову полицию. Подозрение падет на Дэвида. Они полностью убедятся в его вине, когда узнают, кто он. Затем, пару дней спустя, тебя найдут мертвым, Бруно. Доктор Перелли решит, что тебя убила гибель дочери.

Женщина встала, подошла к креслу и схватила подушку.

— Разве ты не думал, как мне легко тебя прикончить, Бруно? — прошипела она, подходя к постели. — Все, что потребуется, — это положить подушку тебе на лицо, вот так. Ты ведь долго не протянешь, как ты думаешь?

Она нависла над ним, держа подушку всего в нескольких сантиметрах от его бледного, напряженного лица.

— Все было бы так легко. О, как велико искушение сделать это сейчас же, но не стоит. Сначала Валерия, потом ты.

Лаура бросила подушку обратно на кресло.

— Ты уже не так спокоен, а? Задумайся. Впереди всего четыре дня, и ты ничего не можешь сделать. Ты не можешь никому сказать, ты не можешь предупредить Валерию, ты, черт побери, вообще ничего не можешь. Зато ты сможешь следить за тем, как все это будет происходить. Ты увидишь, как сестра Флеминг уедет в пятницу. Ты услышишь, как я скажу Дэвиду, чтобы он занялся машиной. Ты услышишь, как я скажу Валерии, что отправляюсь в домик на пристани послушать музыку. Ты увидишь, как Мария уйдет домой. Ты будешь лежать здесь, Валерия будет сидеть рядом. И, зная, что сейчас придет Беллини, ты не сможешь ее предупредить. Ты увидишь, как он схватит ее за горло, и, надеюсь, будешь жестоко страдать.

Голос ее внезапно охрип от безумной ярости.

— Я ждала этого четыре года, и буду теперь наслаждаться каждой секундой, начиная с этого момента!

Глава 8

Совершенно разбитый, я стоял на платформе в ожидании парижского поезда. Ночью я спал не больше часа. Подслушанный разговор не давал мне покоя.

Когда утром я пришел на виллу поднять Бруно, то был поражен: он выглядел совершенно больным. Я хотел послать за доктором Перелли, но Лаура, которая ни на минуту не оставляла меня одного с Бруно, не желала об этом и слышать.

— Он волнуется перед приходом Валерии, — нетерпеливо сказала она. — Пожалуйста, не вмешивайтесь в дела, которые вас не касаются, Дэвид. С ним все будет в порядке, когда она приедет.

— Но вы же видите, он болен!

— Не поднимайте панику, — отрезала она. — Доктор Перелли придет к обеду. Тогда он его и посмотрит.

Взгляд, который Бруно кинул на меня, когда я его поднимал, сказал лучше всяких слов, что он поверил рассказу Лауры обо мне, и я был рад поскорее убраться из этой комнаты.

Он провел страшную ночь в одиночестве, зная, что не в силах ничего сделать, чтобы помешать Лауре осуществить ее садистский план. Просто чудо, что несчастный не сошел с ума.

Расхаживая взад-вперед по платформе, я думал, насколько мне повезло, что я подслушал ее монолог. Теперь я предупрежден и готов бороться. Моя задача помешать планам Лауры. Но как это сделать?

Она рассчитывает, что я буду на вилле, тогда у нее все пойдет прекрасно. Но я сделаю все, чтобы не остаться на вилле ночью в пятницу. Если меня там не будет, Лаура не станет рисковать. В четверг вечером, когда ей уже поздно будет изменить свои планы, но еще не поздно предупредить Беллини, что замысел срывается, я скажу ей, что отправляюсь в пятницу ночью в Милан.

Что бы ни случилось, я твердо намерен утром в пятницу навсегда покинуть виллу. Если она станет угрожать мне полицией, я припугну ее тем, что расскажу все доктору Перелли. Думаю, мне удастся убедить Лауру, что ситуация для нее тупиковая.

Белый столбик дыма, возникший на голубом небе, прервал мои мысли. Из-за поворота появился поезд.

Я не имел никакого понятия, как выглядела Валерия, и безнадежно пытался вычислить ее в толпе пассажиров.

— Вы — Дэвид, не правда ли?

Я резко повернулся — передо мной стояла молодая девушка. Темноволосая, хорошенькая. Большие карие глаза и улыбка делали ее неотразимо привлекательной.

— Да, конечно, — сказал я, вздрогнув. — Как вы догадались?

Она засмеялась.

— О, Мария сообщила мне обо всех новостях. Она писала, что вы высокий, темноволосый и очень интересный американец. Как дела у отца?

— Он предвкушает встречу с вами, — осторожно произнес я.

— Мне не следовало бы вообще оставлять его. Ну, хорошо, слава Богу, я вернулась и больше его не покину.

Я не мог отвести от нее глаз. Свежесть, красота молодости, естественная, неиспорченная манера держаться просто завораживали.

— У меня сажа на носу или что-нибудь еще не в порядке? — спросила девушка, смеясь. — Вы так на меня смотрите, будто я сбежала из зоопарка.

Я почувствовал, что краснею.

— Извините меня, синьорина. У вас есть багаж?

— Боюсь, целая куча, — она махнула рукой в сторону двух вспотевших носильщиков.

— Я позабочусь о багаже. Не подождете ли вы в машине, вон там? Я долго вас не задержу.

Пока я наблюдал за погрузкой багажа в другую машину, я думал о разговоре, подслушанном ночью. Господи! Вот эту девушку Лаура так хладнокровно планировала убить! До сих пор она для меня была просто именем. Я даже не принимал ее в расчет, когда стоял в тени, слушая дикие замыслы Лауры. Тогда я был потрясен, но не столько потому, что Лаура намеревалась убить некую Валерию, сколько потому, что она хотела сделать меня жертвой своего заговора.

Пока мы ехали к гавани в разных автомобилях, заваленных багажом, я понял, что не способен оставить такую девушку одну в лапах Лауры и Беллини. До этого момента я думал только о себе. Теперь же осознал, что если замыслы Лауры нарушатся сейчас, это вовсе не означает, что она от них откажется вообще. Я могу вырваться из западни,

но Валерия все равно будет в опасности. Рано или поздно Лаура попытается осуществить свои планы, так легко она от них не откажется.

Мы добрались до гавани. Пока два шофера и я грузили багаж в лодку, Валерия стояла в тени и наблюдала за нами. Но вот я уложил последний чемодан и расплатился с водителями.

— Я очень вам благодарна,— сказала Валерия, когда я помог ей зайти в лодку.— Не знаю, что бы я без вас делала. Можно, я поведу лодку?

— Что ж, попробуйте.

Я сел рядом с ней. Валерия мастерски вывела лодку из гавани, включила мотор и направила ее через озеро.

— Как чудесно вернуться обратно,— сказала она, поглядывая на меня через плечо.— Разве это не прекрасный уголок? Мне кажется, это самое красивое место на земле.

— Одно из самых красивых,— согласился я.— Мне будет жаль...— Тут я понял, что теперь, когда она приехала, мне действительно будет трудно расстаться с этими местами.

— Но вы, надеюсь, не собираетесь нас покинуть?

— Я уезжаю в понедельник. Синьора Фанчино подыскивает мне замену.

— Но разве это так обязательно? Мария писала, что вы читали Бруно, и это принесло ему большую пользу.

Я вспомнил, как Бруно смотрел на меня этим утром. Может быть, я и делал для него что-то нужное в последние дни, но теперь вряд ли принесу ему пользу.

— Мне надо продолжить работу над книгой.

— О,— разочарованно протянула Валерия.— Очень жаль. Я надеялась послушать о вашей книге. Я сама достаточно много знаю о кафедральных соборах. Мы часто ходили вместе с Бруно, когда он работал при министре изящных искусств.

Я спросил ее о пребывании в Париже, и она весело и охотно принялась рассказывать. Когда лодка, наконец, причалила к пристани, мне стало жаль, что поездка закончилась.

— Как вы умудритесь доставить весь этот багаж на виллу? — спросила девушка, перепрыгивая с борта лодки на берег.

— О, справлюсь. Я проведу лодку дальше вдоль берега и одолжу у Биччи грузовик. Он мне и поможет.

— Биччи! Рада о нем слышать. Много лет назад я считалась самой его любимой женщиной,— засмеялась

Валерия.— Скажите ему, что я навещу его, как только смогу.

Я смотрел, как она взбегала по лестнице, ее юбка развевалась на ветру, открывая стройные длинные ноги.

Валерия все еще стояла у меня перед глазами, когда я развернул лодку, вывел ее из бухты и направил вдоль берега.

Я только что закончил разгрузку багажа, когда увидел доктора Перелли, идущего ко мне.

— Что у вас произошло с тех пор, как я последний раз был здесь? — он сразу приступил к допросу, его черные глаза смотрели на меня изучающе.

— Ничего особенного, синьор.

— Вы видели, в каком состоянии синьор Фанчино был сегодня утром?

— Синьора Фанчино сказала, что его взволновало возвращение дочери.

— Чепуха! Что-то случилось. Он чем-то ужасно обеспокоен. Вы сами это видели, не так ли?

— Мне показалось, он выглядит подавленным, — осторожно заметил я.

— Это не совсем подходящее слово. Его глаза говорят, что он испытал сильное потрясение.

— Возможно, волнение...

— Ерунда! Это гораздо сильнее, чем волнение. Ладно, если вы ничего не знаете, нет смысла об этом говорить.

Он сел в машину и завел мотор.

— Я буду здесь завтра. Его нельзя волновать, вы это понимаете?

— Да, синьор.

Доктор кинул на меня долгий, подозрительный взгляд и уехал.

Я вернулся на виллу, занятый своими мыслями. Когда я подошел к двери, появилась Лаура.

— Доктор Перелли тревожится за Бруно, — сказала она, и мне было видно, что она чувствует себя неловко. — Я считаю, что доктор напрасно беспокоится. Но он рекомендовал Бруно полный покой. Он тебе сказал это?

— Да.

— Очень неприятно для Валерии, но ничего не поделаешь. Я просила ее съездить после обеда в Палланзу. Хочу, чтобы она кое-что купила. Поезжай с ней, вдруг ей потребуется помощь.

Я вспомнил, что она сказала Беллини прошлой ночью:

«Мы не можем ничего сделать до пятницы. Мы не имеем права на ошибки. Кроме того, у Дэвида должно быть время, чтобы узнать ее поближе. Это важнее всего».

Очевидно, она не собиралась тратить время попусту.

— Что ты думаешь о Валерии? — вдруг спросила Лаура. — Ты не находишь ее хорошенькой?

— Да, она действительно очень мила.

В ее глазах появилось жесткое выражение.

— В твоих словах не слышно особого восхищения, Дэвид. Я думала, все американцы падки на молодых и хорошеньких девушек.

— Ты думала? Это звучит не слишком убедительно. С таким же успехом можно сказать, что все американки равнодушны к бандитам, курящим сигареты, но смею тебя заверить, это не так.

Я надеялся сказать Бруно, что знаю о планах Лауры, и успокоить его, заверить, что с Валерией ничего не случится. Но, похоже, у меня не будет возможности остаться с ним наедине.

Я понимал, как он страдает, но, с другой стороны, нельзя было допустить, чтобы Лаура заподозрила, что я в курсе ее планов.

После обеда я попытался его увидеть, но был немедленно отправлен восвояси сестрой Флеминг. Обеспокоенный, с тяжелым сердцем я спустился вниз по лестнице к лодке. Валерия ждала меня с затуманенным и несчастным лицом.

— Что происходит с Бруно? — спросила она, когда я сел в лодку. — Он выглядит ужасно. Лаура уверяет, будто он слишком взволнован моим возвращением...

— Вряд ли это так.

— Теперь сестра не разрешает мне его навещать. Это неправильно. Я уверена, что могу его утешить.

— Сестра Флеминг не виновата, — сказал я. — Доктор Перелли предписал вашему отцу полный покой.

— Как вы думаете, Лаура знает что-нибудь об этом?

— Понятия не имею. Давайте забудем об этом.

— Я не хочу забывать, — воскликнула девушка. — Уверена, что Лаура расстроила Бруно. Вы здесь уже целую неделю. Вы должны понимать, что ей на него наплевать. Она никогда его не любила. Думаю, она сознательно довела Бруно до такого состояния.

— Не слишком ли поспешные выводы вы делаете?

Валерия посмотрела на меня, решительно вздернув подбородок.

— Не удивлюсь, если вы знаете об этом больше, чем говорите.

— Нет, не знаю.

Я завел мотор и направил лодку к Палланзе.

Некоторое время мы бродили по узким улочкам Палланзы. Когда Валерия купила все, что заказала Лаура, вновь спустились к пристани.

Я обнаружил, что с Валерией легко беседовать. У нас на многое оказались сходные взгляды. Мы сели в тени, и она стала расспрашивать меня о книге. Я оседлал любимого конька и охотно стал отвечать на ее вопросы. Она действительно неплохо знала многие кафедральные соборы, хорошо разбиралась в искусстве. Мы совсем забыли о времени.

— Вы знаете, который час? — вдруг спросила Валерия, вскочив на ноги. — Почти семь, Бруно пора переносить в постель.

И мы побежали к лодке.

И Лаура, и сестра Флеминг оставались в комнате, пока я переносил Бруно с кресла на кровать.

У меня возникло ощущение, что ему неприятно мое прикосновение. Тяжело было осознать, что теперь я вызывал у Бруно страх. Лицо его было серым и измученным, глаза ввалились. Было совершенно ясно, что его ум в смятении, и он страшно мучается.

Сестра Флеминг выставила меня из комнаты, как только я положил его на кровать. Лаура последовала за мной.

— Завтра Бруно останется в постели. Тебе не нужно приходить утром. Если хочешь сделать что-нибудь полезное, развлеки Валерию. Не надо, чтобы она все время мелькала перед глазами. Она только расстраивает Бруно. Увези ее куда-нибудь на весь день, хотя бы в Милан, если хочешь.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Что-то ты стала очень уж беспокоиться о здоровье Бруно.

— Я скажу, чтобы завтра утром Валерия была готова к половине девятого. Можешь взять машину, — она вернулась в комнату Бруно, захлопнув дверь перед моим носом.

Ночь я спал плохо, ломая голову над тем, как обезопасить Валерию и в то же время избежать неприятностей для себя. Можно пойти к доктору Перелли, но нет уверенности, что он меня не выдаст. Один неверный шаг — и полиция бросится по моим следам. Ситуация запутана и опасна. И у меня осталось всего три дня, чтобы принять решение.

Наконец я решил придерживаться первоначального плана — отсутствовать на вилле ночью в пятницу. Беллини надеется ожидание, и он уберется восвояси. Затем придется подумать о том, чтобы обезвредить Лауру.

На следующее утро в половине девятого у гаража мы встретились с Валерией.

— Лаура говорит, что я должна поехать с вами в Милан,— сказала она, нахмурясь.

— Если вы хотите.

— Да, мне хотелось бы, но мне не нравится, когда ко мне относятся как к ребенку. Я осталась бы здесь назло Лауре, чтобы показать, что она не вправе мне приказывать.

— Но вы ведь и сами хотите поехать, верно? — я улыбнулся, глядя на ее расстроенное лицо.

— Я должна вернуться к приходу доктора Перелли. Он сказал, что появится к обеду.

— Это все решает. Мы не успеем из Милана вернуться сюда к обеду. Так что сейчас лучше отправиться в Стрессу, а завтра утром — в Милан.

Она подумала и кивнула.

Мы провели очень приятное утро в Стрессе, разглядывая витрины магазинов и наблюдая за туристами. Валерия расспрашивала о сражениях на юге Италии, и я рассказывал о том, что видел и что делал сам, вспоминал освобождение Рима.

Нам было очень легко вместе, она оказалась очаровательной собеседницей. Как и вчера, время пролетело незаметно, и мы вернулись обратно, чуть не разминувшись с доктором Перелли, который уже собирался уезжать.

— Как он, доктор? — взволнованно спросила Валерия.

— Бруно в том же состоянии. У него на уме какая-то мысль, которая его убивает. Хотел бы я узнать, в чем дело. Я прописал ему успокоительное, он будет крепко спать. Не следует его беспокоить. Сестра Флеминг сделает все, что нужно. Она отменила отпуск. Возможно, после хорошего отдыха его состояние начнет улучшаться.

Я подумал о Лауре. Ей придется отложить исполнение своих планов, если сестра Флеминг останется на вилле.

В то же время я почувствовал облегчение, у меня появилось время подумать, как обеспечить безопасность Валерии.

Перелли взглянул на меня.

— Я слышал, в понедельник вы собираетесь покинуть виллу. Это действительно так?

— Да, я планировал.— Внезапно мне захотелось,

чтобы мое решение об отъезде не было окончательным.

— Хорошо, если бы вы остались еще на неделю. Если Бруно станет лучше, я разрешу ему бывать на воздухе. А это значит, его необходимо поднимать. Мне бы не хотелось, чтобы Лаура привела нового человека. Кто знает, каким он окажется. Подумайте, может быть, вы останетесь еще на неделю?

Я колебался.

— Пожалуйста, останьтесь,— сказала Валерия.— Я знаю, что Бруно не любит перемен. Для него будет лучше, если вы все-таки останетесь.

— Ну, ладно, согласен,— сказал я, в глубине души и сам того желая.

Перелли кивнул.

— У вас пока не будет особых дел. Но я надеюсь, на следующей неделе Бруно станет легче, вот тогда вы сможете выносить его в сад. В чем он по-настоящему нуждается, так это в полной перемене обстановки. Хорошо бы свозить его в Стрессу на недельку.

— Это прекрасная мысль,— с энтузиазмом воскликнула Валерия.— Он вне опасности, доктор?

Перелли покачал головой.

— У Бруно хорошее сердце, прямой угрозы его здоровью нет. Дайте ему отдохнуть.

Доктор похлопал Валерию по плечу.

— Радуйтесь жизни и ни о чем не беспокойтесь,— он направился к автомобилю.

Валерия повернулась ко мне, ее глаза сияли.

— Это хорошие новости,— проговорила она.— Бруно действительно надо дать отдохнуть. Спасибо, что вы согласились остаться.

— Я рад быть вам полезен.

— Давайте махнем на остров Белла, полюбуемся та-мошними садами. А завтра отправимся в Милан. Там пообедаем и останемся на весь день.

— Не знаю, как быть. Ведь я здесь всего лишь на-емный работник. Лучше спросить у синьоры Фанчи-но.

— О, она не будет возражать. Значит, поедем?

— Если она согласится — я не возражаю.

После обеда, когда я выходил из кухни, меня окликнула Лаура. Она была бледна, глаза казались усталыми и печальными. Ее планы все осуществить в пятницу рухнули. Беллини серьезно возражал против любой задержки, а теперь, скорее всего, он устроит ей скандал.

— Перелли просил тебя остаться? — сухо осведомилась она.

— Да. Это твоя идея?

— Конечно, нет. Напротив, я считаю, что тебе лучше уехать.

— Меня тоже вполне устраивает отъезд в понедельник. Я отложил его только потому, что меня попросил об этом Перелли.

Лаура усмехнулась.

— Приятно слышать, что именно Перелли тебя уговорил. Послушай, меня не покидает мысль, что ты увлекся Валерией.

Я с трудом сдержался, чтобы не нагрубить.

— Кажется, Валерия хочет тобой покомандовать. Она воображает, что я — против. Но у меня нет возражений. Развлекайтесь в свое удовольствие.

Следующие пять дней мы с Валерией провели вместе.

Ездили в Милан, на озеро Комо, в Павию. На лодке добрались до Локарно. Взошли на Моттероне и на ее вершине устроили пикник, восхищаясь открывающейся оттуда прекрасной панорамой степи и Альпийских гор. Мы ездили на ночную рыбалку с рыбаками и удили форель. Купались, загорали, разговаривали и наслаждались жизнью.

Время для меня остановилось, будто я выбрался на мирный и счастливый берег из бешено бурлящего потока, в котором барахтался. В моей жизни еще не было такого сладостного периода.

Я помогал садовнику пилить дрова для каминов на зиму, когда приехал врач. Я видел, как Перелли вошел в комнату Бруно. Он пробыл там долго, больше часа, а когда вышел, выглядел успокоенным.

Он долго беседовал с Валерией, затем позвал меня.

— Я хочу с вами поговорить, — резко сказал он. — Пойдемте со мной к машине.

Удивленный его резкостью, я последовал за ним.

— Прежде всего, я рад вас успокоить — синьору Фанчино гораздо лучше. Он много спал, отдых принес ему пользу, и я надеюсь, его самочувствие начнет улучшаться.

— Хорошая новость, мне приятно это слышать.

— Очень может быть, что уже сегодня мы вынесем его на солнце. Я сказал Валерии, что она может посидеть с ним после обеда. Сестра Флеминг рвется уехать — ее сестра, живущая в Милане, плохо себя чувствует. Мне кажется, теперь ее можно отпустить.

Мое сердце упало. Я знал, что в отсутствие сестры

Флеминг Лаура снова попытается осуществить свои планы.

— Сестра Флеминг говорит, что вы проводите много времени в обществе Валерии,— Перелли смотрел на меня изучающе.

— Похоже, что так,— ответил я.— Синьора Фанчино просила меня уделять побольше внимания синьорине Валерии.

— Я так и понял. Пока синьор Фанчино не может сам заниматься своими делами, я являюсь опекуном Валерии. И мне кажется не очень разумным, что она проводит столько времени с вами, Чисхолм. Я ничего против вас не имею, но она молода и впечатлительна. Я не хочу, чтобы она увлеклась вами. Сейчас она сможет больше бывать с отцом. А вы возьмите за правило избегать ее общество.

Кровь бросилась мне в лицо.

— В таком случае, доктор,— отрезал я,— вам надо подумать над тем, что ей делать в свободное время. Синьора Фанчино не очень подходящая для нее компания, впрочем, как и сестра Флеминг.

Он улыбнулся.

— Не сердитесь, Чисхолм. Вы хорошо знаете, что молоденькая девушка не всегда может управлять своими чувствами, особенно, если находится в обществе такого интересного мужчины, как вы. Я не запрещаю ее видеть, а прошу только позаботиться о том, чтобы она не потеряла голову.

— Хорошо,— сказал я.— Думаю, мне все-таки лучше уехать в понедельник.

— Значит, я должен найти кого-нибудь на ваше место. Я уже сказал синьоре Фанчино, что постараюсь отыскать нового человека. Вы можете готовиться к отъезду.

Он сел в машину.

— Вы не обиделись на меня, Чисхолм?

— Нет, конечно, нет. Думаю, вы правы.

— Я знал, что вы разумный человек,— улыбнулся Перелли. И уехал.

Не могу точно сказать, когда я влюбился в Валерию. Возможно, это произошло в нашу первую встречу, когда она предстала передо мной воплощением молодости, красоты, ликующей жизни.

Я не осознавал, что влюблен. Но однажды, когда мы сидели в тени деревьев на маленьком укромном пляже в Черро, я случайно поднял глаза и встретил ее взгляд. И понял, что не безразличен ей. Она быстро отвернулась

и покраснела. Вот тогда-то мне пришла в голову мысль, напугавшая меня.

Да я же влюбился!

Любви такого рода я прежде не испытывал. Ее нельзя было сравнить с сумасшедшим, чисто физическим увлечением Лаурой. Здесь все было иначе. Я знал, что эта любовь безнадежна. Я на тринадцать лет старше Валерии, беден, меня разыскивает полиция. Да у меня просто нет будущего.

— Дэвид, вы меня удивляете. Почему вы живете в Италии такой жизнью? О, я знаю, причина — книга, но неужели вы не можете найти лучшей работы?

— Чепуха! У меня все в порядке.

— И вы действительно уедете, как только Бруно станет лучше?

— Да, я должен уехать. Мне нужно кончить книгу. Валерия долго молчала, глядя на озеро.

— Без вас здесь будет очень скучно,— прошептала она наконец.

Я чувствовал, как у меня пересохло во рту.

— У вас все будет хорошо. Вы скоро найдете, чем заняться.

Она посмотрела на меня.

— Но вы можете не уезжать, если вам этого не хочется, Дэвид. Вы можете продолжить работу Бруно.

— Какую работу? — удивился я.

— Бруно возглавлял комиссию по восстановлению разрушенных войной церквей в Ломбардии. Эта работа продолжена комиссией, но никто не удосужился что-нибудь сделать с его записями и собранным материалом. Я знаю, он будет рад, если вы приведете документы в пригодный для пользования вид. Бруно, конечно, вам заплатит, и у него появится интерес к жизни.

Искушение было велико, но я знал, что бесполезно об этом даже думать.

— Очень сожалею, но из этой затеи ничего не получится. Как только я закончу с моими собственными записями, я вернусь домой.

Она встала.

— Ну что ж, Дэвид, если вы хотите уехать...

Мы оба были необычайно молчаливы, пока шли обратно на виллу, и в первый раз с момента нашей встречи разговор не клеился.

За прошедшие пять суток состояние Бруно не улучшилось. На следующий день, в среду, должен был приехать доктор Перелли.

Я проводил глазами удаляющуюся машину, потом медленно побрел по дорожке в сад. Валерия бегом спустилась с веранды и подошла ко мне. У нее были пунцовые щеки и сердитые глаза.

— Мне нужно поговорить с вами, Дэвид. Давайте спустимся к пристани.

— Я сейчас занят,— сказал я, стараясь не смотреть ей в глаза.— Надо помочь Джулио.

— Но мне нужно поговорить с вами. Пожалуйста, пойдите со мной. Это очень важно, Дэвид.

Я проследовал за ней к пристани. Мы остановились под ивами, и они скрыли нас от посторонних глаз.

— Что вам сказал доктор Перелли? Он заявил, что мы не должны видаться.

Я не мог не улыбнуться, глядя на ее сердитое и взволнованное лицо.

— Он совершенно прав, и вы это знаете, Валерия. Мы забыли, что здесь я простой работник. Люди говорят о нас. Сестра Флеминг возмущена.

— Как она смеет вмешиваться? — воскликнула Валерия.— И у Перелли тоже нет никакого права влезать в мои дела.

— У него есть право — он ваш опекун, а вы еще так молоды. Я наслаждался вашим обществом, но нарушать распоряжения доктора Перелли не могу.

Лицо Валерии вспыхнуло.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали! Я не хочу, чтобы вы избегали меня! Я вас люблю, Дэвид!

— Вы не должны так говорить...

Она не дала мне договорить.

— Вы тоже любите меня, не так ли?

Я обнял ее и прижал к себе прежде, чем осознал, что делаю.

— О, Дэвид, дорогой! — прошептала она.

И тут я понял, что происходит, и попытался оттолкнуть ее, но она обвила мою шею руками.

— Скажите же, вы любите меня?

— Да, люблю, но из этого ничего не следует. Что подумает ваш отец?

— Не глупи, Дэвид. Это касается только меня и тебя. В тот момент, когда я тебя впервые увидела, освещенного солнцем, такого озабоченного...

— Прекратите! — страстно произнес я и резко вырвался из ее объятий.— Это не приведет ни к чему хорошему.

Нас в жизни слишком многое разделяет: и возраст, и все остальное. Ничего не выйдет.

— Конечно, выйдет, — улыбнулась она. — Я поговорю с Бруно. Он поймет. Ты ему нравишься. Он даст тебе работу, о которой я говорила. Ты останешься и сможешь трудиться над книгой. О, дорогой, все так хорошо складывается!

— Не так хорошо, Валерия. Вы ничего обо мне не знаете, и, кроме того, я слишком стар для вас. Я даже не буду это обсуждать.

До нас донесся голос Лауры:

— Валерия! Где ты?

— Идите к ней, — сказал я, слегка подтолкнув девушку. — Она не должна видеть нас вместе.

— Я не намерена отказываться от тебя, Дэвид, — страстно произнесла Валерия. — Я знаю, ты любишь меня, и я люблю тебя. Я не дам тебе наделать глупостей.

Она повернулась и побежала вверх по ступенькам.

Я вернулся к лодке, которую чистил и тут услышал, что на моторной лодке в бухточке выключили двигатель. Через минуту большая лодка вырвалась из-под завесы и направилась в сторону Стрессы. За рулем сидела Лаура.

Я резко дернул за ручку, мотор заработал, и я отправился следом за Лаурой, ничуть не сомневаясь в цели ее поездки.

Я добрался до Пескатори меньше, чем за час. Когда я проплывал мимо, то заметил лодку Лауры, привязанную у причала гостиницы.

Я проследовал до гавани в Стрессе, привязал лодку и выбрался на берег.

Теперь я знал, что должен принять решение. Больше откладывать нельзя.

Я медленно шел под палящими лучами солнца, пока не добрался до цветника перед отелем «Королевский замок», там я сел, закурил и стал размышлять, как поступить.

В глубине души я знал, что есть только одно решение, другого просто быть не может. Но до настоящего момента я не хотел об этом даже думать.

Ситуация такова — Валерия меня любит, а я люблю Валерию. Есть работа, которая доставит мне большое удовольствие. Возможно даже в будущем уговорить Бруно дать согласие на наш с Валерией брак.

Но есть еще Лаура. Достаточно одного ее слова — и меня могут арестовать и даже повесить за убийство, которое я не совершал. Моя судьба и судьба Валерии в руках Лауры.

Значит, пока Лаура жива, ни Валерия, ни я не будем в безопасности. Но если так случится, что Лаура умрет...

Ну вот, наконец-то моя расплывчатая идея приняла конкретную форму. Подспудно эта мысль не оставляла меня последние два дня.

«Если так случится, что Лаура умрет...»

Я отбросил сигарету и встал. Это бред сумасшедшего! Меня просто затянула атмосфера готовящегося убийства. Легко сказать самому себе: «Если так случится, что Лаура умрет...» Но Лаура не собирается умирать. Разве только...

Отсюда, где я сейчас стоял, хорошо были видны красные крыши и белые дома Ароло.

Она планировала убийство Валерии, почему же я не могу... Какое право имеет на жизнь это чудовище! Ее смерть была бы высшей справедливостью.

Мое сердце бешено колотилось, во рту пересохло. Нет, нет, к черту подобные мысли. Но отпугнуть их было не так-то просто. Если я не хочу потерять Валерию, Лаура должна уйти из жизни.

С тех пор, как Лаура пыталась подтолкнуть меня на убийство Бруно, меня не покидало ощущение, что пойти на преступление не так уж сложно. Особенно, когда на убийство толкают обстоятельства.

Но как это сделать и остаться безнаказанным? Есть ли возможность свалить вину на Беллини? Лаура намеревалась меня впутать в историю с убийством. Почему бы мне не впутать Беллини в преступление? Опять же, это было бы высшей справедливостью.

Я закурил вторую сигарету и был крайне удивлен, что моя рука не дрожит. Пульс стал нормальным. Я только ощущал холодок внутри, несмотря на жару.

Надо быть очень осторожным. Полагают, что каждый убийца совершает как минимум одну ошибку. Я не имею права на ошибку. В моих руках жизнь Валерии.

Итак, надо все просчитать.

Первое — мотив. Нужно найти убедительный мотив, который навлечет подозрение на Беллини.

Его уже и так подозревают. У него за плечами тюрьма и репутация жестокого бандита. Полицию не трудно будет убедить, но следует найти приемлемый мотив.

Что же это может быть? Жемчуга Лауры?

Она забрала их у ювелира и уже несколько раз надевала. Выкрасть жемчуга из ее комнаты несложно, если, конечно, она не наденет их вечером в пятницу.

Беллини работал на вилле. Он мог знать о жемчугах.

Допустим, он решил их украсть, но ему помешала Лаура. И он убил ее.

Я чувствовал, как струйки холодного пота текут по моему лицу и нетерпеливо вытер лоб.

Лаура договорилась встретиться с Беллини у домика в пятницу, в девять вечера.

Предполагалось, что я буду занят автомобилем в гараже, а Валерия в это время должна сидеть с Бруно.

Незадолго до девяти я спущусь к домику, ключом, который она мне дала, открою комнату. Когда Лаура придет, ударю ее по голове, затем спущусь вниз к бухте и буду ждать Беллини.

Конечно, Беллини отпетый головорез. Но там, в темноте, легко прятаться. Удар по голове мешочком с песком не оставит никаких следов. Я на него нападу, когда он будет выходить из лодки. Затем положу шитку жемчуга ему в карман и брошу труп в озеро. Я могу даже опрокинуть его лодку.

Полиция вполне может решить, что, торопясь скрыться, Беллини неудачно качнул лодку, упал в воду и утонул.

На первый взгляд замысел неплох. Однако, есть и очевидные просчеты. Предположим, Беллини приседет первым? Или они появятся вместе?

Мне надо еще поразмыслить над альтернативными вариантами, но основной принцип можно считать верным.

Долгое время я сидел на скамейке, так и этак взвешивая риск, изыскивая возможные ошибки, проигрывая все варианты.

За это время я выяснил, что убийство может быть поразительно интересным объектом для размышления. Идея эта уже не вызывала во мне панического страха.

Глава 9

Примерно в четыре часа я покинул бульвар Стрессы и отправился на станцию, рассчитывая попасть на поезд в Милан, отходящий в четыре сорок.

Я постарался затеряться среди туристов, стоящих в очереди за билетами.

Очень важно, чтобы я не выделялся в толпе. Поездка в Милан должна, насколько возможно, остаться тайной.

Я вошел в купе третьего класса и сел между толстухой с большим узлом на коленях и высоким худым мужчиной в черном, по виду торговым агентом. Никто не обращал на

меня внимания, и пока поезд мерно покачивался на рельсах, я думал о том, как бы реагировали окружающие, если бы знали, что у меня на уме.

Еще вчера я бы не поверил, что могу планировать убийство, не испытывая при этом колебаний, страха или угрызений совести.

Как только я признал, что возможно лишь одно решение проблемы, я стал таким же хладнокровным и безжалостным, как Лаура в ту ночь, когда она пыталась заставить меня уронить Бруно.

Моей единственной заботой было не допустить ни одной ошибки.

В течение полутора часов, которые я провел в Стрессе, обдумывая свой план, я осознал, что оба — и Лаура, и Беллини — бессознательно играли мне на руку.

Я вспомнил, как Лаура говорила Бруно, что спустится вниз к домику на пристани и включит радиолу. Это пойдет мне на пользу, поскольку музыка заглушит любые звуки, которые она издаст, если я не смогу достаточно быстро до нее добежать и заставить замолчать. Беллини подплывет на лодке и будет ждать, когда в окнах домика загорится свет. Значит, мне не придется действовать в темноте.

Единственная серьезная трудность, которая может возникнуть — это если кто-нибудь из них запоздает или если они появятся вместе. Однако я решил, что это маловероятно.

Чтобы иметь неопровержимое алиби, Лауре придется уйти с виллы до девяти часов. Она, конечно, включит радиолу на полную мощность, чтобы Бруно и Валерия знали, что она в домике на пристани. Громкая музыка поможет также скрыть любой звук, издаваемый Беллини, пока он будет добираться до виллы. В тихую ночь звуки музыки разносятся очень далеко по водной глади.

Но мне придется принять все меры предосторожности. Беллини чрезвычайно силен. Я знал, что у меня нет шансов его победить, если дело дойдет до рукопашной. Мне нужно оружие. Я не собирался пускать его в ход, но если не будет возможности ударить Марио мешком с песком, мне понадобится пистолет.

Я знал, что достать оружие не так-то просто. Но поскольку оно необходимо, я решил воспользоваться пистолетом Торчи. Только вот как его выкрасть? Хотя Торчи никогда этого не говорил, я знал, что он состоит в мафии. Джузеппе, будучи сильно пьян, рассказал мне об этом. Если мне придется застрелить Беллини, я оставлю пистолет

около него. Полиция может установить, что оружие принадлежит Торчи.

Полиция подозревает Беллини в убийстве Луиджи Галлио, там, безусловно, известно, что он состоит в мафии. Обнаружив пистолет Торчи возле Беллини, полицейские решат, что бандиты не поделили жемчуга. Если же у Торчи окажется надежное алиби на эту ночь, тогда полиция может предположить, что Торчи приказал какому-нибудь члену мафии убить Беллини, снабдив своим оружием.

Я не намеревался втягивать в это дело Торчи. Но поскольку он выдал меня Лауре, меня не будет мучить совесть, если все-таки придется его использовать.

Я не хотел стрелять в Беллини, но если не удастся с ним справиться, может быть, придется это сделать... На такой случай у меня был альтернативный план.

Те часы, которые я провел в Стрессе на бульваре, не пропали даром. Я несколько раз скрупулезно просчитал каждый пункт плана, и теперь у меня появилась уверенность, что я предусмотрел любую мелочь.

До квартиры Торчи я добрался в шесть часов. Из телефонной будки, расположенной напротив, набрал его номер. Никто не ответил, и было очевидно, что дома никого нет. Я перешел улицу и поднялся наверх.

На площадке третьего этажа пожилая женщина открывала ключом свою дверь. Я поднялся на четвертый и постучал в дверь Торчи. Никто не ответил. Тогда я открыл дверцу почтового ящика и вытащил ключи от квартиры. Симона то и дело теряла свои ключи, поэтому Торчи всегда имел запасной ключ под рукой.

Я отпер дверь, вошел и принялся за тщательные поиски. Пистолет оказался под стопкой белья в ящике комода. Это был автоматический кольт 38-го калибра. Я проверил, заряжен ли он. Четыре пули было в обойме, одна — в стволе. Я опустил пистолет в карман, и в это время услышал, как стукнула дверца почтового ящика.

Я встал в проеме окна за задернутой занавеской.

— Говорю тебе, он не вернется до девяти часов, — нетерпеливо сказала Симона, входя в комнату. — Но если ты боишься, можешь идти домой, мне все равно.

— Я не боюсь.

Я слегка отодвинул занавеску, чтобы было видно комнату. Спиной ко мне стоял Умберто. Симона, с оживленным и полным ожидания лицом, улыбалась ему.

— Не знаю, не опасно ли это? — смущенно пробормотал он. — Если Торчи о нас узнает...

— Он ушел на собрание, раньше девяти не вернется.

— Ну, ладно, если ты уверена. Но я не могу дать тебе больше тысячи лир.

Симона взяла его за руку и потянула в спальню.

— Ты должен мне гораздо больше,— сказала она сердито.— Тысяча лир — это ерунда.

На цыпочках я добрался до двери и тихо спустился с четвертого этажа на улицу.

Добравшись до площади Лорето, зашел в магазин и купил пару тонких кожаных перчаток. Они эластично облегли руку. Затем заглянул в мастерскую, вывеска на которой гласила: «Ключи всех видов, изготавливаются в присутствии заказчика».

Я протянул мастеру ключ от домика, который мне дала Лаура, и попросил сделать дубликат. Мне пришлось подождать минут двадцать, затем мастер вручил мне два ключа.

Итак, первая стадия моего плана выполнена успешно. У меня есть пистолет, перчатки, ключ. Теперь мне нужен мешок с песком, но это уже нетрудно достать.

Я вернулся к себе в комнату в четверть десятого. В Милане я купил бутерброды и флягу кьянти, поскольку мне не хотелось идти на виллу. Поужинав, я лег на постель и курил до тех пор, пока не услышал, как Биччи с женой отправились спать. Подождав еще час, тихо спустился в гараж. Там нашел небольшой кусок мешковины, который годился для моей цели, и ящик с песком. Я взял песку, мешковину, кусок проволоки и вернулся к себе. Изготовить мешок с песком оказалось несложно. Торчи всегда носил такой при себе. Он обычно говорил, что это лучшее средство для разрешения споров. Я часто держал его в руках, поэтому знал, какого он должен быть размера и веса.

На следующее утро я отправился на виллу.

На веранде сестра Флеминг встретила меня с улыбкой.

— Синьора Фанчино надо переносить в кресло? — спросил я.

— О, да. Он прекрасно спал эту ночь и выглядит намного лучше.

— Когда вы уезжаете, сестра?

— Завтра утром.

Я был поражен — состояние Бруно улучшилось. Почему? Он же должен знать, что как только сестра Флеминг уедет, Валерия снова будет в опасности. Единственное

объяснение, которое пришло мне в голову,— Лаура смогла убедить его, что она все выдумала, что у нее и в мыслях не было причинить вред Валерии.

Да, да, именно в этом и заключается разгадка, подумал я, следуя за сестрой Флеминг. Лаура, видимо, поняла, что пока Бруно не перестанет волноваться, сестра Флеминг его не покинет, и ее планы не осуществляются. Она, должно быть, умудрилась убедить мужа, что просто хотела его помучить.

Когда я вошел в комнату, Бруно испытующе взглянул на меня, но в глазах его больше не было страха. И когда я поднял его, мне показалось, что он не пытался от меня отстраниться.

Я перенес его на кресло и сказал:

— Мне очень приятно, синьор, что ваше здоровье улучшилось. Надеюсь, вы скоро будете чувствовать себя совсем хорошо.

— Ладно, Чисхолм,— кисло заметила сестра Флеминг.— Вы свободны, я должна умыть пациента.

Я улыбнулся Бруно, чувствуя себя несколько неуютно. Его лицо не выражало обычного дружелюбия, хотя глаза и не были враждебны. Возникло ощущение, что он не очень доверяет мне теперь, как будто я для него стал загадкой.

По дороге в сад я столкнулся с Лаурой. Лицо ее осунулось, под глазами залегли темные круги.

— Где ты был прошлой ночью? — резко спросила она.— Ты мне был нужен. Мне не нравится, что ты уходишь, не предупредив меня.

Я улыбнулся. Теперь она ничего для меня не значила, и я подумал, что был последним дураком, когда увлекся ею.

— Ты забываешь, что я уже не твой слуга, меня просил остаться доктор Перелли,— сказал я.— Я не обязан докладывать тебе, куда отправляюсь.

Ее глаза сердито блеснули, но она сдержалась.

— Ах, вот как? Тогда прошу отдать мне ключ от домика, ты забыл его возвратить.

Я был уверен, что рано или поздно она потребует ключ, поэтому и сделал дубликат.

— Вот он,— сказал я, вынимая ключ из кармана.— Мне надо было сделать это раньше, но я попросту забыл об этом.

Лаура взяла ключ.

— Пожалуйста, не забудь, что сестра Флеминг уезжает.

Мне бы хотелось, чтобы в ее отсутствие ты не покидал виллу, когда тебе вздумается.

Мои глаза заскользили по ее лицу, остановились на лбу. Я поймал себя на мысли, что мне придется ударить ее именно по лбу; удар должен быть нанесен чем-то тяжелым, чтобы раздробить кость. Она умрет быстро и безболезненно.

— Дэвид!

Ее глаза с трудом вернули меня к действительности.

— Прошу прощения, я думал о своем. Конечно, я буду здесь.

Она удивленно взглянула на меня.

— Тогда это все, Дэвид.

Я отошел. Мне нужно найти оружие, чтобы ее убить. Я об этом не подумал. Это должен быть какой-то предмет, находящийся в комнатах домика; нужно выбрать такой, который скорее всего схватил бы Беллини, чтобы ударить Лауру и заставить ее замолчать.

После одиннадцати Лаура в «альфа-ромео» направилась в сторону Сесто Календо. Как только машина скрылась из виду, я двинулся в сторону домика. Отперев дверь, осмотрелся. На камине стоял маленький бронзовый бюст Данте на квадратной подставке. Я подошел и поднял бюст за голову. Он оказался тяжелым. Вот и прекрасное оружие. Острые углы подставки нанесут смертельную рану, если я смогу ударить достаточно сильно. Я поставил бюст обратно и стал подыскивать себе место, где бы спрятаться в ожидании Лауры, если она запоздает.

Я вошел в гардеробную. Большой гардероб может послужить прекрасным тайником. Я распахнул его двери и убедился, что они открываются бесшумно. В нем достаточно места, чтобы стоять. Я закрыл дверь, вернулся в гостиную и увидел Валерию. Она с удивлением смотрела на меня.

— Дэвид, что ты здесь делаешь?

Ее внезапное появление меня обескуражило, я не мог произнести ни слова.

— В чем дело, Дэвид? Почему у тебя такой странный вид?

Я вымученно улыбнулся.

— Твое появление меня поразило. Я думал, это Лаура.

— Ты сам не свой. Что-нибудь стряслось?

— Нет, просто ты застала меня врасплох. Мне ведь не следовало быть здесь, и я подумал, что Лаура застала меня в своих комнатах. Дверь была открыта и мне стало

любопытно посмотреть, на что похоже это помещение. Правда, здесь неплохо?

— Ненавижу эти комнаты,— Валерия вздрогнула.

— А что же ты здесь делаешь?

— Я искала тебя. Спустилась вниз к пристани, и, не найдя тебя там, поднялась наверх посмотреть, нет ли здесь Лауры.

Я последовал за Валерией вниз по лестнице, мы остановились у пристани.

— Дэвид, вчера...

— Сядь,— сказал я, присев на парапет и посадив ее рядом с собой.— Я тоже размышлял о том, что произошло вчера между нами.

— Дэвид,— она взяла меня за руку,— все что я сказала — правда.

— И насчет работы?

— Думаю, что смогу убедить его дать тебе эту работу. Если ты будешь с ним работать, он гораздо легче свыкнется с мыслью, что мы любим друг друга.

— Хорошо, я возьмусь за эту работу, Валерия, если он мне ее предложит.

Она быстро взглянула на меня.

— Дэвид, что-то произошло, не так ли? Вчера и слышать не хотел об этой работе, а сегодня резко изменил свое решение.

— Прошлой ночью я понял, что был тупоголовым гордецом, что легкомысленно отказываюсь от счастья быть с тобой.

— Не хотела бы показаться дурой, Дэвид, но все-таки у меня такое чувство, что произошло нечто такое, что изменило твои взгляды. Ты даже внешне изменился. У тебя такой вид...

Я знал, что изменился. В тот момент, когда я решил избавиться от Лауры и Беллини, мной овладела какая-то мрачная сила.

— Ерунда,— сказал я, вставая.— Тебе просто померещилось. Теперь слушай, дорогая. Доктор Перелли не хочет, чтобы мы были вместе. Сестра Флеминг обязательно доложит ему, если ты будешь надолго отлучаться с виллы. Он может помешать мне получить эту работу, поэтому нам нужно быть осторожными.

Пока я говорил, она смотрела на меня с тем же неуверенным, озадаченным выражением в глазах, которое я подметил у Бруно.

— Ты действительно меня любишь, Дэвид?

Я обнял ее.

— Больше всего на свете. Все хорошо, Валерия. Беспокоиться не о чем.

Она поцеловала меня и прижалась ко мне на мгновение.

— Ты будешь рад остаться здесь, Дэвид?

— Я буду счастлив, пока ты со мной, — ответил я.

Она взбежала вверх по ступенькам. А я внезапно вспомнил, что брался за бюст без перчаток. На нем остались отпечатки пальцев! Я вернулся в домик — именно ошибки такого рода и выдают обычно убийцу.

После обеда я выбрал из своих вещей самое необходимое и упаковал в маленький саквояж.

Я должен предусмотреть все. Если произойдет нечто непредвиденное и мой план сорвется, надо подготовить пути к отступлению. В крайнем случае придется на моторной лодке отправиться в Бриссаго, швейцарский пограничный город. Я был убежден, что на озере нет более быстроходной лодки, чем лодка Бруно. Если полиция устроит погоню, я смогу легко скрыться.

Тогда я оставлю лодку недалеко от Бриссаго, а затем попытаюсь под покровом темноты перейти границу. Потом я направлюсь в Локарно, где смогу задержаться на день-другой, смешавшись с туристами, вернусь через Комо в Милан. А из Милана отправлюсь в Рим, где надежно спрячусь, пока не прекратятся поиски.

К счастью, у меня были те семь тысяч лир, которые мне заплатила Лаура, да еще три тысячи своих.

Саквояж я отнес к домику на пристани и спрятал под чехлом для лодки. Затем опустил лодку в бухту и тщательно проверил мотор.

И тут послышался шум небольшого двигателя. Я поднял голову и увидел, что ко мне направляется моторка. За рулем сидел коренастый мужчина в белой рубашке и фланелевых брюках. Он включил мотор и подвел лодку к берегу. Я вылез на берег и пошел вдоль пристани, гадая, что ему понадобилось.

Мужчина доброжелательно мне улыбнулся.

— Извините меня, — сказал он с сильным американским акцентом. — Могу я где-нибудь поблизости заправиться бензином! Я почти все израсходовал.

— Здесь недалеко есть гараж, — сказал я. — Видите вон ту иву? Если вы около нее пристанете и подниметесь по берегу, вы его легко найдете.

Он ухватился за причальное кольцо, вделанное в стену на пристани.

— Вы американец?

— Наполовину,— осторожно ответил я.— Вы здесь в отпуске?

— Точно. Мы с женой остановились в Стрессе. Неплохое место, не правда ли? А что это вон там за остров?

— Остров Белла. Принадлежит семейству Борромео. Они владеют им с 1650 года.

— Правда? — это произвело на него впечатление.— Мне бы хотелось на него взглянуть.

— Конечно, но это будет вам стоить сто пятьдесят лир. Вы же знаете, в Италии ничего не делается даром. Он засмеялся.

— Полагаю, я от этого не разорюсь. Ладно; спасибо. Я заправорю бензином и отправлюсь на остров. Премного обязан!

— Не за что.

— Извините, но не встречал ли я вас раньше? — небрежно спросил он, глядя на меня.

— Что-то не припомню. Может быть, в Милане?

Американец покачал головой.

— Я никогда не был в Милане. Мне кажется, я вас видел в армии. Я был в штаб-квартире генерала Костэна в сорок пятом году.

Я почувствовал, что кровь отхлынула от моего лица. Не знаю как нашел силы ответить:

— Я не был в армии.

Слова, казалось, звенели в моей сухой гортани.

— Возможно, я вас с кем-то перепутал,— произнес он.— Вы напомнили мне сержанта, который сопровождал генерала на экскурсию,— он засмеялся.— Сержант угнал генеральскую машину и дезертировал. Не могу сказать, что я его виню. Генерал был самой последней дрянью, какую я когда-либо встречал в армии, а встречал я их немало.

Я ничего не сказал — просто не мог.

— Забавно, ты запоминаешь такие вещи,— продолжал он, посмеиваясь.— Увидишь кого-нибудь, и память начинает работать. Странная штука — память. Прошло шесть лет, но я помню ту суматоху, как будто это произошло вчера,— он отпустил кольцо.— Ну хорошо, не буду вас задерживать. Большое спасибо за совет.

Он помахал мне, включил мотор и направил нос лодки в сторону гаража Биччи.

А я, оцепенев, еще долго смотрел ему вслед.

Приведя лодку в порядок, я отправился к себе и лег на кровать. Ночью я должен был следить за виллой, поэтому решил немного поспать, но сон не шел. Я все время думал об этом американце. Шесть лет я жил в Италии, встречал множество туристов, сталкивался с сотнями людей в густонаселенном Милане, и ни разу не встретил человека, который бы дважды взглянул на меня. И вот, неизвестно откуда появляется этот парень и узнает меня. Я почувствовал, как холодный пот выступил у меня на лице. Будет ли этот тип обо мне думать? Приедет ли опять, чтобы на меня взглянуть? Я пытался вспомнить, видел ли его тогда в Болонье, но не смог. Там было полно сержантов, и среди ординарцев, и в комнате майора Кей. Он запросто мог быть одним из них.

Если он все-таки вернется, выдаст ли он меня властям?

Я стал размышлять, разумно ли приступать к осуществлению плана, пока этот человек находится поблизости. Не был ли он тем самым «непредвиденным моментом», о которых часто пишут, той мелочью, что мешает тщательно обдуманному преступлению?

Я должен осуществить свой план, сказал я себе. Надо верить в удачу. Может быть, он долго здесь не пробудет. Мне надо перестать о нем думать.

Часов в восемь я отправился на виллу.

Валерия сидела на веранде рядом с Бруно, раскрытая книга лежала у нее на коленях. Сестра Флеминг вязала. Лауры не было, Валерия взглянула на меня и улыбнулась.

— Не пора ли перенести синьора Бруно? — спросил я, остановившись около кресла.

Сестра Флеминг взглянула на часы и отложила вязанье.

— Да, мы перенесем его в комнату, — сказала она, вставая.

Валерия тоже поднялась. Я заметил, как Бруно быстро взглянул на нее, потом на меня. Я вкатил кресло в комнату и перенес его на постель.

— Я иду купаться, дорогой, — Валерия наклонилась его поцеловать. — Я снова приду после ужина.

В глазах Бруно читалось беспокойство. Мне показалось, он догадался, что между Валерией и мной что-то произошло, и это ему не нравилось.

Я его не винил. В конце концов, я фактически его слуга, а она наследница состояния в сто миллионов лир.

Если бы я был на его месте, мне бы это тоже не понравилось.

Выходя вслед за Валерией из комнаты, я сказал себе, что через несколько дней постараюсь исправить ситуацию. Как только я устраню опасность и избавлюсь от Лауры, я постараюсь доказать ему, что достоин его дочери, если он даст мне возможность выполнить работу, о которой говорила Валерия.

Мы вместе спускались по дорожке сада. Валерия спросила:

— Пойдешь купаться, Дэвид?

— Нет,— сказал я.— Видела, как он смотрел на нас? Думаю, он уже что-то начинает подозревать. Я собираюсь поработать в саду. Сестра Флеминг может сообщить ему, чем я занимаюсь. Мы не должны его сейчас волновать. Иди купаться. Так лучше.

— Но это так глупо. Почему люди не могут сами распоряжаться своей жизнью?

— Ты достаточно скоро будешь жить так, как сочтешь нужным,— улыбнулся я.

Она быстро взглянула на меня.

— Тогда давай встретимся у пристани после ужина. Я покачал головой.

— Очень сожалею, Валерия, но мне придется сегодня поехать в Милан. Я должен встретить приятеля из Рима. Девушка снова взглянула на меня.

— Дэвид, ты ничего не затеваешь? Ты вызываешь у меня странное ощущение, я не знаю, как это объяснить, но в тебе появилась какая-то суровость и целеустремленность. Ты меня пугаешь.

— На моем месте ты бы тоже выглядела суровой и целеустремленной,— сказал я с улыбкой.— Мне предстоит трудная работа. Я должен убедить твоего отца, что достоин тебя, а это требует больших усилий. Я намерен преуспеть.

Она с сомнением покачала головой. Краем глаза я увидел, как сестра Флеминг вышла на веранду.

— Иди купаться. Сестра Флеминг за нами наблюдает,— сказал я, понизив голос.

Я повернулся и пошел по дорожке к сараю, где хранился садовый инвентарь. Взял корзину, вилы и отправился полоть большую клумбу роз. В саду я работал до темноты.

После одиннадцати потух свет в последнем окне, и вилла погрузилась во мрак. Я осторожно пошел по дорожке к террасе, с которой был виден домик. Под кроной одного из деревьев устроился на балюстраде и стал ждать. Мне

почему-то казалось, что Беллини непременно должен прибыть за последними инструкциями. И если это так, мне нужно знать, о чем они будут говорить.

Стрелки часов показывали полпервого, когда я услышал осторожное поскрипывание весел. Я беззвучно соскочил с балкюстрады и скрылся в темноте.

Оттуда, где я стоял, хорошо просматривалась пристань, и спустя несколько секунд я увидел причаливающую лодку. Я узнал массивную фигуру Беллини, когда он вышел на берег. Затем он скрылся из виду. Мне было интересно, пошел ли он в домик. Я знал, что Лаура не покидала виллы. Я следил за ней. Когда я решил выйти из укрытия, чтобы посмотреть, не зажег ли он свет в домике, то увидел его совсем рядом.

Беллини сильно меня напугал. Он поднялся по ступенькам беззвучно, как призрак. Постоял, а затем также бесшумно пошел по дорожке, передвигаясь с удивительной для такого крупного мужчины легкостью.

Я шел за ним, держась в тени.

Беллини направился по дорожке к гаражу, на секунду остановился у широких дверей, оглянулся и закрыл за собой дверь. Тут же в окне загорелся свет.

Я подошел к окну и заглянул внутрь. Беллини поставил на скамью ящик с инструментами. На нем была темная майка и черные фланелевые брюки. Крепкие мускулистые руки поросли густыми волосами, лицо и шея блестели от пота.

Беллини открыл капот и начал колдовать над зажиганием. Довольно долго он менял местами провода, полностью запутав всю систему. Он делал все возможное, чтобы завтра вечером у меня было полно работы в гараже, с которой я не разделаюсь, пока они не осуществят план Лауры.

Вдруг он напрягся и прислушался, набычив голову. Затем сунул инструмент в карман брюк и выключил свет.

— Это я,— прошептала Лаура.— Ты все сделал?

— Да, ему тут долго не разобраться.

— Не следовало включать свет, Марио. Я увидела его из дома.

— Ты думала, я смогу работать в темноте? — раздраженно отрезал он.

— Заткнись,— яростно процедила Лаура.— Для этого есть фонарь. Если завтра ты допустишь малейшую ошибку, это будет твой последний промах. И не опоздай. У домика надо быть к девяти часам.

— Буду.

— Я включу радиолу. Ты услышишь ее задолго до того, как подплывешь к пристани. Если музыки не будет, поворачивай обратно. Значит, что-то сорвалось.

— Ладно, ладно, понял.

— Направляйся прямо к вилле. Сделай так, чтобы Валерия тебя не увидела. Дэвид не должен знать, что случилось, до прихода полиции. Думаешь, ты сможешь сделать так, чтобы она не вскрикнула?

— Конечно,— недовольно буркнул Беллини.— Лучших специалистов в этом деле не найдешь.

— Как только все сделаешь, садись в лодку и возвращайся в гостиницу. Оставайся там до моего появления. Может быть, я не смогу выбраться до понедельника или вторника. Все будет зависеть от полиции.

— Мне нужны хоть какие-то деньги,— заявил Беллини.

— К понедельнику у меня будет шесть тысяч лир. Тебе придется довольствоваться этим, пока я не продам жемчуга.

— Это мало,— проворчал Беллини.

— Достаточно,— сердито возразила она.— Остальные получишь в конце недели, когда уже будешь в Швейцарии.

Я видел, как Беллини тихо пропал в темноте. Лаура вернулась на виллу. Я оставался там, где стоял, тяжело дыша, сжав руки в кулаки. Теперь — они в моих руках.

Глава 10

На следующее утро я проснулся без десяти семь. Наступил тот самый день. Я сидел на краю постели, глядя на свои босые ноги. Примерно через тринадцать часов я убью двоих людей. Мой ум невольно стал перебирать подробности плана, но я запретил себе это. Нет смысла снова останавливаться на деталях, я уже много раз их обдумывал. Я позаботился обо всем. Я был, насколько мог, внимательным и осторожным, и знал, что на большее не способен. Теперь все зависит от удачи. Если мне повезет, все пойдет хорошо, если нет и меня схватят, то это случится из-за чего-то непредвиденного, мне неподвластного.

Я принял холодный душ, затем побрился. Моя рука не дрожала, и я даже не порезался, хотя этого и можно было ожидать. Одевшись, спустился вниз.

Синьора Биччи поставила передо мной жареную форель и чашку крепкого кофе. Биччи уже начал обслуживать своих клиентов. Я видел в окно, как он поворачивал рычаг насоса, болтая с шофером грузовика.

После завтрака я спустился к воде и выкурил сигарету. Ранним солнечным утром озеро было поразительно красивым — голубая гладь застыла, в ней отражались ленивые белые облака.

Около воюеми утра я отправился на виллу. Сестра Флеминг без формы, в сером платье и соломенной шляпке, на удивление элегантная, расхаживала по веранде, поджидая меня.

— Я думала, вы сегодня обязательно опоздаете, — язвительно заметила она.

— Я никогда не опаздываю. Биччи сейчас пригонит машину.

Я последовал за ней в спальню Бруно. Она его уже умыла и побрила, он настороженно взглянул на меня, когда я отвесил легкий поклон.

— Доброе утро, синьор, — сказал я. — Надеюсь, вы лучше чувствуете себя сегодня.

— Он успешно поправляется, — сказала сестра Флеминг, подкатывая кресло к постели. — Но спал он довольно спокойно.

Я перенес его с постели на кресло и отодвинулся, чтобы она его укрыла, затем выкатил кресло на веранду.

Там, у перил, стояла Лаура. Она бросила на меня холодный взгляд и сухо сказала:

— Отнесите чемоданы сестры Флеминг к машине, Дэвид.

— Да, синьора.

«Сегодня, — думал я, — мне придется тебя убить. Это твои последние часы на земле. Наслаждайся ими, радуйся, не трать время на злость и раздражение. Еще тринадцать часов — и ты будешь мертва. Ты могла бы за сегодня прожить целую жизнь, если бы сильно постаралась, но вместо этого ты продолжаешь строить козни, вынашивать преступные замыслы и думать о деньгах, которые жаждешь получить. Ты будешь нетерпеливо торопить время, вместо того, чтобы задержать его и использовать по-настоящему те последние часы, что тебе остались».

— Дэвид! Вы меня слышали?

Я вздрогнул, взял чемодан сестры Флеминг и отнес его к подъехавшей машине. Сестра Флеминг села в автомобиль.

— Будьте осторожны и не встряхните его в мое отсутствие, — распорядилась она, когда машина уже отходила.

— Я позабочусь об этом.

Ну, теперь занавес поднят. Первое действие моего плана,

а также плана Лауры, началось. Сестра Флеминг уехала. Следующее действие начнется, когда вечером уйдет Мария. Затем наступит кульминация. Но пока Мария не покинет виллу, сцена будет пуста.

Я взял лодку Биччи и удочки. В полукилометре от пристани выключил мотор и закинул удочку. В прозрачной дали были видны рыбачьи лодки, возвращающиеся в Пескатори после ночной ловли. Я подумал о том, что Беллини наверное еще в постели, и взглянул на часы. Восемь сорок пять. Мне казалось, что время застыло. Ах, как это ужасно — ждать!

В половине одиннадцатого американец, тот, что интересовался, знаю ли я генерала Костэна, проплыл мимо на моторной лодке. Рядом с ним сидела пухленькая блондинка. На ней было зеленое платье, которое не гармонировало с ее внешностью. На девушках такого типа женятся в армии сержанты — девушках, которые счастливы будут иметь кучу детей.

Он помахал мне, дружелюбно улыбнувшись. Я следил, как его лодка направилась в сторону Палланзы; и когда она скрылась из виду, вздохнул с облегчением. Все прекрасно, он обо мне и не думает, он даже не узнал меня. Американец ни за что не стал бы так радушно улыбаться, если бы думал, что я — сержант Чисхолм, дезертир и убийца. Он был тем человеком, которого я боялся, и который мог быть тем самым непредвиденным обстоятельством. Но теперь... теперь уже ничто не должно помешать моим планам.

Я чувствовал себя так, как будто с нетерпением смотрел на красный огонек светофора и увидел, что он сменился на зеленый.

После обеда я валялся у себя в комнате. О том, чтобы уснуть, не было и речи. Я должен был одолеть постоянные усилия, чтобы не думать о предстоящем убийстве. Но это мне плохо удавалось.

После четырех я спустился к гаражу. Биччи чистил двигатель грузовика. Я затеял с ним пустопорожнюю болтовню, но и это мне вскоре надоело. Устроившись на берегу, я стал бросать камешки в воду, непрерывно поглядывая на часы. Один раз я даже поднес их к уху, чтобы убедиться, что они не стоят. Они шли.

Казалось невозможным, что время ползет так мучительно медленно. Наконец я решил чем-нибудь заняться, чтобы убить оставшиеся четыре часа. Спустив лодку Биччи на воду, я завел мотор и направился к Стрессе.

Я слегка изменил курс, чтобы обогнуть Пескатори. Я

подошел к берегу достаточно близко и увидел на опрокинутой лодке Беллини. С сигарой в зубах тот сидел и загорал. Вот он взглянул на часы. И я подумал — сейчас Лаура, должно быть, тоже то и дело посматривает на циферблат. Три человека ждут девяти вечера, три человека намереваются совершить убийство.

Проплывая мимо острова Белла, я увидел на террасе кафе американца с женой. Услышав шум лодки, он взглянул в мою сторону; сказал что-то жене и помахал мне. Я помахал в ответ.

Он жестом поманил меня, приглашая причалить, но я отрицательно покачал головой, показывая на часы. Я не собирался давать ему повод снова меня расспрашивать. Я вел лодку вдоль берега, наблюдая за людьми, экипажами и машинами, освещенными солнцем. Затем повернул обратно к вилле.

Выйдя из лодки, я услышал, как кто-то бежит по берегу. Я взглянул наверх — это была Валерия.

— Дэвид, мне нужно поговорить с тобой.

— Где Лаура, смотрит за Бруно?

— Да, у меня ночное дежурство.

— Это она так организовала?

Валерия удивленно взглянула на меня.

— Да, она предложила мне подежурить ночью.

Мы прошли к ивам.

— У меня для тебя новости, Дэвид. Замечательные новости.

Она села на скалу, усадив меня рядом.

— Я говорила с Бруно.

— О чем?! О нас?

— Ну, не совсем. Я говорила с ним о работе. И он хочет, чтобы ты этим занялся.

Я минуту сидел молча, меня охватило ощущение триумфа. Кто сказал, что из этого ничего не выйдет? Все складывалось в мою пользу.

— Ты уверена, Валерия?

— Да, я могу судить по его глазам. Он очень доволен.

— Значит, мне не нужно уезжать в понедельник?

— Конечно, нет. У тебя тоже будет комната на вилле. Я приготовлю ее к завтрашнему дню, дорогой. Тебе будет нужен письменный стол. Мы можем поехать в Милан и там выбрать. А для Бруно найдем нового человека.

— Не понимаю, почему я по-прежнему не могу поднимать Бруно, — сказал я. — Какой смысл искать кого-то постороннего, когда я здесь?

Она схватила мою руку.

— Теперь мы будем вместе так часто, как захотим. О, Дэвид, я так счастлива!

Я обнял ее.

— Но что скажет Лаура?

— Какое имеет значение, что она скажет,— воскликнула Валерия.— Это ее не касается.

Да, конечно, подумал я, завтра это уже не будет иметь к ней никакого отношения. Я притянул Валерию к себе и поцеловал.

Около половины восьмого Валерия и я направились к вилле. Лаура сидела на веранде и читала. Бруно лежал в кресле, его глаза застыли на далеком пике Моттероне.

— Неужели уже так поздно? — спросила Лаура, закрывая книгу. Она взглянула на часы.— Тебе пора в комнату, Бруно. Сегодня вечером Валерия останется с тобой. После ужина я пойду в домик на пристани. Мне хочется послушать легкую музыку, а я знаю, тебе это не по вкусу.

Бруно посмотрел на жену. Ее глаза были настороженными, но на холодном, невыразительном лице ничего нельзя было прочесть. Я вкатил кресло в спальню.

— Не знаю, как мне вас благодарить, синьор, за предоставленную возможность,— сказал я Бруно, уложив его на постель.— Я приложу все усилия, чтобы выполнять работу так, как вы хотите.

Его глаза улыбнулись, затем он взглянул на Валерию и опять на меня.

— Мы поговорим об этом завтра утром,— сказала Валерия, слегка коснувшись лба Бруно.— У него был долгий день, и мне кажется, ему сейчас нужно отдохнуть. Идите ужинать, Дэвид. Что вы делаете сегодня вечером?

Я был рад, что стоял спиной к свету и мне не пришлось смотреть ей в лицо.

— Хотел немного порыбачить.

— Загляните сюда в половине одиннадцатого, чтобы посмотреть, как я справляюсь. Мне кажется, Бруно сейчас заснет. Не шумите, когда будете заходить.

Я прикоснулся к ее руке.

— Я люблю тебя, Валерия.

Она просияла.

— Я тоже люблю тебя, дорогой.

Я оставил девушку и направился в сад. Меня остановила Лаура.

— О, Дэвид, что-то случилось с машиной,— сказала она,

подойдя ко мне.— Не знаю, в чем дело. Двигатель отказал. Может быть, ты посмотришь после ужина? Завтра рано утром мне надо ехать в Милан.

«Завтра утром у тебя не будет никаких дел»,— подумал я, повернувшись, чтобы на нее посмотреть. Ее лицо было неподвижным, как мраморное изваяние, только глаза блестя.

— Хорошо, я посмотрю машину.

— Сможешь привести ее в порядок?

— Да, конечно.

Лаура смерила меня холодным взглядом и вернулась в свою комнату.

Было без двадцати пяти девять. Через открытую дверь гаража я следил за тем, как Мария шла по дорожке к воротам медленной и тяжелой походкой, пока не пропала из виду. До начала действия оставалось двадцать пять минут. Пистолет лежал в заднем кармане брюк. Мешочек с песком за пазухой. Я был собран, но несколько взвинчен.

Лаура вышла на веранду и направилась ко мне. Когда она вошла в гараж, я был поглощен работой.

— Ты нашел поломку? — спросила она, остановившись в дверях.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее — и сердце мое возликовало. На ее шее мерцала нитка жемчуга. Еще одно очко в мою пользу. Я совсем забыл о жемчугах. Я бы отправился к домику на пристани без них, и у меня не было бы мотива; который бы показал на Беллини как на преступника.

Но все шло как надо. Она исправила мою первую ошибку. С легкой усмешкой я сказал:

— Тут кто-то поразвлекся, все провода перепутаны. Придется потратить полночи, чтобы привести двигатель в порядок.

— Пожалуйста, сделай все, что можно,— в голосе ее звучало удовлетворение.

Она вышла и направилась к домику.

Я положил отвёртку и вытер руки о тряпку. Затем натянул купленные мною перчатки, взглянул на часы. Было без четверти девять. Я дал ей три минуты, чтобы спуститься вниз, затем пошел за ней.

Смеркалось. Солнце зашло за гряды холмов минут десять назад, его лучи бросали красноватый отсвет на гладь озера и горные вершины. На мне была спортивная обувь. Я беззвучно спустился по лестнице к пристани и, подойдя совсем близко к домику, остановился и прислушался. Мне был виден свет, падающий из открытого окна,

и минутой позже я услышал звуки музыки, далеко разнесшиеся в вечерней тишине.

Беллини, наверно, где-то совсем близко, подумал я, подходя к двери домика. Я приостановился, чтобы взглянуть на озеро, но было слишком темно, чтобы рассмотреть маленькую лодку.

Я взглянул на часы — без девяти девять. Дверь была заперта, но у меня был свой ключ. Я не боялся, что она меня услышит. Радиола играла на полную мощность. Можно не опасаться, если она даже и закричит — вряд ли кто-то услышит.

Я тихо толкнул дверь. Лаура стояла на коленях на широком подоконнике, спиной ко мне.

— Лаура! — голос мой потонул в звуках музыки. Пришлось закричать. — Лаура!

Я видел, как она вздрогнула, слезла с подоконника и резко обернулась. Ее лицо было цвета старой слоновой кости, в глазах — страх и бессильный гнев.

— Что ты здесь делаешь? — с трудом выдавила она, сделав нетвердый шаг в мою сторону.

— Я думал, мне следует сюда зайти, — сказал я. — Я не могу привести машину в порядок.

Лаура бросила взгляд на каминные часы.

— Иди в гараж и попробуй снова, — яростно прошипела она. — Не приходи сюда и не беспокой меня! Это твоя обязанность — привести машину в порядок.

Я двинулся к камину, не спуская глаз с бюста Данте.

— Я не могу сделать невозможного.

Мы оба говорили громко, чтобы перекричать музыку.

— Делай, что я тебе сказала! Иди сейчас же!

— Завтра, — сказал я. — А сейчас мне надо в Стрессу, там у меня свидание с другом. Тебе придется воспользоваться машиной Биччи, если это так важно.

Она видела, что ее тщательно подготовленный план разваливается. Я легко мог прочитать мысли, мелькнувшие у нее в голове, как будто она облекла их во фразы.

Еще три минуты — Беллини будет здесь, Дэвид может с ним столкнуться. Беллини надо остановить. Именно это думала Лаура и быстро повернулась к радиоле. Если она ее выключит, Беллини повернет обратно. Я поднял бюст Данте. Она была уже готова нажать на клавишу выключателя, когда я схватил ее за плечо и резко развернул к себе лицом.

Лаура увидела бюст в моей руке, затянутой в перчатки. Ее глаза встретились с моими. В эту последнюю секунду

жизни, которая ей оставалась, она, казалось, прочла в моих глазах приговор и... усмешку — ведь я обставил заговорщиков в их собственной игре.

Безумный, затравленный блеск появился в ее глазах — такой бывает у дикого зверя, попавшего в западню. Она подняла руку, чтобы прикрыть голову, но я схватил ее за кисть и со всей силой ударил в висок. Угол подставки врезался ей в череп, и я почувствовал, как что-то мягкое и теплое брызнуло мне в лицо. Я выронил бюст. Она рухнула на пол, дернулась в конвульсиях и как-то неестественно вытянулась на спине. Пот заливал мне глаза, и все-таки я видел — она мертва.

Я стоял две или три секунды, тяжело дыша, затем сорвал жемчужное ожерелье с белой шеи и, шатаясь, двинулся к двери.

Луна вышла из-за холмов и ярко осветила спокойную гладь озера. Я стоял в дверях домика и смотрел на воду. К пристани приближалась весельная лодка. Чтобы причалить, Беллини понадобится еще минут десять. Несмотря на клятву, он все-таки опоздал.

Я прислонился к стене домика. Колени мои дрожали, и сердце так бешено колотилось, что я думал — вот-вот задохнусь.

Мне хотелось убежать. Мысль о том, что предстоит встреча с Беллини, наполнила меня ужасом.

— Чисхолм!

Я чуть не упал в обморок, услышав этот тихий голос. Передо мной выросла высокая костлявая фигура доктора Перелли.

— Чисхолм, идите сюда, что вы там делаете?

Радиола продолжала громко играть, и я с трудом слышал, что он говорит. Я был в таком шоке, что не мог двигаться. Он схватил меня за руку.

— Беллини приближается, — быстро сказал он. — Идите ко мне, в тень, я не хочу, чтобы он нас заметил.

Я дал отвести себя в тень.

— Зачем вы пришли сюда, Чисхолм?

О, господи! Я был настолько безумен, что думал — все происходит в моих интересах.

— Я хотел сказать синьоре Фанчино, что не успел исправить поломку.

Мой голос был похож на карканье вороны.

— Вы ее видели?

— Нет, дверь была заперта. Я не мог до нее достучаться.

— Хорошо. Я боялся, что вы ее предупредите. Вы знаете, что она намеревалась сделать?

— Намеревалась сделать... — тупо повторил я. — Что вы имеете в виду?

— Она и Беллини планировала сегодня убить Валерию. Сейчас он на пути сюда, — проговорил Перелли. — Я устроил для них западню. Все оцеплено полицией.

Я не мог произнести ни слова. Мое сердце, казалось, перестало биться.

— У этой женщины нарушена психика, — продолжал Перелли. — Я всегда был очень не спокоен на ее счет. Трудно поверить, но это она подстроила автомобильную катастрофу Бруно, выпустив тормозную жидкость. Ей нужны деньги. Она уговорила Беллини сегодня ночью убить Валерию, а затем предполагала убить Бруно. Она все подстроила так, чтобы вас обвинили в смерти Валерии. Это ужасный заговор!

— Как вы все это узнали? — с трудом выдавил я.

— Лаура не могла удержаться от соблазна и выложила свой план Бруно. Она считала себя в полной безопасности. Но потрясение было столь сильным, что к Бруно вернулась речь. Я объяснял вам, если ему будет необходимо заговорить, речь может восстановиться. Он вовремя посвятил меня в эти чудовищные планы.

Против моей воли у меня из груди вырвался стон:

— Почему вы мне ничего не сказали?!

— Я боялся, что вы не сможете достаточно убедительно сыграть свою роль. Я хотел застать их на месте преступления, с поличным. Кроме того, до вчерашнего дня, пока я не узнал всю вашу историю, Чисхолм, вы тоже были под подозрением.

Я уставился на него, кровь стучала у меня в висках.

— О чем вы?

— Она сказала Бруно, что вы убили какую-то женщину во время войны, во Флоренции. Я отправился в американское посольство, чтобы выяснить подробности... — Он посмотрел через плечо: — Капитан Босс, вы не подойдете сюда?

Из-за деревьев появился мужчина.

— Хэлло, Чисхолм!

Я узнал его, когда он вышел из темноты — американец в белой рубашке, только сейчас он был в военной форме.

— Я — Джон Босс из службы военной полиции. Мы давно вас разыскиваем, — продолжал он. — Неужели вы никогда не читаете объявлений в газете? Я думал, мы вас

так и не найдем. Все в порядке. Мы схватили Костэна на месте преступления примерно год назад, когда он снова решил поразвлечься, и он признался, что сделал так, чтобы вас обвинили в убийстве во Флоренции. Вам сейчас об этом уже не надо беспокоиться. С вас снято подозрение.

Я стоял, как каменный истукан, не в силах ни двинуться, ни что-нибудь сказать.

— Вот он приближается,— прошептал Перелли и прижал меня к стене.

Лодка была метрах в двадцати от нас. Но в ней сидел не Беллини. Мужчина на веслах был меньше ростом, и когда он подплыл поближе, я увидел на его голове полицейскую фуражку.

— Что же произошло? — спросил Босс у Перелли и вышел на пристань.

Полицейский причалил.

— Беллини заколот ножом,— сказал он, глядя на Босса.— Он мертв. Судя по тому, как его зарезали, это работа мафии.

— Черт! — воскликнул Босс.— Это ломает все наши планы, доктор. Что вы теперь намерены предпринять?

— Я пойду наверх, попытаюсь с ней поговорить,— мрачно произнес Перелли.— Быть может, она себя выдаст. Я бы хотел, чтобы вы пошли со мной,— сказал он полицейскому, который выбрался на пристань.

— Хоть бы она выключила эту проклятую музыку,— проворчал Босс, глядя на освещенное окно. Он опустил руку мне на плечо.— Я рад за вас, Чисхолм. Вы пережили тяжелое время. Но сейчас все в порядке. Я возьму вас с собой в Милан и помогу достать паспорт. Если вы захотите вернуться домой, скажите только слово. Мы оплатим все расходы.

Я был настолько ошеломлен, что не мог ни о чем думать. Через несколько минут они ее найдут. Если я хочу убраться отсюда, надо это делать немедленно. Но я оставался на месте, совершенно раздавленный тем, что услышал. Мне не нужно было ее убивать! Господи! Если бы только они меня предупредили!

Перелли и офицер полиции поднялись в домик. Босс вынул сигарету, закурил и взглянул на меня при свете спички. Я увидел в его глазах удивление:

— Что это? Вы поранились??

Я ничего не сказал. Он осветил мое лицо лучом фонарика.

— Да вы весь в крови. Что вы сделали?

— Почему вы меня не предупредили? — хрипло спросил я.— Почему не сказали вчера, что меня больше ни в чем не подозревают?

Он схватил меня за руку.

— Вы ее убили?

— Я думал, это единственный выход для Валерии и меня. Я убил ее потому, что вы, черт бы вас побрал, молчали!

Босс минуту колебался, затем прошептал:

— Они не поймают вас в моторной лодке. Бегите! Я пойду наверх и задержу их разговором. Судя по тому, что я о ней слышал, она не заслужила лучшего.

Наверху музыка внезапно смолкла.

— Шевелитесь! — поторопил он меня.

— Куда вы думаете я могу бежать? Ради чего мне жить? — сказал я.— Я скрывался в течение шести лет и не хочу, чтобы это продолжалось всю жизнь. Я останусь и приму то, что заслужил.

Перелли высунулся из окна.

— Капитан Босс, задержите Чисхолма!

Босс неловко пожал широкими плечами.

— Он и не собирался скрываться, — сказал он и направился к домику.

Я стоял на пристани, глядя на ровную поверхность озера, чувствуя себя более одиноким, чем когда-либо в жизни.

ПОХИТИТЕЛЬ

Глава I

Когда хмурым июньским утром меня выпустили из тюрьмы, дождь лил как из ведра.

Странно было снова выйти в мир, оставшийся для меня закрытым в течение трех с половиной лет. Я отошел подальше от мрачных железных ворот и остановился, с наслаждением вдыхая изумительно свежий воздух. Неужели я снова свободен и не буду больше проводить ночи в обществе воров и убийц?!

Дождь усиливался. Он стекал по старой шляпе и плащу, купленным еще до тюрьмы, — теплый дождь из мрачных низких туч.

Новенький «бьюик» остановился рядом со мной. Водитель опустил стекло.

— Гарри!

Джон Реник собственной персоной смотрел на меня.

— А ну, быстро залезай, промокнешь, — сказал он, распахивая дверцу.

Помедлив минуту, я забрался в машину. Реник схватил

мою руку и крепко пожал. На его загорелом лице было написано удовольствие — явно от встречи со мной.

— Ну и как на свободе, старина?

— Все в порядке,— ответил я, высвобождая руку,— можешь не объяснять, что полицейскому эскорту приказано отвезти меня домой.

Улыбка застыла на его лице. Серые глаза испытующе оглядели меня.

— Надеюсь, ты не сомневался в том, что я приду тебя встретить? Я считал дни до твоего освобождения.

— Охотно верю,— я покосился на богатую отделку машины.— Это твоя?

— Моя! Недавно купил. Правда, недурна?

— Значит, копы¹ Палм-Сити до сих пор купаются в роскоши?

Он бросил на меня сердитый взгляд.

— Я ушел из полицейского управления. И теперь, между прочим, помощник районного прокурора.

Кровь прилила к моим щекам.

— Понимаю... прости, я не знал.

— Откуда ты мог знать? — он усмехнулся и, резко крутанув руль, отъехал от тротуара.— За это время многое изменилось. Прежний шеф ушел в отставку. Теперь у нас новый районный прокурор, хороший парень.

Я молчал.

— Что собираешься делать? — спросил Джон.

— Понятия не имею. Хочу осмотреться. Меня ведь вышвырнули из «Геральд»...

— Слышал. Первое время тебе будет трудно. Ты это понимаешь?

— Еще бы. Когда убит полицейский, даже если это несчастный случай, забыть не дадут.

— Насчет полиции не беспокойся, но карьеру придется делать заново. Кубит слишком влиятелен, и он сделает все возможное, чтобы помешать тебе работать в газете.

— Позволь мне самому разобраться со своими делами.

— Старина, я мог бы помочь...

— Мне не нужна ничья помощь...

Наступило долгое молчание. Джон сосредоточенно смотрел вперед. Наконец он сказал:

— Слушай, Гарри, мы давно знаем друг друга. Конечно, тебе здорово досталось, но не держи меня за врага. Я гово-

¹ Копы — полицейские (жаргонизм).

рил с Мидоузом — это наш новый районный прокурор. Есть надежда устроить тебя в управление.

Я взглянул на него.

— Я не стану работать на администрацию Палм-Сити, даже если это будет последняя работа, оставшаяся на земле.

— Нина пережила тяжелые времена, — неловко начал Реник. — Она...

— Мне тоже было нелегко. Но в помощи я не нуждаюсь, и хватит об этом!

Джон беспомощно улыбнулся.

— Я все понимаю, Гарри. Я бы, наверное, вел себя точно так же. Но что было, то прошло. Тебе надо подумать о своем будущем и о будущем Нины.

— А о чем еще, черт побери, я думал все эти три года?! — Я отвернулся и стал смотреть на потемневшее от дождя море, бьющееся о мол. — У меня было достаточно времени, чтобы понять, каким простофилей я был. Следовало взять те десять тысяч, что предложил мне за молчание начальник полиции. Ну что ж, в тюрьме я, по крайней мере, поуменел.

— Да ты с ума сошел! — удивленно воскликнул Реник. — Ты же знаешь, что поступил правильно.

— Вот как? Значит, лучше было отсидеть эти три года в камере с убийцей, привычки которого ужаснули бы даже свинью? В конце концов, если бы я взял деньги, сейчас мне не пришлось бы думать о хлебе насущном. Возможно, у меня была бы машина не хуже твоей.

Реник нахмурился.

— Не клянитесь, Гарри, и ради Бога, сдерживайся, когда будешь разговаривать с Ниной.

— Не суйся не в свое дело! — обозлился я. — Нина пока еще моя жена. И она примет меня таким, какой я есть.

— Мне кажется, ты был неправ, Гарри, запретив ей навещать тебя в тюрьме и даже писать письма. Нина хотела быть с тобой, но ты ей этого не позволил.

Я сжал кулаки, стараясь не смотреть на него.

— Я знал, что делаю. Не хотел, чтобы ее письма мусолила тюремная цензура. Ладно, я был простофилей, но почему она должна была терпеть все это?!

— И все-таки ты не прав, Гарри. Неужели не понимаешь, ей было просто необходимо быть с тобой, — сказал Реник. — Я с трудом убедил ее не ездить со мной сегодня.

Мы подъезжали к Палм-Бью, самой богатой части Палм-Сити. Шикарные купальные домики на пляже при-

уныли под серым дождем. «Кадиллаки», «роллс-ройсы», «бентли» мокли у роскошных отелей.

В свое время я работал в Палм-Бее. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я был ведущим репортером «Геральд», самой популярной газеты в Калифорнии. Мои статьи печатались в разных мелких журналах. Я неплохо зарабатывал и любил свою работу. Я женился на Нине и купил небольшое бунгало недалеко от Палм-Бея. Дела у меня были в полном порядке, и я наслаждался жизнью. Но однажды в баре отеля «Бич» я невольно подслушал разговор двух подвыпивших провинциалов, говоривших чуть громче, чем следовало.

Новость, я это сразу понял, была опасна, как просыпающийся вулкан. После двух месяцев тайного и кропотливого расследования я знал все. О, это могла быть история! Заголовки «Геральд» кричали бы о ней несколько недель.

Чикагские гангстеры собирались захватить Палм-Сити. Они хотели открыть в городе казино, кабаре, публичные дома. По самым скромным подсчетам, каждый месяц приносил бы им миллион долларов.

Хорошо все обдумав, я поначалу решил, что они рехнулись.

Ну нельзя же поверить, что запросто можно приехать и захватить город. Но постепенно мне удалось раздобыть сведения, свидетельствующие, что полицейский комиссар Палм-Сити и добрая дюжина крупных шишек из администрации подкуплены и согласились оказать гангстерам нужную поддержку.

Я совершил ошибку, принимаясь за расследование в одиночку. Решил держать все в тайне до тех пор, пока не соберу достаточно фактов. А уж тогда, рассчитывая я, можно будет написать статью и отнести ее Джону М. Кубиту, моему боссу и владельцу «Геральд».

Наконец я рассказал боссу все. Он выслушал довольно безучастно, заметив лишь, что хотел бы проверить факты. Странное равнодушие должно было насторожить меня. В этом деле я долго копался, заставил разговориться множество людей, но не докопался до самого главного: гангстеры подкупили и хозяина «Геральд». Подобная мысль даже в голову мне не приходила. Позже узнал, что за сотрудничество гангстеры пообещали Кубиту место в сенате, да и достаточно крупная взятка помогла ему справиться с угрызениями совести.

Он попросил привезти все собранные материалы, якобы

на проверку. По пути из бунгало — я ездил туда за досье — меня остановила полицейская машина.

Мне сказали, что меня хочет видеть начальник полиции. В управлении состоялся разговор, надолго мне запомнившийся.

Полицейский начальник был человек прямой и влиять не стал. Он просто положил на стол десять тысяч долларов новыми хрустящими бумажками. Деньги за досье — и я могу обо всем забыть.

Мне никогда не приходилось брать взятки, и я не собирался начинать эту практику в полицейском управлении. К тому же публикация подобного материала обещала блестящую карьеру. Я встал и попал прямо в лапы неприятностям.

Отдавая досье Кубиту, я рассказал и о взятке. Босс странно посмотрел на меня, кивнул и велел быть у него дома в десять тридцать вечера. К этому времени мне следовало набросать примерный план статьи. Думаю, досье Кубит сжег. Во всяком случае, я никогда его больше не видел.

У Нины были дурные предчувствия, но она понимала, что такую возможность, в смысле карьеры, упускать нельзя. Я выехал из дома около десяти. Нина очень боялась, ее волнение передалось и мне, но боссу я доверял.

Его резиденция находилась в Палм-Бее. Добираться туда надо было по пустынному шоссе. Именно там и поджидала меня беда.

Полицейская машина, идущая на большой скорости, попыталась столкнуть мою машину с дороги. Видно, они собирались опрокинуть ее в море. Но это не произошло. «Полиция» врезалась мне в бок. Полицейский, что сидел за рулем, разбил голову. Другой остался цел. Он тут же арестовал меня за грубейшее нарушение правил движения. Это была клевета, но что я мог поделать? Мгновенно подкатила другая полицейская машина, ее вел сержант Бейли. Никто потом не удосужился полюбопытствовать, что он делал в такой час на безлюдном шоссе. Сержант Бейли принял командование в свои руки: пострадавшего копа отправили в госпиталь, а меня повезли в полицейский участок.

По пути Бейли неожиданно приказал остановиться. Вокруг не было ни души. Меня вывели, скрутили руки за спиной, затем Бейли вынул из машины бутылку и силой влил мне в рот шотландское виски. А затем стукнул рукояткой пистолета по голове.

Я пришел в себя только в камере и сразу понял, что пропал. Меня обвиняли в непреднамеренном убийстве. Определили три с половиной года. Мой адвокат сражался,

как лев, но — напрасно. Когда он попытался рассказать о плане чикагских гангстеров, его просто подняли на смех. Кубит под присягой показал, что в тот день и в глаза меня не видел, ничего не знает про досье и вообще давно соби-рался уволить бесполезного работника и тайного пьяницу.

Весь срок в тюрьме я думал о том, каким же простофи-лей оказался, решив бороться с администрацией один на один.

Мне не помогло даже то, что начальника полиции под давлением общественности сняли с должности. По инициативе моего адвоката устроили следствие. Чикагским гангстерам пришлось отправиться еще куда-то, а администрация пережила неприятные дни.

И вот, наконец, — свобода. Кубит занес меня в черный список, и это значило, что никогда больше мне не работать в газете. Карьеру предстояло делать заново, а у меня не было ни малейшего представления, что для этого нужно. Прежде я много зарабатывал, но и много тратил. Вряд ли у Нины остались хоть какие-то деньги. Меня очень волновало — как она живет, что делает, но я был настолько глуп, что настоял через адвоката, чтобы она мне не писала. Мысль о том, что толстый садист-тюремщик будет читать ее письма, приводила меня в ужас.

Я спросил Реника:

— Как она обходилась без меня?

— Нормально, — ответил Джон. — У нее обнаружился талант, она работает оформителем и получает приличные деньги.

«Бьюик» свернул на улицу, где стоял мой дом. В горле у меня застрял комок, когда я увидел бунгало. Реник остановился около ворот.

— Я зайду попозже, — сказал он, пожимая мне руку. — Тебе повезло, Гарри. Я бы хотел, чтобы меня ждала такая женщина, как Нина.

Не глядя на него, я вышел из машины и устремился по знакомой дорожке. Входная дверь распахнулась. На пороге стояла Нина.

* * *

Прошла неделя. Как-то рано утром, часов в шесть, я неожиданно проснулся, словно бы от толчка. Мне снилась тюрьма, и я не сразу сообразил, что нахожусь в собственной спальне и что Нина спит рядом.

Я лежал на спине и, глядя на потолок, размышлял, как

размышлял все эти семь дней, на что же нам теперь жить. Как я и предполагал, в газетах для меня работы не было. Куда бы я ни обращался, получал отказ — Кубита опасались все, даже владельцы бульварных газетенки.

Я посмотрел на Нину, лежащую рядом. Мы поженились за два года до того, как я угодил в тюрьму. Тогда ей было двадцать два, а мне — двадцать семь.

Пожалуй, она не была красавицей в полном смысле слова, но я всегда говорил и говорить буду, что она самая очаровательная женщина, которую я когда-либо видел. Глядя сейчас на нее, я понял, как же ей досталось. Под глазами темные круги, около рта скорбные морщинки — их не было, когда меня отправили в тюрьму. Она выглядела утомленной и печальной, а раньше Нина во сне всегда улыбалась, как счастливый ребенок.

Она переменяла несколько профессий, пока не пошла в помощники к человеку, который мастерил безделушки на продажу туристам. Он делал основу, она — раскрашивала. Получала пятьдесят долларов в неделю — достаточно, как говорила она, чтобы прожить вдвоем, пока я куда-нибудь не устроюсь.

У меня оставалось всего двести долларов. Если они кончатся прежде, чем найду работу, то деньги на проезд, на сигареты и прочие мелочи придется просить у жены — мысль, чертовски неприятная для самолюбия.

Вчера, уже в полном отчаянии, я решил наняться хоть на временную работу. Но даже те, у кого были свободные места, мне отказали.

— Мистер Барбер, вы шутите, — говорили они. — Эта работа не для вас.

И я не мог сказать, что готов взяться за любое дело.

— О чем ты думаешь, Гарри? — спросила Нина, повернувшись набок, чтобы лучше меня видеть.

— Ни о чем... просто дремлю.

— Не надо беспокоиться, милый. Мы справимся. Ведь можно прекрасно прожить и на пятьдесят долларов в неделю. Голодать не будем. Наберись терпения, ты обязательно найдешь хорошую работу.

— А пока я найду хорошую работу, ты будешь меня содержать. Великолепно. Я просто в восторге.

Она приподнялась на локте и с тревогой посмотрела на меня.

— Мы же партнеры, Гарри. Когда ты получишь работу, я уйду в отставку. А пока я могу зарабатывать на двоих. Считай, что мы сотрудничаем.

— Спасибо.

— Гарри, я волнуюсь за тебя — ты так изменился! Стал каким-то черствым и... даже жестоким. Постарайся забыть прошлое. Мы же вновь вместе, а ты...

— Знаю,— я встал с постели. Да нет, не стал я ни черствым, ни жестоким. Просто меня одолевала жалость к себе.

Следующие десять дней я слонялся по городу — считалось, что я ищу работу. На самом деле, зайдя для очистки совести в два-три места и получив отказ, я направлялся в ближайший бар.

Прежде я был воздержан, но теперь пил с удовольствием. Нет, не так — просто виски притупляло боль, и меня без конца тянуло выпить. Я, похоже, превращался в пьяницу. После пяти-шести рюмок мне уже было наплевать — есть у меня работа или нет. Возвратившись домой, я мог смотреть без малейших угрызений совести, как Нина, не разгибая спины, трудится над своими безделушками.

Привыкнув, я даже решил, что обмануть ее ничего не стоит.

— Нынче утром говорил с одним парнем, кажется, мы можем поладить,— врал я ей.— Он хочет заказать мне серию статей об его отеле. Если договоримся, буду получать триста долларов в неделю.

Эта ложь поддерживала мой престиж, а моему глупому тщеславию было необходимо, чтобы Нина считала меня важной персоной.

Но вскоре я начал понимать, что Нина перестает верить моим небылицам. Она притворялась, что верит, и это было ее ошибкой. Если бы она в глаза назвала меня лжецом, может быть, я бы очнулся от этого скверного сна, но она продолжала молчать, а я — пить и врать.

Как-то раз, когда я сидел в баре и глядел на пляж, и началась та история, о которой хочу рассказать.

Я был уже изрядно пьян — выпил восемь рюмок виски и собирался приняться за девятую.

Бар был маленький, тихий и относительно безлюдный. Мне это нравилось. Я мог спокойно сидеть в уголке и глядеть на пляж, где шла своя, довольно занимательная жизнь. За пять дней я стал в баре завсегдатаем. Бармен, толстый, лысеющий мужчина, уже узнавал меня. Кажется, он понимал мою тягу к виски. Как только я допивал рюмку, он приносил следующую.

В баре было не так уж много пьяниц. Время от времени кто-то входил, выпивал виски и через несколько минут ухо-

дил. Чем-то эти посетители были похожи на меня — без денег, одинокие, пытающиеся убить время.

В углу, неподалеку от моего столика, находилась телефонная будка. В будку постоянно заходили люди — она была самым оживленным местом в баре.

От нечего делать я наблюдал за будкой — это давало пищу для размышлений. Я даже пытался угадать, что это за люди звонят, с кем и о чем они разговаривают. Одни из них улыбались, другие злились, третьи, как мне казалось, врали самым наглым образом. Наверное, когда я лгал, у меня было точно такое же лицо.

Бармен принес девятую рюмку виски и поставил на стол. Он остановился около меня, давая понять, что пора платить по счету. Я отдал ему последние десять долларов. Он понимающе ухмыльнулся, протягивая мне сдачу. Видно было, что пьяниц он узнает с первого взгляда. Мне так и хотелось двинуть ему по физиономии, но пока я брал сдачу и искал мелкую монету на чай, он поспешно отошел.

Тут я понял, что он знает, какому подонку продает спиртное, и мне вдруг стало чрезвычайно стыдно. Я готов был выбежать на улицу и броситься под первую попавшуюся машину, но такой конец требовал решительности, а я оставил всю свою решительность в камере 114. Мне оставалось только сидеть в баре и напиваться до бесчувствия. Это было проще.

Вдруг в бар зашла женщина и направилась к телефону. На ней были обтягивающий свитер канареечного цвета и белые джинсы. Большую часть лица скрывали темные очки.

Женщина привлекла мое внимание пышными бедрами, они притягивали взгляды даже трезвых и респектабельных людей. Я был пьяный, нереспектабельный и глазел без зазрения совести, когда же она вошла в кабину и эта часть стала недосягаемой для взора, я поднял глаза к ее лицу.

Ей было лет тридцать — блондинка, с несколько тяжелыми чертами лица, но в целом очень и очень привлекательная.

Отхлебнув виски, я начал наблюдать за ней. Очки не позволяли видеть выражение ее глаз, но чувствовалось, что говорит она очень четко и решительно. Пробыла она в будке не более трех минут, а затем прошествовала мимо, даже не взглянув в мою сторону.

Кто она? Одета модно и дорого. Такую сумочку не купишь в дешевом магазине.

Элегантная желтая с белым сумочка.

Незнакомка зашла в будку с сумочкой, а вышла...

Я допил виски и дрожащей рукой закурил сигарету. Нет, точно, когда она выходила, сумочки у нее не было. Неожиданно эта сумочка заставила меня сосредоточиться. Ну нет, не доехал же я до того, что мне начинает мерещиться всякая всячина.

С трудом поднявшись, я нетвердой походкой направился к будке. Сумочка, лежащая на полке, сразу бросилась мне в глаза. Ну, сукин сын, сказал я себе, ты внимателен, как судья, и с тобой все в порядке. За это следует выпить...

Надо заглянуть в сумочку и узнать, кто она такая. Затем сказать бармену, что незнакомка оставила ее в будке, обязательно сказать, а иначе, как только ты выйдешь на улицу с женской сумкой в руках, копы тебя задержат. Затем, сказав бармену, ты отнесешь сумочку по адресу и, кто знает, — может, хозяйка наградит тебя чем-то более существенным, чем простой поцелуй.

Как видите, я был здорово пьян. Я огляделся, чтобы убедиться, что за мной не наблюдают, и вошел в будку.

Сняв с автомата трубку и сделав вид, что звоню, принялся изучать содержимое сумки. Ого! Золотой портсигар и золотая зажигалка. Бриллиантовые серьги, которые стоят тысяч пятнадцать. Водительские права. О, господи, меня прошиб пот — толстая пачка денег!

Портсигар, зажигалка, серьги меня не интересовали — слишком уж запоминающиеся вещи. Но я вдруг обнаружил, что меня чрезвычайно занимает эта пачка.

Одно движение руки — и не надо будет просить у Нины пять долларов на мелкие расходы. Я смогу найти работу прежде, чем истрачу эти деньги. Даже если буду пить круглые сутки.

Если богатая женщина так беспечна, что оставляет деньги где попало, она заслуживает того, чтобы их взяли.

Голос благоразумия слабо увещевал: «Ты что, рехнулся? Это же воровство! Если тебя поймут, ты, с твоим прошлым, получишь лет десять. Положи эту чертову сумку на место и убирайся отсюда!» Но голос этот был слишком слаб. Мне нужны были деньги. Вот они...

Я сунул пачку в карман и закрыл сумочку. Сердце бешено колотилось: я понимал, что я вор.

Над телефоном было крошечное зеркало, в нем отразилось какое-то движение. Я обернулся к стеклянной двери — она стояла и наблюдала за мной.

Неожиданно я протрезвел. Сейчас она позовет бармена, тот найдет деньги в моем кармане и вызовет полицию. Приедут копы, избьют меня до полусмерти для пущей безопасности и отправят в тюрьму.

Ее пальцы легко забарабанили по стеклу. Я положил сумочку на полку, повернулся и открыл дверь. Женщина посторонилась, давая мне дорогу.

— Кажется, я оставила здесь сумочку,— сказала она.

— Да, — залепетал я, — я как раз собирался отдать ее бармену.

Наверное, самое разумное было броситься на улицу, прежде чем она обнаружит пропажу. Выбежав из бара, можно выбросить деньги, тогда не будет улики.

Только я вознамерился это сделать, как бармен, преградив мне путь, строго поинтересовался:

— Этот парень пристаёт к вам, леди?

Она медленно повернула голову. Кажется, эта женщина способна сохранять хладнокровие в любой ситуации.

— Нет, что вы. Я просто забыла здесь сумочку. Этот джентльмен собирался отдать ее вам...

Бармен подозрительно покосился на меня.

— Ну ладно, пусть будет так, но все-таки стоит проверить, все ли на месте.

— Да, пожалуй, я проверю, — голос у нее был чистый и холодный.

«Ну вот, все кончено, — подумал я, — через полчаса меня доставят в участок».

Бармен тяжело дышал, следя за тем, как незнакомка осматривает содержимое сумочки.

— Все на месте, — она благодарно посмотрела на меня. — Спасибо за заботу. Пожалуй, я слишком небрежна с вещами.

Я не верил своим ушам.

— Так все в порядке, леди? — просиял бармен.

— Да, благодарю. Думаю, это стоит отметить. Мистер Барбер, я вас угощаю.

Итак, она знала, кто я такой. Ничего удивительного — в тот день, когда меня выпустили, в «Геральд» появилась моя фотография и записка о том, что я отсидел три с половиной года за непреднамеренное убийство. Фотография очень качественная, да еще на первой полке. А записка хитроумная — в ней уточнялось, что преступление совершено в пьяном виде. Этакая продуманная месть Кубита.

Приглашение выпить прозвучало слишком твердо, и я понял, что безопаснее подчиниться.

Она села за мой столик и бросила бармену:

— Два коктейля со льдом.

Я сел напротив. Она открыла сумочку, вынула золотой портсигар и предложила мне сигарету. Мы закурили. Тем временем бармен принес коктейль.

Она подняла бокал и стала разглядывать содержимое на свет.

— Мистер Барбер, по-видимому, эти частые визиты в бар означают, что у вас все еще нет работы?

— Вы правы.— Я усмехнулся. Кажется, она знала обо мне все.

— Как скоро надеетесь найти ее?

— Это нелегко...

— Могло бы вас заинтересовать одно дело?..

Я поднял бокал и уже поднес было ко рту, но передумал — сегодня выпито и так больше чем достаточно.

— Смотря какое дело,— проговорил я, пытаюсь сохранить остатки достоинства.

— Мы хорошо заплатим. Но учтите, работа... с некоторым элементом риска. Вас это пугает?

— Вы хотите сказать, что она незаконна?

— О нет, работа совершенно легальная... совсем не то, что вы думаете.

— Я ничего не думаю. Готов на любую работу, но мне надо знать...

— Мистер Барбер,— перебила она меня,— разве здесь уместно обсуждать важные дела? Может быть, я вам лучше позвоню и мы поговорим в более подходящей обстановке?

— Что ж, согласен.

— Завтра... вы будете дома?

— Разумеется.

— Отлично.— Она раскрыла сумочку и удивленно вскинула брови: — О, я забыла...

Я вынул пачку из кармана и бросил ей на колени.

— Благодарю,— она достала пятьдесят долларов, потом еще пять, положила остальные деньги в сумочку и поднялась.

— Так до завтра, мистер Барбер.— И вышла из бара.

Я увидел, как она села в серый «роллс-ройс». Мне хватило сообразительности запомнить номер.

Подошел бармен и взял пятидолларовую бумажку.

— Недурна девочка,— заметил он,— похоже, она просто набита деньгами. Вы о чем-нибудь договорились?

Мне противно было ему отвечать. Я понял, что уже никогда больше не появлюсь в этом заведении.

Через дорогу находилось Управление транспорта Палм-Сити. Там работал парень, которого я хорошо знал, будучи репортером «Геральд». Его звали Эдд Маршалл. Я пересек дорогу и вошел в здание.

— Бог мой, кого я вижу! — воскликнул Эдд вроде бы радостно.— Как дела, Гарри?

Я сел на краешек стола и предложил ему сигарету.

— Не курю больше,— сказал он, качая головой.— Боюсь рака легких. Ну и каково на свободе?

— Недурно. Ко всему можно привыкнуть, даже к тому, что тебя выпустили из тюрьмы.

Мы поболтали минут пять, и я перешел к делу.

— Слушай, Эдд, кто владелец серого с серебром «роллс-ройса»? Серия МАХ, номер 26-487?

— Ты имеешь в виду машину мистера Мэрлоу?

— Это его машина?!

Тут вдруг до меня дошло.

— Ты говоришь про Ф е л и к с а М э р л о у? — спросил я, совершенно обалдев.

— Ну да.

— Так разве он в Палм-Сити? Мне казалось, он живет в Париже.

— Мистер Мэрлоу два года назад купил здесь дом. Приехал лечиться.

Я слышал бешеный стук своего сердца. Мне было трудно сохранить спокойствие.

— Мэрлоу — медный и цинковый король? Это он? Один из самых богатых людей в мире!

Маршалл кивнул.

— Он самый. Но ни за что на свете я не поменялся бы с ним местами.

— А в чем дело?

Эдд поморщился.

— Рак легких. Ему уже ничто не поможет.

Я покосился на сигарету и невольно положил ее в пепельницу.

— Печально. Так он купил здесь дом?

— Да. Ист Шо — бывший дом Берта Ланкастера. Мэрлоу его перестроил. Прекрасное место — своя пристань, свой пляж, свой бассейн. Все свое.

Я хорошо помнил Берта Ланкастера. Богатый нефтепромышленник построил в конце залива настоящий дворец. Но обанкротился. Я как раз угодил в тюрьму и потому не

знал, кто же купил этот дворец. Я закурил еще одну сигарету, обдумывая услышанное.

— Значит, «роллс» его?

— Одна из десяти машин...

— А что за женщина за рулем? Блондинка в больших темных очках?

— Наверное, миссис Мэрлоу.

— Его жена? Молодо выглядит... я бы дал ей лет тридцать, не больше. Мэрлоу ведь старик. Я слышал о нем с самого детства. Ему, наверное, лет семьдесят?

— Да, около того. Он снова женился. В Париже. Вокруг этой женитьбы был большой шум в «Геральд».

— А что с его первой женой?

— Погибла в автомобильной катастрофе.

— Значит, Мэрлоу здесь лечится?

— Да. Кроме того, его жена и дочь любят жить в Калифорнии.

— А разве у него есть дочь?

— От первого брака. Ей девятнадцать лет. А как хороша! Я бы предпочел иметь ее, чем «роллс-ройс».

— Ого! А я-то думал, ты солидный, женатый человек.

— Ну конечно, но видел бы ты Одетту Мэрлоу!

Я встал.

— Ну ладно, мне пора.

— Если тебе нужна временная работа... — неловко начал Эдди, — то мы нанимаем людей регулировать движение. Плата — пятьдесят в неделю. Подойдет?

Я покачал головой.

— Эдд, у меня кое-что наклюнулось. Но все равно спасибо...

По дороге домой я перебирал в уме сведения, полученные от Маршалла. Они приводили меня в восторг. Жена одного из магнатов хочет, чтобы я на нее работал. Есть риск, сказала она. Ну что ж, я согласен на риск, если деньги будут большими.

Жизнь снова показалось мне прекрасной.

* * *

На следующее утро я направился в «Геральд».

В приемной дежурили две молоденькие секретарши. Я попросил одну из них дать мне подшивку «Геральд» двухлетней давности.

Нужные сведения я откопал очень быстро. Феликс Мэрлоу женился на Рине Пассари спустя пять месяцев после

смерти жены. Рина была шансонеткой в кабаре «Лидо» в Париже. Через неделю после знакомства Мэрлоу сделал ей предложение, и оно было благосклонно принято.

Я вернулся домой и стал ждать. Ровно в одиннадцать зазвонил телефон.

— Мистер Барбер?

Ее чистый холодный голос невозможно было спутать ни с каким другим.

— Мы вчера встречались...

Я решил, что самое время нанести удар.

— Ну конечно, миссис Мэрлоу, в баре Джо.

Наступила тишина. Я не был полностью уверен, но мне показалось, что у нее перехватило дыхание. А может, у меня просто разыгралось воображение.

— Вы знаете купальные домики в Ист Биче? — наконец произнесла она.

— Да.

— Снимите домик — последний слева. Я буду там сегодня в девять вечера.

— Хорошо, миссис Мэрлоу.

Я положил трубку и закурил. Настроение было приподнятое — подобные ситуации меня всегда интриговали. Элемент риска! Интересно, что она от меня хочет?

Купальные домики в Ист Биче комфортабельные, в них можно даже ночевать. Они тянутся длинной цепочкой по побережью. Но, как я успел заметить, домики почти все были заняты.

Хозяин пляжа, Билл Холден, знал меня и очень мне обрадовался.

— Привет, мистер Барбер, рад вас видеть.

— Спасибо, — я пожал ему руку. — Хочу снять у вас домик. Крайний слева. Мне он будет нужен сегодня вечером в девять часов. Вы можете это устроить?

— Мы закрываемся в восемь, мистер Барбер. Но я все устрою. Сегодня у меня никто не остается на ночь, поэтому я тоже уезжаю. Идет?

— Прекрасно. Ключ оставьте под ковриком. Заплачу завтра.

— Как вам будет удобно, мистер Барбер.

По дороге домой я судорожно придумывал, что бы сказать Нине. Наконец решил сослаться на Эдда Маршалла, дескать, тот предложил ночную работу — подсчитывать плотность потока машин для Управления транспорта.

Мне было совестно видеть, как она обрадовалась.

В восемь тридцать вечера я направился в гараж. У нас был отживающий свой век «паккард», как мне казалось, едва волочивший задние ноги. Пока я мучился, заводя мотор, я поклялся, что первое, что сделаю, — это куплю новую машину. Разумеется, когда миссис Мэрлоу мне заплатит.

В Ист Бич я приехал без трех минут девять. пляж обезлюдел. Ключ, как и договорились, оказался под ковриком.

В домике была спальня, гостиная, ванная и маленькая кухонька. Оборудован он был всем необходимым — вентилятором, телевизором, радио. Предусмотрели даже бар, в котором стояли бутылка неплохого виски и содовая.

Я включил вентилятор, распахнул двери и окна, сел на веранде в один из шезлонгов и стал ждать. Было очень тихо. До меня доносился только шум моря. Мне не терпелось узнать, чего же хочет эта женщина и сколько собирается заплатить за услуги, сопряженные с риском.

— Добрый вечер, мистер Барбер.

Я вздрогнул от неожиданности. А миссис Мэрлоу спокойно села в шезлонг рядом со мной.

На голове у нее был шелковый шарф, почти полностью скрывавший лицо. Но, тем не менее, я отметил, что темно-красное платье невероятно ей шло. Правое запястье украшал тяжелый золотой браслет.

— Мне кое-что известно о вас. У человека, который отверг взятку в десять тысяч и отказался сотрудничать с гангстерами, должны быть железные нервы. Именно такой человек мне нужен.

Я промолчал.

— Мистер Барбер, там, в баре, вы здорово рисковали... По меньшей мере, шесть лет тюрьмы...

— Я был смертельно пьян...

— А сейчас вы готовы рискнуть?

— Все зависит от платы. Мне нужны деньги, я этого не скрываю. Но деньги должны быть большие.

— Устроят ли вас пятьдесят тысяч долларов?

Эта фраза по силе воздействия могла сравниться с ударом в солнечное сплетение.

— Пятьдесят тысяч! Вы сказали, пятьдесят тысяч?

— Да. Но при условии, что...

Я глубоко вздохнул. Пятьдесят тысяч! Мне стало дурно при мысли о таких деньгах.

— Ну как, мистер Барбер, вы готовы работать за такую сумму?

— За такую сумму я готов на любой риск.

Я подумал, что на эти деньги мы с Ниной сможем уехать из Палм-Сити и начать новую жизнь.

— Но прежде, чем мы продолжим разговор, мистер Барбер,— сказала она,— я должна предупредить, что у меня этих денег нет. Муж наивно полагает, что мы с Одеттой можем прожить на те жалкие крохи, что он нам дает. Возможно, этого было бы достаточно для экономных людей, но ни моя падчерица, ни я к их числу не относимся.

— Но если у вас нет денег...

— Я подскажу вам, как их заполнить.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— И что же нужно сделать?

— Нам с падчерицей необходимо достать четыреста пятьдесят тысяч. Срочно, в течение двух недель. Надеюсь, вы и будете тем человеком, который это сделает.

Я внимательно посмотрел на нее. Да нет, все в порядке... вряд ли какая-нибудь другая женщина могла выглядеть нормальнее.

— Так что я должен делать?

Она не торопилась.

— Конечно, мой муж может дать нам эти деньги без всякого для себя ущерба. Но, естественно, он пожелает знать, зачем нам они. А вот этого мы ему сказать не можем.— Она помедлила, стряхивая пепел.— Вы сможете нам получить эту сумму, избежав ненужных вопросов.

Мои восторги поостыли. Это пахивало мошенничеством. Я насторожился.

— Зачем вам нужны эти деньги? Вас шантажируют?

— Это вас не касается. У меня есть идея. Чтобы реализовать ее, нужна ваша помощь.

Мне это нравилось все меньше и меньше.

— Давайте перейдем к главному — что это за идея?

— Мою падчерицу похищают,— холодно проговорила она,— и требуют выкуп в пятьсот тысяч долларов. Вы получаете десять процентов, мы с Одеттой делим остальное.

— А кто будет похищать?

— Никто. Одетта просто уедет куда-нибудь, а вы потребуете выкуп. По телефону. Это довольно просто, но должно быть хорошо сработано.

Во рту у меня пересохло. Киднаппинг¹ — слишком серьезное преступление. Похитителю грозит электрический стул.

¹ Киднаппинг — похищение детей с целью получения выкупа.

Глава 3

— Похищение карается смертью, — сказал я не очень твердо. — Вы хорошо все обдумали?

— Но никто же не будет похищен, — терпеливо объяснила она, вытянув свои длинные, прекрасные ноги. — Предположим, случится неувязка, тогда я расскажу мужу правду, и на этом все кончится.

В этот момент миссис Мэрлоу напоминала мне продавца, пытающегося всучить покупателю поддельный персидский ковер.

Но пятьдесят тысяч были слишком большой приманкой. Может, говорил я себе, если взять дело в свои руки, обдумать все до мельчайших деталей, то можно и осуществить задуманное.

— Вы хотите сказать, что ваш муж посмеется и скажет, что вы с Одеттой просто гадкие девчонки, и на этом инцидент будет исчерпан? А агентам ФБР он объяснит, что это была всего-навсего проделка его любимой жены, захотевшей получить пятьсот тысяч долларов?

— Мне не нравится ваш тон, мистер Барбер, вы не слишком любезны.

— Прошу прощения, но я бывший репортер и прекрасно знаю — если дочь Феликса Мэрлоу будет похищена, поднимется газетная шумиха на весь мир. Может случиться второе дело Линдберга.

Она откинулась в кресло.

— Вы преувеличиваете. Я не позволю мужу обратиться в полицию, — в голосе ее появился странный надрыв. — Ситуация такова: Одетта исчезает. Вы звоните моему мужу и говорите, что его дочь похитили. Но ее возвратят, если любящий отец выложит деньги. Мой муж, конечно же, заплатит. Вы получите деньги, а Одетта вернется домой. Вот и все.

— И вы надеетесь, что это все?..

Она резко оборвала меня:

— Полиция не вмешается. Уверяю, я смогу убедить мужа.

— Возможно. — Я выбросил окурок в темноту. — Но предупреждаю, если федеральные агенты начнут расследование, мы все попадем в беду.

— Господи, сдается мне, что вы не тот человек, который... Мы просто теряем время...

Не тот человек? Почему я не согласился с этим? Тогда бы она просто исчезла в темноте так же тихо, как и по-

явилась. Но меня неотступно преследовала мысль о пятидесяти тысячах. И тут я вдруг понял — если бы начальник полиции предложил тогда не десять, а пятьдесят тысяч, я бы их взял. Против такой суммы совесть моя устоять не смогла бы.

— Мой долг предупредить вас,— медленно произнес я.

В голосе ее послышались жесткие нотки, когда она сказала:

— Мистер Мэрлоу болен. Смертельно больной человек ничего не пожалеет, чтобы спасти дорогое ему существо.

Я мысленно поблагодарил Бога, что эта женщина не моя жена.

— Что ж, вам виднее.

— Так вы это сделаете? — спросила миссис Мэрлоу нетерпеливо.

— Я должен подумать.

Она встала. Открыла сумочку, достала пачку денег и положила на столик.

— Это вам, чтобы заплатить за домик и на другие расходы. Я позвоню завтра.

Она скрылась в темноте бесшумно, как призрак.

В пачке было десять бумажек по десять долларов. Я задумался. Конечно, риск немалый. И все же... я решил помочь им разыграть киднаппинг. На моих, и только на моих условиях.

На следующее утро я вновь пришел на пляж. Сказал Биллу Холдену, что домик мне понадобится еще на пару дней, и стал ждать.

Миссис Мэрлоу была точна. Ровно в одиннадцать зазвонил телефон. Я поднял трубку.

— Барбер слушает.

— Да или нет? — без церемоний спросила миссис Мэрлоу.

— Да.— Я выдержал паузу.— Но только на некоторых условиях. Жду вас с Одеттой вечером в девять часов — надо поговорить.

И, не дав ей времени на размышления, положил трубку. Тем самым я показал, что инициатива перешла в мои руки.

Снова зазвонил телефон, но я не стал поднимать трубку. Вышел из домика и запер дверь.

Прошлой ночью я долго обдумывал предложение Рины Мэрлоу и понял: нужна гарантия, что Рина и ее падчерица не оставят меня у разбитого корыта. Я решил записать на пленку предстоящий разговор.

Магнитофон установил в туалете. Он хоть и работал бесшумно, но все-таки в гостиной его могли услышать. В двери туалета пришлось просверлить отверстие, через которое я протянул провод в гостиную и подсоединил его к выключателю. Когда я войду в домик и включу свет, магнитофон сразу же заработает.

Долго не мог сообразить, где установить микрофон. Наконец спрятал его под маленьким столиком в углу.

Все это заняло довольно много времени. В семь часов я испробовал устройство и убедился, что микрофон улавливает мой голос из любого угла комнаты.

Темнело. Пляж опустел. На веранде было жарко и душно, но я мужественно поправил галстук и уселся в шезлонг.

Вскоре мне послышался какой-то шорох — Рина Мэрлоу поднималась по ступенькам веранды. Она была одна.

— Добрый вечер, мистер Барбер,— сказала она, направляясь к шезлонгу.

— Давайте войдем в дом. Нас не должны видеть вместе,— я открыл дверь и включил свет.— Где ваша падчерица?

Миссис Мэрлоу прошла за мной в гостиную и закрыла дверь.

— Одета скоро будет,— равнодушно промолвила она, садясь в одно из кресел.

— Я не буду ничего делать, пока не поговорю с ней. Я должен твердо знать, миссис Мэрлоу, что ваша падчерица согласна быть похищенной.

Рина недоуменно посмотрела на меня.

— Ну конечно же она согласна.

— Я хочу услышать это от нее.— Устроившись поудобнее в кресле, я продолжал исключительно для магнитофона: — Требование мое вполне обоснованно. В вашем плане Одете отводится роль жертвы, похищенной. Вам нужны четыреста пятьдесят тысяч долларов. Вы решили получить их от вашего мужа, разыграв киднаппинг. За мою помощь обещано пятьдесят тысяч. Но похищение — очень серьезное преступление, и я должен быть абсолютно уверен, что ваша падчерица знает о том, что ей предстоит.

Рина раздраженно произнесла:

— Уверю вас — она знает... она не ребенок...

— Но что будет, если ваш муж обратится в полицию?

— Мистер Барбер,— судя по всему, Рина готова была взорваться,— да у вас просто талант — тратить время попусту. Мы ведь уже все обсудили.

Я был доволен. Теперь ей не ускользнуть от суда, если случится нечто непредвиденное.

В половине десятого мне показалось, что я слышу шаги.

Подойдя к двери, я распахнул ее настежь — на пороге стояло очаровательное создание.

— Привет,— Одетта Мэрлоу кокетливо улыбнулась.

На ней был тончайший белый свитер и джинсы под цвет шкуры леопарда. Черные волосы, расчесанные на прямой пробор, спадали на плечи с продуманной небрежностью. Белая нежная кожа, казалось, светилась в темноте. Большие серые глаза и слегка вздернутый нос завершали портрет этой невысокой, но ладно скроенной девчонки. Судя по всему, она была из поколения бесшабашных, отчаянных, ни во что не верящих девиц.

— Мисс Мэрлоу?

— Входи, Одетта! — нетерпеливо крикнула Рина.

Девушка сморщила носик и прошла в дом. Я закрыл дверь. Меня беспокоил магнитофон. Пленки хватит минут на сорок. Надо торопиться, если я хочу записать весь разговор.

— Здравствуй, дорогая Рина,— Одетта плюхнулась в шезлонг рядом со мной.— Он великолепен, не правда ли?

— Помолчи, пожалуйста,— сказала Рина.— Сиди и слушай. Мистер Барбер хочет с тобой поговорить.

Одетта состроила мне глазки и забралась с ногами в кресло.

— Пожалуйста, поговорите со мной, мистер Барбер.

Ее тон меня не обманул. Девчонку выдавали глаза — встревоженные и... как бы вопрошающие. Она чувствовала, что делает какую-то глупость, но изменить что-либо у нее не хватало характера.

— Хотел бы услышать от вас лично — вы согласны на эту затею с похищениями?

Девушка перевела глаза с Рины на меня.

— Согласна?! — Она присвистнула.— Да он просто чудо, Рина, дорогая! Ну конечно же, я согласна. Рина и я, мы давно все обдумали. Прекрасная мысль, не правда ли?

— Вы думаете? — я посмотрел на нее.— Не уверен, что ваш отец с этим согласится.

— Это вас не касается,— отрезала Рина.— Если вы, наконец, удовлетворены, давайте все обсудим.

— Давайте,— согласился я.— Куда, к примеру, исчезнет мисс Мэрлоу?

— Зовите меня Одеттой,— девушка придвинулась ко мне.— Все мои друзья...

Не обращая на нее внимания, Рина объяснила:

— В Кармеле есть маленький тихий отель...

— А так ли вам легко будет исчезнуть? — спросил я Одетту.— У вас ведь много друзей и слуги...

Она пожала восхитительными плечами.

— Я всегда куда-нибудь исчезаю.

Я посмотрел на Рину.

— А знаете, если бы похитили мою дочь и пообещали вернуть в обмен за полмиллиона долларов, я бы особенно не торопился... Ваш план несколько надуман. Будь я вашим мужем, я бы решил, что это розыгрыш. И обратился в полицию.

— Многое зависит от того, насколько убедительны будете вы,— жестко возразила Рина.— Именно за это вам хотят заплатить.

— В себе я уверен. Но что касается вас... Пойдете ли вы до конца в случае, если полиция все-таки...

— Мы пойдем до конца,— отрезала Одетта.— Нам нужны деньги.

— Да,— подтвердила Рина.— Нам нужны деньги. Но полиция — в сотый раз повторяю вам — ничего не будет знать.

— И все-таки следует все предусмотреть. Возможен ведь и такой вариант — ваш муж платит выкуп, но когда Одетту «возвращают», он заявляет в полицию. Человек, добившийся в жизни всего собственным умом, не позволит себя так легко провести. А вдруг он решит пометить деньги?

— Я прослежу, чтобы этого не произошло,— твердо сказала Рина.

— И тем не менее, где гарантия?!

— Мой муж делает то, что я ему велю,— холодно и мрачно произнесла Рина.

Я почувствовал, как при этих словах холодок пробежал у меня по спине. Перевел глаза на Одетту — она смотрела на меня спокойно и чуть насмешливо. Одетта перестала разыгрывать наивного ребенка и неожиданно стала похожа на свою мачеху.

— Сегодня вторник,— обратился я к ней.— Мы сможем все подготовить к субботе. У вас есть подружка? Дого-

воритесь с ней пойти в кино, в субботу вечером. Можете это устроить?

Она кивнула, но в глазах ее отразилось удивление.

— Вы пообедаете дома и скажете отцу куда идете. На вас должно быть что-нибудь яркое, запоминающееся. Вы договоритесь с подружкой встретиться в восемь часов, но... вместо этого поедете в Пайретс Кэбин. Это небольшой бар в нескольких милях отсюда. Может быть, вы знаете, где он находится?

Она вновь кивнула.

— Итак, вы оставите машину на стоянке и зайдете в бар. В это время там полно народа. Не думаю, что вам настолько не повезет, что вы наткнетесь на кого-нибудь из друзей. Как вы считаете?

— Мои друзья в такие места не ходят.

— Именно на это я и рассчитываю. Надо, чтобы привлечь внимание. Оттуда вы уйдете через пять минут. Смотрите, чтобы к вам никто не пристал. Моя машина будет на стоянке. Убедитесь, что за вами никто не следит, только после этого садитесь в мою машину. В ней вы переоденетесь и наденете рыжий парик.

Я сяду в вашу машину и поеду на стоянку в Лоун Бее. Вы последуете за мной. Вашу машину я оставлю на стоянке. Затем пересяду в свою и отвезу вас в аэропорт. Куплю билет до Лос-Анджелеса, где в отеле для вас будет снята комната. Вы скажете дежурному клерку, что плохо себя чувствуете, и будете все время находиться в комнате, даже обедать там. Я буду вам звонить. Пока все ясно?

Одетта уже больше не разглядывала маникюр, она выглядела очень заинтересованной.

— Весь этот спектакль совершенно необязателен,— возразила Рина.— Если она поедет в отель в Кармеле.

— Вам нужны деньги или нет, черт возьми? — взорвался я.

— Я же сказала, что да! — огрызнулась Рина.

— Тогда делайте, что вам говорят, или вы их не получите!

— Он просто прелесть,— улыбнулась Одетта.— Я сделаю все, что вы скажете, Гарри... Можно я буду называть вас Гарри?

— Мне абсолютно все равно, как вы будете меня называть, лишь бы вы делали то, что вам советуют.— Я повернулся к Рине: — Когда Одетта уже будет в самолете, я позвоню вашему мужу. Но есть ли шанс прорваться к... миллионеру?

— К телефону подойдет секретарь. Скажите, что хотите поговорить с мистером Мэрлоу о его дочери. Секретарь доложит ему. Я буду при этом присутствовать и настою на том, чтобы Феликс сам поговорил с вами.

— Это будет довольно поздно вечером. Надеюсь, подружка Одетты позвонит и спросит, куда она делась,— и я посмотрел на Одетту.— Как вы думаете, она позвонит?

— Ну конечно же...

— Надо, чтобы позвонила, это подготовит соответствующую почву. К тому времени, как я позвоню, вас уже должны разыскивать.

— Она позвонит,— уверенно сказала Одетта.

— О'кей. Я скажу мистеру Мэрлоу, чтобы он приготовил деньги в течение двух дней и ждал дальнейших распоряжений. Вы должны убедить мужа ничего не предпринимать.

— Я все устрою.

— Надеюсь. Через два дня я позвоню снова. Ваш муж сможет отвезти деньги сам?

— Он никому это не доверит.

— И даже вам? — удивился я.

Одетта хихикнула, прикрыв рот ладонью. Но Рине было не до смеха: глаза ее сузились, лицо окаменело.

— Конечно, он доверяет мне,— пробормотала она,— но... сочтет это опасным.

— Ну хорошо,— я закурил еще одну сигарету.— Я скажу ему, чтобы он выехал из дома в два часа ночи и ехал вдоль Ист Бич Роуд. Он должен быть на «роллсе». Где-нибудь на пустынной части шоссе он увидит свет карманного фонарика. Вот тут-то ему и следует выбросить портфель с деньгами. В это время Одетта вернется. Она придет сюда и будет ждать меня. Я возьму свою часть денег, остальные отдам ей...

— Э, нет,— резко перебила меня Рина,— на это я не согласна! Деньги вы отдадите мне!

Одетта вскочила, лицо ее приняло упрямое выражение.

— А почему не мне?!

— Тебе я не доверю и цента! — крикнула Рина с загоревшимися глазами.— Он отдаст их мне!

— Ты воображаешь, что уж тебе-то можно доверять? — зло спросила Одетта.— Да как только ты запустишь свои лапы...

— Ладно, ладно, заткнитесь, ради Бога,— не выдержал я.— Выход есть. Одетта напишет отцу. Это избавит меня от необходимости звонить, да к тому же будет убе-

дительнее. Пусть мистер Мэрлоу после того, как отвезет выкуп, отправляется на стоянку машин в Лоун Бее. Одетта будет его там якобы ждать. Это добрых полчаса езды — у вас обеих будет время побывать здесь и забрать деньги. Ну что, согласны?

— Но если папа не найдет меня на стоянке, он может обратиться в полицию,— заметила Одетта.

Это была первая умная мысль, высказанная ею за весь вечер.

— Правильно. Значит, в письме следует сказать, что в Лоун Бее его будет ждать записка. Из нее он узнает, что Одетта вернется прямо домой. Подходит?

Рина пристально посмотрела на меня.

— Если деньги вы вручите нам обеим, то вполне.

— Теперь скажите: что же с вами случилось? Почему вы не пошли с подругой в кино? Почему вдруг поехали в Пайретс Кэбин? Кто вас похитил? — обратился я к девушке.

Она широко открыла глаза.

— Не знаю. Но почему вы спрашиваете об этом меня?

— А кто же должен знать? Ведь это вас отец будет спрашивать. Готов поклясться, когда вы вернетесь, он обратится в полицию, и они вас тоже будут допрашивать. Если в полиции заподозрят, что вы лжете, от вас не отстанут, пока не выведает всей правды.

Она побледнела и в замешательстве посмотрела на мамеху.

— Но полиция меня не будет допрашивать! Так сказала Рина.

— Извините, но я не заслуживал бы тех денег, которые вы мне заплатите, если бы не принял во внимание полицию. У нас должен быть готов рассказ для полиции — на самый крайний случай. Я его подготовлю. Одетта, не могли бы вы прийти сюда завтра вечером, чтобы спокойно все обсудить? Придется потрудиться, если вы хотите получить денежки.

— Это совсем не обязательно,— сказала Рина.— Мне надоело вам вдалбливать — муж не обратится в полицию! Ни в каком случае.

— А я повторяю, что буду работать только на своих условиях.

— О, я приду завтра,— мило улыбнулась Одетта.

— Остается еще одна вещь,— сказал я Рине.— Вы должны купить ей платье. Достаньте в каком-нибудь дешевом магазине что-нибудь подходящее, например, для

выпускницы колледжа. Да, чуть не забыл: при покупке парика будьте осторожны. Для этого лучше всего съездить в Дейтом. Одетта должна бесследно исчезнуть в Пайретс Кэбин. Ее увидят в баре, но потом — никаких следов...

Рина пожала плечами.

— Ну, если вы считаете, что так нужно...

— Принесите с собой завтра платье и парик,— приказал я Одетте.— А теперь — до свидания.

Убедившись, что они ушли, я прошел в спальню и выключил магнитофон.

Глава 4

На следующий вечер Одетта явилась в начале десятого. Я ждал ее у порога.

На ней было простое, прекрасно сидящее белое платье. В правой руке она держала небольшой чемоданчик.

— Привет, Гарри,— сказала она,— вот и я.

Я взял чемоданчик из ее рук. Меня несколько встревожило, что девушка одна.

— А разве миссис Мэрлоу не придет?

Она кокетливо посмотрела на меня и улыбнулась.

— А разве вы ее приглашали?

Мы вошли в дом. Как только я включил свет, началась запись магнитофона.

День у меня прошел в хлопотах. Надо было продумать все, что придется выучить Одетте, затем я готовил письмо для ее отца. Прослушав вчерашнюю запись, я убедился, что лучшего и желать нечего, положил пленку в конверт и отправил в свой банк.

У меня возникла уверенность, что получить пятьдесят тысяч долларов вполне реально. Если что-нибудь и случится, меня судить не будут. Разве что вместе со мной придется обвинить Рину и Одетту, но Мэрлоу никогда не отдаст под суд жену и дочь.

— Садитесь,— сказал я.— Уже поздно, а нам нужно многое обсудить.

— Мне кажется, Рина очень умело вовлекла вас в эту историю,— призналась она.— Но, правда, вы оказались даже умнее ее.

Я вздрогнул.

— Она меня ни во что не вовлекала — о чем вы говорите?

— Ну как же?! Она много дней наблюдала за вами в баре

и решила вас подцепить. А тут еще ей подвернулась газета с вашим снимком и заметкой, что не... что вас выпустили из тюрьмы... Рина была уверена, что вы возьмете деньги. А я сказала, что нет, не возьмете... И проиграла десять долларов.

Я сидел, ошеломленно глядя на нее, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Я... я был пьян, — мне почему-то стыдно было смотреть в глаза этой девчонке. Новость о том, что Рина специально оставила сумочку, буквально потрясла меня.

Но коготок уже увяз, и я спросил:

— Вы назначили встречу с подружкой?

— Да. Мы с Мовис Шин идем в кино в «Кэпитал». Договорились встретиться в десять у входа.

— У вас есть такой приятель, с которым вы встречались не постоянно, а так... время от времени.

Она немного смутилась.

— Ну, пожалуй, да. Таких приятелей у меня много...

— Назовите хотя бы одного.

— Ну вот... Джерри Вильямс...

— Он когда-нибудь звонил вам домой?

— Да.

— Кто у вас подходит к телефону?

— Сэбли, дворецкий.

— Он узнает голос Вильямса?

— Не думаю. Джерри мне давно уже не звонил.

— Ну тогда так... Вы скажете отцу, что идете с подругой в кино. А в восемь пятнадцать я позвоню и попрошу вас к телефону. Дворецкому представлюсь Джерри Вильямсом. Сделаем это на тот случай, если полиция начнет расследование. По телефону я скажу вам, что встретил вашу подругу, и мы с компанией решили съездить на ночь в Пайретс Кэбин. Мы хотим, чтобы вы присоединились к нам. Вы удивитесь, но согласитесь. И никому не скажете, куда едете, потому что знаете — отец не одобрит поездки в такое место. Вы приедете туда, не найдете друзей и решите вернуться. Но когда будете подходить к машине, на вас набросят одеяло и затащат в автомобиль. Пока все понятно?

— О Боже! Неужели вы это принимаете всерьез?

— Да, потому что это... очень серьезно. Если полиция вмешается, то прежде всего они захотят поговорить с Вильямсом, но он будет клясться и божиться, что не звонил вам. Они решат, что это подстроили киднапперы, чтобы выманить вас в Пайретс Кэбин. В полиции заинтересуются,

почему вы не узнали голос Вильямса. Вы скажете, что было плохо слышно — все время мешала громкая музыка. Но вы даже и не усомнились, что звонит Вильямс. О'кей?

— А вы думаете, что полиция все-таки вмешается?

Глядя на меня, она покусывала яркие полные губы.

— Не знаю. Но надо все предусмотреть. Теперь сосредоточьтесь и запомните то, что будете говорить в полиции. Вы в машине, закутаны в одеяло, вас крепко держат. Мужчина, говорящий с итальянским акцентом, предупреждает вас — ни звука, иначе будет плохо. Вы замечаете, что в машине три человека. Они говорят открыто, не скрываясь. Я записал разговор, который вы услышите. Вам придется его зазубрить.

Машина резко поворачивает, и вы понимаете, что свернули с главной дороги. Наконец, после двухчасовой езды, машина останавливается. Вы слышите лай собак и скрип открываемых ворот. Машина проезжает немного вперед и останавливается. Запомните эти детали. Если начнется расследование, вам эти мелочи пригодятся. Очень часто киднапперов находят только потому, что жертва слышала лай собак и шум ведра, опускаемого в колодезь.

В ее глазах я прочел удивление.

— Теперь понятно, почему вы хотели, чтобы я пришла сегодня. Даже если в полиции ничего не узнают, папа все равно будет расспрашивать. Он очень дотошный.

— Трое суток вас держали взаперти. Полиция, конечно, попросит вас нарисовать план комнаты, и вы должны будете сделать это без колебаний. До вас доносился лай собак, мычание коров, крик петухов. Вы решаете, что находитесь на какой-то ферме. К вам является иногда один из похитителей да женщина, ухаживающая за вами. Их описание вам придется тоже выучить наизусть. Если полиция будет вас допрашивать, особенно уверенно рассказывайте именно это. Избегайте подвохов.

Она слушала с интересом и вниманием.

— Понимаю...

— Рядом с вашей комнатой находится туалет. Это одна из ловушек, на которой вы можете попасться. Вам разрешат туда ходить. Женщина все время сопровождает вас. Вот еще один план. На нем та часть дома, которую вы видите, идя в туалет. Тут совсем немного: коротенький коридор и три закрытые двери. Вот список блюд, которые вам давали в течение этих трех дней. Ради Бога, не ошибитесь, иначе вас быстро выведут на чистую воду. Вы должны быть готовой ко всему.

Она облизала пересохшие губы.

— Мне начинает казаться, что меня действительно похитили.

— Именно так вам и должно казаться,— сказал я.— А теперь... вот вам образец письма отцу. Перепишите его.

Я вынул из портфеля, предварительно надев перчатки, несколько листов дешевой бумаги.

Она села за стол. Нагнувшись над ней, я наблюдал, как она пишет. Письмо я велел положить в конверт, а конверт в мой портфель. Затем отдал ей перечень деталей, которые сочинил для нее.

— Тщательно запомните их,— сказал я.— Вечером в пятницу приходите сюда, я проверю. И тогда мы сможем начать.

Она положила все бумаги в сумочку.

— А теперь примерьте платье и парик.

Она открыла чемоданчик, вынула оттуда дешевое белое платье с голубым узором, белые босоножки и рыжий парик.

Я указал кивком головы на дверь спальни.

— Поторопитесь. Мне надо ехать домой.

— Между прочим, вы командуете не хуже моей ма- чехи,— заметила она.

— Если вам это не нравится...

— В том-то и дело, что нравится! Это ново и интересно,— она кокетливо взмахнула ресницами.— Люблю мужчин старше себя.

— Д-да, конечно, в этом... много преимуществ...— пробормотал я, немного смутившись.

У дома я неожиданно наткнулся на «бьюик» Джона Реника. Мы не виделись с тех пор, как он встретил меня у ворот тюрьмы. Я заволновался. Если Нина сказала ему, что я получил работу в Управлении транспорта, он, чего доброго, еще отправится туда. И убедится, что я солгал. Кроме того, мне только полиции и не хватало в тот момент, когда я замышлял преступление.

Я вынул ключ, открыл входную дверь. На часах в холле было десять минут двенадцатого. С террасы доносился голос Реника и смех Нины.

Я стоял, размышляя.

Мы дружили с Реником двадцать лет. Даже в школу пошли вместе. Он всегда был хорошим честным полицейским. А теперь стал помощником районного прокурора — важной фигурой в городе. Если мой план провалится, он первым получит задание расследовать дело, а я прекрасно

знал, что он один из самых умных и способных следователей на всем побережье. Прежде мне не раз доводилось писать о его блестящих расследованиях.

Я мысленно перекрестился, подошел к двери на террасу и распахнул ее. Нина что-то рисовала, сидя за столом. Реник, устроившись в кресле, наблюдал за ней. Увидев меня, Нина бросила кисть и пошла навстречу. Я ласково обнял ее за плечи и криво улыбнулся Ренику.

— Привет, Джон,— сказал я, пожимая ему руку.— Давно тебя не видел.

Коп всегда коп. Я сразу почувствовал, что он что-то знает.

— Не вини меня, Гарри, все это время я был в Вашингтоне. Ну, как дела? Слышал, ты нашел работу?

— Называй это как хочешь. Все-таки лучше, чем ничего.

Реник все еще пристально смотрел на меня.

— Слушай, Гарри,— сказал он,— так продолжаться не может. Тебе нужно что-нибудь постоянное. Мне кажется, я могу договориться с Мидоузом, если ты, конечно, согласен.

Я раскрыл рот.

— С Мидоузом? О чем договориться?

— Я с ним говорил о тебе. Нам нужен хороший репортер. Ты просто создан для этой работы.

— Неужели? А я думаю, с меня хватит. Не собираюсь работать на администрацию ни за какие деньги.

Нина сжала мне руку.

— Ради Бога, Гарри, оцени все трезво! — воскликнул Реник.— Вся старая шайка ушла. Это хорошая возможность. Мы не знаем еще, сколько тебе будут платить, но думаю, немало. Мидоуз знает твою репутацию репортера. Я уверен, ты подойдешь.

Мне пришло в голову, что это прекрасная возможность бросить к чертям киднаппинг и получить хорошо оплачиваемую работу. Но я колебался, вспоминая сумму в пятьдесят тысяч. С такими деньгами я буду сам себе хозяин.

— Надо подумать,— вяло произнес я.— Работать на администрацию меня как-то не тянет.

Реник казался разочарованным.

— Ну, хорошо. Лучше, конечно, если бы ты сразу решил. На это место претендуют многие.

— Как всегда,— сказал я.— Спасибо, Джон, за предложение. Я дам тебе знать.

Он пожал плечами и поднялся.

— Мне пора. Я только заскочил сказать тебе об этом.
Звони.

Когда он ушел, Нина спросила:

— Надеюсь, ты не собираешься отвергать его предложение? Ты должен...

— Я подумаю...

Она взяла меня за руку.

— Ну, пожалуйста, Гарри, ради меня, согласись. Мы не можем так жить дальше.

— Я хочу сам распоряжаться своей жизнью,— отрезал я.

...Наступил четверг. Днем я пошел в банк и сдал новую пленку, а весь остаток дня провел на пляже.

Утром, за завтраком, Нина спросила:

— Ты решил насчет предложения Реника?

— Нет еще.

Она укоризненно посмотрела на меня, и я вынужден был отвести глаза.

— Ну что ж, вот три счета, которые мы должны оплатить. У меня нет денег,— она бросила счета на стол.— Мы не сможем купить бензин для машины, пока не заплатим по счетам. А если не уплатим за электричество, останемся без света. Кроме того, надо отдать деньги бакалейщику. Он отказал в кредите.

У меня еще оставалось шестьдесят долларов от сотни, которую дала Рина.

— Бакалейщику и за электричество я заплачу. А с бензином подождут. У нас есть еще хоть немного бензина?

— Примерно полбака.

— Давай лучше ездить на автобусе.

— Мне нужно отвезти завтра два заказа. Я не могу на автобусе.

В ее голосе появились нотки раздражения, которых я никогда раньше не слышал. Темные глаза Нины были печальны. На душе у меня стало нехорошо.

— Я вовсе не имел в виду, что ты не можешь ездить на машине;— возразил я.— Просто я сказал, что когда можно, лучше ездить на автобусе.

Она нахмурилась. Я чувствовал, что ей многое хочется сказать. Но вместо этого она повернулась и вышла из комнаты. Я чувствовал себя скверно. Первый раз мы были так близки к ссоре.

Я заплатил по двум счетам, и у меня осталось пятнадцать долларов. В конце концов, придется отдать деньги Биллу Холдену за домик, но если нам будет сопутствовать

удача, к тому времени у меня окажется пятьдесят тысяч. Остаток дня я купался, загорал и постоянно поглядывал на часы в ожидании Одетты.

Она появилась вовремя, около девяти часов. Я открыл портфель и вынул оттуда бумаги, на которых были написаны вопросы.

— Итак, отвечайте.

...Она ни разу ничего не перепутала, ни разу не сбилась. Я был более или менее удовлетворен.

— Сойдет. Если вы не попадете в ловушку, все будет в порядке.

Она кокетливо улыбнулась.

— Не попадусь, Гарри...

Я поднялся.

— Ну хорошо, теперь мы готовы к субботе. Я буду в Пайретс Кэбин в девять пятнадцать. Не опаздывайте.

Глава 5

Утром в субботу было похоже, что пойдет дождь. Я очень нервничал, и только мысль о деньгах помогала мне сохранять контроль над собой.

— Вечером мне придется задержаться, — сказал я Нине за завтраком. — Сегодня мой последний день в управлении.

Она взволнованно посмотрела на меня.

— Ты сегодня увидишь Джона?

— Встречусь с ним в понедельник. Если бы у него были новости, он бы позвонил.

Она тихо спросила:

— Ты возьмешься за эту работу, Гарри?

— Думаю, что да. Я возьму машину. Будет дождь.

— Бензина осталось очень мало.

— Ничего, как-нибудь обойдусь.

Я отправился в купальный домик. Не успел открыть дверь, как появился Билл Холден.

— Здорово, мистер Барбер, — приветствовал он меня. — Вы оставите за собой домик еще на одну неделю?

— Пожалуй, да. Может быть, не на всю, но по крайней мере до четверга.

— Не могли бы вы заплатить за прошедшую неделю?

— Если можно — завтра. Как назло, оставил бумажник дома.

— Прекрасно, мистер Барбер. Завтра годится.

Часа в два зазвонил телефон. Это была Рина.

— Все готово? — ее голос был встревожен.

— Да. В восемь пятнадцать мы начинаем.

— Я позвоню вам завтра в одиннадцать.

— Мне нужно немного денег. Надо заплатить за домик. Не могли бы вы прийти сюда завтра утром?

— Хорошо, приду, — и она повесила трубку.

Остаток дня я провел в домике. Когда на моих часах было восемь, вышел из домика и побежал по мокрому песку к «паккарду». Дождь немного утих. Позвонить решил из аптеки на Палм-Сити. Когда добрался до автомата, было пятнадцать минут девятого.

Набрал номер резиденции Мэрлоу. К телефону подошли почти немедленно.

— Дом мистера Мэрлоу, — провозгласил голос с чисто британским выговором. — С кем имею честь говорить?

— Можно мисс Мэрлоу? Это Джерри Вильямс.

— Подождите, пожалуйста, мистер Вильямс. Я позову мисс Мэрлоу.

Я держал трубку, чувствуя, что дышу слишком часто и неровно.

Долгую паузу прервал веселый голосок Одетты:

— Хэлло!

— Никто не подслушивает?

— Нет, все в порядке. Хэлло, Гарри, — ее голос был абсолютно беззаботным. Мне даже стало завидно.

— Вы знаете, что вам делать? Я приеду в Пайретс Кэби через двадцать минут. «Паккард» будет стоять в дальнем правом углу стоянки. Платье на заднем сиденье. Вы четко все помните?

— Да.

— Ну что ж, приступим. Я буду вас ждать, — и я повесил трубку.

В Пайретс Кэбин я приехал через двадцать минут. Стоянка была почти полностью забита машинами, но я умудрился поставить «паккард» там, где обещал. Через окно было видно, что в баре полно народа.

Я сидел в «паккарде» и ждал, волнуясь и вздрагивая при виде каждой машины. Минут пятнадцать десятого подъехал маленький белый «АТРЗ» и остановился ярдах в двадцати от меня.

Из него вышла Одетта. Поверх розового платья на ней был белый плащ. Она остановилась и посмотрела в мою сторону. Я высунулся из «паккарда» и помахал ей рукой. Дождь усиливался. Она помахала в ответ и быстро вошла в

бар. Я вышел из «паккарда» и подошел к ее машине. На пассажирском сиденье лежала сумка. Я убедился, что меня никто не видит, и отнес сумку в «паккард».

Через окно я видел Одетту — она говорила с барменом. Бармен покачал головой, она отошла от него и пропала из виду.

Я взглянул на часы. Самолет в Лос-Анджелес улетает в десять тридцать. У нас еще полно времени. В Лос-Анджелесе я заказал ей в отеле комнату на имя Анны Харкурт. Отель очень тихий и не в центре — мне приходилось там останавливаться. Билеты на самолет тоже были заказаны.

Одетта вышла из бара. И вдруг, к величайшему моему ужасу, я увидел, что она не одна. За ней увязался какой-то мужчина. Одетта шла к моей машине. Мужчина схватил ее за руку, пытаюсь удержать.

— Пошли со мной, крошка...

— Отстань от меня! — воскликнула Одетта. — Убери свои грязные лапы!

Ясно, она испугалась.

— Не упрямься, крошка... говорю тебе, пошли!

Если она не справится с ним, мы пропали. Я не мог вмешиваться. А вдруг он не так уж пьян? Если дело сорвется, он может меня вспомнить.

— Отстаньте! — Одетта пыталась высвободить руку, но это ей не удавалось.

Я вышел из машины и стал так, чтобы меня не было видно. Мне хотелось крикнуть, чтобы она держалась подальше от «паккарда». Он может запомнить машину, но, увы, она это не принимала в расчет.

Мужчина притянул Одетту к себе. И тут она залепила ему пощечину. Звук удара напоминал взрыв в миниатюре.

— Так ты упрямишься, — прорычал пьяный, схватил ее и попытался поцеловать.

Одетта отчаянно сопротивлялась, но я видел, что мужчина слишком силен. Хорошо еще, у нее хватило самообладания не кричать. В «паккарде» у меня был тяжелый фонарик — длинный, не меньше фута. Я схватил его и подошел к ним сзади. Было довольно темно, свет на нас не падал. Мое сердце бешено стучало, дыхание с трудом вырывалось сквозь стиснутые зубы.

Когда я приблизился, пьяный увидел меня и отпрянул. Я ударил его по голове, и он со стоном рухнул сначала на колени, а затем лицом в лужу. Одетта с трудом подавила крик.

— Садитесь в мою машину! — сказал я. — Быстро! Я поеду за вами!

— Вы... не убили его? — она с ужасом смотрела на неподвижное тело, прижимая руки к груди.

— Быстро!

Я дал Одетте несколько минут на то, чтобы выехать со стоянки, и только после этого последовал за ней.

У нее хватило ума и хладнокровия ехать по дороге, ведущей к пляжу. Проехав около мили, я догнал ее и просигналил, чтобы она остановилась. Дорога была безлюдна. Дождь лил не переставая. Я вылез из ее машины и подбежал к «паккарду».

— Переоденьтесь. Потом следуйте за мной к стоянке в Лоун Бее. Живо!

Я вернулся в машину и ждал, вглядываясь в дорогу и моля Бога об одном, чтобы ни одна машина не проехала мимо.

Через пять минут, которые показались мне вечностью, я услышал гудок и оглянулся. Одетта махала мне рукой. Я поехал к Лоун Бее, она — за мной.

У нас все еще было достаточно времени, чтобы доехать до аэропорта. Он был в двух милях от Лоун Бее. Я все думал о том пьяном, опасаясь, что ударил его слишком сильно. Но теперь, я решил, что это не так уж плохо. Если Одетта предстанет перед расследованием, это сделает ее рассказ более убедительным. Все решат, что это дело рук киднапперов.

Стоянка в Лоун Бее обслуживала близлежащие бунгалы. Она всегда забита машинами. Автомобиль Одетты здесь не скоро обнаружат. Я просигналил Одетте, чтобы она остановилась, а сам въехал на стоянку.

Между машинами оставалась узкая дорожка, и я ехал по ней, высматривая свободное место.

Неожиданно одна из стоящих машин двинулась мне навстречу. Фары ее были погашены. Она ехала так быстро, что я уже просто не мог избежать столкновения. Раздался мерзкий скрежет — машина врезалась мне в крыло.

На какой-то миг я совершенно растерялся — единственная вещь, которую я не предусмотрел. Этот идиот запомнит номер машины и выяснит, что она принадлежит Одетте. А что, собственно говоря, я делал в этой машине? Такой вопрос задаст самый нелюбознательный человек, а уж полиция... я сидел, тщетно пытаясь что-нибудь придумать, и тут водитель вылез из машины.

К счастью, на стоянке было темно. Когда он подошел,

я погасил фары. Маленький, лысый человек, лицо различить невозможно. Значит, и он меня не мог разглядеть.

— Извините, мистер, — дрожащим голосом сказал он. — Я не видел, что вы едете. Это моя вина!

Но тут из машины вылезла грузная женщина. Она раскрыла зонтик и сердито прокричала:

— Это не твоя вина, Герберт! Он не должен был здесь ехать!

— Уберите вашу машину. Вы помяли мне крыло.

— И не думай, Герберт, — скомандовала женщина, — мы позовем полисмена.

В этой истории можно было увязнуть, и я сделал единственно возможную вещь — завел мотор, нажал на педаль и резко развернулся. Раздался скрежет — сопровождаемый воплями:

— Запиши его номер, Герберт!

Я направился в дальний угол стоянки, нашел свободное место, поставил машину и выскочил из нее. На мне были перчатки, так что стирать отпечатки пальцев с руля не пришлось. Я оглянулся.

Женщина все еще смотрела на меня. Человек пытался поднять упавший бампер. Неужели они отправятся в полицию? Это его вина. Вряд ли в полиции их станут слушать. Ну а вдруг?! Тогда выяснится, что машина принадлежит Одетте...

Подбегая к «паккарду», я вдруг с ужасом понял, что мой тщательно продуманный план себя не оправдывает, все идет не так, как я рассчитывал. Сначала пьяница, теперь это столкновение. Что еще произойдет?

* * *

На следующее утро телефонный звонок прервал мой сон. Я сел на кровати и посмотрел на часы — было двадцать минут восьмого. Я услышал, что Нина взяла трубку, и заставил себя снова прилечь.

Вчера ночью, по дороге в аэропорт, я не стал рассказывать Одетте о столкновении. Незачем было ее расстраивать. Вполне достаточно того, что я трепал нервы себе. Ее волна вала судьба пьяного, но я сказал, что не ранил его, и она поверила и успокоилась. Но я-то не мог забыть ни того парня, ни столкновения на стоянке.

Вернувшись в Палм-Сити, я зашел в бар на тихой улочке и немного выпил. В баре было полно людей, спасавшихся

от дождя. На меня никто не обратил внимания. Я зашел в телефонную будку и набрал номер Мэрлоу.

Пока ждал ответа, не без волнения думал об Одетте. Как она? Благополучно ли добралась до отеля? Наконец услышал голос дворецкого.

— Позовите мистера Мэрлоу,— грубо потребовал я.— Хочу сообщить ему кое-что о дочери.

— Простите, а кто это?

— Делай, что говорят! — заорал я еще более грубо. Он был явно шокирован. Я ждал, чувствуя, как пот заливает мне глаза. Вдруг послышался спокойный голос:

— Это Мэрлоу. Кто говорит?

Рина сказала, что убедит его подойти к телефону. И он подошел.

— Слушай внимательно, старина,— я говорил медленно и четко, чтобы он не пропустил ни слова.— Мы похитили твою дочь. Нам нужно пятьсот тысяч долларов. Ты меня слышишь? Пятьсот тысяч, причем, мелкими купюрами. Если не заплатишь, больше ее не увидишь. Это я тебе обещаю. Не вздумай обратиться в полицию или выкинуть какой-нибудь фокус! Ясно? Если хочешь снова увидеть свою дочь, делай то, что тебе сказано.

Тихий голос произнес:

— Понимаю. Я, конечно же, заплачу. Куда отвезти выкуп?

Он был невозмутим, как какой-нибудь политикан за чашкой чая.

— Я позвоню в понедельник. Чем скорее ты пригодишь деньги, тем лучше для твоей дочери.

— Они будут готовы завтра.

— О'кей, позвоню в понедельник утром. Получишь инструкции, куда их отвезти. И запомни, одно слово копам — и ты больше не увидишь дочь в живых. Найдешь ее в канаве, но только после того, как мы с ней позабавимся.

Положив трубку, я пошел к своему «паккарду», ощущая на душе неприятный осадок. Но дело есть дело. За такие деньги можно совесть спрятать в карман.

...Нина закончила говорить по телефону. Услышав ее быстрые шаги, я сжался. Дверь отворилась.

— Гарри... звонит Джон. Он хочет поговорить с тобой... Что-то очень важное.

Я прошел в гостиную и взял трубку.

— Привет, дружище! — воскликнул Джон. Кажется, он был взволнован.— Слушай, для тебя есть работа, думаю, она произведет сенсацию. Ты должен сейчас же приехать.

Я звоню из кабинета районного прокурора. Ты нам нужен, Гарри, и немедленно: тебе будут платить сто пятьдесят в неделю. Но это пустяки. Слышал о Феликсе Мэрлоу, французском миллионере? Похоже, его дочь похитили.

Я почувствовал, как ледяной обруч сжал мне сердце.

— Подожди,— пробормотал я,— ведь я еще не сказал, что буду работать на администрацию.

— Ради всего святого, Гарри! — Реник понизил голос.— Если это то, что я думаю, Палм-Сити будет потрясен. Разве тебе не хочется участвовать в этом?

Нина стояла в дверях, вопросительно глядя на меня. Я с трудом удерживал трубку. Значит, наши дела плохи. История выплыла наружу. Я лихорадочно соображал — работая на районного прокурора, по крайней мере, будешь знать их планы...

— Я выезжаю, Джон...

— В чем дело, Гарри? — спросила Нина, когда я положил трубку.

— Не знаю. Джон чем-то взволнован. Он мне ничего не объяснил. Сказал только, чтобы я ехал к районному прокурору. Они будут платить сто пятьдесят в неделю, и я согласился.

— О, Гарри! — она обняла меня.— Я так рада! Сто пятьдесят долларов! Я же говорила, что эта работа тебе подойдет.

Но мне было не до нежностей. Я прошел в спальню и оделся. Значит, Рина была слишком самоуверенна. Мэрлоу-таки обратился в полицию. Ну что ж, я не получу пятьдесят тысяч, но зато у меня будет работа. Вдруг я замер. Будет ли у меня работа?! Если в полиции узнают, что я замешан в киднаппинге, меня вышвырнут. Может быть, две пленки и спасут меня от суда, но уж работу-то я потеряю точно.

Я приехал к районному прокурору в пять минут десятого и прошел в кабинет Реника.

— Заходи, Гарри,— сказал он, вставая из-за огромного стола.— Рад, что ты согласился сотрудничать с нами. Думаю, не пожалеешь. Мидоуз скоро будет.

Я сел на подлокотник кресла и взял предложенную сигарету.

— А что ты так разволновался, Джон? — стараясь казаться равнодушным, спросил я.— Что случилось с мисс Мэрлоу?

— Давай поговорим с Мидоузом. Он, наверное, уже приехал.

Пока мы шли по длинному коридору, Реник продолжал: — Мидоуз хороший парень, но немного вспыльчив. О тебе знает все и восхищается твоей работой, тем, как ты распутал то дело с гангстерами. Уверен, вы поладите.

Он остановился около массивной двери, постучался, и мы вошли в комнату.

Мидоузу было лет пятьдесят. Его красное лицо, квадратная мощная челюсть, волевой рот производили впечатление сдержанного, но в то же время рискованного человека.

— Это Гарри Барбер,— представил меня Реник.— С сегодняшнего дня он служит у нас.

— Рад вас видеть,— сказал Мидоуз.— Слышал о вас, Барбер, только хорошее.

И он крепко пожал мне руку.

— Вы нарушили мои планы,— упрекнул он Реника.— Я собирался поехать с женой и детишками на пикник. В чем дело?

Реник уселся в кресло и скрестил длинные ноги.

— Случай киднаппинга, сэр. Я думал, вы захотите знать все с самого начала. Рано утром мне позвонил Мастерс, управляющий Калифорнийским банком. У нас заключен договор со всеми банками. Они докладывают о неожиданных запросах клиентов на крупные суммы, особенно в необычных условиях. Из печального опыта мы знаем, что такие запросы чаще всего означают требование денег на выкуп.

Я вынул платок и вытер пот со лба. О такой возможности я не подумал.

— Мастерс сказал, что ему звонил Мэрлоу с просьбой открыть банк и приготовить пятьсот тысяч долларов. Сегодня воскресенье, и Мастерс пытался уговорить Мэрлоу подождать до завтра, но Мэрлоу, самый выгодный клиент, сказал, что ему нужны деньги сегодня же. Это показалось Мастерсу подозрительным, и он позвонил мне.

Мидоуз потер подбородок.

— Может быть, у Мэрлоу какое-нибудь дело, требующее наличных денег?

— Именно это я подумал и решил проверить.— Реник взглянул на меня.— Наверное, ты знаешь, Гарри, когда похищают детей, родители платят, не советуясь с нами. Это лишает нас возможности отметить купюры. Родителей нельзя винить, киднапперы — самые опасные из преступников. Мы вынуждены заключать тайные договоры с банками. Получив подобное известие, мы, конечно, не можем действовать, но по крайней мере, готовы прийти на помощь, когда нас об этом попросят.

— А почему ты думаешь, что Одетту похитили? — чувствуя, что надо что-то сказать, спросил я.

— Она пропала. Шофер Мэрлоу — бывший полисмен. Когда Мэрлоу переехал сюда, ему понадобился телохранитель. На человека с его положением нередко совершают покушения. И он попросил нас порекомендовать ему человека. О'Рейли стал работать у Мэрлоу. Я разговаривал с О'Рейли. Он сказал, что у Одетты Мэрлоу на вчерашний день была назначена встреча с подружкой. Они собирались идти в кино. На встречу Одетта не явилась. О'Рейли говорит, что ночью домой она не вернулась.

— А откуда вы знаете, что она не была в кино? — поинтересовался Мидоуз.

— Подружка звонила. С ней говорил О'Рейли. Я оставил одного человека наблюдать за банком. Он позвонит мне сразу же, как только Мэрлоу получит деньги.

— Мастерс записывает номера ассигнаций?

Реник поморщился.

— Не думаю. Переписка номеров мелких ассигнаций на такую сумму займет уйму времени.

— А что представляет собой эта девица? Вы что-нибудь о ней знаете? Вдруг она удрала, чтобы выйти замуж?

— А зачем тогда Мэрлоу столько денег?

— Шантаж...

Реник пожал плечами.

— Не думаю. Больше похоже на киднаппинг. Что касается девушки, то ей лет двадцать, она хорошенькая и пользуется несколько большей свободой, чем следовало бы. Ее много раз останавливали за превышение скорости. У нас есть отпечатки ее пальцев, и мы можем достать фотографии.

Мидоуз подумал какое-то время и сказал:

— Если это действительно киднаппинг, то будет настоящая сенсация.— Он посмотрел на меня.— Вот поэтому вы нам и понадобились, Барбер. Это будем вашим делом — управляться с прессой, уж поверьте мне, все газетчики страны примчатся сюда. Я люблю огласку, Барбер, если это хорошая огласка. Вы должны заинтриговать и взволновать весь город.

— Понимаю, сэр,— сказал я.

Мидоуз обратился к Ренику.

— Ее машина тоже пропала?

— Да. У нее белый «АТРЗ». О'Рейли дал мне номер.

— Если найдем машину, это делу не помешает. Распорядитесь. Больше, пожалуй, мы ничего сделать не сможем,

пока Мэрлоу не обратится к нам. Я поговорю с начальником полиции. А что, если рассказать ребятам из ФБР? Все равно они будут расследовать это дело.

— Я все сделаю, сэр.

— Тогда приступим, — он взглянул на меня. — Вы нам пока не нужны, Барбер. Можете наслаждаться воскресным отдыхом. На всякий случай звоните Ренику через каждые два часа. Идет?

Я поразмышлял немного и предложил:

— Что, если проследить за Мэрлоу, когда он будет отвозить деньги?

Мидоуз покачал головой.

— Этого делать нельзя. Мы вообще ничего не можем предпринять, пока он нас об этом не попросит.

И все-таки у меня оставались шансы.

— Я позвоню тебе в одиннадцать тридцать, Джон. Реник кивнул и взялся за телефон, Мидоуз -- за другой.

А я отправился на встречу с Риной Мэрлоу.

Глава 6

Когда я подъехал к купальному домику, снова полил дождь. Дул прохладный ветер, море посерело и стало угрюмым. На пляже никого не было. Я прошел в домик, запер дверь и позвонил в отель «Риджент» в Лос-Анджелес.

Сердце мое забилося, когда я услышал голос Одетты.

— Это Гарри, — сказал я. — Слушайте внимательно. Кажется, мы попали в беду. Я не могу объяснить по телефону, но, что бы ни случилось, не выходите из комнаты. Возможно, завтра вам придется вернуться домой. Я еще позвоню...

— Это... тот самый пьяница? — заволновалась Одетта.

— Нет... гораздо хуже. Те люди, о которых я вас предупреждал, все узнали. Понятно?

— Что вы намерены делать?

— Может быть, все кончится благополучно. Если нет, позвоню вам сегодня ночью.

Мне было ее жаль, но я боялся, что телефон прослушивают, и положил трубку.

Дождь оставлял лужи на песке, пляж был пустым и печальным. Закурив, я стал бродить по комнате. Мэрлоу пока не обратился в полицию, но если отыщется машина Одетты, у них будет предлог, чтобы поговорить с ним, и тогда старик не сможет отрицать, что его дочь похитили.

Я увидел Рину, идущую по пляжу. На ней был черный плащ, в руках — зонтик. Если бы Холден увидел ее, ни за что бы не узнал.

— Феликс получил деньги из банка, — сказала она, стряхивая воду с зонтика, перед тем как войти. — Я сказала, что иду в церковь помолиться за Одетту.

Я не религиозен, но эта хладнокровная ложь вызвала у меня отвращение.

— Когда вы собираетесь получить деньги? — спросила она, снимая плащ.

— Видите ли, уверенности, что мы их получим, у меня нет...

Она нахмурилась, ее глаза вспыхнули.

— Что вы хотите этим сказать?

— Дело в том, что управляющий банком и шофер вашего мужа проболтались. Полиция уже знает, что Одетту похитили.

Даже если бы я ударил ее, реакция, наверное, не была бы столь сильной.

— Ложь! — Она вскочила. Лицо ее стало мертвенно-бледным. — Вы просто трусились!

На фоне ее испуга я показался себе почти героем.

— Этим утром Мастерс, управляющий банком, позвонил районному прокурору и сказал, что его клиенту срочно понадобилось пятьсот тысяч долларов. У полиции с банковскими менеджерами заключен договор.

— Откуда вы это знаете? — резко спросила она.

Пришлось сказать ей о новой работе и о встрече с Мидоузом.

— Реник уже поговорил с вашим шофером, — продолжал я. — Может быть, вы не знаете, но О'Рейли раньше работал в полиции. Он уже выложил все, что знал. Районный прокурор предположил, что Одетту похитили. А это может стать сенсацией, большей, чем даже знаменитое дело Линдберга.

Рина поднесла руки к горлу. Она уже не была прекрасной.

— Что вы собираетесь делать? — с трудом проговорила она.

— Выслушайте меня до конца, а уж потом решим, что делать.

Я ей рассказал и про пьяницу, и про несчастный случай на стоянке, и про то, что полиция разыскивает машину Одетты.

Она сидела, как каменная, зажав руки между коленями.

— Теперь все зависит от вашего мужа — скажет он полиции, что Одетту похитили, или нет...

Рина с ненавистью посмотрела на меня.

— Ну! И чего же стоит ваш хитроумный план!

Я сидел и смотрел на нее, думая, достаточно ли крепки у нее нервы, хватит ли ей выдержки, когда дело начнет раскручивать полиция. Она резко повторила:

— Так что же вы собираетесь делать? Мне нужны деньги!

— Если ваш муж ничего не скажет полиции, я их добуду.

— Когда вы позвонили, он сказал, что полиция не должна ничего знать. Я даже не уговаривала его. И он готов заплатить, лишь бы вернуть Одетту.

— Ну, раз вы уверены, что мистер Мэрлоу будет молчать, значит, можно продолжать дело.

Я взглянул на часы — половина двенадцатого.

— Мне нужно позвонить, — сказал я, набирая номер Реника. Когда Джон подошел, я спросил: — Как дела? Я вам нужен?

— Пока ничего нового, — в его голосе слышались усталость и раздражение. Машину пока не нашли. Мэрлоу получил деньги пять минут назад. Ребята из ФБР тоже принялись за дело. Знаешь, позвони часа в три, может, к тому времени найдем машину.

На этом наш разговор закончился. Рина смотрела на меня настороженно.

— Они еще не нашли машину. Надеюсь, и не найдут. Теперь нужно, чтобы ваш муж получил письмо от Одетты. Вот оно, — я протянул ей конверт, сверху обернутый целлофаном, чтобы не оставались отпечатки пальцев. — Каким образом вы получаете почту?

— На воротах есть почтовый ящик.

— Когда будете возвращаться, опустите письмо. Разворачивая целлофан, наденьте перчатки.

Она положила письмо в сумочку.

— Значит, вы все еще с нами? — спросила Рина.

— Именно за это вы мне платите, не так ли? Я думаю, все обойдется. По крайней мере, теперь я сотрудничаю с полицией и в курсе их планов. Если что-нибудь окажется не в порядке, я дам знать. Планы пока такие: я звоню Одетте и говорю, чтобы она вернулась завтра ночью. Она приедет сюда примерно в час ночи и будет ждать в домике. Ваш муж отправится по Ист Бич Роуд и будет ехать до тех пор, пока не увидит свет карманного фонарика. Тогда он

выбрасывает портфель с деньгами. Выкуп я получу примерно в половине третьего. Ваш муж поедет в Лоун Бей, предполагая найти там Одетту. Вы приедете сюда, и я присоединюсь к вам без пятнадцати три. Мы поделим деньги. Ваш муж, не найдя Одетты, вернется домой. А вы с Одеттой будете уже там. Вы скажете, что, пока его не было, Одетта просто пришла. Я объяснил ей, что надо говорить, надеюсь, она сможет убедить своего отца. Ну, вот и все.

Подумав, она милостиво кивнула.

— Хорошо... значит, завтра ночью здесь, без пятнадцати три.

— Наблюдайте за О'Рейли,— предупредил я.— Он бывший полицейский и шпион. Все, что узнает, он доложит районному прокурору. Будьте осторожны.

— Понятно.

Рина встала.

— Простите, но мне нужно немного денег, чтобы заплатить за домик. Я думаю, хватит пятидесяти долларов.

Она дала мне деньги.

— Значит, завтра ночью...

В ее голосе было нечто такое, что заставило меня насторожиться. Я не мог понять, в чем дело, но меня охватило беспокойство.

— Да, завтра ночью...

Миссис Мэрлоу открыла зонтик и вышла под дождь. Без пяти три я позвонил Ренику.

— Гарри? Как раз вовремя,— казалось, он был в восторге.— Мы нашли машину! Знаешь стоянку в Лоун Бее? Приезжай туда как можно скорее. Я выезжаю туда.

Итак, новое несчастье свалилось мне на голову.

* * *

Большой краснолицый коп стоял рядом с белым «АТРЗ». Реник и несколько неизвестных мне следователей осматривали машину. Дождь перестал, и солнце начало пригревать мокрую землю. Когда я подошел ближе, Реник воскликнул:

— Смотри, Гарри! Нам крупно повезло — у машины помято крыло. Это дает возможность поговорить с Мэрлоу. Поедем на твоей машине. Когда кончим, отвезешь меня в отделение.

...Через десять минут мы подъехали к особняку Мэрлоу. Дом был не виден за высокой каменной оградой. Когда мы приблизились к массивным железным воротам, вышел

широкочечий привратник в униформе и вопросительно посмотрел на нас.

— Мы бы хотели видеть мисс Мэрлоу,— сказал Реник.

Привратник покачал головой.

— Ее нет дома.

— Где ее можно найти, не подскажите?

— Не знаю.

— Тогда, пожалуй, я поговорю с мистером Мэрлоу.

— Вы приглашены?

— Я лейтенант Реник, из прокуратуры. Это официальный визит.

Привратник изумился.

— Это другое дело. Подождите, лейтенант,— он прошел в будку, и через окно было видно, как он говорит по телефону. Потом он вышел и открыл ворота.

— По этой дороге прямо, лейтенант.

Мы въехали на посыпанную песком аллею. Дом был построен в испанском стиле — низкий особняк с роскошным фонтаном и множеством террас. Он был таким, как и следовало ожидать,— резиденцией одного из богатейших людей мира.

— Недурно? — спросил Реник, когда мы остановились рядом с «роллс-ройсом». — Тебе бы хотелось жить в таком домишке?

— Не возражал бы,— ответил я, поднимаясь по ступеням. Во мне все было напряжено до предела. Теперь все зависело от Мэрлоу. Я чувствовал, что пятьдесят тысяч постепенно отдаляются от меня.

Необычайно важный дворецкий ждал нас у парадных дверей.

— Лейтенант полиции Реник,— представился Джон.— Мне нужно поговорить с мистером Мэрлоу.

— Пройдите, пожалуйста, сюда.

Дворецкий провел нас на большую террасу, выходящую на море.

Рина сидела в шезлонге, листая журнал. На ней были все те же темные очки. Она равнодушно посмотрела на нас и отвернулась.

Красивый седой мужчина, коричневый от загара, одетый в белые брюки и синюю с красным рубашку, сидел в другом шезлонге. У него были живые голубые глаза, и как-то не верилось, что человек этот смертельно болен.

— Мистер Мэрлоу? — спросил, остановившись, Реник.

— Да, лейтенант. Садитесь. Чем могу служить? — сказал он, равнодушно разглядывая нас.

— Это Гарри Барбер, — Реник указал на меня. — Он работает вместе со мной. — Джон не сел. По голосу и выражению лица Мэрлоу было件нятно, что наш визит нежелателен. — Я надеялся увидеть мисс Мэрлоу, сэр. Но мне сказали, что ее нет дома.

— Правильно. А в чем дело?

— Мне жаль, что я побеспокоил вас, мистер Мэрлоу, — сказал Реник с самым обаятельным видом, — но я расследую очень неприятное дело. Простой ночью машина сбила женщину, но водитель не остановился. Проверая все машины, на стоянке в Лоун Бее мы натолкнулись на автомобиль вашей дочери. У него сильно повреждено крыло. Мы хотели бы знать, как это случилось.

Я похолодел. Скажет ли Мэрлоу? Но его лицо оставалось безучастным. Он задумчиво и без всякого интереса смотрел на Реника.

— Если бы моя дочь кого-нибудь сбила, она бы не скрылась. Нет.

— А когда она вернется? — спросил Реник.

— Она где-то с друзьями. Где? Не знаю. Дети сейчас не очень-то делятся с родителями. Я поговорю с ней, когда она вернется.

— Вы не могли бы объяснить, сэр, как ее машина оказалась на стоянке в Лоун Бее?

Мэрлоу нетерпеливо тряхнул головой.

— Нет. Меня совершенно не волнует, что Одетта делает со своей машиной. — Он приподнялся и взял книгу, лежащую на столе. — Когда дочь вернется, я вам сообщу. Надеюсь, к тому времени вы найдете виновного. До свидания, лейтенант.

— Хорош старый пройдоха? — шепнул Реник, когда мы возвращались к «паккарду».

Я только сейчас почувствовал облегчение.

— Будь около телефона, Гарри, — сказал на прощанье Джон. — Ты можешь срочно понадобится.

Я поехал домой.

Нина сидела за рабочим столиком. Когда я вошел, она бросила кисточку.

— Дорогой, я так рада, — она обняла меня. — Все в порядке?

Я сел в кресло и усадил ее к себе на колени.

— Все будет в порядке. Моя работа начинает мне нравиться.

Она спросила, зачем я понадобился Ренику так спешно, да еще в воскресенье. Я выложил все про Мэрлоу и сказал, что мне придется еще раз съездить к Джону, узнать, нет ли новостей. Она не возражала.

Из ближайшей аптеки я позвонил Одетте.

— Назначено на завтрашнюю ночь, — сказал я. — Кажется, все обойдется. Сядете на одиннадцатичасовой самолет. Я буду ждать на автобусной остановке примерно в час. Отвезу вас в домик. Когда получу то, что нужно, вернусь.

Одетта все поняла. Она была встревожена.

— Вы уверены, что все будет в порядке?

— Да... успокойтесь. Встретимся на конечной остановке автобуса в час ночи.

Затем я позвонил в отделение. Дежурный сказал, что Реник уехал домой. Я решил, что ничего не произошло, и поехал в свое бунгало.

На следующее утро Реник поехал на службу только к одиннадцати. Он уселся на краешек моего стола и заинтересовался, что я думаю о работе.

— Это как раз то, что мне нужно. Есть какие-нибудь новости о дочери Мэрлоу?

— Пока ничего. Я оставил одного парня наблюдать за стоянкой в Лоун Бее. Если она придет за машиной, он мне позвонит. Мы ничего не можем сделать, пока Мэрлоу не обратится к нам.

Когда он ушел, я отодвинул бумаги и закурил. Если мне повезет, завтра утром я буду стоять пятьдесят тысяч. Только я подумал об этом, как дверь распахнулась и вошел сияющий Реник.

— Кажется, мы попали на след! — заорал Джон. — Поехали! — Пока мы бежали к лифту, он продолжал: — Это называется — судьба! Я просматривал полицейские рапорты за субботнюю ночь и, кажется, наткнулся на нечто важное. На стоянке машин Пайретс Кэбин был найден мужчина без сознания. Ты знаешь, где это?

Я вздрогнул и не смог ответить.

— Этого парня кто-то сильно стукнул по голове. Бармен позвал полицейского и сказал, что парень был пьян и увязался за какой-то девицей. Ему кажется, что это была Одетта Мэрлоу.

— А откуда он знает?

— Она хорошо известна в Палм-Сити. Ее фотографии время от времени появляются в газетах. Бармен почти уверен, что это была она. Пострадавшего отвезли в гос-

питаль. У меня есть с собой несколько фотографий Одетты. Надеюсь, он опознает ее.

— Этот парень тяжело ранен?

— Его ударили довольно сильно, но вообще-то ничего страшного.

Через десять минут мы были в кабинете сержанта Хэммонда. Бармена из Пайретс Кэбин я узнал сразу.

Реник показал ему фотографии.

— Это она, — сказал бармен. — Точно, это она.

— Когда она пришла? — спросил Реник.

— Часов в девять. Она оглядывалась, будто разыскивала кого-то, потом спросила меня, нет ли здесь где-нибудь другого бара. Я показал ей, где находится ресторан. Она там никого не нашла. Когда уходила, к ней привязался пьяный.

— А что случилось дальше?

— Минут через десять пришел какой-то парень и сказал, что на стоянке лежит мужчина. Он истекал кровью, и я позвонил в полицию.

— Вы не слышали, машины не выезжали со стоянки прежде, чем вы его нашли?

— Через несколько минут после ухода девушки я слышал, как отъехали две машины.

— А как девушка была одета?

Бармен подробно описал одежду Одетты, и сержант Хэммонд все записал.

Реник сказал:

— Пожалуй, пора поговорить с раненым. Как его зовут, сержант?

— Вальтер Кэрби.

...Вальтер Кэрби лежал в постели с забинтованной головой и чуть не плакал от жалости к себе. Он признался, что был сильно пьян.

— Когда я увидел ее, — начал он каяться, — то решил, что это обыкновенная девка. Приличная девушка не поехала бы в такой притон.

— Как выглядел мужчина, ударивший вас?

Я стоял у кровати и боялся, что Кэрби услышит стук моего сердца.

— Он был высокий, широкоплечий. Напал неожиданно — я даже лица его не видел. Да и темно было.

На обратном пути Реник задумался:

— Почему, черт побери, она поехала в Пайретс Кэбин? Они ведь договорились пойти с подружкой в кино. Почему она передумала?

— Может быть, ей позвонили...

— Пожалуй... А не похитили ее из бара? Надо проверить Кэрби. Хотя вряд ли он связан с киднапперами... Я сейчас позвоню О'Рейли и попробую выяснить, не звонил ли ей кто-нибудь перед уходом.

Часов в пять Реник получил нужные сведения.

— В четверть девятого, когда девушка собиралась идти в кино, ей позвонили по телефону. Это был ее друг — Джерри Вильямс. Я проверил, он студент медицинского факультета, время от времени встречается с Одеттой. Мидоуз против того, чтобы мы допрашивали Вильямса. Придется ждать, пока что-нибудь случится.

— Я тебе нужен?

Реник покачал головой и спросил:

— Если понадобится, где тебя найти?

Я предвидел этот вопрос.

— Сегодня вечером у меня встреча в ресторане при казино. Оттуда я уйду около часа. Дома буду после двух.

Когда он ушел, я позвонил Нине.

— Мне придется задержаться. Дело раскручивается. Дома буду после двух.

Я поехал в домик на пляже и стал ждать.

Глава 7

В половине первого я отправился на конечную остановку автобуса. Поставил «паккард» и спросил у девушки в справочном бюро, вылетел ли одиннадцатичасовой самолет из Лос-Анджелеса. Она сказала, что вылетел и что автобус из аэропорта прибудет в пять минут второго.

Из телефонной будки я позвонил в отделение. Сержант Хэммонд ответил, что Реник только что уехал домой. Ничего нового по делу они не узнали.

Пора было звонить Мэрлоу. В письме Одетта предупредила, чтобы он ждал телефонного звонка после полуночи.

Мэрлоу действительно ждал. Он сам подошел к телефону.

— Знаете, кто это? — спросил я жестко. — Вы должны выехать из дома на «роллсе» в два часа. За вами будут следить. Поезжайте по Ист Бич Роуд. Где-то по дороге увидите луч карманного фонарика. Не останавливайтесь, выбросьте из окна портфель с деньгами и сразу же отправляйтесь на стоянку в Лоун Бес. Там вы найдете машину вашей дочери. Если вы не выкинете никаких фокусов, она

присоединится к вам. Это будет не раньше трех. Если к трем часам дочь не явится, езжайте домой, она будет там. Все ясно?

— Я понял.

— Вы должны быть один, никаких фокусов. Иначе больше не увидите свою дочь.

— Я все понял.

Странно, но он казался хладнокровным и очень спокойным. Я даже позавидовал. А вот у меня нервы были на пределе. Если бы я не знал, что в банке лежат две пленки с записью разговоров, которые смогут защитить меня в случае суда, я бы давно бросил это проклятое дело.

Я снова и снова повторял себе, что все будет в порядке. Рина довольно верно предсказала действия своего мужа. Я даже надеялся, что он не обратится в полицию, когда Одетта вернется. Конечно, в полиции ее будут спрашивать о помятом крыле, но я предупрежу ее и об этом. К тому же, у Мэрлоу очень большое влияние, и полиция особенно доискиваться не станет. Я оглядел остановку. Там было всего несколько человек, как и я, ждущих автобуса, и пять машин, не считая моей.

Примерно в час подкатил автобус. В нем было человек двадцать, не больше. Я почти сразу же разыскал глазами Одетту. На ней были темные очки, рыжий парик и белое с голубым платье. Выйдя из автобуса, она нервно оглянулась.

Я вышел из «паккарда». Увидев меня, Одетта бросилась навстречу.

— Хэлло,— начал я.— Машина...

Тяжелая рука опустилась мне на плечо: такая рука вполне могла принадлежать полисмену. На мгновение я застыл, точно изваяние, и наконец робко оглянулся, слыша бешеный стук собственного сердца.

Загорелый мужчина лет пятидесяти дружески мне ухмылялся.

— Гарри! Как дела? Давно выпустили из тюрьмы?

Это был Тим Келли, репортер «Пасифик Геральд», пользующийся огромной популярностью. Он регулярно приезжал в Палм-Сити, при встрече мы всегда играли в гольф.

Сейчас от одного его вида меня прошиб холодный пот. Я стиснул его руку, похлопал по плечу, делая поистине героическое усилие, чтобы совладать с собой. Одетта, как дура, застыла рядом. Мне хотелось заорать, чтобы она убиралась отсюда.

— Привет... Тим...

Мой голос, как ни странно, звучал вполне прилично.

— Решил повидать ваш городишко. Как жизнь, дружище?

— Прекрасно. Рад тебя видеть.

Его любопытный и немного насмешливый взгляд остановился на Одетте.

— О... где ты взял такую красотку? Познакомь меня, эгоист.

— Это Анна Харкерт,— сказал я.— Анна, это Тим Келли — великий репортер.

Одетта слишком поздно осознала опасность. Она попятилась, взглянула на меня, на Келли и, казалось, готова была бежать. Но я вовремя схватил ее за руку.

— Анна — подруга Нины,— объяснил я.— Она приехала из Лос-Анджелеса к родным и ночует сегодня у нас.— Я стиснул ее руку.— А как ты тут оказался, Тим?

Не сводя глаз с Одетты, он ответил:

— По делам! Как обычно. Ты на машине? Не сможешь подкинуть меня до «Плазы»?

— К сожалению... Мне в другую сторону. Нина ждет нас,— я посмотрел на Одетту.— Машина на стоянке. Подожди меня в ней,— я слегка подтолкнул ее, и она медленно пошла по направлению к «паккарду».

Келли, не отрываясь, смотрел ей вслед.

— Девочка так застенчива,— заметил я.

— Похоже, она напугана до смерти. В чем дело?

— Она слишком уж святая. Нина с ней ладит прекрасно, а меня это бесит.

Кажется, это было сказано удачно, потому что он усмехнулся.

— Знаю, девушки в ее возрасте бывают такими. А где ты работаешь, Гарри?

Я сказал, что работаю на районного прокурора.

— Давай встретимся и поговорим,— предложил я.— А сейчас не хочется задерживать девчонку.

— О'кэй. Я буду в «Плазе». Ну, пока, Гарри.

Я подбежал к «паккарду».

— Какого черта вы...— начал я отчитывать Одетту. Она меня перебила:

— А что вообще стряслось? При чем здесь полиция? Я чуть с ума не сошла после вашего звонка. Неужели отец обратился в полицию?

— Нет, не думаю. Дело в другом...

Я рассказал ей всю историю.

— В полиции вам придется объяснить, почему у вашей машины помято крыло. Вы скажете, что помяли, выезжая

из гаража. Я не знаю, о чем вас будут спрашивать Реник. Он может спросить, где вы были. Вы ему скажете, чтоб не лез не в свое дело. Не думаю, что он будет строг, но вы должны быть готовы ко всему.

В двадцать минут второго мы подъехали к купальному домику. Я остановил машину и дал ей ключи.

— Войдите, переоденьтесь и ждите меня. Я вернусь через час.

— Гарри, поцелуйте меня,— попросила она неожиданно.

Я обнял ее за плечо и притянул к себе. Наши губы встретились. Она отшатнулась.

— Жаль, что вы женаты, Гарри.

— Что делать,— ответил я.— Нине изменять я не собираюсь.

— Поэтому я и говорю — жаль.

Я выбрался на Ист Бич Роуд. Место, откуда я собирался подать сигнал Мэрлоу, уже было мной облюбовано. Там рос густой кустарник, за которым можно спрятать машину.

Я съехал с шоссе, выключил фары, проверил, не видно ли машину с дороги. Только после этого нырнул в кустарник, зажал в руке фонарик и стал ждать.

Мэрлоу приседет не раньше, чем через десять минут. Я еще успею выкурить сигарету. Конечно, Мэрлоу не станет рисковать жизнью дочери. Но вдруг он догадался, что это не настоящий киднаппинг? Вдруг... Тут я увидел приближающуюся машину. Ну что ж, подумал я, через несколько секунд я узнаю, не попал ли я в ловушку.

В лунном свете я отчетливо видел машину. Это был «роллс-ройс». Я подождал, пока машина приблизится, включил фонарик и направил луч на дорогу.

«Роллс» ехал медленно. В машине был виден лишь один человек. Но это еще ничего не значило.

Я увидел, как Мэрлоу с явным усилием выбросил тяжелый портфель из окошка. С глухим стуком портфель упал в десяти шагах от меня. «Роллс» набрал скорость и помчался по направлению к Лоун Бею.

Я оглядел дорогу. Красные огни машины исчезли вдали. Схватив портфель, я бросился к «паккарду». Меня обуяла радость. Это оказалось самой простой работой на свете и теперь пятьдесят тысяч — мои!

Подъехав к домику, я взглянул на часы — пять минут третьего. Я остановил машину и схватил портфель. И тут тревожно посмотрел по сторонам. Где же машина Рины, ведь она должна уже быть здесь?

Может быть, успокоил я себя, ей не удалось уйти: О'Рейли следил за ней, и ей пришлось задержаться. Ладно, наплевать. Ждать ее не стоит. Я возьму свою часть, остальное отдам Одетте.

В домике было темно. Одетта, видно, не включила свет, боясь, что кто-нибудь поинтересуется, что делают в домике так поздно. Но, поднявшись на веранду, я остановился, чувствуя гнетущую тревогу. До меня не доносилось ни звука. Я вошел в домик, закрыл дверь, положил портфель на стол и включил свет. В комнате все было так же, как перед моим уходом.

— Одетта!— крикнул я.— Эй! Где вы?

В домике стояла пугающая тишина. Неужели она струсила и удрала? А может, устала ждать и уснула? Я открыл дверь в спальню. Отыскал выключатель. Комната осветилась — и тут я увидел девушку. Она лежала лицом к стене. Черные кудри разметались по подушке, рыжий парик валялся на полу.

— Одетта! Проснитесь! Я достал деньги!— громко сказал я. И вдруг холодок пробежал у меня по коже. Вокруг ее шеи было обмотано нечто, напоминающее шелковый чулок.

Я сделал два неуверенных шага, подошел поближе и с ужасом увидел, что кожа ее посинела, а язык вывалился. Девушку зверски задушили.

* * *

Убийство! Нетвердой походкой я подошел к бару. Налил виски и выпил. Это меня немного успокоило.

Мэрлоу, наверное, уже ждет на стоянке в Лоун Бее. Не дождавшись дочери, он вернется домой. Так... Когда же он обратится в полицию?

Вдруг жуткая мысль пришла мне в голову. Две пленки, покоящиеся в банке, не спасут меня. Одно дело ложный киднапнинг, другое — убийство. Убийство пришьют мне. Полиция решит, что мы с Одеттой повздорили за дележом денег и я убил ее.

Господи, что же делать?! Если оставлю труп здесь, Билл Холден найдет его и вызовет полицию. Копы захотят узнать, кто снимал домик, естественно, Холден назовет меня. Они станут выяснять, где я был этой ночью. Тим Келли видел меня с девушкой. Я представил ее как Анну Харкурт. Полиция проверит, узнает, что Анны Харкурт в природе не существует, и поймет, что это была Одетта Мэрлоу.

Надо избавиться от тела Одетты. Мысль о том, что придется до нее дотронуться, ужаснула меня.

Я должен спрятать труп так, чтобы его никто не нашел, пока мне не удастся поговорить с Риной.

Надо ехать к старой заброшенной шахте, где раньше добывали серебро. Шахта в миле отсюда, по дороге к моему дому. Там редко бывают люди, и уж там Одетту никогда не найдут.

Конечно, это ужасно — поступить так, но я должен был подумать о себе. Еще выпив и собрав остатки храбрости, я подогнал «паккард» поближе к домику. Отпер багажник и открыл его настежь. Только после этого вернулся в спальню.

Набросив на Одетту покрывало, я поднял ее с постели, девушка показалась мне удивительно тяжелой. Уложив как можно осторожнее в багажник, вынул из-под нее покрывало и захлопнул крышку.

Мне было нехорошо. Вернувшись в домик, я выпил еще разок, заправил кровать и положил рыжий парик в чемоданчик. Осмотрелся — не осталось ли чего-нибудь из ее вещей.

И тут мне бросился в глаза лежащий на столике портфель — я совершенно забыл о деньгах. Я тупо смотрел на портфель, и до меня постепенно доходило, что в нем деньги за убийство. Несколько дней назад я думал, что взятка в пятьдесят тысяч меня бы сломала. Взятка. Но не это. Деньги за убийство я брать не готов. И, наверное, никогда не буду готов. Для этого нужен другой человек. Эти деньги я оставлю в шахте вместе с трупом Одетты.

Я схватил портфель, выключил свет, запер домик и сел в машину.

Надо еще проехать около трех миль. Дорога лежала через Палм Бей. Бывший серебряный рудник находился между Палм-Сити и Палм Беем. Было всего десять минут четвертого. Дорога в это время пустынная, но все равно на ней полно патрулей. Я должен быть осторожен — никаких превышений скорости, ничего такого, что привлекло бы ко мне внимание.

На перекрестке главной улицы я увидел копа, стоящего у светофора. Как назло, загорелся красный свет. Пришлось затормозить. Я напрягся, хотя и понимал, что коп смотрит на меня только потому, что ему не на кого больше смотреть. Мне казалось, что он и я — единственные люди, оставшиеся на земле. Веселые неоновые рекламы Палм-Сити светились только для нас. Тяжелая желтая луна просвечи-

вала сквозь облака и бросала на нас свой тусклый отблеск. На широкой дороге не было ни души.

Я во все глаза смотрел на красный, угрожающий свет. Наконец загорелся зеленый. Я осторожно нажал на педаль, стараясь ухватить, не сделав ничего такого, что могло бы возбудить неудовольствие копа.

Машина тронулась, но тут же раздался резкий, неприятный звук, и «паккард» остановился. Я снова нажал на педаль. Мотор заурчал, но машина не двигалась с места. Я пытался подавить охватившую меня панику, понимая, что после долгой, верной службы двигатель отказал. И отказал, когда в десяти футах от меня стоит коп, а в багажнике машины лежит труп Одетты. Я стиснул руль, не представляя, что же теперь делать.

Снова зажегся красный. Коп снял фуражку и погладил бритую голову. Лунный блик заиграл на его крупном лице. Ему было лет под пятьдесят: представитель старой школы. Он видел в жизни много дурного и разного, ненавидел людей и сам пользовался не меньшей ненавистью с их стороны. Такой человек скорее втянет вас в неприятности, чем поможет из них выпутаться.

Я попытался убрать машину с середины дороги, нажав до отказа на педаль, но, увы,— никакого эффекта.

Красный свет сменился зеленым. Коп сошел с тротуара и направился ко мне.

— Собираешься торчать здесь всю ночь?— спросил он голосом, вполне соответствующим его внешности.

— Двигатель... Есть тут поблизости гараж?— сказал я не очень твердо.

— Вопросы пока задаю я. Что собираешься делать?

— Попрошу взять меня на буксир,— едва сдерживаясь, ответил я.— А пока помогите мне отодвинуть ее к обочине.

Он глумливо ухмылялся.

— Неужели ты думаешь, что я буду надрываться ради какого-то подозрительного типа? Должен тебе сказать: я терпеть не могу машин и их владельцев. Убери эту чертову развалюху с середины дороги, или я отниму у тебя права!

Я вылез из машины и попытался отодвинуть ее, но моих сил для этого было явно недостаточно. А этот проклятый коп стоял и ухмылялся.

— Да, слабоват. Ну, хватит, давай сюда права.

Я протянул ему права, у меня хватило ума сунуть ему и удостоверение репортера. Он посмотрел на него, потом, как будто не веря глазам, на меня, и опять на удостоверение.

— Что такое?

— Я работаю на районного прокурора Мидоуза, под началом лейтенанта Реника.

— Реника?!— коп сдвинул фуражку набок.— Что же ты раньше не сказал? Мы с лейтенантом старые друзья.— Он покосился на удостоверение и пробурчал:— Ладно, давай помогу.

Вдвоём мы быстро откатали машину. Коп с отвращением посмотрел на нее и сказал:

— Двигатель, говоришь? Это тебе влетит в копеечку.

— Пожалуй,— мои мозги усердно заработали. Я не могу оставить машину ни в каком гараже, кроме моего собственного. Но куда я дену труп? — Есть здесь где-нибудь поблизости гараж? — вытирая платком вспотевшее лицо, спросил я.

— Есть один в миле отсюда, но он уже закрыт.

Через дорогу я увидел открытую аптеку.

— Пойду позвоню,— решил я.

— Самое лучшее, что ты можешь придумать. Скажешь тому, кто подойдет к телефону, что О'Флаэрти требует прислать аварийку. О'Флаэрти — это я. Он меня знает.

Я вошел в аптеку и набрал номер. После долгого молчания мужской голос, заспанный и злой, спросил, какого черта мне нужно. При упоминании имени О'Флаэрти мужчина угрюмо выругался, но сказал, что приедет.

Минут через десять подкатил буксир. Водитель, маленький, тощий, как рыба кость, был в такой ярости, что даже не пожелал со мной разговаривать. Он влез в «паккард», проверил двигатель и вылез обратно.

— Отказал двигатель,— заявил он. — Работы не меньше чем на две недели.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня домой.

Он посмотрел на меня с явным недоумением.

— Разве ты не хочешь, чтобы я ее починил?

— Нет. Я хочу, чтобы вы отбуксировали машину домой.

Его лицо побагровело.

— И ты только для этого поднял меня с постели?! А как же ремонт? Как же мой заработок?!

— Я служу у районного прокурора. Хватит трепаться, отвези меня домой.

Мне показалось, что от злости его хватит удар, но все-таки он умудрился пересилить свой гнев. Ворча себе под нос, он закрепил трос. Я сказал, куда ехать, и уселся рядом с ним в кабину.

По дороге мы не проронили ни слова. Когда остано-

вились, я тревожно посмотрел на окна, но ни в одном не было света. Нина, наверное, уже давно спала.

Он отвязал трос. Изрядно попрыгав, мы закатали машину в гараж.

— Сколько я вам должен?

Прикинув что-то в уме, он сказал:

— Пятнадцать долларов.

У меня их не было. В тощем своем кошельке я наскреб одиннадцать и, набравшись нахальства, дал ему десять.

Он взял деньги, презрительно посмотрел на меня, сел в машину и укатил. Я запер гараж.

Небо на востоке уже розовело. Через час взойдет солнце. Я ничего не мог поделать. Да и не представлял, что делать. В течение всего дня труп будет лежать в багажнике. От одной этой мысли меня начинало трясти.

Я прошел по дорожке, открыл дверь в прихожую. Увидев себя в зеркале, вздрогнул: я был похож на лунатика.

На столе лежала сумочка Нины. Я открыл ее и вынул ключи от машины. Нельзя рисковать, она может открыть багажник, когда я буду на работе. Затем бесшумно прошел в ванную, разделся и принял душ. Мои мысли все еще были парализованы страхом. Я никак не мог сообразить, что же делать дальше.

Я надевал пижаму, когда раздался телефонный звонок. Его звук сразу же привел меня в чувство.

— Это ты, Гарри? — раздался бодрый голос Реника. — Мэрлоу только что позвонил. Ее похитили! Приезжай скорее в отделение!

Я застыл, чувствуя, что последние силы покидают меня.

— Ты слышишь, Гарри?

Я собрался с духом:

— Да, но моя проклятая машина сломалась, отказал двигатель.

— Я пришлю полицейскую машину. Она приедет минут через десять.

— Гарри, в чем дело? — в дверях появилась заспанная Нина.

— Ту девушку действительно похитили. Иди спать. Они сейчас за мной заедут.

Я натягивал пиджак, когда услышал вой сирены.

— Вот и они.

Я обнял Нину и побежал к полицейской машине.

Глава 8

Реник ждал в отделении. Он, федеральный агент Барти и капитан полиции Рейгер изучали большую карту района.

Реник повернулся ко мне.

— Ну, вот и ты. Мэрлоу заплатил выкуп, но дочь, конечно, не вернули. Мы должны с ним поговорить. Ты поедешь с нами, Гарри.

— А что потом случилось?

— Киднапперы сказали, что его дочь будет на стоянке машин в Лоун Бее. Но ее там не оказалось, вот он нам и позвонил.— Джон обратился к Рейгеру: — Капитан, не могли бы вы сфотографировать ее машину и исследовать все отпечатки пальцев? — Повернувшись ко мне, он продолжал: — Ты должен поместить эту фотографию во всех местных газетах. Мы начинаем всеобщий поиск.

Рейгер сказал:

— Заодно я прикажу блокировать все дороги. Через час этот район будет так оцеплен, что даже муха не выберется.

Когда мы подъезжали к дому Мэрлоу, Барти заметил:

— Она, конечно, мертва. Если бы этот старый осел обратился к нам сразу, мы бы хоть деньги успели переписать.

— Я его не виню,— возразил Реник.— На его месте я поступил бы точно так же. Деньги для него ничего не значат. Он просто хотел вернуть дочь.

— Он мог бы догадаться, что ее не вернут. Знаешь, Джон, чем больше я думаю об этом деле, тем более убеждаюсь, что это работа местных.

— Видимо, так оно и есть.

Я насторожился.

— Как вы это определили?

— Когда она собиралась идти в кино,— пояснил Реник, ей позвонил Джерри Вильямс. Как только Мэрлоу обратился к нам, я сразу же позвонил Вильямсу, но не нашел его дома. Он лежит в госпитале с переломом ноги, попал туда еще во вторник. Значит, позвонить девушке не мог. Следовательно, похититель использовал его имя. Но как они о нем узнали? Отец этого парня сказал, что Джерри не видел Одетту несколько месяцев. И еще: почему они выбрали именно Пайретс Кэбин? Согласен, это малопосещаемое место, но в городе полно таких же баров, даже более известных, чем этот притон. Человек, приехавший в город в первый раз, его не выберет.

Пока он говорил, машина остановилась около особняка. На первом этаже горел свет, входная дверь была открыта. Дворецкий ждал нас у входа.

Он немедленно отвел нас к Мэрлоу, который сидел в просторной комнате, уставленной книгами и изысканными безделушками. Выглядел Мэрлоу больным и измученным.

— Входите, джентльмены, садитесь. Полагаю, вы хотите сообщить мне, что моя дочь мертва?

— Этого мы не можем сказать, сэр,— неловко ответил Реник.— Мы все еще надеемся, что она вернется. Вы знали, что ее похитили, когда я к вам приходил?

— Да. Этот человек угрожал убить ее, если я обращусь в полицию.

— Понимаю. Когда вы в последний раз видели дочь?

— Вечером в субботу. Одетта собиралась идти с подругой в кино. Она вышла из дома около девяти. А в двадцать минут десятого позвонила подруга и сказала, что Одетта не пришла. Я не стал беспокоиться, потому что Одетта часто меняет планы. Перед уходом ей позвонил этот Джерри Вильямс. Я решил, что она встретилась с ним. Примерно в половине двенадцатого позвонил киднаппер. Он потребовал выкуп в пятьсот тысяч долларов. В понедельник вечером я получил письмо от Одетты. Вот оно.

Он протянул Ренику сочиненное мною письмо.

— Это почерк вашей дочери?

— Да.

Мэрлоу рассказал Ренику все в подробностях.

— На стоянке в Лоун Бее я нашел машину Одетты. Одно крыло было сильно помято, как будто она в кого-то врезалась. Я ждал до без пятнадцати четыре, а когда понял, что она не вернется, рассказал все полисмену, а он доложил вам.

— Полисмен сейчас на стоянке,— сказал Реник.— Если Одетта вернется, мы сразу же узнаем. Вы не видели этого человека с фонариком?

— Нет. Он прятался в кустах. Я видел только свет.

— Нам нужно осмотреть кусты. Не могли бы вы поехать с нами и показать это место?

Мэрлоу устало вздохнул.

— Я болен, лейтенант. Я предвидел вашу просьбу и приготовил карту,— он протянул ее Ренику.

— Может быть, ты съездишь туда, Фред.— Реник обратился к Барти.— Как только все узнают новость, там соберутся толпы любопытных.— Он взглянул на меня.— Ты поедешь с ним.

Барти кивнул, и мы пошли к полицейской машине.
— Упрямый старик,—проворчал он, заводя мотор.—
Черт меня подери, как это возможно сохранять такое спокойствие, потеряв единственную дочь!

...Меня охватило странное чувство, когда мы принялись осматривать кусты, в которых я прятался не более трех часов назад.

В первый раз я видел Барти за работой и был поражен его целеустремленностью. Солнце уже почти взошло. Он приказал двум полицейским найти место, где могли прятать машину, а сам стал пристально изучать землю, попросив меня не подходить близко.

Наконец он подозвал меня.

— Ну, кажется, все. Вот где он прятался. Видишь, тут на влажной земле отпечатались следы каблуков. Но это нам поможет только в том случае, если мы встретим его в этих самых ботинках. Вот окурок «лакки», но это опять-таки ничего не значит, если мы не сможем доказать, что он все время курит «лакки».

Один из полицейских нашел место, где стояла машина.

— Вот четкий отпечаток шин, сэр,— сказал он Барти.—
А вот целая лужа бензина. Я думаю, у него сильно протекал бак.

Барти посмотрел на землю и нахмурился.

— У меня здесь еще много работы, Барбер. Не могли бы вы поехать к Джону? Скажите ему, что я задержусь часа на два, и пусть он пришлет мне машину.

— Хорошо.

Оставив их, я возвратился к дому Мэрлоу.

Я просто не мог поверить, что все это происходит со мной. Я жил, как в кошмаре. Снова и снова мысли мои возвращались к «паккарду» в гараже, и я покрывался холодным потом.

Остановившись у ворот, я увидел Реника. В руках он держал портфель, который Мэрлоу выбросил из машины. Я не мог ошибиться. Легко понять, какой ужас меня охватил. Реник бросил портфель на заднее сиденье и сел рядом.

— Барти нашел что-нибудь?

Я рассказал ему, что нашел Барти. Мой голос был равнодушен и безжизнен. Я знал, что оставил портфель в багажнике своей машины, но в то же время он лежал здесь.

— А что у тебя? — поинтересовался я наконец.

— Примерно в таком портфеле Мэрлоу вез деньги. У него было два одинаковых. Этот мы сфотографируем. Вдруг киднапперы выбросили свой? Мы сможем его найти и обна-

ружить отпечатки пальцев. А пока едем к Мидоузу. Судя по всему, уже можно заняться прессой. Единственная наша надежда, что кто-нибудь видел, как мисс Мэрло уходила из Пайретс Кэбин.

Ничего у вас с этим не выйдет, облегченно подумал я. Как хорошо, что я настоял, чтобы Одетта переменяла платье и надела парик.

Мидоуз ждал нас. Когда Реник закончил докладывать, шеф встал и начал ходить взад и вперед по кабинету, жуя погасшую сигарету.

Наконец он изрек:

— Ну что же, начнем. Вам предстоит большая работа, Барбер. Не стану вам говорить, что нужно делать, думаю, вы и сами знаете. Мне нужна широкая огласка. Понятно? — Он повернулся к Ренику. — И смотри, Джон! Нельзя допустить ни одной ошибки. Киднапперы должны быть схвачены.

— Да, — ответил Джон. — Я поговорю с Рейгером, и потом мы обратимся к прессе.

Мы прошли в кабинет Рейгера. Он дал мне несколько фотографий машины.

— Действуй, Гарри, — подбодрил меня Реник. — Мне нужно поговорить с капитаном.

Я задал вопрос, мучивший меня весь последний час:

— Во время беседы с Мэрло ты не видел его жену? Реник был явно удивлен.

— Жену? Нет. Мэрло сказал, что ей дали снотворное. Рейгер поднял голову.

— Снотворное? Никогда бы не подумал.

Реник нетерпеливо пожал плечами.

— Ну и что тут такого? Прошлой ночью, пока они ждали звонка похитителей, у нее началась истерика. Пришлось вызвать врача. Врач дал успокоительное, и она еще не проснулась.

— А ты разговаривал с врачом, Джон? — спросил я равнодушно.

— В чем дело, Гарри? — нахмурился он.

— Да ничего. Просто она не производит впечатления истерички, во всяком случае, по фотографиям, которые я видел.

— Не будем тратить на нее время, — отрезал Реник. — Займись лучше делом, — он протянул мне портфель. — Сфотографируй его и размножь снимки.

— Будет сделано.

Следующие три часа я не отходил от телефона. Стоило

мне положить трубку, как снова раздавался звонок. К десяти часам прихожая была полна репортерами, рвущимися ко мне.

В половине двенадцатого я отвел всех к Мидоузу. Он прекрасно с ними управился. Полицейский капитан Рейгер и Барти из ФБР тоже были здесь, но они не вмешивались. Всем распорядился Мидоуз.

Обрадовавшись возможности чуть-чуть отдохнуть, я оставил их и вернулся в свой кабинет. Но тут снова зазвонил телефон. Это была Нина.

— Гарри, я потеряла ключи от машины, а они мне очень нужны. Ты не брал?

Машина! За эти сумасшедшие три часа я начисто заблудился о ней.

— У меня не было времени сказать тебе... видишь ли, у машины отказал двигатель. Меня прошлой ночью доставили домой на буксире.

— Что же делать? Мне нужно отвезти заказы. Неужели нельзя ничего устроить? Может быть, вызвать кого-нибудь?

— Нет! Надо менять двигатель, но мы не можем сейчас себе это позволить. Возьми такси. Прости, Нина, у меня совершенно нет времени. Я поздно приду сегодня.— И я положил трубку.

Я еще не оправился от этого удара, как вдруг в дверь постучали, и вошел Тим Келли. Я так и подскочил.

— Привет, старина. Да, дел у тебя теперь полно,— сказал Келли.

— Мидоуз разговаривает сейчас с репортерами. Смотри не упусти его.

Он присвистнул.

— Этот старикашка! Все, что ему нужно,— это чтобы его безобразная физиономия появилась в газетах.— Он грузно опустился в самое удобное кресло, его пронизательные глаза остановились на мне.— Они думают, она мертва, да?

— Они так полагают. Пока еще ничего не известно.

— А как Мэрлоу это воспринимает? Я хотел с ним поговорить, но дом окружен копами, и моя попытка сорвалась.

— Очень спокойно. Не забывай, он умирает, ему осталось жить несколько месяцев.

— А как к этому относится его супруга?

— Она приняла снотворное и спит.

Келли уставился на меня, а потом заржал.

— Ничего себе! А я-то был уверен, что она отплясывает канкан.

— Ты рехнулся?

— Слушай, эти люди, я имею в виду Мэрлоу, французы. Ты что-нибудь знаешь о законах наследования во Франции?

— Пожалуй, нет. А что?

— По французским законам ребенок наследует половину состояния родителей. Это значит, что Одетта автоматически унаследовала бы половину состояния Мэрлоу. Если девушка мертва, значит, Рина Мэрлоу станет наследницей всего состояния. Вот почему я так удивился, узнав, что она спит. Может быть, от радости?

О, вот он мотив для убийства Одетты! А киднаппинг устроен, чтобы проще было ее убрать! Значит, Рина перехитрила... Мне стало дурно. Словно издалека, я услышал голос Келли.

— Что с тобой, Гарри? У тебя совершенно обалдевший вид.

К счастью, в эту минуту зазвонил внутренний телефон. Я снял трубку.

— Вы мне нужны,— сказал Мидоуз,— приходите сейчас же.

— Голос его величества,— съязвил Келли.

Я поднялся:

— Пока, Тим. Если что — звони.

Я вышел из кабинета, радуясь, что избежал его подозрительных взглядов.

* * *

К полудню начался всеобщий розыск Одетты Мэрлоу. Дороги из города были заблокированы. Из ближайшего военного лагеря вызвали на подмогу солдат. Более тысячи людей полиции и добровольцев прочесывали окрестности, ища, как иголку в стоге сена, пропавшую девушку. Три вертолета кружили над Палм Беем, ожидая дальнейших распоряжений.

Реник вернулся из госпиталя от Вальтера Керби. Мидоуз вопросительно посмотрел на него.

— Есть что-нибудь новое?

— Нет. Но, по крайней мере, он утверждает, что мужчина был высокий и широкоплечий. Это уже кое-что. Мы разыскиваем высокого широкоплечего мужчину, который курит сигареты «лакки», у которого довольно сквер-

ная машина и который весит примерно сто девяносто фунтов.

— Каким образом вы это определили? — поинтересовался Мидоуз.

— Это Барти, по отпечатку каблука.

Казалось, Мидоуз был доволен.

— Еще несколько таких данных, и мы будем иметь полное представление о событиях.

Я мысленно перекрестился. Неожиданно дверь распахнулась, и ввалился полицейский капитан Рейгер.

— Кое-что новенькое! — воскликнул он. — Парень, живущий в Вест Биче, доложил о столкновении машин. Его зовут Герберт Кэри, у него аптека в Вест Биче. Прошлой ночью они с женой навещали родственников в Лоун Бее. Кэри оставил машину на стоянке, а когда выезжал оттуда, врезался в белый «АТРЗ», въезжающий на стоянку.

Пока капитан говорил, я подошел к окну и закурил. Я знал, что смертельно побледнел, и был уверен — все поймут, в чем дело, если увидят мое лицо.

— Это была машина Одетты Мэрлоу. Кэри заметил номер. Он признает свою вину. Но самое главное. Кэри показал — за рулем сидел мужчина! — Твердый голос Рейгера, казалось, забивал гвозди в мой мозг. — Несмотря на то, что виноват был Кэри, мужчина не остановился, а отъехал в дальний угол, оставил машину и таков.

Мидоуз вспыхнул:

— А какого же черта Кэри не доложил об этом сразу?

— Видите ли, он типичный подкаблучник. Он был виноват, и жена, опасаясь последствий, не позволила ему обратиться к нам. Кэри решился на это лишь сегодня утром.

Реник сказал:

— Надо с ним поговорить.

— Я послал за Кэри машину. Они скоро будут.

К этому времени я немного успокоился, но мысль моя лихорадочно работала. Я не могу встретиться с Кэри. Надо уходить под любым предлогом.

— У меня куча дел, — я направился было к двери...

— Эй, Гарри, — остановил меня Реник. — Я хочу, чтобы ты послушал, что скажет этот Кэри.

Нетвердой походкой я вернулся и сел за пустой стол. Следующие двадцать минут были сплошным кошмаром. Узнает ли этот тип меня? Вдруг он войдет в кабинет и скажет: «Вот этот человек!»

Изучавший настенную карту, Рейгер вдруг воскликнул:

— Старый серебряный рудник на хайвее! Подхо-

дящее местечко, чтобы спрятать труп. Надо обыскать его.— И, сняв трубку, он отдал краткие и точные указания.

О, господи, а я-то думал... Но где же теперь спрятать труп Одетты? Как от него избавиться? Ведь все дороги блокированы, и около тысячи людей обыскивают дом за домом, квартиру за квартирой?

Мы ждали, а телефон звонил непрерывно — через каждые пять минут нам докладывали о ходе поисков. Да, копы работали по-настоящему. Они прочесали уже четверть нужной площади. Поиски приближались к моей улице. Станут ли они осматривать гараж и машину?

Но вот явился Герберт Кэри с супругой.

Гора и мышь. Его лысая голова блестела от пота, он нервно комкал шляпу, следуя за своей дражайшей половиной. В темноте я не мог рассмотреть Кэри, и теперь не без любопытства его разглядывал. Да, бесхребетный малый, это совершенно очевидно. А вот жена его — бой-баба. Конечно же, в доме царит эта грузная, с маленькими злобными глазками женщина.

Миссис Кэри сразу же пошла в атаку. Столкновение, провозгласила она, произошло совсем не по вине ее мужа. И то, что этот человек удрал, может служить веским доказательством. Зачем же их сюда притащили?

Я сидел, не отрывая глаз от Кэри, и замирал от страха. Пожалуй, не надо было на них смотреть, мой пристальный взгляд привлек его внимание — неожиданно он уставился на меня с явным интересом. Наши глаза встретились. У меня все внутри похолодело — вот сейчас, сию секунду... Но он отвел глаза и почему-то пожал плечами.

Мидоуз усмехнулся в ответ на выпад женщины и сказал ей о похищении — миссис несколько приумолкла.

— Ваше столкновение меня не волнует, — успокоил ее Мидоуз. — Мне нужно описание того человека. — Он повернулся к Кэри: — Вы говорили с ним?

Маленький человек кивнул.

— опишите его.

Кэри взглянул на жену, потом на Мидоуза.

— Ну... здоровый парень, сэр. Было темно, я не мог его хорошенько рассмотреть.

— Высокий и широкоплечий?

— Да.

— Нет, не сказала бы, — вмешалась миссис Кэри. — Что широкоплечий, это точно, но не высокий, нет. Скорее, как вы, — и она указала на Мидоуза.

— Я разговариваю с вашим мужем,— оборвал он женщину.— А с вами поговорю позже.

— Мой муж никогда ничего не замечает,— пропустив мимо ушей его замечание, заявила она.— Нет никакого смысла его спрашивать. Я-то знаю. Я замужем за ним почти двадцать шесть лет.

Мидоуз бросил в ее сторону злой взгляд.

— Мистер Кэри, как высок был мужчина?

Кэри заколебался, вопросительно глядя на жену.

— Трудно сказать, сэр. В темноте не очень-то... но я уверен, роста он высокого.

Мидоуз с раздражением показал на Рейгера.

— Такой?

Кэри взглянул на Рейгера, уронил свою шляпу и торопливо поднял.

— Что-то вроде этого. Может быть, чуть выше.

Женщина возмутилась:

— Ты что, рехнулся! Тот человек был не выше вот этого джентльмена,— и она снова показала на Мидоуза.

Мидоуз резко повернулся ко мне.

— Встаньте, пожалуйста.

Этого я никак не ожидал. Я медленно поднялся. Сердце мое билось так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди.

— Да этот джентльмен просто гигант! — воскликнула женщина.— А тот был совсем не высокий.

Кэри вновь с любопытством уставился на меня.

— Мне кажется,— задумчиво сказал он,— этот человек такого же роста и сложения, как тот, в машине.

Я сел. Кэри все еще смотрел на меня.

— Расскажите, как все случилось. Вы столкнулись с той машиной? — спросил Мидоуз.

Кэри наконец-то отвел глаза.

— Я выезжал и врезался в него. Ну... просто забыл включить фары и не видел его машины. /

— Ничего подобного! Ты высзжал, а этот парень врезался в нас,— прервала его жена.— Это его вина. А потом он струсил и удрал. Он остановил машину, выскочил из нее и скрылся. Если не виноват, зачем же удирать?

— Мне абсолютно наплевать, чья это вина! — заорал Мидоуз.— Мне нужно найти этого человека. Сэр,— обратился он вновь к Кэри,— вы можете прикинуть его возраст?

— Судя по голосу и движениям, ему лет тридцать. — Кэри с надеждой взглянул на жену. — Не правда ли, дорогая?

— Как ты можешь определить по голосу возраст? — удивилась жена. — Мой муж обожает детективы, — объяснила она Мидоузу. — И потому иногда фантазирует.

— А вы сами не могли бы определить его возраст? — поинтересовался Мидоуз.

— Может и могла бы, но не собираюсь этого делать. Я не хочу направлять полицию на ложный след.

— А как был одет неизвестный, мистер Кэри?

Человечек задумался.

— Трудно сказать, но, по-моему, на нем был костюм спортивного покроя. Кажется, коричневый. А когда он вылез из машины, я увидел, что пиджак у него с карманами на молниях.

— Как ты можешь говорить джентльмену такие глупости! — воскликнула жена. — Было темно. Ты просто не мог разглядеть цвет костюма, да еще с твоей дальновзоркостью.

— Мое зрение не так уж плохо, Гариэт, — собравшись с духом, чуточку проявил характер Кэри.

Мидоуз показал ему на газету, лежащую на столе футак в шести от него.

— Вы можете прочесть заголовки?

Кэри легко прочел все заголовки.

— Мистер Кэри, — спросил Мидоуз, — этот человек с вами говорил?

— Этот хам заорал на нас, — вставила жена. — Он знал, что неправ, и все-таки...

— Вы смогли бы узнать его по голосу? — Мидоуз старался не обращать внимания на женщину.

Кэри покачал головой.

— Пожалуй, нет. Он говорил слишком мало.

— А в котором часу это случилось?

— Было десять минут одиннадцатого — я как раз взглянул на часы. — Кэри снова удивленно посмотрел на меня.

— А куда этот парень потом убежал?

— Думаю, его ждала машина. Во всяком случае, слышался шум отъезжающей машины, и я увидел свет фар.

— И в каком направлении она поехала?

— В направлении аэропорта.

Мидоуз перестал ходить по кабинету и задумчиво посмотрел на Реника, который вел протокол.

— Аэропорт! — вскричал вдруг Мидоуз. — Это мысли! — неожиданно он разволновался: — Черт возьми! Это мысли! Вы проверили аэропорт, Реник?

Джон покачал головой.

— Нет. Мы думали, они не осмелятся везти девушку самолетом. Но если вы так считаете, мы проверим.

— Мы должны проверить абсолютно все,— сказал Мидоуз.— Мне нужен список пассажиров, вылетевших в часы от половины одиннадцатого до полуночи. Проследите за этим, Джон.

Я сидел как на иголках. Повернувшись к Кэри, Мидоуз сказал:

— С вами, пожалуй, все, мистер Кэри. Спасибо за помощь. Если будет нужно, мы еще обратимся к вам.

Его жена направилась к двери.

— Пойдем, Герберт, мы и так потеряли здесь много времени.

Кэри пошел было за ней, но вдруг остановился и снова посмотрел на меня. Я не осмеливался встретить его взгляд — придвинув к себе папку, вынул из нее какие-то бумаги и углубился в чтение.

До меня донесся вопрос, обращенный человечком к Мидоузу:

— Простите, сэр, кто этот джентльмен?

Ну вот и все, подумал я, и холодные щупальца обвинили мое сердце. Почти обреченно я поднял глаза — Кэри показывал на меня.

Мидоуз явно удивился вопросу, но все же ответил:

— Это Гарри Барбер, мой сотрудник по прессе.

Женщина схватила своего супруга за рукав и потащила к двери.

— Ради Бога! Пошли!

Все еще глядя на меня, Кэри позволил увести себя из кабинета. Дверь за ними закрылась.

Глава 9

— Ну и баба! — воскликнул Мидоуз, садясь за стол.— Как вы думаете, Джон, можно положиться на показания Кэри?

— Конечно. Теперь у нас есть еще один свидетель. Керби ведь тоже сказал, что мужчина был высокий и широкоплечий. Итак, наш человек шести футов роста, весит сто девяносто фунтов, носит коричневый костюм спортивного покроя с карманами на молниях, курит «лакки», и машина у него довольно скверная...— Неожиданно он повернулся ко мне: — Сколько ты вешишь, Гарри?

— Ну, фунтов сто девяносто,— опешил я.— Но при чем здесь мой вес?

— У меня идея. Кэри сказал, что человек этот примерно такого же роста и веса, как ты. Мы сфотографируем тебя, но со скрытым лицом, снимок опубликуем в газетах. Наверняка кто-то отзовется... кто видел похожего человека в Лоун Бее или Пайретс Кэбин. Как вы считаете, сэр?

— Прекрасная мысль! — с энтузиазмом вскричал Мидоуз.— Но можно сделать еще лучше.— Он позвал секретаршу.— Мисс Лехам, купите, пожалуйста, костюм спортивного покроя для мистера Барбера. Он должен быть темно-коричневый и с карманами на молниях. И, пожалуйста, поскорее.

Мисс Лехам окинула меня оценивающим взглядом, кивнула и вышла.

— Пока мы ждем, Джон, добудьте мне список пассажиров.

Вернувшись в свой кабинет, я запер дверь и рухнул в кресло. Я чувствовал, что попал в западню. Эта идея Реника насчет фотографий очень опасна. Хотя я и был уверен, что в Пайретс Кэбин меня никто не видел, но по опыту знал, что свидетель может всплыть совершенно неожиданно. Скажем, кто-то мог меня приметить на стоянке в Лоун Бее. А в аэропорту я, как дурак, нес чемоданчик Одетты до самой посадки. Там было полно народа. Какой-нибудь праздный наблюдатель может увидеть фотографию и вспомнить меня.

Но все эти страхи меркли перед необходимостью избавиться от трупа. Я не могу больше оставлять его в кузове. Сегодня же ночью следует что-то придумать. Я впал в еще большую панику, когда вспомнил, что совершенно без денег. Придется просить напрокат машину без обычного залога. В моем кошельке всего два доллара, а зарплата лишь в конце недели.

Ну, хорошо, допустим, машину я достану. Но как перенести в нее труп?! Придется ждать, пока Нина ляжет спать. А вдруг меня увидит какой-нибудь сыщик? От этой мысли к сердцу вновь потянулись холодные щупальцы.

А телефон, между тем, звонил почти непрерывно — шли сообщения о ходе операции. Я старательно вслушивался в разговоры и это не позволяло мне окончательно скиснуть.

Когда мисс Лехам вернулась с покупкой, я ахнул — она принесла точную копию моего костюма. Мы с Ниной купили его вскоре после моего освобождения, чтобы было хоть что-то новое из одежды.

Пришлось надеть костюм и проследовать к полицей-

скому фотографу — через полчаса была готова добрая дюжина снимков.

Я чувствовал себя самоубийцей, когда писал собственные приметы, которыми предстояло сопроводить фотографию. Едва я вошел с ними к Мидоузу, как вбежал Реник со списком пассажиров.

— Абсолютно никакого толку. В это время было только два рейсовых самолета: в Японию и в Лос-Анджелес. Япония, естественно, отпадает. В Лос-Анджелес летело пятнадцать человек. Четырнадцать из них бизнесмены с женами. Они регулярно совершают подобные полеты, и стюардессы их знают. Единственным странным пассажиром можно считать девушку — она путешествовала одна.

— Нет-нет, не то. Нам нужны девушки и мужчины. Хотя... очень возможно, что киднапперы так запугали Одетту, что она поехала с ними. А что это за девица?

— Она записалась под именем Анны Харкерт. Стюардесса ее запомнила: она была рыжая. Конечно, это не Одетта Мэрлоу.

У меня отлегло от сердца.

Мидоуз бросил список в корзину с мусором.

— Что ж, не повезло. Может быть, попытка с фотографиями окажется удачнее.

Было уже около семи. Я проторчал у себя в кабинете до девяти, ежеминутно подходя к телефону, и, наконец, счел удобным обратиться к Ренику:

— Я могу уйти? Если будет что-то срочное, дайти знать...

— Ну, конечно, Гарри. Ты свободен.

Я вернулся в свой кабинет и позвонил Нине.

— Мне придется задержаться. Что ты будешь без меня делать?

— Да ничего. Стану ждать тебя.

— Я приду, видимо, поздно, ты бы легла спать.

— Ой, Гарри, я до сих пор не нашла ключи...

— Стоит ли беспокоиться, машина-то все равно не на ходу. Ну, до свиданья, дорогая.

Я долго сидел, тупо уставившись на стенные часы. Обычно Нина ложится в одиннадцать, значит, придется ждать где-то до часа. Только тогда я смогу отвезти тело Одетты. Тошно было даже думать об этом. Но это предстояло сделать. А куда отвезти труп? Может быть, в рудник? Я знал, что его уже обыскали. Если меня не выследят, ее никогда не найдут. Но как добраться туда незамеченным?!

В кабинете Мидоуза я внимательно следил за Реником,

который отмечал на карте места, где ведутся поиски. Полицейские двигались по хайвею, удаляясь от рудника и приближаясь к моему дому. К часу ночи на хайвее никого не будет, кроме, разве что, патрулей на машинах. Я работаю на районного прокурора и смогу, быть может, с ними договориться, если хватит, конечно, наглости и выдержки. Выдержка! Какая, к черту, выдержка — я был ужасно подавлен.

Но прежде всего надо взять напрокат машину. Это будет первым шагом. На автобусе я доехал до частного гаража. Тед Браун, восемнадцатилетний паренек, которого я хорошо знал, сидел в маленьком кабинете и читал расписание бегов. Я с облегчением вздохнул — Хаммерса, владельца гаража, не было и в помине.

— Привет, Тедди,— сказал я, открывая дверь.— Ты, кажется, очень занят?

Парень приветливо улыбнулся и поднялся.

— Хэллоу, мистер Барбер. Я пытался определить победителя. Небольшой выигрыш мне бы не помешал. Всю неделю мне не везло.

— На скачках мне тоже не везет. Слушай, Тед, у меня неприятность. Отказал «паккард». Представляешь, двигатель... а машина нужна как раз сегодня ночью. У вас есть что-нибудь подходящее?

— Можно взять «шевроле», но вы должны заполнить бланк, мистер Барбер. Это будет стоить тридцать долларов. Я замялся.

— Тед, у меня с собой нет денег. Можно завтра?.. Парень почесал в затылке и задумался.

— Не думаю, что мистер Хаммерс будет доволен.

Я выдавил смешок.

— Глупости, Тед. Мы с ним знаем друг друга уже десять лет. Мистер Хаммерс будет рад мне услужить. Лицо Тедда просветлело.

— Ладно, мистер Барбер. Только распишитесь...

Я с нетерпением ждал, когда он, наконец, откопает бланк. Вдруг послышался шум подъезжающей машины. Это был Хаммерс. Эх, опоздал! Какие-нибудь пять минут могли избавить меня от необходимости с ним спорить. При одном взгляде на меня его лицо помрачнело. Но я все-таки изобразил улыбку.

— Хэллоу, мистер Хаммерс. Рад вас видеть.

— Добрый вечер,— сухо ответил он.— В чем дело?

— Да вот, беру напрокат «шевроле». У моей машины отказал двигатель. Хочу попросить вас заняться им на сле-

дующей неделе. А сейчас у меня срочное дело в Палм Бее...

Кажется, он немного успокоился.

— О'кей. Заполните, пожалуйста, бланк, мистер Барбер. Вам это обойдется в тридцать долларов.

Я стал заполнять бланк.

Руки у меня тряслись, я не мог узнать собственный почерк.

— Вот бланк, мистер Хаммерс, а заплачу я завтра, когда верну машину,— мне с трудом удавалось говорить спокойно.— У меня непредвиденное дело, попасть в банк до закрытия я уже не успею. Расплачусь с вами завтра.

Размашисто расписавшись, я протянул ему бланк. Но он не обратил на бумагу ни малейшего внимания.

— Принеси мне кредитный листок мистера Барбера, Тед.

Тед отыскал весь исписанный кредитный листок, отдал хозяину и ушел в гараж. Кажется, он расстроился. Хаммерс внимательно изучил карточку и холодно посмотрел на меня.

— Мистер Барбер, вы должны сто пятьдесят долларов за бензин и ремонт.

— Да, знаю. Завтра заплачу за все. Жаль, что я не смог сделать этого раньше.

Наступило томительное молчание. Наконец он сказал:

— Сожалею, мистер Барбер, но пока вы мне не заплатите, не смогу вам ничего больше отпустить в кредит.

Я чуть не потерял самообладание, но, сжав кулаки, просительно произнес:

— Послушайте. Мне действительно необходимо...

— Если вам нужно в Палм Бей, мистер Барбер, вы прекрасно доберетесь на автобусе. Вы не платите уже полтора года. Сто раз напоминал я миссис Барбер и получал один и тот же ответ: «Заплачу завтра».

«Но мне позарез нужна машина! Это вопрос жизни и смерти!» — чуть не заорал я, но вместо этого заискивающе сказал:

— Войдите в мое положение. Машина мне нужна сегодня. Может быть, вы не знаете, но у меня теперь есть работа.— Я поспешно вынул удостоверение.

Он взглянул на него и равнодушно вернул.

— Если вы работаете на районного прокурора, мистер Барбер, попросите полицейскую машину.

И тут я вспомнил, что в багажнике моего «паккарда» лежит портфель стоимостью в полмиллиона долларов! Какого черта я унижаюсь перед этим мерзавцем, когда можно спокойно купить его вместе с потрохами. Конечно,

брать эти деньги опасно, но не опаснее, чем оставлять труп Одетты в гараже.

— Ну, если так, то катитесь ко всем чертям,— любезно пожелал я и вышел.

В миле от моего дома есть ночная станция обслуживания. Когда Нина уснет, я найму машину, заплатив деньги из выкупа.

На полпути к своему бунгалу я увидел, как двое полицейских зашли в чей-то дом. И так, обыск дошел до моей улицы! Я ускорил шаги. А вот и мой дом... И тут я замер от ужаса — дверь гаража, которую я запер прошлой ночью, была открыта!

Меня охватило непреодолимое желание повернуться и удрать. Один из полицейских вышел из дома напротив и с любопытством посмотрел на меня. Я медленно направился к своему бунгалу.

* * *

В гараже Нина и двое солдат стояли возле «паккарда». Все трое обернулись на шум шагов.

— Ну вот и мой муж,— сказала Нина.

— Хэллоу,— приветствовал я ее.— В чем дело?

Эти двое солдат были еще совсем детьми. Особенно блондин с наивным розовым лицом. Ему, видно, давно наскучил поиск, и он страдал от жары. Но вот другой, маленький и смуглый, чувствовалось, был злой, как крыса. Я сразу понял, с ним придется нелегко.

— Это ваша машина? — спросил он.

— Что здесь происходит?

— Они ищут похищенную девушку,— устало ответила она.— Хотят открыть багажник.

Я был так взволнован, что даже забыл испугаться.

— Надеюсь, вы не думаете, что она здесь? — сказал я толстому и даже умудрился рассмеяться.

Он неловко ухмыльнулся.

— Полагаю, что нет, сэр. Я вот и Джо говорю...

— Так вы откроете багажник или нет? — прервал его Джо.— У меня приказ обыскать каждый дом и каждую машину.

— Я объяснила ему, что потеряла ключи,— сказала Нина.— Попросила подождать тебя, Гарри. Они уже давно ждут.

— Очень жаль,— сказал я смуглому.— Но и у меня нет ключей. Слесарь делает с них дубликат для моей жены.

Парень подозрительно посмотрел на меня.

— Плохо дело. У меня есть полномочия. Если у вас нет ключей, я взломаю багажник.

— Ключи у меня будут завтра утром,— стараясь казаться спокойным, сказал я.— Приходите завтра, и я с удовольствием открою багажник.

— Пошли, Джо,— взмолился румяный.— Нам надо проверить еще половину этой чертовой улицы, а уже поздно.

Джон насупился.

— Я взломаю багажник,— сказал он жестко. Он заметил гаечный ключ и поднял его.

— Минуточку,— воскликнул я, преграждая ему дорогу.— Я не позволю ломать машину. Вот, посмотрите,— и я протянул ему удостоверение.

Джон безразлично посмотрел на него.

— Ну и что? — он нетерпеливо помахивал ключом.— Мне плевать, кто вы такой. У меня приказ обыскивать каждую машину, и я его выполню.

Я посмотрел на Нину.

— Здесь неподалеку полицейский, позови кого-нибудь...

Нина выбежала из гаража и буквально через минуту привела здорового полисмена.

— В чем дело? — спросил коп.

— Мне надо осмотреть багажник,— объяснил Джо,— а у этого парня нет ключей. Но приказ есть приказ. Я хочу взломать багажник.

— А где ключи? — удивился полисмен.

— У слесаря. Он делает дубликат.

— У какого слесаря?

Я был готов к этому вопросу.

— Откуда мне знать. Я отдал ключ секретарше, попросил ее все устроить.— Я показал ему удостоверение.— Ключи будут готовы завтра утром. Тогда, пожалуйста, открывайте багажник. В нем ничего нет, но, чтобы успокоить этого любопытного молодого человека... А взламывать... ну уж нет...

Коп внимательно изучил удостоверение и посмотрел на Джо.

— Слушай, солдат, чего ты волнуешься. Мы же знаем этого джентльмена.

— Мне плевать, кто он такой. Я получил приказ, и я его выполню.

— Если взломаешь багажник,— предупредил полицейский,— будешь платить за нанесенный ущерб.

— О'кей, заплачу...

Коп пожал плечами и повернулся ко мне.

— Давайте сделаем так,— предложил я.— Я позволю лейтенанту Ренику. Если он скажет, чтобы вы вскрыли багажник, что ж, я позволю это сделать.

Лицо полицейского просветлело.

— Это мысль, но с лейтенантом поговорю я.

Джо швырнул гаечный ключ на пол.

— Копы! — В его голосе звучало неприкрытое презрение.— Я доложу шефу. Пошли, Хэнк.— И они ушли, сопровождаемые мрачным взглядом полицейского.

— Ох уж эти юнцы,— с отвращением сказал он.— Если им втемяшится что-нибудь в голову — не переупрямишь.

— Спасибо! — с чувством сказал я.— Я готов был умереть, но не дать этому молокососу взломать багажник.

— Вы были правы, мистер Барбер, о'кей! — Он отдал честь Нине и ушел.

— Ну, слава Богу,— вздохнула Нина.

— Надо бы запереть ворота. Чего доброго, солдатик надумает вернуться.

Она дала мне ключ, и я запер ворота.

— Что происходит, Гарри? Они думают, что эта девушка мертва? — спросила Нина, когда мы вошли в гостиную.

— Не знаю. Приготовь-ка мне, пожалуйста, выпить. Я так устал.

Я снял пиджак и, сев в кресло, развязал галстук. Нина приготовила виски с содовой.

— Сигарету?

— Да.

Она протянула мне сигарету.

— Зажигалка у меня в кармане.

Нина взяла пиджак и сунула руку в один из карманов. Мозги мои заработали, но, увы, слишком поздно. Этого я совершенно не предвидел.

— Гарри?!

Она держала в руках две связки ключей от машины и с ужасом смотрела на них.

Я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног.

— Гарри!..

Мы смотрели друг на друга. Наступила мертвая тишина. А в следующую минуту стакан с виски выпал из моих ослабевших рук и разлетелся на тысячу осколков по блестящему паркету.

Часы в холе пробили десять. Их звон, казалось, заполнил всю комнату. Я встал, глядя на разлетевшиеся осколки.

— С-сейчас уберу...— сказал я и направился к двери.

— Гарри!

— Да-да... сейчас вернусь...

Я должен был немного передохнуть. Холодный пот застилал глаза — меня охватил ужас. Я отчаянно пытался придумать правдоподобную ложь, но мозги отказывались работать.

Взяв на кухне веник, я пошел обратно в гостиную и увидел, что Нина открывает входную дверь.

— Куда ты идешь? — я отбросил веник.

Нина странно посмотрела на меня. Лицо ее осунулось, глаза потухли.

— В гараж.

— Ты никуда не пойдешь! Отдай ключи!

Она спрятала руки за спину.

— Не подходи ко мне! Отвечай, что ты сделал?

— Дай сюда ключи! Немедленно!

— Нет!

Мне надо было заполучить эти проклятые ключи, и я грубо схватил ее. Но она вырвалась и побежала в гостиную. Я догнал ее, резко притянул к себе.

— Гарри! Мне больно.

Я с силой разжал ее пальцы и вырвал ключи. Нина тяжело упала на колени, закрыла лицо руками и тихо заплакала. Мне невыносимо было это видеть.

— Прости, Нина,— язык меня не слушался.— Я не хотел делать тебе больно. Пожалуйста, не плачь.

Хотелось помочь ей подняться, но стыдно было даже дотрагиваться до нее. Наконец она медленно встала. И опять мы смотрели друг на друга.

— Скажи мне всю правду. Что ты сделал, Гарри?

— Я не сделал ничего дурного. Мне очень жаль, что так все вышло...

Она села в кресло, продолжая пристально глядеть на меня.

— Что у тебя в багажнике? Почему ты не хочешь, чтобы его открыли? Гарри... Ты хочешь сказать — в багажнике эта девушка?

Меня трясло, точно в лихорадке.

— Послушай, Нина! — взмолился я. — Собери вещи и

ступай в гостиницу. Я должен остаться один. Пожалуйста, выполни мою просьбу. И не задавай вопросов.

— О, Гарри! — она с ужасом смотрела на меня. — Скажи, что это не так! Я не могу поверить в это! Она мертва? Ты убил ее?

Я подошел к ней, схватил за плечи и с силой встряхнул:

— Ну, хватит! Ты ничего не знаешь. Понятно? Ничего! А теперь уходи и не возвращайся до завтра.

Она отскочила от меня, точно ужаленная. Но вдруг успокоилась и тихо сказала:

— Я никуда не пойду. И хватит кричать. Садись, сейчас мы во всем разберемся. Пожалуйста, расскажи, что произошло.

— Ты что, ждешь, чтобы тебя ударили! — заорал я. — Да как ты не можешь понять, что тебе грозит тюрьма, если будешь хоть что-то знать об этом! Я хочу спасти тебя. Уезжай немедленно!

Она твердо посмотрела на меня и покачала головой.

— Однажды ты уже не дал мне помочь тебе. Теперь это не повторится.

— Мне не нужна твоя помощь. Убирайся, слышишь!

Я замахнулся... но ударить ее не смог. Рука бессильно опустилась. Я беспомощно уставился на Нину, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Ты убил ее, Гарри?

— Нет.

— Но она в багажнике?

— Да.

Нина, кажется, не находила слов. Какое-то время гнетущую тишину нарушало лишь тиканье часов.

— Что же теперь делать? — наконец спросила она.

— Надо найти машину и отвезти ее в бывшую серебряную шахту.

— У нас нет денег, чтобы нанять машину.

— У меня есть выкуп.

Нина встала и налила в два стакана виски. Один дала мне, из другого выпила сама. Потом села на подлокотник моего кресла и обняла меня за шею.

— Милый, пожалуйста, расскажи, что случилось? С самого начала.

У меня больше не было сил молчать.

— Я не мог оставить ее в домике. Мне пришла в голову мысль отвезти труп в рудник, но тут сломалась машина, — закончил я исповедь.

Нина крепче сжала мою руку.

— Бедный, дорогой мой. Какой ужас ты пережил. Я чувствовала, что с тобой что-то происходит, но и предоставить не могла, что дела так плохи.

— Но теперь, когда ты все знаешь, мне стало легче. Мне нет оправдания. Эту подлость я совершил ради денег. Но раскаянием делу не поможешь. Стоило мне немного подождать, и я бы получил работу. Мы были бы счастливы. Но я поторопился и попал в беду. Ты должна оставить меня, Нина. Не хочу, чтобы ты была замешана в грязное дело. Это будет для меня последним ударом.

Она нежно погладила мои волосы.

— Милый, мы все сделаем вместе. Не будем тратить время на споры. Когда, ты думаешь, безопаснее всего отвезти ее в рудник?

— Меньше всего будет риска, если сделать это часа р два или три ночи.

— Я помогу тебе. Разве ты смог бы оставить меня в беде? И разве это не доказательство моей любви?

Мы обнялись. И так забылись на несколько секунд. Потом, слегка оттолкнув меня, она спросила:

— А не опасно использовать те деньги?

— Они в мелких купюрах. Мидоуз не успел записать номера.

— Тогда, пожалуй, лучше всего достать машину сейчас. Можно оставить ее на дороге. А когда будем переносить труп, ты подгонишь ее поближе.

— Хорошо.

Но я не сдвинулся с места. Сидел и тупо смотрел на ковер. Чтобы достать портфель с деньгами, мне придется открыть багажник, а ведь там лежит Одетта...

— Выпей-ка, еще,— велела Нина.

— Нет, не надо,— я поднялся.— Все в порядке.

— Я пойду с тобой.

— Нет-нет, я сделаю это один.

Я взял фонарик и вышел на улицу. Было очень тихо. В домике напротив горел свет. Я подошел к воротам и оглядел улицу. Никого не было видно. Сердце мое бешено колотилось. Открыв дверь гаража, я сразу же почувствовал слабый, но хорошо различимый запах смерти. Мне стало нехорошо. Несколько секунд я собирался с силами, чтобы открыть багажник. И наконец сделал это.

Слабый свет фонарика выхватил из темноты дешевое белое с голубым платье, стройные ноги в босоножках. Портфель лежал рядом с трупом. Я схватил его, поскорее захлопнул крышку и бросился по тропинке в бунгало. Нина

ждала меня. За эти полчаса она постарела и осунулась. Я положил портфель на стол.

— Вот сейчас, пожалуй, мне стоит выпить, — задыхаясь, выговорил я.

Она приготовила мне виски. Я выпил и немного взбодрился.

— Успокойся, дорогой, — сказала Нина. — Все в порядке.

Я закурил и с жадностью затянулся.

— Я открою, — Нина протянула руки к портфелю.

— Нет! Не трогай. На нем не должны остаться твои отпечатки пальцев.

Я взял портфель, расстегнул замок и высыпал содержимое на стол.

Перед нами возникла груда старых, промасленных газет.

Денег не было.

* * *

Я смотрел на газеты, не веря собственным глазам, а когда, наконец, осознал случившееся, меня точно обухом по голове ударили.

Денег нет — и я не смогу нанять машину!

— Мы погибли, — беспомощно глядя на Нину, прошептал я. — Мы действительно погибли!

Нина растерянно перебирала газеты, будто надеялась найти завалившиеся между ними деньги.

— Но как это случилось? Кто-нибудь стащил?

— Нет, я не выпускал портфель из вида, а потом запер его в багажнике.

— Но тогда что случилось? Неужели Мэрлоу и не собирался платить?

— Нет, уверен, что он заплатил. Деньги для него ничего не значат. И он знал, что рискует жизнью единственной дочери.

Тут я вспомнил о другом портфеле: Реник просил его сфотографировать, потому что он был точной копией этого.

— У него было два портфеля, совершенно одинаковых. В одном были деньги на выкуп, в другом — эти газеты. Портфель с деньгами подменили перед самым съездом Мэрлоу.

— Но кто мог это сделать?

— Рина! Только она. Мне еще показалось странным, что она доверила мне все деньги. Я, дурак, думал, что она делает это без всякой задней мысли. И вот, пожалуйста.

Миссис Мэрлоу приготовила другой портфель, выждала удобный момент и обменяла их. Она и не собиралась доверять ни мне, ни Одетте. Вот почему она не пришла. Она получила деньги прежде, чем Мэрлоу уехал. Я рисковал жизнью ради пачки газет! Теперь очевидно, что она и не собиралась платить мне обещанные пятьдесят тысяч. Я оказался мальчишкой для битья, а она улизнула!

Ничуть не теряя самообладания, Нина спросила:

— И что же мы будем делать, Гарри?

— А что мы можем сделать? Без машины мы погибли.

— На улице полно машин. Можно взять одну из них...

Я уставился на нее.

— Ты хочешь угнать?..

— Ну почему угнать... возьмем взаймы,— отрезала Нина.— Пригоним машину, положим труп в багажник, а затем отъедем подальше и оставим на одной из улиц. Владелец заявит о пропаже, полиция машину найдет, заодно и труп обнаружат.— Она стиснула мою руку.— Гарри, ну просто нельзя оставлять ее в руднике. Девчонку должны найти, и как можно скорее.

Она была права, и мне оставалось только согласиться.

— Конечно, рискованно, но это единственный выход.

Было без десяти одиннадцать, и я решил немедленно отправиться на поиски незапертой машины.

— Я пойду с тобой,— твердо сказала Нина.

Мы засунули газеты обратно в портфель, спрятали его в шкаф и вышли на улицу. Взявшись за руки, мы брели по дороге, как добропорядочная парочка, прогуливающаяся перед сном.

Бульвар Пасифик шел параллельно нашей улице. По обеим сторонам дороги стояли машины. Мы остановились перед старым «меркурием».

— Этот сойдет,— прошептал я.

Нина кивнула. Мы оглядели улицу. Нина вынула из сумки перчатки.

— Давай это сделаю я,— она наклонилась над дверцей машины.— Обними меня, Гарри. Пусть думают, что это парочка влюбленных.

Я обнял ее. Если кто-нибудь смотрел из окна, то видел самое обычное зрелище: обнявшиеся мужчина и женщина склонились над машиной.

— Дверца не заперта,— сказала Нина. Открыла машину и села за руль.

Я закурил, внимательно оглядывая улицу. Она вылезла буквально через минуту.

— Все в порядке.

— Но нам где-то надо убить время до часа ночи. Давай вернемся домой.

— Нет, лучше погуляем. Я не могу сидеть дома и ждать.

Я ее прекрасно понимал. Мы пошли по направлению к морю. Пляж был безлюден. Мы сидели на скамейке и смотрели на виднеющиеся вдали огни Палм-Сити.

— Гарри,— спросила тихо Нина,— кто мог убить девочку?

— Я все время думаю об этом. Если не маньяк, увидевший ее случайно, то готов держать пари, что в ее смерти виновна Рина. У нее есть мотив.

И я рассказал Нине о законах наследования имущества во Франции.

— Если бы Одетта осталась жива, она бы унаследовала половину огромного состояния. Мэрлоу умирает. Мне кажется, Рина виновна в смерти Одетты. Но убила ее, конечно же, не сама. Уверен, ее алиби — подлинное. Она слишком хитра, чтобы попасться на фальшивом алиби. Рано или поздно Реник узнает, что Одетта должна была унаследовать половину состояния. И если он догадается, что похищение ложное, то поймет, что во всем виновата Рина. Но она достаточно умна, чтобы не предусмотреть и этого.

Нина задумчиво произнесла:

— У нее должен быть любовник, Гарри. Не говори мне, что такая женщина, как она, будет жить со старым умирающим человеком. Я видела ее фотографии. Уверена, у нее есть любовник.

Мысль была здоровой.

— Дай подумать. Предположим, у нее действительно есть любовник. Парень в курсе семейных дел Мэрлоу. Он, так же, как Рина, считает, что целое лучше, чем половина. Они разрабатывают план. Но никто из них не хочет отвечать за убийство, и тут находится мальчик для битья, то есть я. Киднаппинг — дымовая завеса, мы с Одеттой попались в хорошо расставленные сети. Но почему попалась Одетта, мне все-таки непонятно. Да... Рина и ее любовник все хорошо продумали. Если что-нибудь пойдет не так, все свалят на меня. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что ты права. За всем этим стоит мужчина — он-то и убил Одетту.

Где-то вдалеке пробили часы. Нина посмотрела на меня.

— Пора.

По пути никто из нас не сказал ни слова. Мы шли,

держась за руки, прекрасно осознавая весь ужас предстоящего дела. Улица была пустынной. В домах погасли огни.

Не задумываясь, Нина села за руль «меркурия» и завела мотор. Я сел сзади, стараясь ни до чего не дотрагиваться. Доехали до бунгало. Я вышел, открыл дверь гаража. Нина подвела «меркурий» к самому «паккарду», затем вышла из машины и стала рядом со мной. Мы в замешательстве смотрели на багажник «паккарда».

— Иди домой и жди меня,— приказал я.

— Я помогу тебе, Гарри,— твердо ответила Нина.

Я обнял ее и поцеловал. Я знал, чего ей стоило это решение.

Я открыл багажник «меркурия», а затем и «паккарда». Перетащил труп из одного багажника в другой. Воспоминания об этом моменте останутся у меня на всю жизнь.

Пока Нина стояла на страже, я сходил домой, принес портфель, положил его рядом с телом и захлопнул багажник. Далекие часы пробили четверть второго.

Затем мы отвели машину на угол бульвара Пасифик и вернулись домой. По дороге нам никто не встретился. Когда я закрыл, наконец, входную дверь, Нина глубоко вздохнула и потеряла сознание.

Глава 11

Тело Одетты нашли в десять часов утра.

В девять я был в своем кабинете, трясся от страха и ждал телефонного звонка.

Ночь была тяжелой. Прежде чем Нина пришла в себя, я порядком с ней намучился. Наконец, после двух таблеток сильного снотворного она уснула, а я отправился в гараж. Вынул из багажника чемоданчик Одетты, затем исследовал каждый его дюйм, чтобы убедиться, что там не осталось никаких следов.

Чемоданчик занес в дом и затопил камин. В чемоданчике было розовое платье, в котором Одетта приехала в Пайретс Кэбин, рыжий парик и всякие туалетные принадлежности, с которыми девушки обычно совершают путешествия. Я сжег все.

Вряд ли я спал этой ночью, и наутро чувствовал себя совершенно разбитым. Нина выглядела больной. Мы мало говорили, понимая, что труп скоро найдут.

О работе нечего было и думать. Я сидел за столом, бессмысленно перебирая какие-то бумаги, бесконечно курил и ждал вызова.

Наконец зазвонил телефон, но руки у меня так тряслись, что я чуть не выронил трубку.

— Мы нашли девушку! — возбужденно кричал Реник. — Ее уже привезли в отделение. Собирайся, едем.

Я наткнулся на него и на Барти у лифта. Барти нетерпеливо нажимал на кнопку вызова.

— Ее убили, — сказал мне Реник. — Мы нашли ее в багажнике угнанной машины около бульвара Пасифик.

Всего несколько слов было сказано по дороге в отделение. «Меркурий» стоял в тени, окруженный несколькими полицейскими. В который уже раз мне стало дурно. Я зажмурился, когда Реник и Барти по очереди заглянул в багажник.

— Надо, чтобы врач осмотрел ее сразу же, как только закончит работу фотограф, — сказал Джон одному из полицейских. — Осмотрите всю машину, и тщательно. — Он нагнулся, чтобы еще раз заглянуть в багажник! — Э, что тут такое? Похоже на портфель с выкупом. — Реник обмотал руку носовым платком и достал портфель. — Какой тяжелый! Не могут же в нем быть деньги, — Он открыл портфель. — Набит газетами! Что все это значит, черт возьми?!

— Посмотрите на ее одежду, — заметил Барти. — Бармен в Пайретс Кэбин сказал, что на ней было розовое платье и белый непромокаемый плащ. Она переоделась.

Я знал, что рискую, оставив ее в этой одежде, но не мог же я снять с нее это платье и надеть розовое. Это было бы уж слишком...

— Откуда это платье? — встревоженно спросил Реник. Он повернулся ко мне. — Слушай, Гарри, бери машину и отправляйся к Мэрлоу. Спроси миссис Мэрлоу, было ли у девушки это платье. И привези сюда О'Рейли, чтобы он ее опознал.

Радуюсь, что можно уйти от «меркурия», я сел в полицейскую машину и поспешно уехал.

Наконец у меня есть возможность поговорить с Риной. Реник сможет выяснить, откуда это платье. Его покупала Рина, теперь она тоже замешана в этом деле. Через десять минут я остановился у резиденции Мэрлоу. Дверь открыл дворецкий.

— Я из отделения полиции. Мне нужно поговорить с мистером Мэрлоу.

Дворецкий впустил меня в дом.

— Мистер Мэрлоу плохо себя чувствует. Он в постели. Я бы не хотел, чтобы его тревожили.

— Тогда проведите меня к миссис Мэрлоу... это очень важно.

Лежа в шезлонге на террасе, Рина читала газету и с удивлением взглянула на дворецкого, когда он подошел к ней. Я не хотел, чтобы он предупредил ее, и вышел на террасу.

Рина увидела меня. Глаза ее сузились на какую-то долю секунды, но она осталась равнодушной и холодной, как игрок в покер.

— Кто это? — спросила она дворецкого.

Я приблизился к ней.

— Я из отделения полиции. Сожалею, что потревожил вас, но это очень важно.

Движением руки она отослала дворецкого. Никто из нас не произнес ни слова, пока стеклянные двери за ним не закрылись. Только тогда я сел в кресло.

— Хэллоу. Помните меня?

Она откинулась в шезлонге. Мне было любопытно посмотреть на женщину, которую не устраивает половина миллиардов Мэрлоу.

— Зачем мне вас помнить? — спросила она, надменно вздернув брови.— Что вам нужно?

Пожалуй, эта женщина убила бы и собственную дочь.

— Видите ли, они нашли ее. Но не в домике, как вы рассчитывали, а в багажнике угнанной машины.

— О! Она мертва?

— И вы это прекрасно знаете...

— Вы что, поссорились из-за денег? Вам не следовало ее убивать, мистер Барбер.

Ее холодная наглость взбесила меня.

— Миссис Мэрлоу, вам не удастся отвертеться. Вы виновны в ее смерти, и вы это знаете.

— Неужели?! — Она снова вскинула брови.— Вряд ли кто-нибудь, кроме вас, поверит в эту чушь.

— Не разыгрывайте дурочку. У вас есть серьезный мотив для убийства. Наследство! Вполне вероятно, что они заподозрят вас.

— Конечно,— она улыбнулась.— Но именно вы составили план киднаппинга. Именно вы встретились с ней в домике. Когда ее убили, я была в постели, и я могу доказать это. А где были вы?

— Если они выйдут на меня, они выйдут и на вас.

— Да? А что стоит ваше слово против моего? Вряд ли в полиции поверят бывшему заключенному.

— Что верно, то верно. Да только ведь и я принял

меры предосторожности. Я установил в домике магнитофон. Весь план похищения записан на пленку. Не надейтесь, вы тоже будете втянутой в эту историю.

Она смертельно побледнела.

— Магнитофон?!

— Вот именно. Все наши планы записаны. У вас есть мотив. Они могут послать меня на электрический стул, но и вы схлопочете лет двадцать.

Это потрясло миссис Мэрлоу. Маска хладнокровного игрока мигом слетела с нее, руки сжались в кулаки. Она сразу сникла.

— Вы лжете!

— Мадам, вы не очень-то хорошо все продумали. Теперь молитесь, чтобы меня не поймали.

— Значит, вы не такой уж простак, как я думала, мистер Барбер. Ну что, ж, посмотрим, что из этого выйдет.

— Посмотрим.

Стеклянные двери распахнулись, и я оглянулся. Высокий, крепко сложенный мужчина в хорошо сшитой шоферской форме стоял на пороге. Это, наверное, экс-коп О'Рейли. Я почувствовал, что он с любопытством на меня смотрит. Мы были с ним примерно одного возраста. Проницательный взгляд серых холодных глаз сразу выдавал в нем полицейского.

— Машина готова, мадам,— сказал он.

— Я никуда не еду,— поднимаясь, сказала Рина.— Мистер Мэрлоу плохо себя чувствует.— И она направилась к выходу.

— Миссис Мэрлоу,— остановил я ее.

Она обернулась.

— Когда нашли тело мисс Мэрлоу, на ней было хлопчатобумажное платье, синее с белым. Это очень дешевая вещь. Лейтенант Реник сейчас доискивается, откуда оно. Вы, наверное, помните, что, когда она уходила из дома, на ней было розовое платье. Лейтенант Реник хочет узнать, известно ли вам что-нибудь об этом дешевеньком платье?

Я рассчитывал смутить ее. Но она усмехнулась:

— Конечно, знаю. Я сама купила его для Одетты. Она держала его в машине, и когда ездила на пляж, передевалась. Скажите это лейтенанту.

Миссис Мэрлоу повернулась и вышла.

Я был поражен. Если она так спокойно и быстро ответила на подобный вопрос, она может выкрутиться и с магнитофоном! Может, к примеру, признаться, что

действительно замышляла киднаппинг. Но это вовсе не значит, что она признается в убийстве Одетты.

— Вы — Барбер, не так ли? — голос О'Рейли оторвал меня от тревожных мыслей. — Лейтенант говорил мне о вас. Они нашли ее?

Осторожнее, сказал я себе, этот парень — бывший полицейский.

— Они нашли девушку. Реник хочет, чтобы вы приехали и опознали труп.

Он нахмурился.

— Может быть, это лучше сделает сам старик?

— Она мертва уже два дня и лежала в багажнике машины. Реник считает, что это зрелище не для Мэрлоу.

— Ну ладно, — его серые глаза внимательно изучали меня. — А выкуп они нашли?

— Нет.

— Я говорил лейтенанту: найдите выкуп, и вы найдете убийцу.

— Они стараются. Идемте.

— Мне надо предупредить старика, куда я еду, — сказал О'Рейли, — я мигом. — Он двинулся по коридору, но вдруг обернулся и посмотрел мне прямо в глаза: — У них нет никаких сведений о человеке, который ее задушил? Что, затея с фотографиями в газетах не оправдала себя?

Вопрос меня смутил. Я начисто забыл о фотографиях.

— Нет, пока не оправдала.

— Лейтенант найдет убийцу. Я раньше работал с ним. Он свое дело знает.

О'Рейли удалился. А я достал сигарету... и вдруг мысль поразила меня.

«У них нет сведений о человеке, который ее задушил?»

Откуда ему известно, как именно убита Одетта? Ни Рине, ни ему я ничего не говорил. Труп девушки только что нашли, и пока даже репортеры об этом не знают. Откуда же О'Рейли взял, что ее задушили?

Сигарета выпала у меня из рук. Вот он! Любовник! Бывший полицейский, знающий все, что происходит в доме, и живущий в нескольких шагах от спальни Рины.

* * *

Когда вернулся О'Рейли, я уже успел прийти в себя после своего потрясающего открытия. Чем больше я об этом думал, тем вероятнее мне казалась мысль, что он —

убийца Одетты. Да, О'Рейли просто создан для этого дела. Но нельзя было показывать ему, что я заметил его промах. Рина, видимо, рассказала ему, что у меня есть записи разговоров в домике. Это, конечно же, потрясло его. Но они знали, что это еще не доказательство их вины. Теперь мне ясно одно: каким-то образом я должен вывести полицию на них прежде, чем схватят меня.

Он возвращался легкой, уверенной походкой боксера, а я ждал его, пытаюсь придать себе равнодушный вид.

— Вы готовы?

— Да.— В голосе — ни тени тревоги. Только, кажется, он стал немного задумчив.

— Вы сказали мистеру Мэрлоу?— поинтересовался я, садясь за руль.

— Да,— он уселся рядом со мной.— Жаль старика — как-никак единственная дочь.

— Миссис Мэрлоу как-то спокойно отнеслась к этому,— заметил я, выезжая за ворота.— Они с девушкой уживались?

— Прекрасно уживались,— сухо ответил он.— У хозяйки легкий характер.

Я решил, что пора начинать атаку.

— Лейтенант говорит, что миссис Мэрлоу получит теперь все деньги после мужа. Смерть девушки для нее весьма кстати. Одетта получила бы половину состояния Мэрлоу, а теперь все целиком достанется жене.

Его мускулистое тело заметно напряглось. Я не рискнул посмотреть ему в лицо.

— Думаю, они как-нибудь разобрались бы,— сказал он. Я не был уверен, но, кажется, в его голосе прозвучала тревога.

— Есть женщины, которым подавай все! Целиком. Миссис Мэрлоу, мне кажется, не захотела бы делиться. Ни с кем.

Я почувствовал, что он уставился на меня.

— И лейтенант тоже так думает?

— Не спрашивал.

Наступило тягостное молчание. Наконец он заметил:

— Хорошо было придумано с фотографией. Кстати, этот парень на снимке очень похож на вас.

Контратака меня теперь не смутила.

— А это я и есть. У нас было описание мужчины, которого видели вместе с Одеттой в Пайретс Кэбин. Мы похожи сложением. Я согласился сняться...

Это сразу поставило его на место.

— А между прочим,— продолжал я,— вы тоже примерно такого же сложения.

Он даже растерялся от такой наглости. В молчании мы проехали два квартала, наконец, я не выдержал:

— Полиция нашла портфель. Он был вместе с трупом в багажнике угнанной машины.

Его большая, сильная рука лежала на колене. Я заметил, что она непроизвольно дрогнула.

— Значит, они нашли выкуп?

— Не сказал бы. Портфель набит старыми газетами. Вы знаете, что было два совершенно одинаковых портфеля?

Я снова почувствовал на себе взгляд О'Рейли.

— Да.

— Похоже, кто-то подменил портфель, прежде чем Мэрлоу поехал отвозить выкуп. Это было нетрудно сделать.

Вот это был удар! О'Рейли даже выронил сигарету.

— Что такое... на что вы намекаете? Кто же мог подменить портфель?

Наконец-то спокойствие было потеряно. О'Рейли нагнулся, поднял сигарету и выбросил ее в окно.

— У меня есть версия. Я думаю так: Мэрлоу приготовил деньги для выкупа. Но неожиданно его жене приходит блестящая мысль: если обмануть киднапперов — они, из чувства мести, убьют девушку. Убрав таким образом Одетту с дороги, миссис Мэрлоу наследует все состояние. Итак, она набивает другой портфель газетами, а там уж, как говорится, дело техники. В результате — пятьсот тысяч долларов она получает всего лишь на карманные расходы, а после смерти мужа ее ждет огромное состояние.

Несколько секунд он сидел оцепенев. Затем тихо заинтересовался:

— А что об этом думает лейтенант?

— Я пока не сказал ему. Это всего лишь моя версия.

— Версия?! — он немного оживился.— Послушайтесь моего совета — не фантазируйте. У этих Мэрлоу огромное влияние. Начнете распространять подобные слухи, и вам не поздоровится.

— Знаю,— спокойно ответил я,— и просто делаю предположение. А вам моя мысль нравится?

— Глупости,— отрезал оправившийся О'Рейли.— Миссис Мэрлоу никогда такого не сделает.

— Неужели?! Ну что ж, поверю на слово. Вы ее знаете лучше, чем я.

Я въехал во двор отделения полиции прежде, чем он успел что-либо ответить. В морг мы вошли вместе. Реник и Барти сидели за столом и разговаривали. В углу, на большом столе, лежало тело, накрытое простыней. О'Рейли пожал руку Ренику и кивнул Барти.

— Значит, вы нашли ее.

Я наблюдал за ним. Он снова был спокоен и хладнокровен, как настоящий полицейский. Они с Реником подошли к столу, но когда Джон отдернул простыню, я отвернулся. Тошнота подступила к горлу. Я услышал, как Реник спросил:

— Это она?

— Конечно. Бедное дитя. Значит, ее задушили. Ничего нового, лейтенант?

— Пока ничего. А как старик все это воспринял?

— Ему очень плохо, — О'Рейли покачал головой, — у него сейчас врач.

Они подошли к Барти.

— О'кей, О'Рейли. Спасибо, что приехал. Ты можешь идти. А мы продолжим...

— Не стоит благодарности, лейтенант, — О'Рейли пожал руку Ренику, кивнул Барти, сурово посмотрел на меня и вышел.

Реник обратился к полицейскому, пристроившемуся у стены:

— Док может ее забрать.

Он вышел из морга, мы с Барти поспешили за ним.

— Что она сказала насчет платья, Гарри? — спросил Реник, пока мы шли по длинному коридору к кабинету, отданному в его распоряжение.

— Миссис Мэрлоу сама его покупала. Это платье для пляжа, которое Одетта держала в машине.

Реник распахнул дверь, и мы ввалились в кабинет.

— Не понимаю, зачем она переделалась, — задумчиво проговорил он. — Это странно.

Он сел в кресло, закинув ноги на стол. Мы с Барти устроились на стульях.

— А меня тревожит другое, — задумчиво протянул Барти. — Почему этот портфель набит газетами?

— И выкуп? Мне кажется, похитители знали девушку. То, что киднаппер назвался Джерри Вильямсом, доказывает это. Надо допросить всех ее друзей и узнать, что они делали, когда Одетта была в Пайретс Кэбин. Сделаешь?

— Займусь этим сейчас же, — откликнулся Барти.

Когда он ушел, Реник обратился ко мне:

— Как только док с ней закончит, мы сфотографируем это платье. Может быть, кто-нибудь видел ее в нем.

В дверь постучали, и вошел полицейский.

— Вас хочет видеть один человек,— сказал он.— Его зовут Крис Келлер. Это связано с фотографией в газетах.

— Впустите,— скомандовал Реник, поспешно убирая ноги со стола.

Я насторожился. Вошел мужчина лет сорока и примерно одного со мной роста. Он внимательно посмотрел на нас с Реником. Я наблюдал за его реакцией, но нет, мужчина явно видел меня впервые. Я немного успокоился.

— Мистер Келлер? — спросил Реник, протягивая руку.

— Да, моя фамилия Келлер. Лейтенант, я увидел снимок,— он показал газету с моей фотографией.— Мне кажется, я видел этого парня.

— Садитесь, пожалуйста. Где вы видели этого человека?

— В аэропорту.

И вновь мое сердце заколотилось. Я взял карандаш и стал рисовать в блокноте, лежащем на столе.

— Когда это было?

— В субботу вечером. Около одиннадцати.

Реник стал проявлять интерес.

— А почему вы думаете, что это именно тот, кого мы ищем, мистер Келлер?

Келлер смутился.

— Да я вообще-то не уверен, что это тот самый человек, лейтенант. Мое внимание привлек его костюм. Просто я собирался купить себе такой же. Видите ли, я ждал приятеля из Лос-Анджелеса и тут увидел этого парня. Ну, обратил внимание на костюм — уж очень ладно он на нем сидел. А сегодня попалась на глаза фотография, и я решил, что нужно вам сказать...

— И правильно сделали. Вы смогли бы узнать этого человека?

Келлер задумался.

— По правде говоря, лейтенант, я не запомнил его лицо. Я смотрел на костюм.

Реник разочарованно вздохнул. А потом он задал вопрос, которого я страшился.

— Он был один?

— Нет, с девушкой.

Реник вскочил, безуспешно пытаясь скрыть ликование.

— Вы разглядели девушку, мистер Келлер?

Келлер широко улыбнулся.

— О, конечно. Вряд ли найдется хорошенькая девушка, которую бы я не разглядел.

— В чем она была?

— На ней было синее с белым хлопчатобумажное платье. Лицо закрывали большие темные очки. И у нее были рыжие волосы — мой любимый цвет.

— Рыжие? — Реник заметно помрачнел.

Он позвонил по телефону.

— Тейлор, принеси платье, которое сейчас на девушке.

Когда он положил трубку, Келлер встревоженно заметил:

— Я думал, вы заинтересованы в этом парне, а не в девушке.

— Что эти двое делали? — не обращая внимания на замечания Келлера, спросил Джон.

— Они вошли в зал. Мужчина нес в руках чемоданчик. Девушка показала билет контролеру, и мужчина передал ей чемоданчик. Потом он ушел, а девушка направилась к самолету.

— Они разговаривали?

Келлер опять задумался.

— Пожалуй, нет. Этот парень просто отдал ей чемоданчик и ушел.

Полицейский принес белое с голубым платье. Реник указал на него Келлеру.

— Да, это оно, — уверенно сказал тот. — Девушка была в нем очень недурна.

— О'кей, мистер Келлер. Спасибо за помощь, — и, приказав полицейскому проводить Келлера, Реник вызвал по телефону Барти.

Мне казалось, что веревка затягивается на моем горле.

— Во всем этом есть что-то странное, — задумчиво сказал Реник. — Мне с самого начала казалось, что это не совсем обычный киднаппинг.

— Что ты имеешь в виду? — хрипло спросил я.

— Черт меня побери, если я знаю. Но непременно выясню.

Явился Барти, и Реник рассказал ему о визите Келлера. Барти присел на краешек стола и начал размышлять вслух.

— Эта рыжая. А Одетта темненькая. Есть два свидетеля — Келлер и стюардесса, которые клянутся, что девушка была рыжеволосая. Куда она направлялась?

Реник взял список и пробежал его глазами.

— Анна Харкерт, летела в Лос-Анджелес. Кто такая Анна Харкерт? Слушай, Барти, надо все проверить. Я хочу получить о ней полные сведения. Отправь ребят. Проверьте в Лос-Анджелесе все отели.

— Что же ты все-таки думаешь об этом деле, Джон?

— Странное дело — вот что я думаю. Киднаппер говорит девушке, что он — Джерри Вильямс, и уговаривает ее пойти в этот притон — Пайретс Кэбин. Но ведь в такие места молодежь обычно не ходит. Оттуда ее неожиданно похищают. В десять минут десятого в ее машине видели здорового парня, одетого в коричневый костюм спортивного покроя, слышали, как отъезжала другая машина, но не видели ее. Затем здорового парня в коричневом костюме видели с девушкой, одетой в то же платье, в котором была найдена убитая Одетта. Пока все в порядке. От Пайретс Кэбин до аэропорта полчаса езды. Ее могли похитить. Ее могли так запугать, что она согласилась переодеть платье, надеть рыжий парик и солнечные очки. Ну, а что дальше? — он грохнул кулаком по столу. — Она едет одна! В самолете было еще четырнадцать человек, все парами. Они не имеют ни малейшего отношения к этой девушке! Стюардесса их всех прекрасно знает. Мужчина, который вел ее машину в аэропорт, выходит из зала ожидания и исчезает. Портфель, в котором должны лежать деньги для выкупа, находят рядом с убитой девушкой. Он набит старыми газетами, а что самое главное, у Мэрлоу, оказывается, было два совершенно одинаковых портфеля. — Он замолчал и посмотрел на Барти: — Ну, что ты на это скажешь?

— Возможно, это ложный киднаппинг, — не очень уверенно произнес Барти. — Предположим, что Анна Харкерт — Одетта Мэрлоу. Надо это выяснить.

— Да, — проворчал Реник, — проверим эту девушку. Он резко повернулся ко мне.

— Платье следует сфотографировать. Пусть кто-нибудь из секретарш его наденет, и вы ее снимите, затемнив лицо. Может быть, еще кто-нибудь ее видел в этом платье. Помести фотографию в местных газетах Лос-Анджелеса.

Я взял платье и вернулся в свой кабинет. Да, ловушка захлопнулась слишком быстро. Через сутки, если не раньше, Реник заподозрит меня. Нужно срочно доказать, что убийца — О'Рейли. Но как?!

Весь следующий час я был слишком занят, чтобы думать о своих проблемах. Наступило обеденное время.

Я собирался пойти обедать с Реником и Барти, но тут зазвонил телефон. Это была моя жена.

— Нина! Я только что собирался идти обедать.

— Гарри, срочно приходи домой.— В ее голосе было нечто такое, что по спине у меня пробежал холодок.— Я должна с тобой поговорить.

Я заглянул к Ренику.

— Нина хочет, чтобы я пообедал с ней. Что-то произошло. Обычные семейные сцены. Вернусь в два часа.

— Конечно, иди,— не поднимая глаз от бумаг, сказал Реник.— Возьми машину, Гарри. Ты должен быть здесь ровно в два.

Что же случилось? Судя по голосу жены, что-то ужасное.

Подъехав к дому, я выскочил из полицейской машины, на бегу достал ключ и открыл входную дверь.

— Нина!

— Я здесь, Гарри,— послышалось из гостиной.

Через холл я прошел в гостиную и остановился как громом пораженный. Нина сидела в кресле, маленькая и очень испуганная. Рядом с ней сидел О'Рейли. Он снял шоферскую форму и был одет в спортивную рубашку и джинсы. В правой руке О'Рейли держал полицейский кольт 38-го калибра. Дуло колта смотрело на меня.

Глава 12

— Присоединяйся к нам,— любезно пригласил он.— Твоей жене не слишком нравится мое общество.

Ноги у меня дрожали. Но одного взгляда на Нину было достаточно, чтобы страх уступил место холодной ярости.

— Убирайся отсюда, пока я тебя не вышвырнул!

Он усмехнулся, показав белые зубы.

— Слушай, дружок, среди своих ты, может быть, и хорош, но передо мной ты — ничто. Я вас обоих пристрелю. Нина схватила мою руку и предостерегающе сжала.

— Что тебе нужно? — спросил я.

— А как ты думаешь? Нужны пленки, и я их получу!

— Значит, ты ее убил?!

— Да неужели? Факты-то все против тебя. Какой ты, однако ж, простофиля. Слишком много болтаешь. Если бы не проболтался про эти самые пленки... из-за которых Рина может попасть в беду... Правда, это меня

мало волнует, но мы с ней работаем вместе, и я обещал, что достану их.

— Ты их не получишь. Я отдам их только Ренику. Он посмотрел на свой кольт.

— Предположим, я выстрелю в ногу твоей жене. Что тогда? А я сделаю это, если не получу пленки.

— Не слушай его, Гарри. Я не боюсь,— сказала спокойно Нина.

— Если ты выстрелишь,— предупредил я,— сюда сбегутся соседи, человек десять станут ломиться в эту дверь прежде, чем ты успеешь удрать. Твой дешевый блеф меня не пугает. Убирайся.

Он устроился в кресле поудобнее и засмеялся.

— Ты прав. Я не буду стрелять,— он сунул в карман кольт.— О'кей, перейдем лучше к делу. Мне нужны пленки. Где они?

— В банке, там, где тебе их не достать. А теперь убирайся.

О'Рейли долго смотрел на меня.

— Ну, раз тебе так хочется, поговорим по-другому. Поверь мне, ты их отдашь. В этом деле счет идет на миллионы. Какие-то дурацкие пленки могут разрушить весь мой тщательно продуманный план. Но этого не должно случиться. А теперь я вам кое-что покажу,— он вынул из кармана маленькую бутылочку из голубого стекла, открыл ее и осторожно вылил содержимое на стол. Дерево сразу потемнело, как будто обуглилось.— Серная кислота! Этой жидкостью мы умываем тех, кто нам мешает,— взгляд его стал свирепым.— Я знаю одну банду, которая плеснет кислоту в лицо твоей жене, Барбер, меньше, чем за за сто долларов. Или я получу пленки сейчас же, или через двадцать четыре часа твоя жена будет изуродована. Решай.

Мы с Ниной, точно замороженные, смотрели на кислоту. Холодные, спокойные глаза О'Рейли свидетельствовали — он не блефует. Он сделает, что обещал. Я понял, что не смогу защитить Нину. Я проиграл.

— Ну что ж, поедем,— сказал я, сознавая, что иного выхода нет.

— Нет! Не надо. Он не осмелится! Гарри, пожалуйста...— Нина схватила меня за руку.

— Это моя беда, не твоя,— я оттолкнул ее и направился к двери. Нина широко раскрытыми глазами смотрела мне вслед.

О'Рейли поднялся.

— Он прав, детка. Успокойся и не вмешивайся. Ты же не хочешь, чтобы твои прекрасные глазки сожгли кислотой.

— Гарри!— исступленно закричала Нина.— Не делай этого!

Я вышел из комнаты. Вместе с О'Рейли мы сели в машину.

— Не повезло тебе, простофиля,— посочувствовал он.— Но... надо было молчать. Сам виноват. Как Реник, докапывается до тебя?

— Пока нет,— меня душила злоба. Слишком поздно я понял, какую глупость сделал, сказав Рине о пленках. Как только я расстанусь с ними, я погиб. На суде мои показания будут против нее, но она сможет нанять лучших адвокатов...

— Когда попадешься,— продолжал О'Рейли,— не вздумай впутывать меня или Рину. У нас у обоих — железное алиби.

— Очень приятно,— зло сказал я. Мы посмотрели друг на друга, однако торжества в его глазах не было.

— А ты хорошо держишься, если учесть, в какую передрыгу попал. Никогда бы не подумал, что у тебя такие нервы.

Я усмехнулся.

— У тебя пока все идет прекрасно, но ты плохо знаешь женщин.

Мои слова его поразили.

— Какого черта ты имеешь в виду?

— Скоро поймешь. Я был репортером и хорошо знаю психологию шоу-герлз¹. Вряд ли Рина Мэрлоу собирается прожить остаток дней с ирландским мужланом. Не обольщайся, ты всего-навсего экс-коп. Когда эта дамочка заполучит все состояние Мэрлоу, она потеряет к тебе всякий интерес.

— Ты уверен? — его тонкие губы усмехались, но в глазах появилась тень тревоги.— Не болтай, простофиля. Мы с Риной поженимся.

Я даже умудрился рассмеяться.

— Это самая веселая вещь, которую я когда-либо слышал.— Я остановил машину возле банка. Было без трех минут два, обеденный час еще не кончился.— Ты в самом деле думаешь, что такая женщина, как Рина, выйдет за тебя? Может быть, я и простофиля, но отнюдь не единственный...

¹ Шоу-герлз — актриса кабаре.

— Заткнись, если не хочешь, чтобы я тебя сам заткнул,— прорычал О'Рейли.

Проняло! Я почувствовал это.

— А знаешь, что бы я сделал на твоём месте?

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Да? И что бы ты сделал?

— Убедился бы, что Рина меня не бросит. Я бы стал хозяином...

Он сидел, как истукан. Казалось, было слышно, как работают его тупые мозги. Вдруг он улыбнулся.

— Врешь ты все... ты слишком глуп.

— Пожалуйста, глуп так глуп.

Клерк открыл двери банка.

— Но я хочу дать тебе совет,— продолжал я,— не слишком доверяй Рине. Ты ведь еще больший простофиля, чем я. Но мне тебя не жаль.

Он вылез из машины.

— Пошли. Дай отдых своему языку. Мне нужны пленки.

Мы прошли в банк, я получил пленки и отдал ему. Что мне еще оставалось делать?

— Не потеряй,— предупредил я.— Тебе они сейчас нужны не меньше, чем мне.

— Можешь этого не говорить,— оборвал он меня и вышел из банка.

* * *

Я вернулся к себе в кабинет в десять минут третьего. На столе лежала записка Реника с просьбой зайти, как только вернусь.

Что бы это значило? Может быть, он уже знает, что я — тот самый мужчина в коричневом спортивном костюме? Как только Реник догадается — я погиб. Мне запросто пришьют убийство Одетты. Но сейчас мне было уже на все наплевать.

И все-таки, есть ли у меня шанс? Чтобы спастись, мне нужно доказать, что Одетту убил О'Рейли. Уверен, он стал сомневаться... и сохранить пленки — единственная для него возможность удержать Рину. А пока пленки целы, у меня есть шанс расправиться с О'Рейли.

Я знал, что Нина ждет новостей, и прежде решил позвонить ей. Телефон могли прослушивать, надо было быть очень осторожным.

— Он получил их,— сказал я Нине.— Молчи. Говорить буду я. Дела не так уж плохи. Подробности — при встрече.

— Хорошо, Гарри,— голос ее дрожал, и сердце мое сжалось.

— Не беспокойся, дорогая. Я постараюсь все уладить,— на этом наш разговор закончился.

В двадцать минут третьего я пошел к Ренику. Он читал какой-то рапорт с очень сосредоточенным видом. Кивком головы Джон указал на кресло.

— Одну секундочку,— сказал он.

Может быть, у меня разыгралось воображение, но по тону его мне показалось, что наши отношения стали не такими дружескими, какими были меньше часа назад. Я закурил. Страх прошел, и появилась какая-то отчаянная, бесшабашная храбрость. Я не фаталист и буду бороться до конца. Если же проиграю, приму все, что меня ждет.

Наконец Джон отодвинул рапорт и откинулся в кресле, внимательно глядя на меня. Лицо казалось безучастным, но в глазах затаился мучающий его вопрос. А может, это мне только казалось?

— Гарри, ты когда-нибудь виделся с Одеттой Мэрлоу? Сердце у меня екнуло.

— Нет. Ведь они переехали сюда, когда я сидел в тюрьме. У меня ни разу не было случая взять у нее интервью,— ответил я, явно не желая его понимать.

— Значит, ты ничего о ней не знаешь?

— Абсолютно ничего. А почему тебя это интересует?

— Да так. Я ищу хоть какие-нибудь сведения.

— Может быть, тебе будет интересно. Мэрлоу — французы. А по французским законам половина состояния наследуется детьми...

— Интересно...— откликнулся на мой намек Джон, но мне показалось, что он это уже знает. Наступившую паузу прервал вошедший Барти.

— Есть новость. Джон,— начал он, игнорируя меня полностью.— Полиция Лос-Анджелеса нашла след, практически им повезло в первом отеле. Девушка, назвавшаяся Анной Харкурт, остановилась в «Риджент Хотел». Клерк описал ее. Девушка была в белом с голубым платье. Она приехала в отель на такси в половине первого ночи. Полиция разыскала таксиста, и он вспомнил, что она села около аэропорта. Единственный самолет в то время был из Палм-Сити. Девушка провела в номере все воскресенье, еду ей посылали наверх. Она сказала, что плохо себя чувствует. В девять вечера она разговаривала по телефону с Палм-Сити. В понедельник вечером уехала в аэропорт.

— А как насчет отпечатков пальцев?

— О, тут все о'кей — девушка забыла дешевую пластмассовую расческу. На расческе четкие отпечатки пальцев, ее сюда уже выслали.

— Я уверен,— сказал Реник,— что Анна Харкерт — это Одетта Мэрлоу,— он показал нам рапорт.— Вот отчет патологоанатома. Ее ударили чем-то тяжелым по голове и только потом задушили. Никакой борьбы не было. Интересна одна деталь, Барти. На подошвах босоножек — морской песок с пляжа. Похоже, на пляже у нее была назначена какая-то встреча. Криминалисты думают, что смогут определить пляж, с которого этот песок.

— Они думают, что способны творить чудеса,— проворчал Барти.

Мне было неприятно сидеть здесь, слушать их разговоры и чувствовать, что они не обращают на меня ни малейшего внимания. Как будто меня вообще нет в комнате.

— Джон,— сказал я, вставая,— у меня черт-те сколько работы, если я тебе не нужен...

Они разом посмотрели на меня.

— Ладно,— промолвил Реник.— Только не уходи из здания, можешь понадобиться.

На лестничной площадке стояла кучка следователей, о чем-то оживленно беседующих. Они покосились на меня и отвернулись.

Я вошел к себе в кабинет и запер дверь. Что они, сторожат лестницу? Смотрят, чтобы я не удрал? И опять паника затопила мне душу. Неужели Реник догадался, что я замешан в этом деле? О работе не могло быть и речи. Я непрерывно курил, ломая голову над тем, как выследить О'Рейли, но в голову ничего не приходило. Через час я отправился в туалет — следователи все еще стояли на лестнице.

Когда я вернулся, зазвонил телефон.

— Зайди ко мне,— сказал кратко Реник.

Если бы не следователи, я бы просто удрал.

— Нас ждет Мидоуз,— сообщил Джон, когда я пришел к нему.

Районный прокурор работал за столом.

— Ну? В чем дело? — спросил он, доставая сигарету.— Ты что-нибудь узнал, Джон?

Мы с Реником сели.

— Я убедился, сэр, что девушку никто не похищал,— заявил Джон.

Сигарета выпала у Мидоуза из рук.

— Никто не похищал?

— Это ложный киднаппинг. Мисс Мэрлоу все придумала вместе с этим парнем в коричневом костюме. Похоже, ему нужны были деньги, и он уговорил ее помочь их достать. А верный способ выудить деньги у ее отца — это разыграть киднаппинг.

— Сперва убедись в этом, Джон, а уже потом...

— Я в этом полностью уверен,— перебил шефа Реник и рассказал об Анне Харкерт.— Мы получили отпечатки ее пальцев десять минут назад. Она и Одетта Мэрлоу — одно и то же лицо. Мы знаем, что она сама, без принуждения ездила в Лос-Анджелес и сама оттуда вернулась. Конечно же, ее никто не похищал.

— Черт меня побери,— проворчал Мидоуз.— А как же ее убили?

— Ее компаньон получил выкуп, и где-то они встретились. Видимо, он решил завладеть всей суммой и... убил ее.

Я так сжал пальцы, что ногти впились в ладони.

— Кто он такой? Вы что-нибудь о нем знаете?— спросил Мидоуз.

— Кое-какие сведения есть, но по ним найти его не просто. Док говорит, что на подошвах туфель Одетты Мэрлоу был найден морской песок. Криминалисты пытаются найти пляж, с которого этот песок. Они думают, что это возможно. Наверное, Одетта договорилась встретиться со своим убийцей на пляже.

Мидоуз встал и начал бродить взад и вперед по кабинету.

— Не надо пока сообщать об этом прессе, Барбер. Это будет похлеще динамита,— Мидоуз посмотрел на Реника.— Ты действительно думаешь, что эта девица собиралась выманить у своего отца полмиллиона долларов?

— Думаю, ее уговорил убийца,— ответил Реник.— Вероятно, он был ее любовником. Она поверила ему и вот в результате погибла.

Я почувствовал, что должен что-то сказать.

— Если он получил выкуп,— заметил я, надеясь, что мой голос звучит спокойно,— почему же он не удрал с деньгами? Ему не обязательно было ее убивать.

Реник посмотрел на меня и усмехнулся:

— Предположим, он удрал с деньгами... но девушка могла рассказать все отцу. Убийца решил, что она может оказаться опасной.

Зазвонил телефон. Реник поднял трубку.

— Готово? Прекрасно. Вы уверены? О'кей,— закончив разговор, повернулся к Мидоузу.— Криминалисты говорят, что песок на босоножках с Ист Бича. Там купальная станция с домиками. Я еду туда.— Он взглянул на меня:— Тебè лучше поехать со мной, Гарри.

Именно этого мне и не хотелось делать. Билл Холден может меня выдать. Тут я с ужасом вспомнил, что не заплатил ему за неделю.

— Мне надо закончить работу, Джон,— мой голос звучал безжизненно.

— Бог с ней, с работой,— сухо ответил Реник.— Я хочу, чтобы ты поехал со мной.

— Да, кстати, Барбер, больше никакой информации для прессы,— сказал Мидоуз.— Представляете, если выяснится, что девица устроила ложный киднаппинг, чтобы выманить у своего отца деньги для любовника! Фу, какая пакость!

Выходя вслед за Реником, я думал, напомнит ли мне Холден о долге. Шансов, конечно, мало, но что я мог сделать?

Когда мы подошли к лестнице, Реник кивком головы подозвал двух следователей. Они пошли за нами.

На пляже было полно народа. Кивнув мне, Реник направился к домику Холдена. Я шел за ним, как на казнь. Билл Холден был у себя в кабинете. Он поднял голову, когда мы с Реником вошли.

— О, хэллоу, мистер Барбер,— приветствовал он меня, вставая, и вопросительно посмотрел на Реника.

— Это лейтенант Реник из службы районного прокурора,— пояснил я.— Он хочет задать вам несколько вопросов.

Холден изумился.

— Конечно, лейтенант. Прошу вас, начинайте.

— Мы пытаемся отыскать девушку, ей лет двадцать, хорошенькая, рыжеволосая, одета в белое с голубым хлопчатобумажное платье. На ней большие темные очки и белые босоножки. Вам известна такая?

Холден покачал головой.

— Не задавайте мне таких вопросов, лейтенант. За сезон я вижу тысячи девушек. Для меня они все на одно лицо.

— Мы полагаем, что эта девушка была здесь в субботу около полуночи. Вы были здесь в субботу?

— Нет. Я закончил работу около восьми,— Холден

взглянул на меня.— Но, по-моему, вы были здесь в это время, мистер Барбер?

Я собрал всю свою волю, чтобы ответить спокойно.

— Нет, Билл, в субботу я был дома.

Реник с любопытством смотрел на меня.

— Я думаю, лейтенант, что ничем не смогу вам' помочь,— вздохнул Билл.

— Почему вы думаете, что мистер Барбер был здесь в субботу? — спросил Реник, как мне показалось, вкрадчиво.

— Мне так показалось. Он...

Я прервал его.

— Я снял здесь домик, Джон. Собирался писать книгу. Дома работа как-то не очень идет.

— Это правда? — мне послышались нотки сомнения в его голосе.— Ты мне ничего не говори!

Я усмехнулся.

— Да пока ничего не получается...

Реник повернулся к Биллу.

— В субботу все домики были закрыты?

— Конечно. Я сам их запираю, кроме домика мистера Барбера. Ключ у него.

— А ключи можно подменить?

— Нет.

— Ты запираю свой домик, Гарри?

— Думаю, да. Но я в этом не уверен.

— Который домик твой?

— Последний слева, лейтенант,— сказал Холден. Он тревожно переводил взгляд с меня на Реника.

— Сейчас в домике есть кто-нибудь?

Билл посмотрел список.

— Нет.

— Вы когда-нибудь видели здесь Одетту Мэрлоу?

— Это которую похитили? — Холден покачал головой.— Она сюда никогда не приходила. Я видел ее фотографии в газетах. Нет... сюда она не приходила.

— Я бы хотел осмотреть домик. У вас есть ключ от него?

— Ключ в дверях, лейтенант.

Реник направился к выходу, я за ним.

— Мистер Барбер,— позвал меня Холден.

Я обернулся и подмигнул ему.

— Сейчас вернусь, Билл.— Мы с Реником вышли на палящее солнце. Молча подшли к домику, в котором погибла Одетта.

Ключ был в дверях. Реник распахнул дверь и вошел в дом, вновь внимательно посмотрел на меня.

— Ты не сказал, что снял домик.

— Просто не знал, что обязан во всем перед тобой отчитываться.

— Ее могли убить именно здесь.

— Думаешь? Ее могли убить на пляже.

— Я хочу, чтобы ты вспомнил, запер ты дверь или нет?

— Мне даже не надо вспоминать — не запер. Я не сказал это Холдену, чтобы он не сердился. Я забыл ключ в замке. Я нашел его в понедельник, когда возвращался за пишущей машинкой.

— Значит, ее могли убить здесь.

— Замки на этих дверях ничего не значат. Ее могли убить в любом домике или на пляже...

Он долго молчал, пока я прислушивался к стуку собственного сердца. Наконец он взглянул на часы.

— Хорошо, Гарри, можешь ехать домой. Сегодня ты больше не нужен. Скажи следователям, чтобы шли сюда.

Я знал, что как только уйду, следователи здесь перевернут все вверх дном и в конце концов найдут отпечатки пальцев Одетты. Есть надежда, что они откопают и отпечатки Рины и О'Рейли. Обязательно отыщут мои, но это меня не волнует. Гораздо больше меня беспокоит то, что Реник подойдет к Холдену и спросит, не видел ли тот высокого широкоплечего мужчину в коричневом спортивного покроя костюме. Холден вспомнит, что видел в таком костюме меня. Но это, правда, не доказывает того, что я убил Одетту. У меня еще остается немного времени.

Выйдя из домика, я направился в кабинет Холдена.

— Извините, что я не расплатился с вами, Билл. Пришлю вам чек завтра. Хорошо?

— Лучше бы вы расплатились сейчас, мистер Барбер, — неловко произнес Билл. — Мой босс не дает кредита.

— Я забыл бумажник на работе. Завтра обязательно вышлю чек.

Не дожидаясь ответа, я поспешил к полицейской машине и сказал одному из следователей:

— Лейтенант ждет вас в последнем домике слева. А я поеду домой. На автобусе.

— Ну что вы, мистер Барбер, — сказал тот, что сидел за рулем. — Я подвезу вас.

Это предложение только усилило мои подозрения.

— Не надо. Я поеду на автобусе. Пока, — и я пошел к остановке.

Когда автобус отъехал, я увидел, что один из следователей движется на машине за нами.

Теперь я знал точно — я подозреваемый номер один в деле об убийстве Одетты Мэрлоу.

Глава 13

Нина ждала меня. Бледная, потерянная, она бросилась мне навстречу. Я обнял ее и крепко прижал к себе.

— Гарри! — прошептала она. — Они побывали здесь утром, когда меня не было, и все обыскали.

Мои руки невольно разжались.

— Почему ты так думаешь?

— Тише. Вдруг они оставили где-нибудь микрофон? Это мне и в голову не пришло.

— Если он где-нибудь и есть, так только в гостиной.

— Я уже искала, но ничего не могла найти.

— Подожди здесь.

Я прошел в гостиную, включил приемник на полную мощность — комната сразу наполнилась бешеной джазовой музыкой. Затем распахнул окно. Полицейской машины видно не было, но я чувствовал — она где-то поблизости и из нее наблюдают за моими воротами. Я прошел в кухню и выглянул в окно. Вдоль садика шла аллея. На ней работали два монтера. Один из них залез на телеграфный столб, другой без дела слонялся внизу — прекрасное место для наблюдения!

Я начал сантиметр за сантиметром обшаривать гостиную. И отыскал-таки в радиаторе микрофон. Если бы я по опыту не разбирался в полицейских методах работы, я бы его ни за что не нашел. Я пододвинул приемник к самому радиатору и сказал Нине, следившей за мной с испуганными глазами.

— Ну вот, теперь они нас не услышат.

— Как видишь, они здесь побывали. Когда я заглянул в гардероб, то увидела, что вся моя одежда в беспорядке. Что это значит, Гарри?

— Это значит, что меня подозревают.

Неожиданно мне пришла в голову мысль. Я бросился в спальню, открыл дверцы гардероба и осмотрел свои костюмы. Затем вернулся к Нине и обреченно сказал:

— Они приходили за моим коричневым костюмом.

Нина с трудом сдерживала слезы.

— Что мы будем делать, Гарри. Я не могу тебя снова потерять. Что они с тобой сделают?

О, я знал, что со мной сделают,— отправят на электрический стул. Но ей нельзя этого говорить.

— Зачем ты отдал ему пленки? Можно было...

— Замолчи! Он не шутил. Их следовало отдать.

Кажется, у нее начиналась истерика.

— Но что мы будем делать? Что!

— Не знаю. Но должен же быть какой-то выход...

Я постараюсь что-нибудь придумать...

— Расскажу все Джону. Он поможет, я уверена!

— Реник ничего не сможет сделать. У меня нет доказательств. Моя единственная надежда — заставить О'Рейли сознаться. Но как этого добиться?

— А что случилось с выкупом, Гарри?

Я ошеломленно уставился на нее. Неожиданно меня обуял восторг. Я вспомнил, что говорил О'Рейли: «Найдите выкуп, и вы найдете убийцу».

— В чем дело, Гарри? — Нина не понимала моей радости.

— Деньги, Нина! Где деньги? — я вскочил и стал возбужденно расхаживать по комнате. — Полмиллиона долларов, да еще мелкими купюрами, не так-то легко спрятать. Куда они их дели?! Ну конечно же, не в банк положили. Дома? Вряд ли. Они знают, что, если меня арестуют, я их впутаю в дело, и Реник прикажет обыскать дом. Но где же тогда?!

— Может быть, они арендовали сейф?

— Слишком опасно. Им пришлось бы открывать счет и писать расписку. И мне кажется, самое подходящее место — камера хранения. Либо в аэропорту, либо на вокзале. О'Рейли запросто может оставить там чемодан или портфель. Никто его не запомнит, и он в случае необходимости быстро их получит:

— Ты должен сказать об этом Джону.

— Нет, дорогая. О'Рейли должен быть пойман в тот момент, когда будет забирать портфель.

Нина беспомощно пожала плечами.

— Но он не позволит себя поймать.

— Правильно. Если... конечно, я не подставлю ему подножку.

— Но как? Человек его типа...

— Я подумаю над этим. Давай поужинаем. Пока ты готовишь, я поразмышляю. И заодно выключи, пожалуйста, эту чертову штуку...

— Я так боюсь... Если тебя посадят...

— Успокойся, дорогая. Этого пока не случилось,— я нежно поцеловал ее.

За ужином меня осенило. Нина догадалась об этом по выражению моего лица и, покачав головой, показала на радиатор. Я включил радио.

— Кажется, я придумал. Это единственный выход. Конечно, если только деньги в сейфе или камере хранения. Если они в доме Мэрлоу, я пропал. Но не думаю, что они рискнут держать их в доме.

— Что ты собираешься делать, Гарри?

— Одну минуту.

Я взял лист бумаги и написал:

«Последние известия. Мы прерываем программу, чтобы сообщить последние данные по расследованию дела Мэрлоу.

У полиции есть основания полагать, что выкуп спрятан в арендованном сейфе или камере хранения. От мэра города получено разрешение на обыск и, начиная с девяти часов утра группа следователей будет обыскивать все камеры хранения и недавно арендованные сейфы. Всех, кто арендовал сейф в этом месяце, просят явиться в отделение полиции с ключом от него.

Поиски будут проводиться в радиусе ста километров от Палм-Сити. Районный прокурор Мидоуз выражает надежду, что в результате деньги будут найдены».

Я протянул листок Нине. Она удивленно посмотрела на меня.

— Не понимаю, Гарри?

— Это моя обязанность — сообщать телевидению и радиовещанию все новости о киднаппинге. В эфир это уйдет без всяких разговоров. Надеюсь, О'Рейли расколется, когда услышит подобное объявление. Он сам приведет меня к месту, где спрятан выкуп.

— Но почему ты уверен, что он услышит объявление?

— Он будет слушать. Я ему посоветую,— я пошел было к телефону, но вовремя остановился.— Они, наверное, прослушивают телефон. Лучше позвонить откуда-то из другого места. Если это узнает Мидоуз, он все немедленно остановит.— Я направился к двери.— Пойду в аптеку на углу. Сейчас вернусь.

— Мне пойти с тобой, Гарри?

— Лучше не надо. Подожди меня здесь.

К этому времени уже стемнело. Открыв ворота, я оглянулся. Полицейская машина стояла ярдах в пятидесяти. Аптека была в противоположной стороне. Я услышал,

что машина двинулась за мной. Теперь я боялся только одного — что меня арестуют прежде, чем я приведу свой план в исполнение. Вот тогда — действительно конец.

В аптеке я заперся в телефонной будке и позвонил на местную телестанцию диктору Фреду Хиксону.

— Фред, — сказал я. — Для тебя есть важное сообщение. — Мидоуз хочет, чтобы его сделали сегодня по телевидению в одиннадцать часов. Сможешь?

— Конечно, давай.

Я продиктовал ему текст.

— Прекрасно. Мы прервем обе программы в одиннадцать часов. Мидоуз считает, что это очень важно?

— Очень важно! Ну, спасибо, Фред, пока, — и я повесил трубку. Была половина десятого. Я набрал номер резиденции Мэрлоу.

— Это из отделения полиции. Нам нужно поговорить с О'Рейли. Он дома?

— Думаю, он в своей комнате, — ответил дворецкий. — Минутку, я вас соединю.

Раздался щелчок, и я услышал голос О'Рейли.

— Хэллоу! Кто это?

Медленно и четко, чтобы он не пропустил ни слова, я сказал:

— Привет, простофиля. Ну, как сегодня твое самочувствие?

Наступило тревожное молчание. Я явственно представил себе, как у него помрачнело лицо и рука стиснула трубку.

— Кто это? — в голосе его звучал металл.

— Такой же простофиля.

— Это ты, Барбер?

— Да. И могу тебя обрадовать. Мидоузу пришла в голову блестящая мысль. Если тебе интересно, посмотри сегодня в одиннадцать местную программу. Ясно? До встречи на электрическом стуле. — И я повесил трубку прежде, чем он успел что-либо сказать.

Выйдя из будки, я увидел человека с лицом, на котором прямо-таки было написано, что он — коп. Я знал, что рано или поздно это произойдет, но когда увидел его, кровь застыла у меня в жилах.

— Мистер Барбер?

— Да.

— Вас ждут в отделении. Пройдемте в машину.

Я понял, что сделал ход королем, и все теперь зависит от того, что на руках у О'Рейли — пешка или королева. Если королева, я погиб.

Реник работал за своим столом. Комнату освещала только одна настольная лампа с зеленым абажуром. Я сел в кресло, радуясь, что в комнате царил полумрак. Реник протянул мне пачку сигарет и зажигалку, все это в полном молчании.

— В чем дело? — спросил я, кладя пачку на стол.— Я как раз собирался ложиться спать.

— Прекрати свой глупый блеф,— резко сказал он.— Ты попал в беду и прекрасно это знаешь.

— Меня арестовали?

— Пока нет. Я решил сначала поговорить с тобой. Это неофициально. Конечно, из-за этого можно потерять работу, но я знаю тебя двадцать лет. Ты и Нина — мои настоящие друзья, и я хочу вам помочь. Скажи мне правду — ты убил Одетту Мэрлоу?

Я прямо посмотрел ему в глаза.

— Нет. Но я не надеюсь, что ты мне поверишь.

— В моем кабинете нет микрофонов и нет свидетелей. Я спрашиваю тебя не как полицейский, а как твой друг.

— Ответ от этого не меняется — я ее не убивал.

Джон отбросил сигарету. Он выглядел очень измученным.

— Ну по крайней мере, это хоть что-то. Ты замешан в этом деле?

— Еще как! Влип настолько, что даже ты вряд ли сможешь мне.

— Расскажи мне все по порядку.— Он закурил новую сигарету.

— Сейчас... Каким образом ты разгадал меня, Реник?

— Тим Келли утверждает, что видел именно тебя в ночь убийства на автобусной остановке с рыжеволосой девушкой, одетой в белое с голубым платьем. Я проверил, и все оказалось против тебя.

— Я так и думал, что Келли меня выдаст,— вяло заметил я.— Каким же идиотом я был, когда связался с этими бабами! Но мне нужны были деньги, а они предложили пятьдесят тысяч за довольно безобидную, на первый взгляд, работу. Мне нужны были деньги, чтобы уехать из этого города и начать новую жизнь.

— Выкладывай.

Я рассказал ему все, кроме того, что Нина помогала мне отвозить тело. Я не хотел ее впутывать.

Пока я говорил, Реник сидел неподвижно, пристально глядя на меня. Теперь он глубоко вздохнул и воскликнул:

— Из твоего рассказа выламывается одна деталь — почему Одетта согласилась на этот план?

— Да, меня это тоже удивило. Я думал об этом и, кажется, нашел разгадку. Одетта была влюблена в О'Рейли. Она знала, что отец не позволит ей выйти замуж за этого парня. Деньги ей нужны были, чтобы удержать О'Рейли. Единственное, что она не поняла, это то, что он связан с Риной. Вдвоем они решили избавиться от девушки. Кто-то из них предложил киднаппинг как единственную возможность для Одетты получить нужную сумму. Ну а меня использовали как козла отпущения.

— Да-а, — протянул Реник. — Однако это тебе не поможет, Гарри. У нас нет доказательств твоей невиновности.

— Знаю, — я посмотрел на часы. Было двадцать минут одиннадцатого. — Но здесь ты мне можешь помочь. Я поставил О'Рейли ловушку. Есть надежда, что он приведет меня к тому месту, где у него спрятаны деньги. Это моя последняя надежда. Мне нужен свидетель из полиции. Помоги мне.

Реник засомневался.

— Почему ты думаешь, что он это сделает?

— Это наглый подвох, но у меня нет другого выхода. Я не пытаюсь ускользнуть, Джон. Мне просто нужна твоя помощь. Если мой трюк не удастся, я погиб.

— Ну ладно, но предупреждаю тебя, Гарри, обо всем этом придется доложить Мидоузу. Я скрывал, пока было возможно. Но теперь...

— Дай мне всего один час. Если к тому времени я не выпутаюсь, что ж, пусть меня арестуют.

— Хорошо, — согласился Джон.

— Можно мне позвонить Нине? Она беспокоится, не знает, куда я пропал.

Он кивнул на телефон, и набрал свой номер и сказал Нине, что мы с Реником едем к О'Рейли.

— Молись за меня, дорогая, и не беспокойся. — Я повесил трубку и сказал Ренику:

— Ну, пошли.

Когда мы направились к двери, два следователя вопросительно взглянули на Реника.

— Пусть они тоже едут с нами, — попросил я.

Вчетвером мы сели в машину. По дороге никто не произнес ни слова. Я попросил остановиться, не доезжая до резиденции Мэрлоу.

— Выйдем. Не надо, чтобы они знали, что мы здесь. Было уже без десяти одиннадцать. Свет горел в трех комнатах нижнего этажа. Ночь была душная, и окна были распахнуты настежь.

— Я первый, вы идите за мной, — скомандовал я.

Я бесшумно взошел по ступенькам, ведущим на террасу. Затем подкрался к распахнутому окну и заглянул внутрь. Оба они были там. О'Рейли в спортивной рубашке и брюках сидел в шезлонге, держа в руках бокал. Рина лежала на кушетке и нервно курила.

Реник присоединился ко мне. Следователи остались в тени деревьев.

О'Рейли говорил:

— Он врал. Вот увидишь. Он просто пытался нас напугать.

— Уже одиннадцать. Включи телевизор. — Нам были хорошо слышны их голоса.

О'Рейли встал и включил большой телевизор, стоящий в углу. Он вернулся к креслу и одним глотком осушил свой бокал. Показывали гангстерский фильм. Двое мужчин сражались в полутьме. Рина уселась поудобнее и стала смотреть на экран. В одиннадцать часов картина прервалась и на экране появился Фред Хиксон.

— Мы прерываем программу, чтобы сообщить последние данные по расследованию дела Мэрлоу, — и он прочел объявление, которое я ему продиктовал. Гангстерский фильм продолжался.

Я ждал в таком напряжении, что с трудом мог дышать. О'Рейли вскочил.

— Черт возьми!

Он бросился к телевизору, выключил его и повернулся к Рине.

— Ты поняла — завтра, в девять утра! Это значит, что у них нет еще разрешения на обыск, иначе они начали бы прямо сейчас. Поеду-ка я лучше в аэропорт.

Я облегченно вздохнул — я выиграл!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Рина.

— Как что! Плохо нам придется, если они найдут выкуп. Я заберу его раньше, чем они начнут обыск. Ну и дурак же я, что оставил его там. Я должен был предвидеть, что они устроят что-либо подобное.

Рина встала. Ее лицо побелело, глаза сверкали.

— Идиот! Это же ловушка! Неужели ты думаешь, что Барбер стал бы тебя предупреждать, если бы не надеялся выследить? Ему нужно знать, где спрятаны деньги! Он все рассказал своему лейтенанту! Следователи тебя уже ждут.

О'Рейли нервным движением пригладил волосы.

— Может, ты и права, детка, но нам придется рискнуть. Может, лучше ты возьмешь портфель?

— Ну уж нет! Пусть они лучше найдут эти деньги!

— Тебе придется пойти,— сказал О'Рейли. У него на лбу выступили капли пота.— Чего ты волнуешься? Они не станут связываться с женой Мэрлоу. Полицейские подумают, что ты просто получала свои вещи.

— Не пойду! — пронзительно закричала Рина.— Ты меня толкаешь в ловушку!

О'Рейли решительно прошелся по комнате.

— Слушай, детка, если ты хочешь спасти свою шкуру, то лучше сходи и возьми две пленки вместе с деньгами.

— Пленки? О чем ты говоришь?

— Ты что, глухая? Пленки, которые мне дал Барбер, лежат там, вместе с деньгами!

— Но ведь ты сказал, что уничтожил их!

— Как видишь, я их сохранил.

Наступила жуткая тишина, которую затем взорвал отчаянный вопль:

— Ты лжешь! Тебе нужны деньги, и ты хочешь, чтобы я их взяла.

О'Рейли приблизился к ней почти вплотную.

— Слушай, детка, не мели чепухи. Я говорю тебе — пленки там, вместе с деньгами. Согласен, я был идиотом и позволил этому мерзавцу Барберу обдурить себя. Он сказал, что ты бросишь меня, вот я и сохранил ули... э... пленки... Хотел преподнести их тебе как свадебный подарок. Теперь ты в беде. Так что иди-ка в аэропорт и получи их. Да поживее!

— Сволочь! — злобно прошипела Рина.— Проклятая сволочь!

— Не теряй времени, детка. Если ты не хочешь провести остаток дней в тюрьме — иди.

— Не пойду! Сам иди, или я скажу в полиции, что это ты убил Одетту! Я попаду в тюрьму на несколько лет, а тебя отправят на электрический стул. Я все им расскажу! Слышишь? Иди и принеси пленки!

— Вот как?! — лицо О'Рейли окаменело.— Кажется, этот простофиля был прав. Ты бы никогда за меня не вышла. Правда, сука?

— За тебя? Замуж! — взвизгнула она.— За такого идиота и чурбана?!

Неожиданно в руке О'Рейли блеснул кольт 25-го калибра. Он прицелился в Рину.

— Мне пришла хорошая мысль, детка. А что, если

прострелить твою премудрую головку? Копы решат, что это самоубийство. Они найдут пленки и решат, что ты услышала сообщение, струсила и застрелилась. Как тебе это нравится?

— Убери пистолет!—Рина отпрянула от него.— Все равно Барбер знает, что это ты убил ее!

— У него нет доказательств, — усмехнулся О'Рейли.— А мысль моя мне нравится...

Реник оттолкнул меня, сунул руку в карман и, выхватив пистолет, бросился в комнату.

— Брось оружие! — рявкнул он.

О'Рейли обернулся и... выстрелил. Но твяканье 25-калиберного было заглушено громом кольта Реника.

О'Рейли выронил оружие, колени его подогнулись, и он рухнул под ноги обезумевшей Рины.

Итак, я вновь очутился в камере. Я не знал, что со мной будет, но теперь-то уж был уверен, что убийство мне не пришьют. Вину О'Рейли подтверждали бесспорные доказательства.

На третий день ко мне явился Реник.

— Единственная надежда на тебя. Мидоуз хочет, чтобы ты выступил против Рины. Он договорился с судьей, что тебя оправдают, если ты это сделаешь. У нее целая армия адвокатов, и она может выкрутиться. Ты сможешь нам?

— Конечно,— ответил я без колебаний.

— Я так и думал. Я видел Нину. Она продает бунгало. Вам лучше уехать отсюда и попытаться начать новую жизнь где-нибудь еще.

— Можешь мне этого не говорить, сам знаю, что надо уезжать. Можно повидать Нину?

— Она сегодня придет.

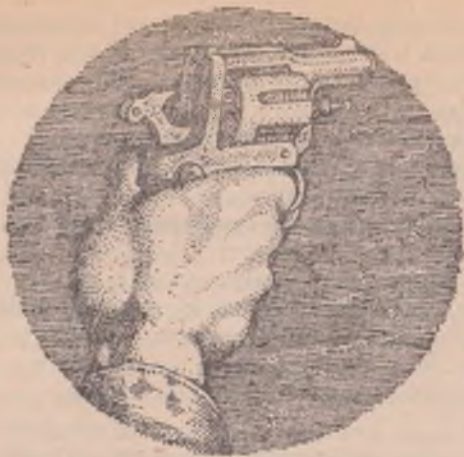
Стоит ли продолжать?

После ужасающей юридической битвы Рина получила пятнадцать лет. Если бы не мои показания, ее бы оправдали. Затем перед судом предстал я.

Судья высказал все, что он обо мне думает. Это было не слишком лестно, но я и сам был далеко не лучшего о себе мнения. Мне дали пять лет условно. Если я снова вляпаюсь в историю, придется отсидеть тот срок сполна.

Но нет, хватит. Не нужны мне больше никакие истории. Все, что мне сейчас нужно, это чтобы рядом была любимая женщина. Ради нее я начну жизнь сначала.

Нина ждала меня у выхода из суда. Она взяла меня под руку, счастливо улыбнулась, — и я понял, что с этого момента начинается новая жизнь.

ПОЧЕМУ Я?

Глава I

I

Было далеко за полночь. Темное ноздреватое небо источало капли влаги. Засунув руки в глубокие карманы плаща и надвинув на самые глаза шляпу, Керриден не спеша шел по Олд-Комптон-стрит. Улицы в Сохо¹ были безлюдны: зарядивший с вечера дождь согнал с тротуаров обычных гуляк.

На углу Олд-Комптон- и Фрит-стрит Керриден остановился, чтобы закурить сигарету. Загораживая пламя спички от ветра, он прислушался — не раздастся ли сделанный ненароком шаг, но ничего не услышал. И кинув быстрый взгляд через плечо, увидел лишь пустынную улицу, унылую и мокрую... Керриден бросил спичку в водосток и свернул на Фрит-стрит.

В течение вот уже двадцати часов у него было впечат-

¹ Сохо — район в центре Лондона, средоточие ресторанов, ночных клубов и других увеселительных заведений.

ление, что за ним следят — причем без каких бы то ни было на то оснований — два или три человека.

В принципе, такое случалось уже не в первый раз. Во время войны за ним охотилось гестапо, сейчас, когда он выполнял определенные задания, с ним порой хотела встретиться полиция. Благодаря своему чутью, Керридену всегда удавалось избавиться от преследователей. Теперь, однако, он просто не представлял себе, кто мог заинтересоваться им до такой степени. Конечно, у него хватает врагов, которые с удовольствием свели бы с ним счеты, но ведь он не прятался и его очень легко можно было застать дома, вместо того, чтобы зря таскаться за ним в течение суток. Это обстоятельство интриговало Керридена и действовало ему на нервы.

Желая убедиться, что воображение не сыграло с ним дурную шутку, он намеренно вышел под дождь в надежде заставить преследователей обнаружить себя. И опять ничего не получилось. Керриден возвращался по собственным следам, сворачивал в переулки, крутился на месте, — но они оказывались неуловимыми, как привидения.

Неподалеку, в конце Фрит-стрит, находился клуб «Аметист». Туда и решил отправиться Керриден, пускай загадочные враги караулят его на улице. Может, удастся увидеть их из окна... Так или иначе, ожидание под дождем охладит их пыл.

2

Клуб «Аметист» затаился в тупике. Он принадлежал к тем подозрительным заведениям Сохо, где всегда можно найти убежище от чрезмерного любопытства полиции, и днем, и ночью получить выпивку. Когда-то здесь располагался винный склад, но теперь фасад дома был выкрашен в яркий лимонный цвет, в зале стояли кожаные кресла и покрытые стеклом столы, а вдоль стен красовались запыленные зеркала. За стойкой бара хозяйничал Зани — огромный, напомаженный, мрачный и опасный.

Зани, владелец клуба «Аметист», не брезговал ни одним из тех дел, которыми промышлял Сохо. Гигантского телосложения, темноволосый, с негритянскими чертами лица, он напоминал Керридену злодея из фильма ужасов или уроды из коллекции монстров. Костюм, сшитый у лучшего портного, белая рубашка, галстук в крупный горошек и огромный бриллиант на мизинце левой руки шли ему, как горилле смокинг.

В зале находилось человек двадцать мужчин и женщин, и все повернулись, когда Керриден начал спускаться по ступенькам, ведущим из вестибюля в бар. Подозрительные взгляды провожали его сквозь клубы табачного дыма. Шум голосов затих. Военного покроя плащ, который носил Керриден, его широкие плечи и манера держать голову не внушали завсегдатаям доверия. Клиентуре бара было ясно, что вновь прибывший не принадлежит к их миру, хотя и не полицейский.

Керриден, с полным безразличием к вызванному им тихому переполоху, уверенно направился к стойке.

— Говорили мне, что ты здесь,— сказал Зани, протягивая ему огромную лапищу,— но я не верил, думал — басни. На твоём месте я бы в эту паршивую страну не возвращался.

— За меня не беспокойся,— ответил Керриден, делая вид, будто не замечает протянутой руки.— Стаканчик виски, если оно у тебя не отравлено.

В противоположном конце помещения маленький худенький человек в клетчатой красно-белой рубашке и серых фланелевых брюках играл на рояле с профессиональной виртуозностью.

— Никакого яда,— процедил Зани с застывшей улыбкой,— напитки — экстра-класс. Вот, попробуй.— Он придвинул к Керридону стакан и бутылку.— Ты вроде был в Штатах?

— Да, но мне надоело. Решил сменить обстановку. Зани с понимающим видом подмигнул.

— Ходят слухи, что там вьедливая полиция, а?

— Не удивлюсь, если однажды кто-нибудь заткнет тебе пасть твоей же бутылкой...

Улыбка Зани погасла.

— Ладно, ладно, шучу... Как твои дела?

— По-всякому,— осторожно ответил Керриден.— Мною никто не интересовался?

— Нет. Тебя так долго не было...— Зани пожал плечами, с любопытством разглядывая Керридена.— Чем собираешься заняться?

— Не лезь, куда не просят. Чем меньше будешь знать, тем меньше расскажешь своим друзьям... Кстати, ты не видел Роулинса? Он, часом, не спрашивал обо мне?

— Заходит иногда,— безразлично проговорил Зани,— но о тебе ни слова. Он пошел в гору после твоего отъезда — стал старшим инспектором. Учти.

Значит, следит за ним полиция. Мало кто знал, что Зани

осведомитель, но для Керридена это не было секретом.

— Кто-то мной интересуется. Следят целый день.

— Ну и что? Гестапо охотилось за тобой два года, однако, как мне кажется, они ни разу тебя не поймали.

— Один раз поймали,— сказал Керриден, и его лицо помрачнело.— Но оставим это. Сейчас мне надо выяснить, что происходит. У тебя нет никаких соображений на этот счет?

— У меня? При чем тут я? Я ничего не слышал и ничего не знаю...

Керриден пытливо заглянул в темное лицо мулата, затем пожал плечами.

— Ладно, продолжай оставаться в неведении.— Он допил виски, расплатился и встал с табурета.— Я немного посижу у тебя. На улице льет, как из ведра.

— Чувствуй себя, как дома!.. Девочка нужна?

— Я слишком стар для подобных развлечений.

Керриден цинично улыбнулся и небрежной походкой направился к роялю.

— Привет, Макс,— сказал он пианисту.

Тот продолжал играть, не разжимая губ:

— Привет.

Керриден не сводил глаз с танцующих пальцев исполнителя, его лицо выражало вежливое внимание. Можно было подумать, что его заинтересовала музыка.

— Что-нибудь знаешь, Макс?

Макс начал играть «Ночь и день».

— Тебя спрашивала одна милашка,— произнес он, все так же шевеля губами.— Дня три назад приходила сюда с Крю.

Керриден стряхнул с сигареты пепел и продолжал глядеть на бегающие пальцы пианиста.

— Кто такая?

— Понятия не имею. Похожа на иностранку, молодая, темноволосая, с большими глазами. Зовут Жанна. Мне показалось, что Крю ее боится.

— Чего она хотела?

— Спросила меня, где ты живешь и вернулся ли ты в наши края. На оба вопроса я ответил «нет».

Керриден кивнул.

— Это все?

— Она еще сказала, что если я извещу Крю о твоём появлении, то получу пять фунтов.

Керриден вскинул брови.

— Видно, придется мне поговорить с Крю.

— Ты еще заглянешь к нам?

— Наверное. Во всяком случае, спасибо, Макс. За мной не пропадет.

— Я не об этом, — возразил пианист. — Эффи была бы рада тебя видеть.

Керриден широко улыбнулся.

— Кстати, как она поживает?

— Совсем взрослая стала. Фигура, как у Гарбо, сам заглядываюсь. Ты ее просто не узнаешь.

Керриден вытащил из кармана пятифунтовую банкноту, скомкал ее и незаметно уронил на клавиши.

— Продолжай помалкивать, дружище, — сказал он и удалился.

3

Крю... За четыре года Керриден совсем забыл его. Покопавшись в памяти, он вспомнил высокого мужчину с длинными светлыми волосами и неизменной красной бутоньеркой в петлице костюма.

Личность Крю всегда была немного загадочной. Никто не знал источников его доходов. Одни говорили, что он живет за счет женщин, другие — что он осведомитель, третьи, более умные, предпочитали молчать. Крю нигде не работал, но часто с наступлением ночи шатался по Пикадилли или по шикарным барам в районе Лейстер-Сквер¹. Иметь с ним дело Керридену довелось только один раз за покером. Керриден выигрывал — пока в игру не вошел Крю. После этого фортуна от него отвернулась. На третьей сдаче Керриден заметил, что Крю жульничает, и разбил о его голову бутылку из-под пива.

Кто знает, думал Керриден, вдруг тот затаил на него обиду. Сам он не представлял себе такого, чтобы четыре года таить злобу, и это казалось ему диким, но бывают же мстительные люди... Если Крю хочет поквитаться, он может быть опасен. У него явный талант лезть в чужие дела.

«Но кто эта девушка?» — спрашивал себя Керриден, сидя за угловым столиком со стаканом виски. Кто эта похожая на иностранку брюнетка с большими глазами?.. Тщетно он вспоминал знакомых женщин, — ни одна из них не подходила под описание. Было время, когда женщины играли значительную роль в его жизни, однако

¹ Лейстер-Сквер — площадь в Уэст-Энде (Лондон); на ней и вблизи нее расположено много кинотеатров, театров и ресторанов.

теперь Керриден совсем ими не интересовался. Военные невзгоды показали ему, что без всего лишнего можно обходиться.

Он встал и вновь подошел к бару.

— Наверху, наверное, есть комната, из окна которой видна улица? — спросил Керриден, опираясь телом на стойку.

— И что же? — подозрительно произнес Зани.

— Я хочу посмотреть на улицу.

— Хорошо, — ответил, наконец, Зани. — Комната Эффи. Она еще не спит. Я позову ее.

Он открыл дверь позади стойки, громко свистнул и прокричал:

— Эй, Эффи, поди сюда! — Потом, повернувшись к Керридону, спросил: — Для чего тебе улица?

— Не суй нос в чужие дела, — сухо проговорил Керриден. — И затихни, ты начинаешь меня раздражать.

— Разве я не имею права задать такой простой вопрос?

— Заткни пасть, — оборвал Керриден. — Ты слишком много болтаешь.

В дверь позади стойки вошла Эффи. Когда Керриден видел ее в последний раз, ей было пятнадцать — маленькая неуклюжая девчонка, тихая, худенькая, с неоформившейся фигуркой. У Керридона перехватило дыхание — она невероятно изменилась за три прошедших года. Если бы не ее безобразная заячья губа, девушка была бы по-настоящему красива.

При виде Керридона кровь бросилась ей в лицо, глаза заблестели.

— Здравствуй, Эффи. Ты еще не забыла меня? — спросил он с напускным равнодушием.

Он знал, что был ее кумиром, и отвечал ей чуть иронической симпатией. Шесть лет назад Зани обнаружил Эффи на улице у дверей своего клуба. Так как девочка отказалась говорить о своих родных и о своем прошлом, было ясно, что она убежала из дома. Это несчастное маленькое создание, умирающее от голода, грязное, с двумя большими зубами, видневшимися под заячьей губой, вызывало жалость. Зани требовалась кухарка. Он предложил девочке остаться и с тех пор нещадно ее эксплуатировал — как и всех, кого только мог.

— Добрый вечер мистер Керриден, — тихо прошептала Эффи.

Мистер Керриден сморщился при виде ее смущения. Влажные глаза Эффи выжидали.

— Пройдите за мной в свою комнату и...

ему посмотреть в окно — или еще куда ему там приспичило.

Следуя за Эффи, Керриден попал в тускло освещенный коридор. Как только дверь за ними закрылась и не стало слышно музыки и голосов, он поймал руку девушки и притянул ее к себе.

— Ну, ты довольна, что видишь меня? Конечно, можешь возражать, но держу пари, что ты и не вспоминала обо мне!

— О, напротив!— с жаром воскликнула она.— Я никогда не смогу вас забыть! Клянусь! Просто я потеряла надежду увидеть вас вновь.

— И ошиблась... Мне не хватало тебя, Эффи.— Керриден рассматривал девушку, держа ее за руку, и к собственному удивлению неожиданно понял, что в самом деле скучал.— Ты изменилась, словно в сказке... Честное слово, да ты красавица!

Эффи нерешительно освободила руку и поднесла ее к уродливой губе.

— Не надо так говорить... Это неправда.

— Ты про губу? Это же мелочь, ерунда.— Внезапно в голову ему пришла мысль, и, не думая о последствиях, он заговорил:— Я знаю хирурга, который все сделает. Ты будешь довольна. Как только у меня появятся деньги, мы этим займемся. Тебе не придется долго ждать: месяц, от силы два.

Керриден тут же пожалел о своем легкомыслии. Он всегда поддавался диким порывам. На прошлой неделе, к примеру, дал пять фунтов старушке, которая продавала цветы,— для того лишь, чтобы увидеть ее лицо в момент, когда она обнаружила свое богатство. В тот же вечер возле театра на Странде он заметил бедно одетую пару, тоскливо разглядывавшую фотографии актеров. Он купил им два билета в партер и удалился, широко улыбаясь при виде двух ошеломленных людей. Но на этот раз ему нельзя было поддаваться!.. Благодарность и преданность, которые он читал в глазах Эффи, увеличивали его смятение. Керриден вспомнил, что девушка всегда безоговорочно верила ему. Во время войны, когда его часть квартировалась в Лондоне, он часто коротал свободные часы в клубе и всегда заглядывал на кухню, чтобы поболтать с Эффи, помогая ей мыть посуду. Он делал это из жалости, а также потому, что гордился своим милосердием. Но все обернулось неожиданно. Керриден обнаружил, что всерьез нуждается в Эффи, вернее, в ее обожании. Как-то она призналась ему, что каждый вечер молит Бога, чтобы с ним ничего

не случилось; тогда Керриден лишь посмеялся над ней. Но, как ни странно, именно мысль о том, что за него молятся, поддерживала Керридена, когда он попал в лапы гестапо. Эта девочка была единственным человеком на свете, который бесконечно верил ему... А какой мужчина может без этого обойтись? Какой мужчина не испытывает потребность быть любимым? Керриден мог сколько угодно посмеиваться над ее молитвами, но рано или поздно он должен был привязаться к ней. Доверие этого юного существа будило в его душе глубоко запрятанные, почти забытые чувства.

Эффи смотрела на него напряженно, с преданным самоотречением собаки, которая видит возле себя кость, но не может ее взять без разрешения хозяина.

— Месяц или два! О, нет, это невозможно!..

— Точнее не скажу. Все зависит от того, когда у меня будут деньги.

Керриден произнес это с некоторым раздражением, очень недовольный собой. Сколько же может стоить подобная операция? Сто фунтов, двести? Он не имел ни малейшего понятия. Надо быть сумасшедшим, чтобы дать такое обещание! Но слово вылетело, теперь уже не откажешься...

Эффи заметила нотку досады в его голосе.

— Вам самому нужны деньги. А мне не к спеху, поверьте... С вашей стороны очень любезно предложить такую помощь,— сказала она.

— Ладно, ладно, поглядим,— ответил Керриден. И неожиданно почувствовал радость. Он действительно в силах ей помочь, хоть как-то отблагодарить ее за молитвы.— Пошли, проводишь меня наверх. Об этом поговорим в другой раз.

Довольная тем, что Керриден улыбнулся, девушка проворно взбежала по лестнице. Керриден поднимался медленнее.

«Я в лепешку разобьюсь,— думал он,— но сдержу обещание. Она этого стоит».

— Сюда,— сказала Эффи, открывая дверь.

Комната была маленькая и темная. Керриден тут же наткнулся на кровать.

— Не включай свет,— быстро предупредил он.— Мне надо кое-кого высмотреть.

— Кого? — с беспокойством спросила девушка.

— Вот это я и хочу знать.

Из окна открывался вид на Фрит-стрит. Улицу освещал фонарь, но никого не было видно. Керриден, не шевелясь,

стоял несколько минут, напряженно всматриваясь в ночной мрак.

— Они наверняка здесь,— проворчал он сквозь зубы.

Он открыл окно и высунул голову: на лицо стал капать холодный дождь. Ниже окна находилась покатая крыша.

— Что вы делаете?— вскричала Эффи, когда Керриден перекинул ногу через подоконник.

— Хочу посмотреть поближе.

— Но вы упадете! — Дувушка схватила его за руку.— Не надо! Говорю вам, вы можете упасть!

— Ерунда!— нетерпеливо бросил Керриден.— Не беспокойся, я привык к таким упражнениям.

Одной рукой держась за подоконник, он стал скользить по выступу, пока не нашарил водосточную трубу. Эффи показалось, что он сейчас упадет. Не в силах наблюдать за ним, она отвернулась от окна и спрятала лицо в ладонях. Керриден был поражен, увидев ее отчаяние.

Черепицы были мокрыми и скользкими. Если он поскользнется, если водосточная труба не выдержит его тяжести, он полетит вниз головой. Но мысль о смертельной опасности не остановила его: он просто не думал об этом. Керриден хотел добраться до кирпичной стены соседнего дома — оттуда будет видна вся улица.

Водосточная труба угрожающе затрещала, но он уже достиг цели. Взглянув вниз, Керриден убедился в правильности своего предположения. Фрит-стрит была как на ладони, и он стал методично осматривать каждую дверь, каждый закоулок, надеясь заметить какое-нибудь движение или огонек сигареты, которые могли бы выдать затаившихся преследователей.

Он долго оставался неподвижным, забыв про дождь и холод, но ничего не обнаружил. Ноги его окоченели, руки с трудом держались за трубу. Глаза Керридена привыкли к темноте, и, наконец, его терпение было вознаграждено: в глубине одного из дверных проемов колыхнулся едва уловимый силуэт человека. Проехавшее мимо такси на секунду осветило невысокого мужчину в застегнутом до самого подбородка плаще и в черном берете военного образца, сдвинутом набок.

Керриден ни минуту не сомневался, что это один из тех, кто целый день ходил за ним по пятам. Он никогда не видел этого человека и не знал, что заставляет его, несмотря на холод и дождь, часами караулить на улице. И был совершенно уверен, что преследует его не одиночка. Скорее всего,

девушка, которую Крю приводил в клуб, тоже член этой шайки.

Возвращаясь в комнату Эффи, Керриден решил не обращать больше внимания на типа в черном берете. Объяснения загадки он добьется у Крю.

Глава 2

I

На следующий день, около девяти часов утра, Керриден стоял перед дверью квартиры Крю.

Он провел ночь в «Аметисте», устроившись в кресле и задрав ноги на стол, глухой к протестам Зани, который уговаривал его вернуться к себе домой. На заре он вновь вылез на крышу, но человека в черном берете не обнаружил. Из соображений безопасности Керриден покинул клуб, перемахнув через заднюю стену на боковую улочку. Он доехал на такси до Чаринг-Кросс-Роуд, зашел в парикмахерскую и побрился. Потом позавтракал в маленьком кафе, где просидел довольно долго, попивая кофе и перелистывая газеты. Мужчина в черном берете не появлялся. Наконец, Керриден решил покинуть кафе и с час плутал по переулкам. Убедившись, что слежки нет, он направился к цели. Четырехкомнатная квартира Крю находилась этажом выше табачной лавки на маленькой грязной улочке возле «Друри-Лейн»¹. Чтобы попасть к нему, нужно было пройти мимо двух вонючих мусорных ящиков, загораживающих вход, и подняться по лестнице до тускло освещенной площадки.

По тому, как Крю вел себя в лучших домах Уэст-Энда² и как он одевался, его можно было принять за дипломата или за светило с Харли-стрит³ — конечно, специалиста по женским болезням. У него был изысканный респектабельный вид, а разговаривал он с уверенностью светского льва, чем всех вводил в заблуждение. Его считали состоятельным человеком, однако все его богатство заключалось в располагающей внешности, аристократических манерах да в ловкости пальцев.

¹ «Друри-Лейн» — лондонский музыкальный театр.

² Уэст-Энд — западная фешенебельная часть Лондона.

³ Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

Крю специализировался на карманных кражах, о чем не подозревал даже Керриден, знавший Уэст-Энд, как собственный кошелек. Крю безумно боялся полиции и возможного ареста, поэтому выбирал свои жертвы очень тщательно, удостоверившись сперва, что риск того стоит. Он мог украсть часы с руки собеседника, вытащить толстый бумажник, засунутый в карман пиджака под плащом, извлечь запонки из манжет,— а его жертве и в голову бы не пришло, что это сделал он. Снять кольцо или брошку, открыть женскую сумочку и поживиться деньгами было для него детской забавой.

Когда Керриден подошел к квартире Крю, дождь уже кончился. Робкие лучи солнца еще больше подчеркивали грязь и запустение улицы. Керриден был удивлен. В его представлении всегда эlegantный, гладко выбритый и чуть надменный Крю просто не мог жить в такой дыре. Он даже остановился на минуту перед табачной лавкой, решив, что Зани дал ему неправильный адрес. Никто не обращал на него внимания. Вдоль тротуара выстроилась длинная вереница грузовых и легковых автомобилей.

Увернувшись от человека, который, разгружая грузовичок, шел прямо на него с мешком картофеля, Керриден поднялся на верхний этаж и прислушался, но гомон с улицы заглушал все шумы в доме.

Он властно постучал и приложил ухо к двери. Долго стояла тишина, затем послышалось движение, лязгнул засов, дверь приоткрылась, и показалось лицо Крю.

Керриден не видел его четыре года, но время мало изменило ловкого карманника. Разве что он немного похудел и облысел, да в уголках глаз образовались морщинки. Но в целом, это был тот же самый лощеный Крю, которого Керриден однажды проучил как следует.

При виде посетителя Крю судорожно дернулся, рванулся назад и попытался захлопнуть дверь, но Керриден вовремя просунул в щель ногу.

— Привет. Не ожидал меня увидеть?

Рот Крю был полуоткрыт, он шумно дышал. В его глазах притаился ужас.

— Я не могу вас сейчас принять,— дрожащим голосом проговорил он.— Вы пришли неудачно.

Керриден саркастически улыбнулся, с силой толкнул дверь, вынудив Крю попятиться, и вошел в маленькую прихожую.

— Не забыл меня?

Его взгляд выразительно остановился на белом щраме на лбу Крю.

— Керриден, если не ошибаюсь? — спросил Крю с нерешительной улыбкой. — А я как раз собирался уходить — деловое свидание. — Он посмотрел в холодные серые глаза Керридена и стал нервно теребить пальцы, потом неожиданно сунул руки в карманы брюк. — Я... я должен извиниться. Встретимся как-нибудь в другой раз.

Крю состроил странную гримасу, пытаясь держаться непринужденно. Это ему плохо удавалось, было заметно, что он чего-то страшно боится. Керриден огляделся. Его удивила роскошная ваза с желтыми и красными тюльпанами.

— Я вижу, эта царапина у тебя до сих пор не прошла, — произнес он, показывая пальцем на лоб Крю. — И что-то мне подсказывает, что вскоре у тебя будет еще одна.

Крю сделал шаг назад и уперся в стену, с ужасом глядя на Керридена.

— Чего вы хотите?

Он больше не улыбался. Вся его уверенность исчезла, на лице появилось трусливое выражение.

— Ты один? — спросил Керриден.

— Да... Но вам лучше меня не трогать. — С него градом катил пот. — Мой адвокат...

Крю замолчал, поняв, сколь абсурдно говорить об адвокате с человеком, подобным Керридону.

— Вам лучше не трогать меня, — повторил он.

— Проходи, — приказал Керриден. — Поговорим.

Крю неохотно повиновался. Керриден проследовал за ним в комнату и закрыл за собой дверь. Он никак не ожидал увидеть такое уютное, светлое, со вкусом обставленное помещение. Повсюду стояли вазы с тюльпанами и нарциссами, воздух был пропитан ароматом цветов.

— Во всяком случае, ты знаешь, что такое комфорт, а? — восхитился Керриден, присаживаясь на подлокотник большого кресла. — У тебя здесь очень недурно!..

Крю, прислонившийся к дивану, казалось, сейчас упадет в обморок. Керриден внимательно посмотрел на него. Он никак не мог понять, что так боится этот человек — отнюдь не робкого десятка. Даже когда Крю уличили в мошенничестве, он вел себя спокойно и самоуверенно. Именно эта наглость и заставила Керридена ударить его.

— Что с тобой? — резко спросил он. — Чего ты дрожишь?

Крю издал какой-то нечленораздельный звук и, в конце концов, выдавил:

— Ничего, со мной ничего...

— Ты словно боишься,— произнес Керриден, не спуская с него глаз.— Но раз говоришь, что ничего, значит ничего.— И вдруг добавил, понизив голос:— Кто такая Жанна?

В комнате повисло гробовое молчание, нарушаемое только громким тиканьем стоявших на камине часов и прерывистым дыханием Крю. Его губы конвульсивно вздрагивали.

— Еще раз спрашиваю: кто такая Жанна — девушка, которую ты приводил три дня назад?

— Уходите,— пролепетал Крю.— Если вы не оставите меня в покое, я вызову полицию.

— Не будь идиотом.

Керриден вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, а спичку швырнул в камин.

— Девица расспрашивала обо мне Макса. А это, представь себе, меня интересует. Кто она?

— Неправда,— выдавил Крю.— Она тебя не знает и никогда не видела.— Он протянул пальцами за воротник, который стал ему тесен.— С чего ты взял, что она о тебе спрашивала? Это неправда.

— Ну ладно, не имеет значения. Кто она такая?

Поведение Крю интриговало Керридена. У него был испуганный вид, но Керриден понял, что боится он не его.

— Ты ее не знаешь,— сказал Крю.— Это одна моя знакомая. Какое тебе до нее дело?

Керриден выпустил кольцо дыма и проследил за ним взглядом.

— Хочешь, чтобы я тебя ударил? — беззаботно спросил он.— Так и будет, если ты не заговоришь.

Крю замер и весь сжался, озираясь по сторонам. Затем быстро кинул взгляд через плечо на дверь в глубине комнаты. Его глаза перебежали от этой двери к Керридону, будто он хотел на что-то ему намекнуть.

— Лучше не трогай меня,— еще проговорил он дрожащими губами.

И снова посмотрел на дверь, словно желая показать, что он в квартире не один. Керриден задумался и в свою очередь перевел взгляд с двери на Крю, подняв брови. Крю утвердительно закивал.

— Расскажи мне о Жанне,— сказал Керриден, спокойно поднимаясь со своего места.

— Что тебе рассказать? — Испуганный взгляд вновь устремился к двери. — Просто знакомая...

— Что там за этой дверью? — прошептал Керриден, бесшумно подойдя к Крю. Он видел капельки пота на его лице, чувствовал запах бриллиантина от его волос. — Чем она занимается? Откуда она взялась? — потребовал он громким голосом.

Крю поднял три пальца, указывая на дверь.

— Я ничего о ней не знаю. Мы познакомились на улице... Ты понимаешь, что я хочу сказать? Симпатичная брюнетка...

— Их трое? — прошептал Керриден.

Крю кивнул. Он начал приходить в себя, понемногу к нему возвращалась уверенность.

— А с маленьким типом в черном берете ты случайно не знаком?

Весь появившийся апломб Крю моментально исчез, ноги подогнулись, будто Керриден ударил его в живот.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — с трудом пролепетал он и вдруг в припадке отчаяния стал орать: — Убирайся! С меня достаточно! Ты не имеешь права врваться ко мне! Вон отсюда! Я не желаю тебя видеть!

Керриден расхохотался.

— Им, должно быть, это все уже надоело, да и мне тоже, — презрительно проговорил он и, повысив голос, закричал: — Выходите вы, трое! Я знаю, что вы здесь!

Крю повалился в кресло, казалось, он не дышит. Потом, видя, как открывается дверь, он с шумом втянул в себя воздух и застыл. Держа в руке автоматический маузер, в комнату вошел человек в черном берете.

2

Керридену не первый раз грозили оружием. В таких обстоятельствах он делался нервным и злым, потому что знал, с какой легкостью любой болван может продырявить тебе живот — добровольно или по приказу. Среди людей, которые наставляют оружие, встречаются такие, которые не собираются жать на курок, но есть и иные, те, кто только и ждет случая выстрелить.

Мужчина в черном берете принадлежал к категории лиц, готовых стрелять по любому поводу. Керриден убедился в этом, заглянув в сумрачные и злобные глаза своего противника. Для такого типа человеческая жизнь — все равно что пятно на старом плаще или грязь под ногтями. Мау-

зер служил не просто угрозой — он был предвестником смерти.

— Только не шевелитесь, друг мой,— проговорил тип в черном берете.

По легкому акценту Керриден понял, что перед ним поляк. Он перевел взгляд с пистолета, нацеленного ему прямо в сердце, на дверь. Там стояла темноволосая девушка с высокой полной грудью, одетая в черный свитер и в черные же брюки. Большие темные глаза плохо гармонировали с ярко накрашенными губами; на лбу виднелся шрам. Ноги у нее были длинными, бедра — узкими, и вся ее фигура производила впечатление мальчишеской — пока взгляд не останавливался на ее груди. Особое внимание привлекали глаза — твердые и безжалостные, закаленные в ненависти и страданиях, в битвах и горечи.

— Привет, Жанна,— сказал Керриден, широко улыбаясь.— Разве нельзя обойтись без оружия?

— Садитесь, пожалуйста, и не вздумайте размахивать руками,— холодно произнесла девушка.— Мы хотим с вами поговорить.

Керриден продолжал улыбаться, но губы его застыли. Он кинул быстрый взгляд на Крю, чьи испуганные глаза не отрывались от пистолета.

— Для того вы и следили за мной все это время?— поинтересовался Керриден.— То-то я смотрю, люди вы робкие...

— Прощу вас сесть,— твердо повторила девушка.

Человек в черном берете указал пистолетом на кресло.

— Туда,— сказал он.

Керриден пожал плечами и сел.

На пороге открытой двери показался третий — высокий, худой и однорукий. Шрам пересекал его лицо и терялся под черной повязкой, закрывавшей левый глаз.

— Все в порядке? — спросил он у девушки.— Я бы хотел заняться делом, если мое присутствие здесь не обязательно.

Никакого сомнения: этот человек был англичанином, причем, скорее всего, из хорошей семьи, получил университетское образование и, безусловно, руководил всей этой группой. Он был настоящим джентльменом, и его вид лишь подчеркивал фальшивую элегантность Крю. Скромный твидовый костюм, короткие светлые ухоженные усы, платок, выглядывающий из карманчика...

— Да,— ответила девушка.— Но хорошо, если бы ты забрал с собой этого...— Она махнула рукой в сторону Крю.— Он будет нам мешать.

— Разумеется.— Однорукий сделал знак.— Пошли. Он говорил таким тоном, будто привык, что все его слушаются. Пока Крю еле-еле волочил ноги, взгляд однорукого перенесся на Керридена, и его лицо осветилось улыбкой.

— Пожалуй, нам пора представиться,— произнес он и указал на молодую женщину.— Жанна Персиньи. Человек с пистолетом — Ян, выговорить его фамилию просто невозможно. Я — Ренли, Найджел Ренли. Будьте добры выслушать то, что вам хочет сказать Жанна. Я прошу прощения за пистолет, суровая необходимость — у вас репутация опасного человека. Ян не горит желанием ссориться с вами, да и я был бы огорчен, если бы вам пришла в голову мысль швыряться мебелью... Ну вот, я все сказал, а теперь мне нужно уходить. Остальное узнаете от Жанны.— Он кивнул в сторону удалившегося Крю.— Этот джентльмен не с нами. Случай свел нас вместе. И не знаю, кто больше об этом сожалеет... скорее, все-таки мы.

Улыбнувшись на прощанье, Ренли вышел, закрыв за собой дверь.

Керриден снял шляпу и пригладил огненно-рыжую шевелюру, благодаря которой в отряде особого назначения его прозвали «Кирпич». Такие, как он, всегда привлекают женщин. У него было тяжелое лицо с квадратным подбородком, твердым ртом и чуть свернутым набок носом. Серые колючие глаза и саркастическая улыбка отпугивали многих. Выделялся он скорее мускулами и силой характера, чем добродушием, но иногда на него пакатывала сентиментальность, отчего Керриден очень смущался.

Сидя в кресле и глядя на девушку и Яна, он признался себе, что не имеет ни малейшего понятия о смысле происходящего. Оба эти человека напоминали Керридену людей, с которыми ему приходилось иметь дело во Франции во время войны: фанатиков Сопrotивления, стреляющих не раздумывая. Однорукий был совсем другой породы. «Странно,— думал Керриден,— что их связывает?» Ренли понравился ему. Он встречался с подобными людьми: смелыми, решительными, надежными, которые делали дело скромно и тихо, не выставляя напоказ свою храбрость.

Девушка придвинула стул с прямой спинкой и села за стол напротив Керридена, Ян стоял, как статуя, не шелохнувшись и не отводя маузера.

— Вы не могли бы ответить на несколько касающихся вас вопросов?— спросила девушка, положив руки на стол и пристально глядя на Керридена.

— А почему я должен отвечать на ваши вопросы?— возразил Керриден.— Что все это означает? За кого, черт возьми, вы меня принимаете?

Не забывая об оружии, он нарочно пытался вывести ее из себя, но лицо девушки окаменело.

— Нам необходим человек для одного поручения... строго конфиденциального.— Жанна говорила по-английски без акцента, но иногда ей приходилось подыскивать слова.— Только предварительно мы должны убедиться, что вы именно тот человек, который требуется. Нам нельзя допустить ошибку.

— Плевал я на все поручения! Зря тратите время.

— Разве вам не нужны деньги? Работа будет хорошо оплачена.

Керриден саркастически улыбнулся.

— Что значит «хорошо»?

Они смотрели друг на друга, и Керриден подумал, что их разделяет не просто стол, а целая пропасть. Непреодолимая пропасть. Этому не было логического объяснения: говорила интуиция. В девушке чувствовалась жестокость — такая жестокость, которая совершенно исключает жалость, любовь, сердечность. Несмотря на всю ее красоту, Керридену никогда бы не пришло в голову ухаживать за ней — она была сексуальна, как манекен. Оставалось только догадываться, какая жизнь превратила ее в камень.

— Возможно, тысячу фунтов,— спокойно произнесла Жанна.

Он посмотрел на одежду молодой женщины, на старый и грязный плащ Яна и ответил, смеясь:

— Вот именно — «возможно»!

— Я сказала тысячу фунтов. Половину сейчас, половину после окончания работы.

Керриден понял, что она не шутит, и это его удивило. Тысячу фунтов, огромная сумма!

— О какой работе идет речь?

— Вы готовы ответить на несколько вопросов, подтверждающих вашу личность? — снова спросила Жанна.

Она была спокойна и уверена в себе, словно привыкла приказывать и добиваться.

— Смотря какие вопросы.

Керриден лучезарно улыбнулся, показывая, что первый раунд за ней. К тому же вся эта загадочная история его искренне заинтриговала.

— Вы действительно Мартин Керриден, холостяк, тридцати трех лет?

— А что, с виду не скажешь?

Он поскреб подбородок и посмотрел на Яна. Поляк не сводил с него глаз, но, по крайней мере, опустил пистолет.

— У вас никогда не было постоянной работы,— продолжала девушка.— Вы занимались всевозможными спекуляциями и мошенничествами. Начали в семнадцать лет, обслуживали игральные автоматы в публичных домах. Потом стали боксером, выступали на ярмарках. Между двадцатью тремя и двадцатью пятью годами не бездельничали, зарабатывая себе на жизнь игрой на бильярде. Позднее устроились гидом, возили американских туристов в Париж и Берлин, свободно говорите по-французски и по-немецки. Когда все это вам надоело, вы стали телохранителем одного американского миллионера, который возомнил, что его собираются убить... Я не ошибаюсь?

— Кое-какие мелочи вы пропустили, но в общем все верно. Продолжайте,— сказал Керриден, порядком удивленный.

— Сейчас перейдем к мелочам.— Некоторое время Жанна молчала, глядя вниз на свои руки, потом резко вскинула голову.— В 1938 году некое лицо, связанное с министерством иностранных дел, поручило вам похитить у посла могущественной державы документы огромной важности, предупредив, что в случае неудачи никакой помощи со стороны официальных властей не последует. Вы согласились — за триста фунтов. И у раскрытого сейфа вас застал секретарь посольства... Пришлось его убить.

Жанна сделала паузу и вновь посмотрела на свои руки.

Керриден растерянно потер подбородок. Можно было подумать, что он не слушает.

— Вам удалось ускользнуть от преследования и передать документы по назначению. В течение двух месяцев полиция, не зная, что вы работаете на министерство иностранных дел, не спускала с вас глаз в надежде, что вы себя выдадите. Но вы были осторожны. Им так и не удалось получить достаточно доказательств, чтобы отправить вас за решетку. Верно?

Керриден беспечно улыбнулся.

— В 1939 году вы стали агентом британской секретной службы и объехали всю Европу, собирая информацию о подготовке немцев к войне. В Германии вас «засветила» полиция, и вы вернулись домой. Дело, которое вам затем предложили, вы не приняли и со службой в разведке порвали. Когда началась война, вы пошли в армию. После

ранения в Дюнкерке — в составе отряда особого назначения, отряда командос. Тоже верно?

— Продолжайте, если не лень. У вас недурно получается, — усмехнулся Керриден, удобнее устраиваясь в кресле.

— Вы совершили несколько рейдов в тыл противника, — помолчав, сказала Жанна. — Потом вам поручили более опасное дело — вы стали шпионом.

При слове «шпион» Керриден сжал губы, нахмурил брови и посмотрел на потолок. Даже теперь, спустя два года, он не любил вспоминать об этом.

— Вас много раз сбрасывали на парашюте во Францию и в Германию. Вы собирали ценные сведения, но, в основном, ваша миссия заключалась в ликвидации некоторых нежелательных лиц, двойных агентов, фашистских ученых, некой женщины, которая выпытывала у пленных информацию, иначе недоступную... Вы успешно находили этих людей и уничтожали их.

Слушая холодный и твердый голос Жанны, Керриден воскрешал в памяти прошлое. Женщина, которая заставляла пленных говорить... Она была прекрасна — миниатюрная, с нежной кожей и большими глазами. Стоило ей обнять вас, и кровь начинала бурлить в жилах, даже если вы знали, что это подлое создание, чье тело служит приманкой... Перед мысленным взором Керридена ясно возникло ее лицо, каким оно было, когда женщина поняла, что он собирается ее убить, лицо, сквозь красоту которого мгновенно проступили подлость, продажность, трусость. Керриден выстрелил ей в лицо, и пуля крупного калибра разнесла голову...

От воспоминаний его лоб покрылся испариной, сердце заколотилось. Это привело его в чувство. Керриден шевельнулся и посмотрел на девушку злыми глазами.

— Однажды вас поймало гестапо, — продолжала она. — Вас пытали, требуя, чтобы вы выдали товарищей и раскрыли свое задание. Но, несмотря на пытки, вы ничего им не сказали. Вам удалось бежать как раз в тот момент, когда союзники вошли в Германию. Четыре месяца вы провели в госпитале — залечивая раны, полученные в гестапо.

— Достаточно, — оборвал Керриден. — Чего вы от меня хотите? Что кроется за всем этим? Оставьте в покое мои личные дела, иначе я уйду отсюда.

— Еще немного, прошу вас. Это необходимо. После войны, не найдя себе подходящего занятия, вы уехали в Штаты и там провели год, подрабатывая контрабандой. Американской полиции не понравилась ваша деятельность,

но вам удалось ускользнуть от нее. Вот уже неделю вы в Лондоне, без гроша в кармане. Куда приложить свои силы, вы пока не знаете. Развлекаетесь понемногу, вымогая деньги у рэкетиров, но даже эти гангстеры находятся под покровительством полиции. Мы предлагаем вам сделку... Работу, которая принесет вам тысячу фунтов.

3

Вошел Ренли, держа руку в кармане. Он кинул быстрый взгляд на Керридена, потом небрежной походкой приблизился к Жанне.

— Ну, как дела? — спросил он с ободряющей улыбкой. — Мы немало о вас знаем, не правда ли?

— Если у вас уйма свободного времени, вы можете собрать еще множество других сведений, — сухо возразил Керриден.

Он сунул руку в карман, и Ян сразу наставил на него свой пистолет.

— Вынимайте руку — только медленно, — проговорил поляк напряженным голосом.

— Ради Бога! — пожал плечами Керриден, доставая из кармана пачку сигарет. — Я вообще все делаю медленно.

— Убери оружие, — велел Ренли Яну.

— Не уберу, — ответил тот. — Я ему не доверяю. Ты можешь думать, что хочешь, но я останусь при своем мнении.

— Есть еще один вопрос, который мы должны задать вам, прежде чем расскажем, в чем будет заключаться ваша работа, — сказала девушка, не обращая внимания на Яна.

— Повторяю, у меня нет к нему доверия... — вновь попытался вставить Ян.

— Замолчи! — повысила голос девушка. — Говорить буду я!

— Тебе даже пикнуть не дают, бедняжка, — иронично бросил Керриден поляку.

— Мне нужно задать вам еще один вопрос, — отчеканила Жанна, повернувшись к Керридону, и ее глаза заблестели.

— Валяйте! Ну?

Она заколебалась, потом посмотрела на Ренли.

— Спроси его ты.

— Разумеется... Пожалуйста, покажите нам свою грудь и спину. Надеюсь, вам ясен смысл просьбы. Видите ли, мы не совсем уверены, что вы — Керриден. У нас в досье нет

вашей фотографии. Зато известно, что у вас на спине и груди шрамы. А мы... мы хотим исключить всякую возможность ошибки.

Керриден приподнялся. Достаточно!.. Его глаза потемнели от гнева, губы сжались в прямую бледную линию.

— Не шевелиться! — рявкнул Ян, угрожающе поведя пистолетом. — Одно движение, и я стреляю! Я очень хорошо стреляю: могу по очереди отстрелить вам все пальцы. Я не шучу!

Взяв себя в руки, Керриден вжался в кресло.

— Думаете, я тут стану перед вами обнажаться? — насмешливо спросил он. Ему хотелось позлить Яна. — Убирайтесь к чертовой матери!

Наступило напряженное молчание. Потом Ян сделал шаг вперед, но Ренли схватил его за запястье.

— Довольно! — прикрикнул англичанин. — Все неправильно!.. Иди карауль Крю! Иди, тебе говорят!

Ян рассвирепел.

— Мы теряем время! — яростно заорал он. — Позвольте мне действовать! Этот тип расселся в кресле и издевается над нами! Дайте мне три минуты и я отучу его смеяться!

— Болван! — презрительно закричала Жанна. — Это ты-то — после того, что с ним сделало гестапо? Ты?

Поляк круто повернулся к ней. Его губы судорожно подергивались.

— Все это пустая болтовня... — начал он срывающимся голосом.

Больше он ничего не сказал. Керриден выскочил из кресла, вырвал у Яна пистолет и сильно ударил им его по голове. Двое остальных не успели даже пошевелиться. Поляк, шатаясь, сделал несколько шагов, уткнулся в стену и медленно сполз на пол. Жанна и Ренли молча смотрели на Керридена.

— Он прав! Довольно болтовни! Я сыт по горло. — Зловеще улыбаясь, Керриден сунул маузер в карман плаща и нагнулся за своей шляпой. — Честное слово, был момент, когда я боялся, что потеряю самообладание, — продолжал он. — Все, счастливо. Советую вам больше не встречаться мне на пути. В следующий раз я буду менее вежлив.

— Красивая работа, — восхищенно произнес Ренли. Он повернулся к Яну, который потирая голову, с трудом вставал на ноги. — Иди займись Крю. Ты уже достаточно натерпелся глупостей.

Не говори ни слова, Ян прошел в соседнюю комнату и с треском захлопнул за собой дверь. Керриден прова

направился было к выходу, когда вновь заговорил Ренли:

— Я должен извиниться перед вами, мы вели себя неправильно. И все же, может, поговорим, как деловые люди?

Керриден бросил взгляд через плечо.

— Вряд ли мы найдем общий язык.

— Жаль, — сказал Ренли. — Мы нуждаемся в вашей помощи и готовы как следует заплатить. Тысяча фунтов — это серьезно. Будьте благоразумны, по крайней мере, хоть выслушайте меня. Ян дурак. Он воображает, будто с помощью пистолета можно добиться всего. Я возражал с самого начала... Ну что мне сделать, чтобы убедить вас?

Керриден широко улыбнулся.

— Ладно, уговорили. — Он присел на подлокотник кресла, держа шляпу в руке и всем своим видом показывая, что готов уйти в любой момент. — О какой помощи идет речь?

— Нам надо удостовериться, что вы действительно Керриден, — быстро вставила Жанна. — Это крайне важно.

— Разумеется, — подтвердил Ренли. — Видите ли, если мы ошибаемся на ваш счет и будем говорить откровенно, нам грозят большие неприятности. Дело сугубо конфиденциальное. Один раз мы уже ошиблись. Этот тип, Крю, украл у меня бумажник с документами и решил нас шантажировать. Мы с огромным трудом его разыскали и теперь пришлось вот расположиться здесь, чтобы не выпускать его из виду. До сих пор мы не знаем, что с ним делать... Если вы действительно Керриден, то у вас на груди должны быть шрамы — следы работы гестапо.

Керриден выпустил из ноздрей струйку дыма, потом пожал плечами, снял пиджак, вынул запонки из манжет рубашки и закатал рукава. Кисти каждой руки, немного повыше запястья, опоясывал широкий белый шрам.

— По вечерам на меня надевали наручники, — пояснил он мрачным голосом. — И нагревали их, чтобы мне не было холодно... Этого достаточно?

Мужчина и женщина хладнокровно смотрели на шрамы — без жалости, без ужаса, а просто с любопытством.

— В гестапо не страдали избытком воображения, — заметил Ренли, дотрагиваясь до шрама на своем лице. — Мне это делали раскаленным штыком.

Керриден бросил на него внимательный взгляд.

— Вы тоже получили от них свою порцию?

— О, и я, и Жанна!.. Все верно, — сказал Ренли,

обращаясь к девушке.— Это действительно он. На шраме отпечаталась марка наручников.

— Хорошо,— произнесла Жанна.— В таком случае мы можем поговорить.

Ренли отошел от Керридена, взял из ящичка на камине сигарету и закурил.

— Дело необычное,— начал он, глядя на тлеющий кончик своей сигареты.— И очень опасное. Я не знаю никого, кто смог бы выполнить его лучше, чем вы. Мы сами уже пробовали, но тщетно. Если вы откажетесь, просто не представляю, кто этим займется.

— Так в чем же все-таки дело? — резко спросил Керриден.

— Нужно найти и уничтожить одного человека,— ответил Ренли.— И мы хотим поручить это вам.

Глава 3

1

«Вам заплатят тысячу фунтов. Половину сразу, половину после окончания работы».

Пока Керриден, сидя в кресле, слушал Ренли, эта фраза не переставала звучать в его ушах. «Половину сразу, половину после окончания работы...» Всякий раз разговор о рискованном деле начинался именно так. Репутацию удачливого исполнителя опасных операций Керриден завоевал себе без труда. Несколько преувеличенные слухи о его подвигах во время войны заставляли людей думать, что он — сорви-голова, которому море по колено. К нему обращались те, кто боялся рискнуть своей собственной шкурой... У каждого из них от денег оттопыривались карманы и одинаково блестяли глаза — маленькие глазки, похожие на пуговицы. Он слушал этих типов с таким же вниманием, как слушал сейчас Ренли, торговался с ними, поднимая цену, объяснял план будущих действий. Они по секрету доверяли ему свои тайны, делились своими страхами и радовались, что нашли верного человека — сильного, ни перед чем не останавливающегося, презирающего опасность. И все попадали под его обаяние, покупались на прямую и открытую манеру поведения и доверчиво выплачивали аванс... Понимание приходило позже, когда день или два спустя Керриден как бы случайно находил клиента и спокойно заявлял, что он передумал и советует найти другого

исполнителя или вовсе отказаться от дела. Некоторые храбрились и требовали деньги назад, но под холодным жестким взглядом теряли уверенность и делали вид, что шутят. Керриден отвечал всегда одно и то же: «Можете на меня жаловаться», — и не спеша уходил, засунув руки в карманы, надвинув шляпу на глаза, насмешливо улыбаясь.

«Половину сейчас, половину после окончания работы...»
Такого рода доходы позволяли ему недурно жить. И, слушая Ренли, он думал, почему бы и этому предложению не разделить участь предыдущих.

Только предложение, которое ему сейчас делали, не было похоже на предыдущие. И эти трое не были похожи на тех, кто прибегал к его услугам раньше.

Ренли обратился к Жанне:

— Думаю, лучше мне продолжить одному. Но если хочешь остаться...

Девушка вышла, даже не взглянув на Керридена, и тот, к своему удивлению, почувствовал, что комната с ее уходом опустела.

Ренли достал из шкафа бутылку виски и два стакана.

— Немного раповато, но, тем не менее, выпьем.

Он плеснул в стаканы и протянул один Керридену.

— Когда Жанны нет, я могу говорить свободно. В сущности, эта история выглядит бредовой... За ваше здоровье, — добавил он, поднимая стакан.

Керриден кивнул и сделал глоток. Если удастся вытащить из Ренли пятьсот фунтов, можно будет оплатить операцию для Эффи... У него потеплело на душе при мысли о том, как она обрадуется. Надо хорошо сыграть свою роль, и тогда есть шанс выйти из этой комнаты с деньгами в кармане.

— Да, необычная история, будто из книги, — задумчиво повторил Ренли. — Трудно представить себе, что она произошла в действительности. Между тем... Вам не показалось, что Жанна немного... странная?

— Вы все такие, — холодно ответил Керриден. — Забавная троица. Секретное общество, что ли?

— Что-то в этом роде, — улыбнулся Ренли. — Вы отлично поймете нас — сами прошли через все это. Потому мы и решили обратиться к вам. Знаем, вы нас не выдадите... даже если не согласитесь помочь.

— Не выдам, — подтвердил Керриден. — Но вовсе не обязательно приму вашу работу. Ближе к делу.

— Конечно. — Ренли помолчал немного, потом продолжил: — Мы трое — это все, кто остался от небольшой груп-

пы людей, которые участвовали во французском Сопротивлении. Вначале нас было десять, два француза — Пьер Гурвиль и Жорж, две француженки — Жанна и Шарлотта, два поляка — Ян и Любош и трое англичан — Гаррис, Мэллори и я.

— Понятно, — буркнул Керриден.

Такие небольшие группки были ему хорошо знакомы. Во время войны он часто по долгу службы имел дело с горстками патриотов, действующих самостоятельно и почти фанатично.

— В основном, мы пускали под откос поезда, — рассказывал Ренли. — Нам постоянно приходилось менять места, прятаться днем и выходить на операции по ночам. Мы проделывали чертовски сложную и трудную работу.

Его единственный глаз зажегся лихорадочным блеском.

— Нашим командиром был Пьер Гурвиль, человек необычайно отважный и сообразительный. Замечательный человек... Я не стану утруждать вас мелочами. Скажу только, что ради него мы были готовы на все, а без него ничего не могли сделать. Он отлично разбирался в людях, знал, кому что поручить и как оптимально использовать наши возможности. Он вдохновлял нас на самопожертвование... Жанна и Гурвиль любили друг друга, — тихо продолжал Ренли. — Они составляли единое целое, если можно так выразиться. Это была не просто любовь, а нечто большее: слияние двух умов, двух сердец, двух душ.

Он посмотрел на свой стакан и нахмурил брови.

— Из меня плохой рассказчик, но вы должны понять, это очень важно. Они жили друг для друга... И друг для друга не раздумывая умерли бы. Трудно передать...

— Ладно, ладно, — пробормотал Керриден, пытаясь скрыть свое нетерпение. — Ну, а потом, очевидно, кто-то из вас предал этого Гурвиля.

Ренли бросил на него пронзительный взгляд.

— Конечно, вам все равно, вы ведь не знали Пьера. Но в общих чертах... Да, именно так.

Керриден допил виски. Теперь ему было ясно, о чем пойдет речь. Предательство — не чудо на белом свете.

— Ну, а я-то чем смогу вам помочь?

— Сейчас объясню, — ответил Ренли. — Буду, насколько могу, краток. Жанна, Мэллори и я попались. Мы отправились на задание и по собственной ошибке были схвачены. Не стану докучать вам подробностями. В гестапо знали, что мы из группы Гурвиля. Нас допрашивали. Но

интересовались они только Пьером, так как пока он оставался на свободе, поезда шли под откос. Жанна и Мэллори присутствовали на моем допросе. — Он поднес руку к шраму и посмотрел на Керридена с честной улыбкой. — Я не продемонстрировал особого мужества. Я даже кричал, когда не мог перенести боль...

— Ничего удивительного, — вставил Керриден, нервно усмехнувшись.

— Да... Гестаповцы хотели знать, где скрывается Пьер, но мне удалось вытерпеть все... Наконец, они устали. Надо сказать, что я был не в лучшей форме. Тогда они занялись Жанной. Я не сомневался, что от нее им ничего не добиться, но они думали иначе и старались всюю. А потом вновь взяли за меня. Я потерял сознание... Позже Жанна рассказала мне, что произошло. — Неожиданно он встал и начал ходить по комнате. — Не могу понять!.. Мэллори сознался. Не успели они за него взяться, как он заявил, что скажет все.

Воспоминания разволновали Ренли. Его лицо выражало адскую муку.

— Мне выкололи глаз, а рука была в таком плачевном состоянии, что ее пришлось ампутировать. Что касается Жанны... Сами понимаете, что с ней вытворяли. Сколько же мы вынесли, и подумать только — зря.

Он подошел к окну и посмотрел на улицу.

— Когда со всем этим было покончено, нас троих поместили в одну камеру. Я сходил с ума от боли. Жанна истекала кровью. Мэллори держался в стороне и выглядел спокойным... Жанна буквально бросалась на него! Она плакала, кричала, поносила его последними словами. Мэллори же только один раз открыл рот, чтобы сказать: «Ну неужели вы не понимаете, идиоты! Они бы мучили нас до тех пор, пока кто-нибудь не заговорил бы. Пьер поймет — это превратности войны».

Керриден слушал вполуха. Он раздумывал. Пятьсот фунтов! А может, и больше. Надо поторговаться. Да, почему бы не поднять цену?

2

— Нужно рассказать вам некоторые подробности о Мэллори, — продолжал Ренли, снова наполняя стаканы. Керриден заметил, что его рука дрожит. — Брайан Мэллори был пилотом и попал к нам, убежав из лагеря для военнопленных. Парень — выше всяких похвал. Красивый, реши-

тельный, неунывающий, до войны, как видно, хорошо обеспеченный... К нему сразу чувствовалось доверие. Он совершил фантастический побег, убив двух часовых, неделями спасаясь от преследования... Пьер не раз говорил, что Брайан — лучший член нашей группы, а Гурвиль понимал толк в людях. Мэллори был очень отважен и будто шутя ходил на самые рискованные операции. Мы считали его сильным и верным человеком.

— Я встречал немало таких типов, — заметил Керриден. — Они великолепно держатся, пока не запахнет жареным. Тогда они буквально преображаются — нет внутреннего стержня.

— Этого нельзя сказать о Мэллори, — возразил Ренли. — Его хватало десять раз, и всегда ему удавалось выпутаться. Один Бог знает, что с ним случилось в ту ночь. Хотел бы я понять... Он выдал убежище Пьера, а с ним там были Шарлотта и Жорж. К счастью, Любош, Гаррис и Ян отсутствовали — ушли на задание. Однако Мэллори дал гестаповцам их подробное описание. Он выложил все, что знал.

— Когда это было?

— Приблизительно полтора года назад. О, мы долго не могли решиться. Кроме того, мешали и другие обстоятельства, к примеру не хватало денег. В какой-то момент казалось даже, что ничего у нас не выйдет, но, в конце концов, все утряслось.

— Гурвиля взяли?

— Да. Жорж и Шарлотта были убиты во время перестрелки, но Пьер, к сожалению, достался им живым. Он умер после двух недель пыток.

— Что случилось с вами?

— Нам повезло. На тюрьму упала бомба. Удалось бежать из руин...

— А Мэллори?

— Он тоже убежал. Причем первый — мы были слишком слабы, чтобы поспеть за ним.

— И теперь вы хотите его прикончить?

— Да. Жанна очень долго болела. Она чуть не лишилась рассудка, и спасла ее лишь жажда мести, желание найти Мэллори. Мы поклялись поквитаться с ним и своего добьемся. Любой ценой. Это дело чести.

— Но какова моя роль? — поинтересовался Керриден, с удовольствием вытягивая свои длинные ноги.

— Это я предложил нанять вас, — признался Ренли. — Мои товарищи согласились, однако до конца вам не до-

веряют. Видите ли, Ян был мужем Шарлотты, и у него, как и у Жанны, есть личные причины для поисков Мэллори. Мое положение не такое, но я связан с ними словом.

— А где двое других?

— Они погибли,— спокойно ответил Ренли.— Мэллори убил их на прошлой неделе.

Глаза Керридена зажглись неожиданным интересом.

— На прошлой неделе? Вы хотите сказать, здесь... в Лондоне?

— Да.— Ренли вновь стал мерить комнату шагами.— Мы недооценили Мэллори. Знали, что найти его будет трудно, но считали, что пятером-то уж справимся. Брайан — первоклассный стрелок, силен, быстр, опасен, как тигр. И охота на людей ему знакома. Но и мы не новички в этом деле: кроме того, нас было пятеро... Теперь в успехе приходится сомневаться. Нас осталось лишь трое, где Мэллори — неизвестно. Гаррис получил кое-какие сведения, пошел по указанному адресу и не вернулся: его труп вытащили из какого-то пруда в Уинблдоне. Хотя ничего нельзя доказать, мы-то знаем, что убийство — дело рук Мэллори. Любош также напал на след. Его тело было найдено на железнодорожном полотне, обезображенное поездом. Смерть в результате несчастного случая, по мнению полиции... После этого я уговорил Жанну проявить благоразумие. Нам требуется помощь постороннего. Мэллори знает, что мы хотим его смерти. Он защищается и пока что выигрывает. Теперь нужно, чтобы за ним охотился кто-нибудь ему неизвестный. Мы навели справки и вышли на вас. Найдите его, остальное — за нами. Однако предупреждаю: если хотите победить, нужно действовать быстро. Мэллори может не дать вам возможности связаться с нами и вам самому придется вступить с ним в бой. Поэтому мы платим тысячу фунтов.

— Значит, речь идет об убийстве? — вежливо поинтересовался Керриден. — Вы отдаете себе в этом отчет?

— А вы, казнив Марию Гауптман и других предателей, считаете себя убийцей? — тихо спросил Ренли.

— Нет. И знаете, в чем разница? То были узаконенные убийства. А если я кого-нибудь убью сейчас, меня арестуют, будут судить и, скорее всего, повесят.

— Можно представить это несчастным случаем или самоубийством,— сказал Ренли.— Как поступил Мэллори, избавившись от наших товарищей.

Керриден глотнул виски. Он делал вид, что разду-

мывает. На самом деле, решение давно было принято.

— Теперь взглянем на проблему с моей стороны,— произнес он.— Вы хотите, чтобы я таскал для вас каштаны из огня. Лично у меня против этого типа ничего нет. Такие люди встречаются часто. Стрелять в человека на войне и стрелять теперь — это разные вещи.

Ренли, нахмурившись, потушил сигарету. Глубокие морщины прорезали его лоб и сошлись над переносицей.

— Не будем ходить кругами,— проговорил он неожиданно резким голосом.— Да или нет?

— Только не за тысячу фунтов.

Лицо Ренли просветлело.

— Значит...

— Значит, я готов выполнить все, что угодно,— оборвал его Керриден,— но за разумную сумму. Вы хотите, чтобы я рисковал своей жизнью. Тысячи для этого мало. Никто не даст гарантии, что Мэллори не перехитрит меня, и я не разделю участь тех двоих. Или другой вариант, мне все удастся, но я допускаю ошибку — тогда меня ждет веревка.

— Понимаю. В сущности, вы правы. Жаль, что мы не богаты,— наивно сказал Ренли.— При всех обстоятельствах больше полутора тысяч мы заплатить не можем. Да и то сами остаемся на мели.

У однорукого англичанина было открытое честное лицо и Керриден понимал, что он говорит правду. Спор ни к чему не приведет. Торг закончился, так и не успев настоящему начаться.

Керриден подумал немного, потом пожал плечами.

— Хорошо, согласен на полторы тысячи. Откровенно говоря, мне хотелось вытянуть из вас больше.

— Увы! — смеясь, ответил Ренли.— Практически это все, что у нас есть. Поэтому я и выложил карты на стол. Мне еще нужно посоветоваться с остальными — вдруг не согласятся?

— Что ж, советуйтесь. И учтите: половину суммы сейчас, половину после окончания работы,— сказал Керриден, с трудом удерживаясь от улыбки.

3

Вошел Крю — Ренли выгнал его из комнаты, чтобы он не мешал разговору с Яном и Жанной. При виде Керридена, небрежно развалившегося в его кресле и улыбающегося, он испуганно вздрогнул.

— Ты бы лучше сел... И перестань трястись,— сказал ему Керриден.— Меня попросили присмотреть за тобой.

— Что они собираются делать? — скороговоркой пробормотал Крю. В его глазах затаился ужас.— Что они собираются со мной делать, не знаешь? Ты тоже участвуешь в их игре?

Керриден закурил сигарету и выпустил в Крю облако дыма.

— Может, и участвую... У меня нет ни малейшего представления, что с тобой собираются делать. Да мне и плевать. Ты, видно, спятил, раз хотел их шантажировать.

— Да,— согласился Крю, вздрогнув.— Но я же их не знал... Это девица способна на все.— Он кинул боязливый взгляд на дверь.— По-моему, она сумасшедшая.

— Иностранцы, конечно, непредсказуемы, но я не делал бы столько далеко идущих выводов.

— Вот уже четыре дня, как они сидят здесь,— проговорил Крю, сжимая и разжимая кулаки.— Я под постоянным надзором, не могу и шага ступить. Словно в тюрьме... Просто невыносимо.

— Не нужно было лезть в их карманы.

Крю отшатнулся, его лицо залилось краской.

— Они тебе рассказали, да? Я остался без денег,— начал оправдываться он.— А у них вообще нет права находиться в нашей стране!.. Их документы не в порядке. Я... я хотел лишь пятьдесят фунтов.

— Лучше бы ты оставил их в покое,— назидательно сказал Керриден, которому до смерти надоело его ныть.— На меня можешь не рассчитывать, я тут ни при чем. Ты сам напророчился на неприятности.

— Думаешь...

Крю не закончил фразу, боясь сформулировать мысль, которая терзала его на протяжении сорока восьми часов. Он бросил на Керридена отчаянный взгляд и забегал по комнате.

— У меня совсем расшатались нервы. Если бы я знал, чего они хотят! Они ведь не собираются... — Он вновь остановился, закусил губу и внимательно посмотрел на Керридена.— Они не доверяют мне, вот что меня тревожит! Чего они боятся? Я дал им слово и даже предложил поклясться на Библии.

— У тебя в доме есть Библия? — насмешливо спросил Керриден.

— Нет, но они могли бы купить ее,— с серьезным видом ответил Крю.— Я бы оплатил этот расход...— Его

голос дрогнул.— Мне не доверяют! Что делать?!

Керриден с трудом удержался от зевка.

— Можешь плеснуть мне еще немного виски. Между прочим, это твоя бутылка или их?

— Просто невероятно! — продолжал Крю, делая вид, будто не слышит вопроса.— Надо же влипнуть в такую историю! Я и не думал, что все может так кончиться... Они хотят пришить какого-то Мэллори.— Нервный тик передернул его щеку.— Это убийство, но им плевать. И девушка еще похлеще тех двоих. Тебе не кажется, что она каменная?.. Я никогда таких не встречал.— Крю резко повернулся и заломил руки.— Не могу отделаться от мысли, что они хотят меня убить,— простонал он.— Понимаю, глупо так думать, но я представляю себя на их месте... Они собираются убить Мэллори, так почему бы им не убить и меня? Крю стремительно подошел к Керридену.

— Не могу больше спать, нервы ни к черту,— пожаловался он, судорожно дыша.

— Лучше выпей со мной,— сказал Керриден, вставая.— Посмотри, на кого ты похож.

— Думаешь, мне конец? — Крю вытер лоб скомканным грязным платком.— Этот безумный поляк... Он все время так на меня смотрит, будто собирается стереть в порошок!

Керриден налил изрядную порцию виски, добавил немного содовой и сунул в руку Крю.

— Не будь идиотом,— проговорил он.— Успокойся. Ничего с тобой не случится.

Стакан застучал о зубы Крю.

— Хотел бы я быть в этом уверен,— вздохнул он, залпом выпив виски.— Если так будет продолжаться, я сойду с ума. Они все время смотрят на меня. А она... она хуже всех. Бешеная. Ты не представляешь.

Вошли Ренли и Жанна. Крю испуганно попятился.

— Не откажите в любезности, составьте компанию Яну,— произнес Ренли спокойным голосом.— Поверьте, мне искренне жаль так часто вас беспокоить, но ведь в этом есть и доля вашей вины, не так ли?

— Нет, я отказываюсь! — заорал Крю, отступая назад.— С меня довольно! Вы не имеете права! Убирайтесь!.. Уходите отсюда, умоляю вас!

На его глазах выступили слезы, и в это время вошел Ян.

— Идем,— сказал он.

Обессиленный Крю, словно автомат, медленно побрел через комнату. Ян последовал за ним и закрыл за собой дверь.

— Он уверен, что вы собираетесь его прикончить, — насмешливо произнес Керриден. — Вероятно, заморочил себе голову полицейскими романами.

— Мы решили выплатить требуемую вами сумму, — проговорила Жанна, будто не слыша предыдущей реплики.

Удивленный и несколько сбитый с толку, Керриден забыл про Крю. Он ожидал долгой торговли.

— Половину сейчас и половину после окончания работы?

— Да, — ответила девушка.

Керридену почудилось что-то неладное, и сразу же проснулись подозрения: уж больно все гладко. Вероятно, где-то расставлена ловушка. Или он переоценил противника? Керриден замер в кресле, поглаживая свой стакан и не сводя глаз с Жанны.

Девушка стояла посреди комнаты, засунув руки в карманы брюк, ее лицо было непроницаемым. Ренли отрешенно глядел в окно.

— Отлично, — сказал Керриден. — Теперь выкладывайте подробности, и я займусь делом. Мне понадобится фотография или хорошее описание этого парня. Вы знаете, где он может находиться?

— Боюсь, что фотографии у нас нет, — ответил, поворачиваясь, Ренли. — Зато есть точное описание. Что касается местонахождения... В наших руках две нити: Гаррис и Любош воспользовались ими и в конечном итоге нашли Мэллори. Вам придется сделать то же самое. Только советую проявлять предельную осторожность, а не то как бы с вами не случилось того же, что и с ними.

Керриден широко улыбнулся. Пока Ренли говорил, он все время чувствовал на себе взгляд Жанны. Настороженность этого взгляда заставляла его быть начеку.

— Обещаю. Итак, что же это за нити?

— Сперва им казалось, что найти Мэллори будет нетрудно. Однако он тщательно замел все следы. Мы пытались вспомнить подробности наших с ним бесед, но он очень мало рассказывал о себе. Мы знаем лишь адрес тетки Мэллори, который он дал нам на случай своей смерти, и имя его подружки. Его тетка живет в Букингемшире, около Уэндовера. Любош поехал, чтобы повидаться с этой женщиной... и остался на рельсах между Уэндовером и Грейт-Миссенденом. Похоже, в то время, когда к ней пришел Любош, там находился Мэллори. Что касается его подружки, то ее зовут Рита Аллен и работает она в уни-

вермаге на Риджент-стрит, в галантерейном отделе. К ней приходил Гаррис — и на следующий день его нашли в пруду в районе Уимблдона. Возможно, она живет где-то там рядом. Вот те две нити, которыми мы располагаем. И вам придется ими воспользоваться.

— В надежде, что хоть одна из них приведет меня к этому парню,— закончил Керриден. Он допил виски и поставил стакан на стол.— Хорошо. Посмотрим, что можно сделать. Я буду держать вас в курсе событий.

— Мы еще не знаем, останемся здесь или нет,— сказал Ренли.— Видно будет...— Он кинул быстрый взгляд на Жанну.— Зато мы знаем, где найти вас. Не бойтесь потерять с нами связь,— добавил он со смехом.— Это вам не удастся, даже если вы очень захотите.

Намек был слишком ясен, и никакая улыбка не могла скрыть таившуюся в нем угрозу.

Керриден рассмеялся.

— О, я не собираюсь спастись бегством!..— И поднявшись, добавил с напускным энтузиазмом: — Пора идти. Дело кажется интересным. Надеюсь, я вас не разочарую.— Он сунул руку в карман плаща и вытащил маузер. Жанна и Ренли окаменели при виде оружия, но заметно успокоились, когда Керриден положил пистолет на стол.— Оставляю его вам. Вдруг пригодится вашему приятелю в берете. А у меня есть свой собственный.

Ни Жанна, ни Ренли не сказали ни слова.

— Давайте описание этого парня.

Ренли вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт.

— Здесь все, что надо.

— Все? Деньги тоже? — с улыбкой поинтересовался Керриден.— Он ощупал конверт и покачал головой.— Денег нет! Мы ведь договорились: половина сейчас, не так ли?

Жанна вытащила из шкафа старый кожаный портфель.

— Вы согласны дать нам расписку?

— Что-что? — переспросил Керриден, думая, что ослышался.

— Вы согласны дать нам расписку? — невозмутимо повторила девушка.

— Ну, разумеется!

Керриден был потрясен подобной наивностью. Эти люди не имеют права находиться в стране, их документы не в порядке. И, тем не менее, они надеются на какую-то расписку...

Ренли протянул ему бумагу и ручку.

— А деньги? — напомнил Керриден.— Вы не могли

бы положить их на стол? Я, конечно, вам доверяю, но дело есть дело, не так ли?

Жанна бросила на стол три пачки купюр и замерла, касаясь пальцами рукоятки маузера, готовая выстрелить при первом подозрительном движении. Керриден выдвинул стул и сел.

— Если бы я хотел обмануть вас, то не отдавал бы пистолет, правда?

— Пересчитайте деньги,— сухо сказала она.

— Только не надо одолжений, вы сами просили меня согласиться,— подчеркнул Керриден, уязвленный презрением, сквозившим в ее взгляде.— Не я вас искал. Надеюсь, вам ясно, что всякая работа должна быть оплачена?

— Пересчитайте деньги! — еще холоднее отчеканила Жанна, и в ее глазах вспыхнул огонек.

Пожав плечами, Керриден быстро проверил деньги.

— Все точно,— сказал он, расписываясь на листке бумаги. Потом сунул банкноты в портфель, зажал его под мышкой и встал.— Не встретиться ли нам завтра вечером в «Аметисте»? К тому времени будут какие-нибудь новости.

— Хорошо,— сдержанно проговорил Ренли.— Мы рассчитываем на быструю работу. Для нас эти деньги много значат.

— Представьте себе, для меня тоже,— парировал Керриден, не сумев скрыть усмешки.

— Мы полагаемся на вашу честность,— напомнил Ренли.

— Конечно,— сказал Керриден,— но это не мешало вам взять у меня расписку,— добавил он, взглянув на Жанну.

Девушка молча и пристально смотрела на него. Ее большие темные глаза были задумчивы, губы плотно сжаты.

— До встречи.

Она не шевельнулась. Керриден сделал несколько шагов и у самой двери обернулся. Ренли убирал расписку. Жанна застыла у стола, держа руку возле пистолета. Атмосфера была напряженная, но не настолько, чтобы напугать Керридена. Деньги у него в руках!.. Все получилось до нелепости просто и как никогда легко. Естественно, когда эти люди прозреют, они начнут ему угрожать, но Керриден привык к угрозам и был уверен, что дальше дело не пойдет. И Ян со своим маузером не пугал его. Если эта троица окажется слишком надоедлива, стоит только шепнуть несколько слов Зани, и все будет в порядке. Зани с радостью передаст информацию полиции, особенно такую, которая не касается его клиентов. Он преподнесет их Зани, как на тарелочке.

— Итак, до свидания,— повторил Керриден и через маленькую прихожую вышел на лестницу.

Семьсот пятьдесят фунтов! Теперь операция для Эффи обеспечена.

Пожилой торговец занимался оформлением витрины лавки: толстыми неуклюжими пальцами старался воздвигнуть пирамиду из сигаретных пачек. Он поднял голову, и их взгляды встретились. Проходя мимо, Керриден подмигнул ему.

Глава 4

I

Керриден никогда не жил подолгу на одном месте и поэтому не мог похвалиться уютным гнездышком. После возвращения в Лондон он занимал трехкомнатную квартиру над гаражом, расположенным позади больницы Святого Георгия. Квартиру он снял с мебелью, чистоту и порядок поддерживала проходящая каждый день прислуга, а питался он всегда вне дома, так что маленькой, скудно обставленной кухонькой практически не пользовался.

В комнатах было темно и сыро, постоянный грохот машин, лай собак и другие уличные шумы не утихали ни на минуту, не давали сосредоточиться. Окно спальни, тоже темной и сырой, выходило на высокую, загораживающую свет стену. Но отсутствие покоя и уюта мало тревожило Керридена: он просто не замечал своего окружения. Квартира — это место, где спят, как таковая, она отвечала своему назначению и, кроме того, имела определенные преимущества: находилась неподалеку от Уэст-Энда, все ее окна были забраны решетками, а дубовая дверь запиралась на тяжелый засов. Все остальные помещения дома занимали различные конторы. В шесть вечера служащие уходили, и до девяти утра Керриден оставался один, как в крепости, — вдали от взглядов и любопытствующих ушей.

Керриден вернулся домой раньше, чем обычно. Он пообедал в маленьком ресторанчике, дошел не спеша по Пикадилли до Гайд-Парк-Корнер¹ и оказался у себя немногим раньше девяти. Отпирая дверь, он услышал перезвон «Биг Бена»² и остановился, чтобы подсчитать удары. Эти звуки неизменно будили в нем ностальгические чувства,

¹ Гайд-Парк-Корнер — площадь в Лондоне, примыкает с юго-востока к Гайд-Парку; считается самым шумным и перегруженным перекрестком в Великобритании.

² «Биг Бен» — колокол часов-курантов на здании парламента в Лондоне.

вызывая в памяти военную Францию, укрывшись в каком-нибудь потайном месте, он слушал девятичасовой выпуск новостей из Лондона и успокаивал себя мыслью о том, что «Биг Бен» на месте, и будет на месте завтра...

Когда прозвучал последний удар часов, Керриден вошел в квартиру, запер дверь на ключ и засов, включил свет и поднялся по крутой лестнице в гостиную. Сырой затхлый воздух и стерильная чистота напоминали приемную в лечебнице для неимущих.

Прежде чем снять плащ, Керриден опорожнил карманы и обнаружил конверт, который дал ему Ренли; он совсем забыл о нем. Керриден небрежно расправил конверт, прошел в спальню, зажег свет, закурил и повалился на кровать, с удовольствием вытянув ноги. Удачный день — семьсот пятьдесят фунтов!.. Он отнес эти деньги в банк — кассир еще бросил на него удивленный взгляд, — а потом отправился в некий симпатичный домик в Кенсингтоне¹, где жил хирург, специалист по пластическим операциям, у которого он лечился после гестапо. И рассказал об Эффи. «Мне плевать, сколько это будет стоить, доктор. Только сделайте». Хирург согласился.

Керриден позвонил Эффи, сообщил о назначенном приеме у врача и торопливо повесил трубку, стесняясь выслушивать восторженные слова благодарности.

Еще он встретился с одним человеком в Уайтчепеле² и с другим человеком на Балхем-Хай-стрит, и два маленьких пакета, тайком привезенные из Америки в подкладке плаща, перешли из рук в руки. На автобусе вернулся в Уэст-Энд, пообедал и пошел к себе. Теперь, лежа на постели, и устремив глаза в потолок, он чувствовал себя удовлетворенным.

В тиши комнаты, за надежными стальными решетками, Керриден вдруг вспомнил о Жанне Персиньи. Интересно, что она сейчас делает?.. Завтра вечером в клубе он скажет ей, что не намерен браться за эту работу. Можно вообразить их реакцию! В глазах Жанны вспыхнут презрение и ярость. Ренли смутится, как человек, случайно уличивший друга в неприличном поступке. Ян схватится за маузер...

Керриден криво усмехнулся: пускай судятся! Что они могут?..

Он вспомнил про конверт Ренли, открыл его и стал рассеянно читать машинописный текст. Ему было неинтересно.

¹ Кенсингтон — фешенебельный район на юго-западе центральной части Лондона.

² Уайтчепел — один из беднейших районов Лондона.

Ну кто такой Мэллори? Ничего не значащее имя... Керриден читал от скуки — надо же чем-то заняться перед сном.

«Брайан Мэллори: Родился 4 февраля 1916 года. Рост — метр восемьдесят шесть. Вес — восемьдесят пять килограммов. Волосы темно-каштановые, глаза карие, кожа светлая.

Особые приметы: голос вследствие ранения во время бегства из лагеря — тихий, сдавленный. Не в состоянии кричать, но говорит отчетливо и ясно.

Привычки: когда злится, имеет обыкновение бить правым кулаком в ладонь левой руки. Когда доволен, потирает руки. Сигарету держит всегда между большим и указательным пальцами. Спички зажигает о ноготь большого пальца. Гордится своей невозмутимостью, смеется и улыбается редко».

Керриден нетерпеливо хмыкнул и заглянул наугад на следующую:

«Единственная родственница — тетка, мисс Хильда Мэллори, воспитывала его с четырехлетнего возраста после смерти матери. С отцом отношения были плохие, встречались редко. Тем не менее, отец сделал своим наследником и оставил большое состояние...»

Керриден зевнул и, скомкав листки, бросил их в угол комнаты.

«Надо раздеться и лечь по-настоящему», — подумал он, закрывая глаза. Прошло несколько минут. Он не шевелился. Его лицо постепенно разгладилось и утратило выражение жестокости. Керриден заснул.

2

Ему снилось, что на краю постели, сложив на коленях изящные белые руки, сидит Мария Гауптман. Ее лицо разбито и окровавлено — как тогда, когда она лежала мертвая у его ног. Она пытается что-то сказать, но от ее головы остались лишь широко раскрытые глаза над зияющими провалом с несколькими торчащими зубами. И все же он твердо знает: она пытается что-то сказать.

Не первый раз ему снился этот сон, и всегда у него складывалось впечатление, что Мария собирается сказать что-то очень важное... Но она ничего не говорила — просто сидела на постели, вселяя в его сердце ужас; сидела и не уходила.

Керриден проснулся от стука в дверь. Он с трудом оторвал голову от подушки, чувствуя, как ноют челюсти, — опять во сне скрипел зубами — и прислушался. Когда стук повто-

рился, он бесшумно скользнул в гостиную, не зажигая света, отодвинул занавески и выглянул в окно. Она едва виднелась в лунном свете — стояла все в тех же черных брюках и черном свитере, засунув руки в карманы, с непокрытой головой, с сигаретой в зубах.

Керриден застыл на миг, не сводя с нее глаз, потом включил свет и спустился по лестнице. Он понятия не имел о причинах столь позднего визита, но открыл дверь, не колеблясь.

— Входите. Вы одна?

— Да, — ответила Жанна, ступив в маленькую прихожую.

— Поднимайтесь наверх, — Керриден закрыл дверь, но лишь после того, как выглянул во тьму и убедился, что Ян или Ренли не прячутся в тени поблизости.

Жанна поднималась по лестнице, а он следовал за ней, глядя на ее прямую спину, на покачивающиеся бедра. Девушка вошла в гостиную и остановилась возле камина.

— Что привело вас сюда в такой поздний час? — спросил Керриден с порога. — Я уж собирался ложиться — плохо выспался прошлой ночью.

Она отвела от него взгляд и стала рассматривать комнату — ничего не упуская, впитывая каждую деталь. Наблюдая за ней, Керриден впервые обратил внимание на убогую скудость обстановки, на потертый ковер, кресло с выпирающей пружиной, старый, с пятнами, стол...

— Выпьете немного? — резко спросил он, сняв с полки бутылку джина. — Где-то должен быть и вермут.

Керриден скрылся на кухне, раздраженный тем, что ему понадобился предлог уединиться, прийти в себя от его тревожащего присутствия. Когда он, найдя вермут, вернулся в комнату, беспокойное чувство улеглось, но скованность и напряжение остались.

Жанна все так же стояла у камина — безмолвно, недвижно, настороженно. Насвистывая сквозь зубы нехитрый мотивчик, Керриден смешал коктейль и поставил на стол бокалы.

— Чувствуйте себя, как дома. Эту дыру, конечно, трудно назвать домом, но лучшего у меня нет. — Он сел в кресло, и то затрещало под его тяжестью. — За ваше здоровье! — Керриден сделал глоток и поморщился. — Паршивый вермут, надо сказать...

Девушка будто не замечала предложенного бокала.

— У вас обыкновение давать слово и нарушать его, так ведь?

Керриден не ожидал такой прямой атаки и на мгновение опешил, но потом рассмеялся.

— Вы узнали обо мне практически все! — Он вытянул свои длинные ноги. — Это верно. Я не всегда выполняю обещания.

— Вы беретесь за определенную работу, получаете деньги и затем бросаете порученное дело, — продолжала она. — Весьма легкий способ зарабатывать на жизнь, правда?

Керриден кивнул.

— Да. Порой даже слишком легкий. — Он ответил беззаботно, но был удивлен ее спокойствием. Он предполагал, что девушка в ярости бросится на него, и в глубине души был бы рад, если бы она так поступила. Он чувствовал бы себя увереннее.

— И у тех, которые вам платят, не остается никакой надежды?

— Ни малейшей, — весело согласился Керриден. — Дела, которые мне предлагают, обычно не терпят огласки. Но, разумеется, у вас есть моя расписка, можете подать на меня в суд, — добавил он и рассмеялся.

Жанна погасила окурки, взяла коктейль и долго смотрела на Керридена поверх бокала. Он приготовился уворачиваться, думая, что она выплеснет содержимое ему в лицо. Но вместо этого девушка одним глотком осушила полбокала, подошла к дивану и села.

— Полагаю, Крю сообщил вам, что наши документы не в порядке? И, следовательно, мы не имеем права находиться в Англии?

— Между прочим, да. Я еще отметил, что с вашей стороны несколько рискованно рассчитывать на мою расписку.

— Вы не собираетесь искать Мэллори, не правда ли?

Ситуация складывалась не так, как обычно, но, в конце концов, Жанна просто приблизила момент объяснения, который все равно неизбежен. Немного раньше, немного позже — какая разница.

— Разумеется, не собираюсь, — спокойно ответил Керриден. — Если он вам так нужен, убивайте его сами. Нельзя же всерьез ожидать, что я убью незнакомого человека лишь потому, что вы на это неспособны?

— И все же вы приняли наши деньги?

— Я никогда не отказываюсь от денег.

Керриден достал из кармана пачку сигарет и предложил девушке. Жанна сделала шаг и взяла сигарету. Он заметил, что ее тонкая рука не дрожит.

— А кто их просит обращаться? — продолжал Керриден. — Оставили бы меня в покое.

Жанна откинулась на спинку дивана и безмятежно скрестила ноги. Это необычайное спокойствие начало смущать Керридена.

— Вы отлично перенесли удар, — произнес он, желая вывести ее из себя. — Потерять такие деньги — нешуточное дело.

Впервые за время их встречи девушка улыбнулась.

— Вы думаете, я дура, правда?

— Нет, — смеясь, возразил он. — Но, пожалуй, чересчур наивны.

— Потому что я попросила расписку?

— Ну, вы же не сможете получить по ней.

— Разумеется. Я это знала. И попросила дать ее совсем по другой причине.

Керриден насторожился. Не ошибся ли он в оценке этих людей? С самого начала ему казалось, что все идет слишком гладко. Но что они могут сделать? Деньги в банке...

— Что же это за причина?

Жанна допила коктейль и протянула бокал.

— Налейте мне еще.

Пока Керриден с удивлением готовил новую порцию, девушка продолжала:

— Я пришла, чтобы уговорить вас найти Мэллори.

Он посмотрел на нее через плечо, недоуменно вскинув брови.

— Полагаете, вам это удастся?

— Вы же не откажетесь? — Жанна подалась вперед. — Он предатель и заслуживает смерти. Два года назад вы не жалели предателей.

— Предатель он или не предатель — мне плевать, — сказал Керриден, протягивая ей бокал. — Я выполнял приказы. Мои личные чувства к тем или иным мужчинам и женщинам не имели никакого значения.

— Вы бы не колебались, если бы знали Пьера, — проговорила она и с такой силой сжала кулак, что ее пальцы побелели.

— Да, но я его не знал, — Керриден вновь сел в кресло. — На свете сотни подобных Пьеров. И только потому, что вы были любовниками...

Жанна вскочила с места, опрокинула бокал. Ее глаза метали молнии.

— Вы будете искать Мэллори или нет? — угрожающе потребовала она.

— Ну, конечно, нет,— небрежно ответил Керриден, снова обретя уверенность.— Таскать каштаны из огня? Извольте сами.

— Это ваше последнее слово? — вскричала девушка. Она изо всех сил пыталась совладать с обуявшей ее яростью. Ее грудь судорожно вздымалась, лицо побелело и стало похоже на восковую маску.

— Безусловно. И вы ничего не сделаете. У вас есть моя расписка, но обращаться в суд вы не посмеете. Есть еще Ян со своей хлопушкой, но мне он не ровня, и вы это знаете. Вы мне не страшны, все трое! Деньги у меня, и я не собираюсь их вам отдавать. Вот и все.

Жанна неожиданно отвернулась, спрятав от него лицо, и простояла так неподвижно несколько секунд; потом подошла к дивану. Когда она села, Керриден заметил, что к ней вернулись сдержанность и хладнокровие. Он напрягся, не зная, чего сейчас ожидать.

— Я с самого начала чувствовала, что так будет. Но Ренли все время твердил, что верит вам.

— Он слишком доверчив,— согласился Керриден, пристально наблюдая за девушкой. Он больше опасался ее спокойствия, чем гнева.— Ренли судит о других по себе, а это большая ошибка.

— Да, большая ошибка.— Жанна отвернулась и стала рассматривать висящую над камином гравюру.— Однако на сей раз вам придется идти до конца. Конечно, мы предпочли бы ваше добровольное содействие, но, к сожалению, это невозможно, и нам остается лишь силой заставить вас выполнить обещанное.

— Смелое заявление! — Керриден искренне рассмеялся.

Она впиалась в него горящим взглядом.

— Это не пустые угрозы. Мы поручили вам найти Мэллори, и вы его найдете.

— Интересно, откуда такая уверенность?

Жанна помолчала немного, выдержав драматическую паузу, и, не сводя с него глаз, произнесла:

— Крю мертв.

3

Керриден вспомнил слова Крю: «Не могу отделаться от мысли, что они хотят меня убить. Я представлю себя на их месте...»

От такого удара Керриден не сразу мог опомниться: по

спине потекла струйка холодного пота. «Неужели я их недооценил? Или она лжет?»

Жанна закурила сигарету, когда Керриден, наконец, взял себя в руки и резко спросил:

— Какое мне дело, жив он или мертв? У меня нет ничего общего с этим типом.

Она откинулась на спинку дивана и небрежно постукивала пальцем по сигарете, стряхивая пепел на выцветший ковер.

— Что-то вы плохо соображаете. Подумайте немного. Живой Крю, может, и был вам безразличен. Но мертвый... О, теперь он немало для вас значит!

— Что вы хотите этим сказать?

— Крю был застрелен через пять минут после вашего ухода, — невозмутимо обронила Жанна. — Все еще не понимаете? Ну, подумайте!

Керридену стало ясно, что его как-то перехитрили. Но как?.. Холодное торжество во взгляде девушки показывало ему, что он проиграл.

— Крю для меня ничто — живой или мертвый.

— Вряд ли они этому поверят.

— Кто это «они»?

— Полиция, разумеется!

Теперь Керриден все понял — и покраснел от гнева. На пистолете обнаружат отпечатки его пальцев (он вспомнил: Ян был в перчатках). Долговая расписка подскажет мотив. Его видели выходящим из квартиры Крю — продавец табачной лавки вспомнит о нем и даст показания. Полиция вот уже несколько лет только и ждет возможности его сцапать; они будут удовлетворены такими уликами.

— Вы лжете! У вас духу бы не хватило убить Крю!

Жанна посмотрела на него долгим взглядом, но ничего не сказала, будто его слова не заслуживали ответа. Керриден закурил, перекинув ногу на ногу, потом сделал нетерпеливое движение и встал.

— Только попробуйте меня впутать, — предупредил он, — и я вас всех потяну за собой.

— Не думаю, что вам это удастся, — тихо возразила Жанна, откидывая изящной рукой прядь темных волос, упавшую на лоб. — Кто знает о наших отношениях с Крю? Мы были предельно осторожны... А теперь, поверьте, нас там уже нет.

Керриден потер подбородок, глядя на нее, затем отвернулся и стал смешивать себе коктейль — лихорадочно соображая, пытаясь отыскать какую-нибудь лазейку.

— Только не рассчитывайте отсюда спокойно уйти после того, что вы наговорили. Мне стоит лишь вызвать полицию, рассказать свою версию этой истории и вручить им вас. Такой вариант вы не предусмотрели?

— Не самый умный поступок, — с улыбкой произнесла Жанна. — Придумайте что-нибудь поудачней... Ваше слово против моего; ваша репутация против моей. Вы уверены в их выборе? Мне в худшем случае грозит несколько месяцев тюрьмы. А скорее всего, меня просто вышлют из страны. Но ведь я могу вернуться.

Она права, он показал себя не с лучшей стороны... Керриден маленькими глотками пил коктейль и с мрачным видом размышлял. В сущности, это было неизбежно — в такой игре нельзя постоянно выигрывать. Он всегда знал, что рано или поздно допустит ошибку. Оставалось лишь признать свое поражение. И надеяться, что этот раунд — не последний.

— Ну, хорошо, — сказал Керриден, заставив себя рассмеяться. — Похоже, вы приперли меня к стенке. Я верну деньги. Вы этого хотите, да?

— Нет, деньги нам не нужны. Вы их взяли — а теперь заканчивайте работу. Найдите Мэллори!

— К черту Мэллори! — Керриден взорвался. — Ищите его сами! Завтра я верну вам деньги.

— Вы будете искать Мэллори, или мы переправим пистолет и расписку в полицию. Решайте.

Лицо Керридена окаменело.

— Не злоупотребляйте своей удачей.

— Удача тут ни при чем. Мы раскусили вас и приняли меры предосторожности. У вас нет выбора, поймите.

Керриден снова сел. Если у них хватило выдержки спокойно убить Крю, то вину они свалят на него, и глазом не моргнув.

— Да, последнее слово, похоже, за вами, — честно признал он.

— Вы сами нам подыграли, — Жанна затушила сигарету.

— А Крю? За что вы его убили? Он же вам ничего не сделал!

— Не надо лезть в наши дела, — ледяным тоном отрезала Жанна. — Никто не смеет стать у нас на пути. Мы не могли ему доверять — но мы его не убили бы, если бы вы вели себя порядочно. С того момента, как вы нас обманули, его участь была решена. Это прекрасная возможность держать вас под контролем.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, что Жанна блефует. Он не мог себе представить: Крю мертв, хладнокровно и безжалостно убит. А если они просто его спрятали?

— Вы должны найти Мэллори,— продолжала девушка.— У вас есть все исходные данные. Мы не будем вмешиваться в ваши действия, поступайте, как угодно, важен результат. Помните только: вы должны найти Мэллори. Даем вам три недели.

— А что потом?

— Если не найдете, нам предстоит решить: действительно ли, несмотря на все усилия, вас постигла неудача, или вы плутовали. Все предусмотрено. Пистолет и расписка находятся у поверенного, которому дано указание переслать их в полицию, если в течение недели от нас не поступит никаких сведений.— Она замолчала, глядя на Керридена безмятежно и серьезно.

— Почему не пришел Ренли? Или Ян? Почему явились вы?

Жанна сделала нетерпеливое движение, словно вопрос не имел смысла, был пустой тратой времени.

— Ренли ничего не знает о Крю. Ян слишком неуравновешен. Кроме того, мне не нужны посредники.

— Значит, Ренли не знает? Он будет ошеломлен убийством, да?

— Может быть. Неважно.— Жанна шагнула к двери.— Вы все поняли. Мы будем поддерживать с вами связь. В вашем распоряжении три недели. И осторожнее с Мэллори, он очень опасен.

— Позвольте, я пойду первым,— сказал Керриден.— Надо включить свет.

Он спустился по ступеням, зажег лампу в прихожей и открыл дверь, ведущую во двор. Холодный ветер ударил в лицо; свет из прихожей поблескивал на влажных камнях мостовой и бросал на стену гаража напротив две гигантские тени. Жанна стояла на пороге рядом с Керриденом, глядя в чернильную тьму.

— Мы со своей стороны сдержим обещание: найдите Мэллори, и получите остальную сумму.

— Только не воображайте, что все будет по-вашему,— процедил Керриден, не в силах больше сдерживать злость.— Я не из тех, кого легко шантажировать, и вы в этом скоро убедитесь.

Его слова подействовали на нес молниеносно, будто искра коснулась пороховой бочки. Ему и раньше каза-

лось, что хладнокровие девушки напускное, маска, скрывающая подлинные чувства, но он и не подозревал в ней такой дикой ярости.

Жанна внезапно отпрыгнула, оказавшись под светом лампы, и неузнаваемо преобразилась: лицо ее окаменело, глаза запылали лютой ненавистью раненого хищника, даже волосы на голове словно встали дыбом.

— А вы убедитесь, что меня нелегко обманывать! — выкрикнула она хриплым голосом. — Мне нужен Мэллори! И вы его для меня найдете! Да-да, найдете, грязный мошенник! Бульварный герой! — Жанна выплевывала слова прямо ему в лицо. — Неужели вы думаете, что я с самого начала не заметила вашей подлой игры? Но для меня все средства хороши, если они помогут мне найти Мэллори, вот почему я не гнушаюсь вами пользоваться. Найдите его! — Ее голос поднимался все выше и выше, срываясь на визг. — Найдите его, слышите?! Или я вас не пощажу! Вы будете болтаться на веревке!

Керриден ошеломленно застыл, глядя на перекошенное лицо, на горящие глаза, на охваченное необузданной злобой существо, казавшееся теперь порождением ада.

— Найдите Мэллори! — прохрипела она.

И исчезла, бесследно растворившись во мраке.

4

Застегивая пояс плаща, Керриден тихонько напевал, еле сдерживая кипящие чувства. Первым делом нужно убедиться, что Крю мертв. Если его убили, то можно не сомневаться, эта ведьма приведет в исполнение свои угрозы. С самого начала он подозревал, что она опасна, а теперь стал верить, что она не в своем уме. «Бешеная», — сказал о ней Крю. Похоже.

Керриден взял шляпу и вышел, не погасив света. Если за ним следят, пусть лучше думают, что он дома. Он спустился, открыл дверь и исчез в ночи.

Через полчаса Керриден оказался у цели. Грязная и мокрая улица была пустынна, табачная лавка заперта до утра. Квартира Крю была погружена во тьму.

Он замер перед дверью и осветил замок фонариком. Керриден умел открывать любые замки, а этот вообще не представлял никакой сложности. Керриден нащупал язычок целлулоидной пластинкой, поковырялся немного и распахнул дверь. В ноздри ударил тяжелый аромат цветов. И еще один запах: запах пороховой гари.

Керриден прислушался, вошел в гостиную и медленно повел вокруг лучом фонарика. Никого. Шторы были опущены, на полу возле окна лежали опавшие лепестки тюльпанов. В соседней комнате луч света выхватил из темноты кровать, кресло, туалетный столик, платяной шкаф, вазу с завядшими нарциссами и синий шелковый халат, висевший на крючке. Керриден направил фонарик вниз. У кровати на коврик из бараньей шкуры лежал на боку Крю.

Керриден вздохнул, приблизился к телу и наклонился. В Крю стреляли в упор. Пуля маузера пробуравила в центре его лба маленькое аккуратное отверстие. Ян, вероятно, выстрелил неожиданно, потому что на лице покойника не отражалось ни волнения, ни страха. Можно было подумать, что он спит.

Керриден отвернулся. Его опасения подтвердились: больше ни секунды он не хотел здесь задерживаться. Керриден не впервые смотрел на трупы, но это убийство не оставило его равнодушным. Интересно, долго ли еще пролежит на коврике тело? Хоть бы продавец табачной лавки не вспомнил его... Впрочем, все будет зависеть от того, когда обнаружат мертвеца. Во всяком случае, сюда не следовало приходить, это очередная ошибка. Надо было понять, что Жанна не шутит. Если его увидят выходящим из квартиры...

Он быстро выключил фонарь и замер, затаив дыхание, напряженно прислушиваясь. Действительно в соседней комнате затрещал паркет, или ему показалось? Медленно и безмолвно тянулись секунды... Керриден сделал шаг, вновь остановился и на этот раз безошибочно уловил, как скрипнула половица. Если б он не был так напряжен, этот слабый звук потерялся бы в отдаленном шуме Странда.

Мрак, казалось, сгустился. Керриден протянул руку к двери, но ничего не нащупал. Еще несколько секунд он шарил в пустоте, а потом внезапно понял, что дверь, которую он закрыл, войдя в комнату, теперь была распахнута.

В гостиной кто-то есть!.. Керриден приготовил фонарь и скользнул вперед. А потом из темноты раздалось:

— Это ты, Ренли?

Голос шел из ниоткуда. Бестелесный, он, как пар, растекался по комнате и своим необычным, призрачным звучанием вызывал дрожь.

— Кто здесь? — крикнул Керриден. И, подчиняясь инстинкту самосохранения, тут же упал на одно колено.

Ослепительная вспышка разорвала темноту. Керриден дернулся, когда пуля будто раскаленным штыком оцарапала ему щеку. Он успел заметить какой-то неясный силуэт; силуэт, выхваченный вспышкой и мгновенно исчезнувший. Он бросился плашмя на пол в ожидании следующей пули, но услышал лишь, как хлопнула дверь, и кто-то быстро сбежал вниз по лестнице.

Керриден медленно встал, держась за окровавленную щеку. По придушенному голосу и меткости сделанного в темноте выстрела он догадался, что это был Мэллори.

Глава 5

1

Несмотря на то, что у Керридена не было ее примет, Риту Аллен он узнал с первого взгляда. В галантерейном отделе работали три продавщицы, но только одна из них могла быть подружкой Мэллори, остальные две не годились по возрасту. Рядом с ними Рита казалась олицетворением свежести и энергии. Судя по косым, неприязненным взорам, бросаемым друг на дружку, Рита и ее коллеги не желали иметь между собой ничего общего.

Еще не увидев двух пожилых продавщиц, Керриден догадался, что эта крашенная яркая блондинка с алыми ноготками — именно она. В этом сугубо женском, интимном отделе Керриден чувствовал себя, как слон в посудной лавке. Его огненно-рыжая шевелюра и широкие плечи выглядели совершенно неуместно рядом с нежно-голубым бельем. Он посмотрел на Риту Аллен, и их взгляды встретились, он прочитал в ее глазах расчетливый интерес, ощутил реакцию на его телосложение и внешность, и богатый опыт подсказал ему: все будет просто.

У прилавка почти никого не было. Обслуживали только одну клиентку — пожилую худощавую женщину с тонким лицом. Она покраснела от смущения, увидев Керридена, и быстро спрятала что-то воздушное, с лентами, оборками и кружевами. Потом к нему подошла Рита Аллен, на ходу поправляя пышные белокурые волосы, пленительно улыбаясь крупным, аккуратно накрашенным ртом.

— Я могу вам помочь? — спросила она.

Керриден мгновенно почувствовал гибкость и стройность

крепкого тела под черным шелковым платьем. Ей было около тридцати — зрелая, чувственная женщина, знающая толк в одежде и мужчинах.

— Пожалуй. Я хотел бы купить пару чулок... Но они, наверное, по талонам?

Он поймал на себе ее внимательный взгляд, оценивающий стоимость его костюма, золотых часов, ботинок из тонкой кожи.

— Увы! — Рита рассмеялась. У нее был приятный смех, и Керриден невольно подхватил его. — Боюсь, что так.

— Ну, значит, все, исключается, — огорченно произнес он. — Хотел, знаете ли, расположить к себе жену одного человека, с которым у меня дело. Но ваших талонов у меня, разумеется, нет.

— Жаль, — с искренним сочувствием сказала Рита. — Придется вам подыскать что-нибудь другое. Только сейчас не так-то просто сделать подарок.

— Да, надо было захватить какую-нибудь безделушку с собой, но я подумал об этом уже на пароходе. — Керриден бросил взгляд на витрину с бельем, затем подкупающе улыбнулся. — Эх, столько набирался смелости, чтобы проникнуть в эту святая святых, и все зря!

— Купите ей сумочку, — предложила Рита, явно желая задержать его подольше.

— Ну, что-нибудь подыщу... — Он смущенно мял в руках шляпу, не сводя с продавщицы восхищенного взгляда. — Так или иначе, если бы я сюда не зашел, то не познакомился бы с вами. Между прочим, раз уж мы об этом заговорили, нельзя ли назначить вам свидание? Если я решу поболтать вечером на улице возле вашего магазина, у меня будет хоть небольшая надежда?

Ее голубые глаза заискрились, но она с улыбкой покачала головой.

— Ни малейшей. Я не имею обыкновения ходить на свидания с незнакомцами...

— Понимаю... А может, сделаете исключение для одинокого приезжего, который не знает даже, где потратить деньги?

Она снова покачала головой, но уже менее решительно.

— Боюсь, что нет.

— Не везет, — мрачно посетовал Керриден. — Конечно, у такой девушки десятки поклонников. Наверняка все вечера расписаны...

— О, как раз нет. — На секунду ее губы перестали

улыбаться, и взгляд стал жестким. Если бы Керриден не следил за ней внимательно, то и не заметил бы этого.— Но разве я похожа на тех, кто встречается с незнакомыми мужчинами?

— Так познакомимся! Если вы свободны сегодня вечером, почему бы нам не провести его вместе? Меня зовут Стив Хенли. А вас?

— Рита Аллен. Но я действительно...

— Хорошо, хорошо, простите, что побеспокоил. Когда я вас увидел, мне пришлось в голову... Знаете, один, в чужом городе... Очень жаль.

Она быстро заговорила, опасаясь, как бы он не принял ее слова слишком серьезно.

— У вас в самом деле такой несчастный вид, что я прямо расстраиваюсь... Ладно, только ради вас! Но вы понимаете, что это против моих правил? Я очень разборчива в знакомствах.

Керриден широко улыбнулся, и она ответила ему доброжелательной улыбкой. Теперь, когда Рита дала ему понять, что она девушка серьезная, препятствий больше не ожидалось.

— Значит, решено?

— Вы не первый американец, с которым я встречаюсь. Надо сказать, что вы, американцы, умеете найти подход к женщине!

— Это верно. В баре «Савой» в восемь вечера. Договорились?

— Да.

И он не сомневался: придет.

Все оказалось проще, чем он предполагал. Направляясь к Пикадилли-Серкус¹, Керриден задавался вопросом: сумел ли Гаррис назначить ей свидание? Если да, оно не пошло ему на пользу. Но за себя Керриден был уверен. На ошибках учатся. Его жизнь не закончится в пруду.

2

— Пойдем ко мне,— промурлыкала Рита, пожимая руку Керридена.— Я не хочу, чтобы все это кончилось... Такой прекрасный вечер!

— Целиком «за»,— согласился он, помогая девушке удержаться на ногах.— К тебе так к тебе. А где ты живешь?

¹ Пикадилли-Серкус — площадь в центре Лондона, одна из главных достопримечательностей города.

— Недалеко — в Уимблдоне. Поедем на такси.— Рита прижалась к нему всем телом.— Я немного пьяна, да? Тебе не кажется, что я чуть-чуть пьяна?

— Весьма возможно,— хмуро ответил Керриден. Немудрено: проглотить бесчисленное количество коктейлей, бутылку шампанского и три двойные порции бренди!— Я тоже не совсем трезв.

— Ты очень милый, Стив. Я рада, что не отказала тебе.— Она изо всех сил стиснула его руку и склонила голову ему на плечо.— Люблю мужчин, который умеют тратить деньги. Большинство из вас такие скупые... А мы отлично провели время, правда?

— Ну! — подтвердил Керриден и замахал идущему навстречу такси. Пока водитель, не обращая внимания на оживленное движение, разворачивался, перед мысленным взором Керридена встал прошедший вечер.

Мужчины на Риту заглядывались: из всех присутствовавших в баре женщин она была самой красивой и сексуальной. И все же Керриден смертельно скучал. Необходимость поддерживать непринужденный разговор и игривое настроение измотала его до предела. Теперь, усталый и раздраженный, он мечтал только добраться до дома и там расспросить Риту о Мэллори. Керридену все так опостылело, что ему было уже безразлично, получит он информацию или нет — лишь бы от него не требовали близости.

— А у меня будет еще лучше! — пообещала Рита, словно прочитав мысли Керридена. И снова прижалась к нему, намекая, что он не зря тратил деньги.

— Веришь?

— Еще как,— холодно обронил Керриден, открывая дверцу машины.— Куда ехать?

Она сказала адрес и, удовлетворенно вздохнув, упала на сиденье.

— Обожаю ездить на такси... Обними меня крепче.

Потом запустила пальцы в его волосы и притянула к себе, ища губами его губы.

Целуя ее, Керриден косил глазами на плакат, который украшал перегородку, отделявшую их от водителя. Это была реклама турбазы: она изображала озеро и очаровательную девушку в бикини, обнимающуюся на плоту с дружком. Надпись на плакате гласила: «РАЗВЛЕКАЙТЕСЬ С УДОВОЛЬСТВИЕМ»... Блондинка в его объятиях тихонько застонала и прижалась к нему еще крепче. «И это называется «развлечением»? — тоскливо подумал Керри-

ден. Сидевшая рядом женщина ему не нравилась, он не чувствовал к ней ни малейшего влечения. Но нужно было играть роль до конца. И он не разжимал рук, пока Рита сама не прервала поцелуй.

— Хорошо... — вздохнула она. — Ты очень милый, Стив. — Ее глаза закрылись. — Держи меня так. Я хочу спать.

— Ну что ж, спи. — Керриден украдкой вытер рот рукой. И добавил обреченно: — Я не убегу.

К его великому облегчению Рита действительно заснула, опустив голову ему на плечо, а он безучастно смотрел в окно, думая о Гаррисе: может быть, она и того называла милым и притягивала к себе для поцелуя.

Так или иначе, Гаррис мертв. Его убили, очевидно, когда он выходил от Риты. Керриден нащупал под плащом обнадеживающую тяжесть револьвера в наплечной кобуре. Мэллори заблуждается на его счет — он не Гаррис.

Во втором часу ночи такси остановилось перед маленьким уединенным домиком в Уимблдоне. Рита выпрямилась, когда шофер открыл дверцу, и быстро поправила прическу.

— Все в порядке? — осведомился Керриден, помогая ей выйти из машины.

— Да. Последняя порция бренди была, пожалуй, лишней. — Она хихикнула, сжимая его руку. — Но теперь я, слава Богу, в норме.

Расплачиваясь с водителем, Керриден заметил метрах в ста от дома Риты Аллен большой пруд, окруженный деревьями, не тот ли самый, где нашли Гарриса?

— Пойдем скорее. — Рита потянула его за рукав. — Я хочу выпить.

— Ты живешь одна? — спросил он, входя за ней следом в темную прихожую.

— Да, совсем одна. — Она рассмеялась. — Удивлен?

— Немного. Для одинокого человека, на мой взгляд, квартира удобнее.

— Входи же!

Рита провела его в гостиную и щелкнула выключателем.

«Любовное гнездышко», — цинично подумал Керриден. Главенствующее место в комнате принадлежало дивану. Напротив двери находился буфет, заставленный бутылками и бокалами. Возле электрического радиатора в виде очага стояло большое кресло-качалка. Отличный китайский ковер

покрывал пол, а два светильника заливали потолок янтарными лучами.

— У тебя здесь уютно! — заметил Керриден, кинув шляпу на диван.

— Да, — отозвалась Рита, — уютно...

В голосе девушки внезапно прозвучала горечь, и Керриден бросил на нее острый взгляд. Она стояла у буфета и с отсутствующим видом смотрела на диван.

— Ну, что ты будешь пить? — вдруг спросила Рита, словно очнувшись от забытья. — Только не думай, что так же у меня обставлен весь дом. Эта комната — особая.

— Предпочитаю скотч. Я сам приготовлю... Что же здесь такого особого?

— Садись. — Она плеснула себе в бокал, открыла маленький холодильник, вмонтированный в буфет, и достала лед. — А разве не особая? Я называю ее «театром действий», — Рита пожала плечами. — Знаю, я такая же, как все... Ведь обычно так говорят, да?

— О чем ты? — удивился Керриден.

— Ни о чем. Все хорошо. — Она неожиданно улыбнулась. — Я пойду быстренько переоденусь. Отдыхай.

«Сколько раз я слышал эти слова!» — подумал Керриден, наливая себе скотч. Сколько так называемых порядочных женщин, с которыми он был знаком, рано или поздно произносили эту фразу! Она выйдет из комнаты, а через несколько минут вернется и захочет его ласк... Эта мысль была ему неприятна, и он, нахмурившись, стал расхаживать их угла в угол. Комната не представляла для него интереса: никаких шкафов, никаких ящиков, где могли бы сохраниться ведущие к Мэллори следы.

Шаги Риты доносились со второго этажа, и Керриден, выйдя в прихожую, включил свет и заглянул в другую дверь. Голый пол покрывал лишь толстый слой пыли. Что ж, правда, не все комнаты так великолепны, как гостиная. Любопытно, сколько же еще пустых помещений в этом доме?

Керриден качался в кресле, когда вошла Рита. В ярко красном шелковом халате она остановилась на пороге, чтобы он мог ею восхититься, но Керриден видел только куклу с невыразительно вылепленным лицом.

— Прелестно! — Керриден проводил взглядом девушку до дивана. — Позволь, я приготовлю тебе выпить.

Рита села и повернулась к нему; халатик распахнулся, обнажив ее красивые длинные ноги.

— А всего несколько часов назад мы даже не были знакомы! — воскликнула она.

Он серьезно кивнул и подал ей бокал.

— Скажи мне, зачем ты работаешь в магазине — при таком доме?

— Жить-то надо, — словно оправдываясь, ответила Рита.

— Там так хорошо платят? — удивился Керриден, указывая на обстановку.

— Конечно, нет! Просто я хочу быть независимой. Но хватит об этом. — Она протянула к нему руку. — Иди ко мне, садись рядом.

Он решил не тратить больше времени. Его привело сюда дело. Пора им заняться.

— Закуришь? — предложил Керриден, протягивая портсигар.

Недоуменно, с легким раздражением она взяла сигарету, и тогда, не сводя с девушки глаз, он достал из кармана коробок и чиркнул спичкой о ноготь большого пальца. Этот трюк был явно знаком Рите — она слегка вздрогнула и быстро взглянула на Керридена.

— Забавно, да? — спросил он, когда она прикуривала. — Меня научил этому один парень во Франции, с которым я встретился во время войны.

— Вот как? — Рита выпустила его руку и откинулась на подушку, стараясь казаться спокойной. — Я видела в кино: так прикуривают всякие отрицательные герои.

— Странно, иногда ничтожная деталь может вызвать воспоминания... Этот парень, о котором я говорил, был летчиком. Мы познакомились после его побега из лагеря для военнопленных.

— Не надо в войне, — торжественно вставила Рита. — Лучше давай поговорим о нас.

— Симпатичный парень, — продолжал Керриден, будто ничего не слышал. — Я часто себя спрашивал: что с ним случилось? Он был ранен в горло и мог говорить только шепотом. Однажды он меня чертовски выручил. Мне очень бы хотелось увидеться с ним.

Рита закрыла глаза, под слоем умело нанесенной косметики проступила бледность.

— Да, вот еще что! Он как-то рассказывал, что снял и обставил для любимой девушки домик, где они могли бы встречаться. И вскользь упомянул о буфете с холодильником — довольно редкой и роскошной вещице... —

Керриден помолчал, увидев, как напряглась Рита.— Ты с ним случайно не знакома? Его звали Брайан Мэллори.

3

По улице с ревом, на второй передаче, проехала машина. У соседнего дома она остановилась, захлопали дверцы. Раздался веселый мужской голос:

— Спасибо, старина! Надеюсь, не заблудишься? Все время прямо и второй поворот направо. Вокзал у подножия холма.

— Не говори так громко, дорогой! — закричала женщина.— Ты перебудуешь всю улицу. Конечно же, Берти знает дорогу... Правда, Берти?

Другой мужской голос перекрыл шум работающего мотора:

— Не беспокойтесь. Ну, до следующей встречи!

— Еще раз спасибо, старина. Мы отлично провели время, просто отлично! Не забудь, теперь моя очередь приглашать!

Хлопнула дверца.

— Счастливо!

— До свидания, Берти! — взвизгнула женщина.

— Пока, ребята! Смотрите не делайте там ничего, о чем нельзя потом рассказать матушке!

Мотор взревел, и машина умчалась. В наступившей тишине голос Риты Аллен прозвучал неестественно громко:

— Значит, ты тоже один из них? — Она выпрямилась и сжала пальцами подол халата.— Я могла догадаться... Боже мой, какая идиотка!

Рита с трудом поднялась с дивана и подошла к Керридену, который продолжал сидеть.

— Ну почему вы не оставите меня в покое?! — Она судорожно дышала, ее глаза потемнели от гнева и страха.— Я не хочу оказаться замешанной в эту историю.

— Ты погрязла в ней по самую шею,— холодно возразил Керриден.— Гарриса убили.

Она поднесла руку ко рту и стала кусать пальцы, бессвязно выкрикивая:

— Не желаю слушать!.. Знать ничего не знаю!.. Мэллори для меня пустое место!

— Нет, моя пташка, сухой тебе из воды не выйти...— Она попятилась и Керриден схватил ее за руку.— Гарриса убили.

— Рита попыталась вырваться. Ее светлые волосы рас-

сыпались и закрыли лицо. Поняв, что ей не освободиться, она начала плакать.

— Оставь меня! Что ты несешь, не понимаю... — просто-на-чала она.— Его не убили, он сам покончил с собой. Так писали в газетах. Я здесь ни при чем!

Керриден резко встряхнул ее за плечи.

— Его убил Мэллори. Гаррис пришел к тебе, а Мэллори уже поджидал... И это называется «я здесь ни при чем»?!

Рита снова стала вырываться.

— Ты сошел с ума! — закричала она.— Мэллори и духу тут не было! Он неделями не показывается!.. Тот дурак сам покончил с собой!

— Это ты так говоришь, но я-то знаю: его убил Мэллори. Если ты не замешана в этой истории, лучше признавайся: где он прячется?

— То же самое хотел выведать ваш Гаррис. И посмотри, что с ним стало! — Рита судорожно сжала кулаки.— С чего ты взял, что его убил Мэллори?

— Где он? — грозно повторил Керриден.

— Понятия не имею, клянусь! — Она окинула комнату затравленным взглядом.— Я тут ни при чем!

— Не поможет, милая. Говорить придется в любом случае — мне или полиции... Выбирай.

При упоминании о полиции Рита смертельно побледнела, медленно опустилась на колени и взвыла:

— Откуда мне знать?! Я в самом деле ничего о нем не знаю. — Она поймала руку Керридена и впилась в нее алыми ногтями.— Я чувствовала, что этим кончится! Нельзя было с ним связываться. Какое безумие!.. Сначала я его любила, воображала, что он на мне женится. И отдалась ему... Да я на все была готова, лишь бы дожидаться от него доброго взгляда!.. Но ему неведома доброта.

Слова извергались из ее уст неудержимым потоком.

— Он купил дом и обставил эту комнату, даже не посоветовавшись со мной. А потом заявил, что здесь я буду жить. Я не могла ему перечить, мне не хватало мужества послать его к черту. Так продолжалось шесть лет. Шесть лет он делал со мной, что хотел, использовал меня как шлюху. И так будет продолжаться — пока ему не надоест. Он не дает мне ни гроша. Если бы не друзья...

Керриден нетерпеливо шевельнулся.

— Довольно. Не желаю слушать. Скажи только, где он скрывается. Это все, что мне от тебя нужно.

Рита отпрянула от него и вскочила на ноги.

— Этого же требовал и тот болван, а теперь ты говоришь, что его убили.— Она с ужасом указала на окно.— Его нашли там... в пруду. Приехала полиция и скорая помощь. Я видела носилки, покрытые простыней, и догадалась... Только я думала, это самоубийство. Я чуть не рехнулась от переживания... — Ее голос поднялся до крика.— Оставь Мэллори в покое! Он приносит несчастье. Ты слышишь? Он приносит несчастье!

— Успокойся,— холодно отрезал Керриден.— Если знаешь, где он, скажи.

— Вы все против него, да? — вдруг взмолилась Рита, сжав его руку.— Эта девица, коротышка в черном берете?.. Я видела их из окна, они приходили сюда к пруду. Ты тоже один из них? В чем он виноват перед вами?!

— Не твое дело. Отвечай на вопрос: где найти Мэллори? Но она, будто не слыша, захлеб продолжала:

— Увидев тебя в магазине, я и подумать не могла, что ты из их банды. Ты был так добр ко мне, устроил такой чудесный вечер, и ты же его испортил. Разве тебе понять, какая у меня собачья жизнь!.. Мне дико нужны деньги, еще немного, и я пойду на панель. А все он!.. Я была скромной, порядочной девушкой, и надо же было встретить его... — Она погладила Керридена по руке, и того передернуло от отвращения.— Не часто удастся познакомиться с таким милым, щедрым человеком... Хуже всех старики...

Керриден вырвал руку, поднялся, не в силах скрыть брезгливую гримасу, подошел к буфету, одним глотком осушил бокал и стал ходить по комнате.

Рита внезапно успокоилась и следила за его движениями подозрительным расчетливым взглядом. Керриден вдруг понял: она хочет получить от него денег, и разозлился на себя за то, что не сообразил раньше.

— Скажи мне, где прячется Мэллори, и получишь десять фунтов,— пообещал он, вытащив из кармана бумажник.

— Но я не знаю,— сказала она, не сводя глаз с двух пятифунтовых купюр.— Он ничего о себе не рассказывает — просто звонит, когда ему надо. Я не знаю даже его адреса.

Керриден пожал плечами. Он терял терпение. Неприкрытая алчность ее взгляда, атмосфера похоти, царившая в комнате,— все действовало ему на нервы.

— Что ж, нет так нет.— Он стал убирать деньги в

бумажник, но, перехватив ее почти умоляющий жест, остановился.— Ты передумала?

— Не буду притворяться, что мне не нужны деньги. До конца недели я без гроша... Нет, мне очень нужны деньги!

— В таком случае, постарайся их заработать,— грубо буркнул Керриден.— Мэллори тебе писал?

— Да, однажды, после первой встречи,— ответила Рита, чуть поколебавшись.— И ни разу с тех пор.

— Обратного адреса, конечно, на конверте не было?

— Нет.

— А почтового штемпеля?

— Не помню.

— Глупости! Ты наверняка обратила внимание на это. Откуда пришло письмо?

— Из Данбара¹,— промолвила Рита безжизненным голосом.

— Он был там в отпуске?

— Не знаю.

— Надо отвечать поточнее, если хочешь получить эти деньги.

— А вдруг ты меня обманешь?

В ее глазах сверкала жадная хитрость, и Керриден отметил, что древнейшая профессия оставила на Рите неизгладимые следы.

Он бросил ей пятифунтовую бумажку.

— Держи пока. Остальное получишь, когда скажешь мне то, что я хочу знать.

Она поспешно схватила банкноту.

— Если бы я не нуждалась так отчаянно в деньгах...

— Можешь не оправдываться,— с презрением перебил ее Керриден.— Он никогда не говорил тебе про Данбар?

Рита замялась на секунду, затем неохотно сказала:

— По-моему, он где-то там живет. Как-то раз он вскользь упомянул, что собирается купить небольшой остров и построить на нем дом.

— Давно это было?

— Когда мы только познакомились, лет пять назад. Возможно, это ложь, но я сомневаюсь. С тех пор он не возвращался к этой теме.

— А ты не знаешь, где именно?

— Нет.

¹ Данбар — город на побережье Шотландии.

Керриден задумался ненадолго, потом спросил:

— Часто Мэллори к тебе приходит?

— Как ему взбредет в голову.— Лицо Риты окаменело.— Порой дважды в неделю, порой — исчезает на месяцы.

— Когда ты видела его в последний раз?

— Недель шесть, может, семь назад. Я точно не помню.

Керриден провел рукой по волосам. Его мучило ощущение, что он бродит в потемках.

— Каких-нибудь своих друзей он тебе не называл?

— О, нет. Его личная жизнь для меня тайна.

Керриден смотрел на Риту задумчивым взглядом. Не много же удалось выведать за десять фунтов... Нет даже уверенности, что она говорит правду. Дом на острове вблизи Данбара... Больше смахивает на сказки. И никакой иной мало-мальски ценной информации. Стоило ли тратить целый вечер и десять фунтов ради таких сомнительных сведений?

— Тебе больше нечего сказать? У него есть родственники?

— Сестра.

Вот это уже лучше. Дом на острове, тетка в Уэндовере, а теперь и сестра.

— Откуда ты знаешь?

Рита снова замялась.

— Она как-то раз звонила, спрашивала его.

Керриден почувствовал, что Рита лжет.

— Звонила сюда? Довольно странно, тебе не кажется? Братья обычно не рассказывают сестрам о своих... подружках.

— Это я подружка? — усмехнулась Рита.

— Кто ты — не имеет сейчас ни малейшего значения, — отрезал Керриден.— Мы говорим о сестре Мэллори. Когда она тебе звонила?

— О, давно, вскоре после нашего с ним знакомства.

— Она не оставила, часом, своего телефона? — поинтересовался Керриден, немного подумав.

— Между прочим, оставила. Я совсем забыла об этом.

— Какой же номер?

Рита моментально смекнула: здесь можно поторговаться.

— Ну что такое десять фунтов?.. Ты не дал бы чуть побольше? — вкрадчиво спросила она.— Трудно представить, до какой степени мне нужны деньги...

— Номер? — сухо повторил Керриден.

Ее глаза упрямо вспыхнули.

— Не помню.

— Что ж,— Керриден пожал плечами.— Пять фунтов ты получила, а остальные пять останутся у меня.— Он встал.— Я сыт по горло. Все. Привет!

— Ты такой же жестокий, как и все! — злобно выкрикнула она.— Дай еще восемь фунтов, и я тебе скажу.

— Пять. Это мое последнее слово. Не хочешь, не надо.

Рита устремила на него внимательный взгляд, пытаясь определить, не блефует ли он, а увидев, что Керриден убирает деньги в бумажник, сдалась.

— Хорошо. Подожди здесь. Я записала его куда-то в книжку. Сейчас принесу.

После ее ухода прошло не больше минуты, и вдруг тишину разорвал дикий, леденящий душу крик. Керриден бросился к двери, но не успел он открыть ее, как раздался сильный удар. На миг Керриден оцепенел, вцепившись пальцами в ручку двери, а потом выбежал из комнаты.

Безжизненное тело Риты лежало у подножия ступеней. Ее голова неестественно запрокинулась назад. Длинная обнаженная нога указывала в направлении темной лестницы, как гневный перст обвинителя.

Глава 6

1

Керриден стоял перед дверью своей квартиры, нашаривая в карманах ключи, когда из тьмы и дождя беззвучно возникла темная бесформенная фигура. Керриден мгновенно повернулся, сунул руку под плащ и уже вытащил револьвер, но в этот миг голос торопливо произнес:

— Не волнуйтесь, это я — Ренли.

— Вы что тут — в игры играете? Подкрадываться вздумали! — возмущился Керриден, с досадой отмечая про себя, до какой степени у него сдали нервы.

— Я вас жду не первый час,— напряженно сказал Ренли.— Нам нужно поговорить.

— Хорошо,— коротко бросил Керриден.— Входите.

Он открыл дверь, проводил своего гостя по крутой, погруженной во тьму лестнице в гостиную и вылез из насквозь промокшего плаща.

— Ну, что стряслось?

В ярком электрическом свете лицо Ренли казалось

белым и изможденным. С его макинтоша на ковер стекала вода.

— Они убили Крю,— хрипло выдавил Ренли.

Керриден окинул его безразличным взглядом. Столько событий произошло после смерти Крю, что сам этот факт казался ему незначительным и стародавним.

— Ну и что? Вы только сейчас узнали?

— Значит, вам известно?.. — Ренли провел рукой по лицу.— Об этом уже есть в газетах?

— Снимите плащ. Смотрите, какая лужа натекла,— сказал Керриден. И, пока Ренли расстегивал макинтош, продолжал: — В газетах пока ничего нет. Вчера вечером ко мне приходила Жанна. Она дала понять, что если я не найду Мэллори, пистолет и расписка попадут в полицию. На оружии мои отпечатки, расписка предоставит мотив... А разве вы не в курсе?

Ренли был словно оглушен. Он стянул с себя плащ и бросил его на пол.

— Это убийство,— произнес он сдавленным голосом.

Керриден с любопытством посмотрел на него.

— Конечно, убийство! Что с вами? Вы же собирались отомстить Мэллори, а это тоже убийство. Какая разница.

Ренли повалился в кресло, как будто ноги перестали его держать.

— Так хладнокровно убить... Невероятно! Она сумасшедшая. Они оба сумасшедшие. Я настоящий идиот, что впутался с ними в эту историю.

— С каких пор вы сделались чистоплюем? — удивился Керриден.— Во время нашей последней встречи вы сами горели желанием расправиться с Мэллори.

— Я никогда не верил по-настоящему, что они его найдут,— тихо проговорил Ренли.— Я не принимал их планы всерьез. Никогда, клянусь вам! — Его голос окреп и поднялся.— Сейчас же отправлюсь в полицию. Не желаю иметь с этим убийством ничего общего.

— Поздновато вы передумали,— заметил Керриден.— Идти в полицию теперь бессмысленно. Прежде всего надо разыскать Мэллори, и как можно скорее.

— Но неужели неясно? Если я дам показания в полиции, то тем самым сниму с вас подозрения! — воскликнул Ренли, стукнув кулаком по подлокотнику.— Они не смогут пришить вам убийство Крю!

— Полиция давно пытается наложить на меня свои лапы,— отозвался Керриден, нервно расхаживая по комна-

те.— Вам не поверят. Кроме того, завтра меня будут разыскивать по подозрению уже в другом убийстве.

Ренли подскочил в кресле.

— В другом убийстве? Что вы имеете в виду?

— Сегодня вечером я провожал домой Риту Аллен. Она упала с лестницы и свернула себе шею.

— Это ведь не убийство...

— Вот как? — переспросил Керриден.— Ее столкнули. Но главное, что я там был. Рано или поздно отвозивший нас таксист даст мои приметы полиции. Видели и как я выходил из квартиры Крю — торговец табачной лавки. Тот тоже рано или поздно припомнит мою внешность. В один прекрасный день какая-нибудь светлая голова сопоставит эти два убийства и сделает соответствующие выводы.

— Кто же ее столкнул? — спросил Ренли, напряженно подавшись вперед.— И откуда вы знаете, что ее столкнули?

— Не догадываетесь? Мэллори.

Ренли отпрянул.

— Я не верю.

— Он, наверное, был в доме, когда мы приехали. Рита разоткровенничалась: она стала выдавать секреты, крича во все горло. Потом отправилась наверх за одной вещью для меня, и он ее столкнул. Если это не Мэллори, то кто же еще?

Ренли побелел.

— Все равно не верю,— пробормотал он и бессильно поник в кресле.

— Странно. При нашей первой встрече вы только о Мэллори и говорили: и такой, и сякой... Словом, безжалостный убийца. Почему же вдруг все это стало казаться вам невероятным? — Керриден повысил голос, с подозрением глядя на Ренли: — Что-то не получается... Каким образом вы ввязались в маниакальный план убийства Мэллори? В чем ваша роль?

— Ни в чем,— едва слышно произнес Ренли. Он замаялся на миг, потом, будто решившись на отчаянный поступок, заговорил: — Всю свою жизнь я, в сущности, был неудачником. Очевидно, по-настоящему я так и не вырос. С детства свободное время я посвящал чтению приключенческих романов. Только это и обожал, таким и сам получился — дешевым, низкопробным... Когда Жанна сказала, что будет мстить Мэллори, идея мне понравилась. Но ни на одно мгновение я не допускал, что его действительно отыщем, иначе никогда бы не согласился.— Легкий румянец выступил на его изможденном лице.— По правде говоря, я боялся возвращаться в Англию, боялся необхо-

димости искать работу. Я и раньше-то ни на что не годился, а теперь, с одной рукой...

Ренли не искал сочувствия. Он просто излагал факты.

— Я предпочел бы остаться с ними во Франции. У Гарриса и Любоша были кое-какие средства, и пока мы держались вместе, деньги делились поровну. Мы еле сводили концы с концами, но дух взаимопомощи многое скрашивал. Ничто нас не тяготило — ни заботы, ни хлопоты. Короче говоря, я жил как в авантюрном романе. Смерть Гарриса нанесла мне тяжелый удар, но я не верю, что это дело рук Мэллори. Гаррис вообще-то был странным человеком и панически боялся воды. Возможно, он упал в пруд случайно и просто не выплыл, парализованный ужасом. Нет, я уверен, что Мэллори тут ни при чем.

Затем наступила очередь Любоша, и я терялся в догадках. Это тоже мог быть несчастный случай, Жанна с пеной у рта обвиняла Мэллори, но откуда ей знать? Вдруг Любош выпал из поезда?

Ренли потер рукой колено и уставился на выцветший ковер.

— Жанна решила, что настал мой черед искать Мэллори. Но я не хотел этого делать! Он мне нравился. Замечательный был парень! — Его лицо прояснилось. — Шальной — не боялся ни черта, ни дьявола. Клянусь, он не мог выдать Пьера из-за страха перед гестаповскими пытками. В нем не было ни капли трусости.

Ренли задумчиво пригладил усы и нахмурился.

— Тогда-то я и предложил прибегнуть к помощи постороннего. Мне стоило адского труда уломать Жанну!.. Сейчас я раскаиваюсь. Поверьте, мне искренне жаль, что я впутал вас в эту историю.

— Мне тоже, — мрачно вставил Керриден.

— Но знаете, я до последнего момента не верил, что Жанна действительно поручит вам убийство Мэллори. Сегодня я понял, что они не шутят. — Ренли беспокойно заерзал в кресле. — Ян застрелил Крю, как только я вышел вслед за вами из квартиры. Когда я возвращался, он поджидал меня на улице и сказал, что Жанна решила перебраться на другое место и идти к Крю небезопасно. Я, конечно, заподозрил неладное, но у меня не хватило смелости задать вопрос в лоб. Жанна сняла комнаты в грязной маленькой гостинице возле Чансери-Лейн, и мы отправились туда. Только к вечеру Жанна сообщила мне, что Крю мертв. Она не распространялась, но по лицу Яна было видно, что это он убил несчастного воришку. Мне все стало ясно.

Я понял, что не могу больше оставаться с ними. И пришел к вам.

Керриден подавил зевок. Он был измучен, голова казалась чугуниной.

— Ну, хорошо, пришли. Что дальше?

— Не знаю. Я хотел обратиться в полицию, но раз вы против... Не знаю.

— Никакой полиции! — нетерпеливо бросил Керриден. — Выход один — найти Мэллори. У него есть сестра, вам это известно?

— Сестра? — удивился Ренли. — Тетка — да, но о сестре я никогда не слышал. Вы уверены?

— Несколько лет назад сестра Мэллори звонила Рите Аллен и дала номер своего телефона. Мне повезло, я нашел этот номер в старой записной книжке в спальне Риты. Он значится в телефонной книжке. Энн Мэллори живет в доме номер 2а по Чейни-Уок¹, в поселке художников. Я собирался немного поспать и сегодня же заглянуть к ней. — Керриден дотронулся до пластыря на щеке. — Да, кстати, вот еще что... Я нашел Мэллори.

И он рассказал про свой визит к Крю и о том, что произошло в квартире.

— Он принял вас за меня? — проговорил ошеломленный Ренли. — Но я никогда не делал ему ничего плохого!

— Если бы он хотел вас убить, то не убегал бы, а выстрелил второй раз, — заметил Керриден.

Однако Ренли не мог прийти в себя.

— Мы отлично ладили! И вдруг стрелять...

— Поймите, он промахнулся умышленно.

— Нет, просто не представляю, — покачал головой Ренли. — Вы уверены, что это был Мэллори?

— Кто бы это ни был, говорил он сиплым голосом, скорее даже каким-то отчетливым шепотом, и хорошо вас знал.

— Да, — убито произнес Ренли. — Мэллори, больше некому.

— Ну, ладно, все, я иду спать, — сказал Керриден. — Для одного вечера с меня довольно. Останетесь здесь или вернетесь к своим?

— К ним не вернусь. Если позволите, переночую у вас, а завтра...

¹ Чейни-Уок — фешенебельная улица в Лондоне, в районе Челси.

— Завтра и решим. Ложитесь на диван. Я принесу вам одеяло.

Устроив Ренли, Керриден удалился к себе и закрыл дверь. Ему не спалось. Он стал думать об одноруком британце и решил уговорить его вернуться к друзьям. Разумная тактика: иметь своего человека в стане врагов. Если повезет, удастся даже забрать пистолет и расписку. Тогда все неприятности останутся позади...

Ночью его мучили кошмары. На этот раз в ногах сидела Рита Аллен и тоже порывалась ему что-то сказать. Но как только она начинала говорить, из мрака протягивалась рука и зажимала ей рот. Рука Брайана Мэллори.

2

Когда Керриден около десяти утра зашел на кухню, Ренли варил кофе.

— О Крю уже трубят газеты,— извещил он, стараясь не показывать беспокойства.

Керриден машинально пригладил волосы и буркнул:

— Ну? О чем же там пишут?

— Полиция хочет допросить... Почитайте лучше сами. Газета в гостиной.

— А о Рите ничего?

— Пока нет. Тип из табачной лавки довольно точно вас описал.

Керриден криво улыбнулся.

— Ну, что я говорил!

Информация занимала почетное место на первой странице. Там же была помещена фотография продавца из табачной лавки. Тот сообщал репортерам, что рослый, плотного сложения мужчина в плаще и серой фетровой шляпе вышел из квартиры Крю приблизительно в то время, когда было совершено преступление. Полиция, говорилось в материале, ведет розыск описанного выше мужчины, так как надеется получить от него сведения, которые могут пролить свет на это убийство. Из квартиры ничего не пропало.

Ренли принес в комнату поднос с кофейником и тостами.

— Подождите, по-настоящему они зашевелиятся, когда обнаружат тело Риты,— сказал Керриден, наливая себе чашку кофе.— Придется мне обзавестись каким-нибудь алиби.

— И поскорей избавиться от плаща и шляпы,— посоветовал Ренли. Он взял себя в руки, выглядел спокойным и собранным.— Если их здесь найдут...

— Вы правы. Может, займетесь этим? Я соберу чемоданчик, а вы отнесете его в клуб «Аметист», возле Фрит-стрит, и отдадите Эффи Роджерс. Скажите ей, что от меня, и попросите сохранить. Хорошо?

— Конечно,— согласился Ренли.— А как насчет алиби?

— Это я сам,— отрезал Керриден.— Теперь слушайте. Я много думал о вас. По вашим словам, вы сожалеете, что втянули меня в эту историю. Верю. Но готовы ли вы протянуть мне руку помощи?

— Разумеется! — без колебаний ответил Ренли.— Для этого я и пришел к вам вчера. Хотите — обращайтесь в полицию, хотите...

— Я хочу, чтобы вы вернулись к своим товарищам.— Ренли начал было возражать, но Керриден непреклонно продолжал: — Они слишком хитры, их нельзя оставить без присмотра. Ну и мало ли... Вдруг представится возможность забрать пистолет и расписку?

— Вы многого от меня требуете,— медленно проговорил Ренли.— Иными словами, я должен шпионить за ними?

— Решайте сами, нет, так нет. Но я не вижу, как еще вы можете помочь.

Ренли поколебался немного, затем произнес:

— Хорошо. Я сделаю все, что в моих силах. Однако мне это не по душе. Если они обнаружат...

— Как? Скажите им просто, что я от вас ускользнул... Я принимаюсь за Мэллори. Сегодня обязательно найду к его сестре. Кстати, запишите номер ее телефона — вдруг срочно понадобится. Я буду там около полудня. А где найти вас?

— Мы остановились в гостинице «Эндфилд» на Брюэр-стрит, рядом с Чансери-Лейн,— ответил Ренли, записывая адрес и номер телефона Энн Мэллори на обратной стороне конверта.

— Отлично. Я уложу вещи, и вы можете идти. Ни слова тем двоим о сестре Мэллори. Отныне мы их ни о чем не информируем.

Когда Ренли ушел, забрав чемоданчик, Керриден позвонил Зани.

— Позавчера я был в клубе до двенадцати часов дня,— многозначительно сказал он, услышав на другом конце провода гортанный голос.— Передай это Максусу. И считай, что заработал пятьдесят фунтов.

Несколько секунд Зани молчал. Слышалось только его сопение.

— У них есть твоё описание,— наконец проговорил он.— Такое алиби недолго продержится.

— Нужно, чтобы продержалось,— отчеканил Керриден. Постарайся.

Снова последовало молчание.

— Ладно. Я своё дело сделаю, но не пеняй на меня, если...

— Постарайся,— сухо повторил Керриден и повесил трубку.

Некоторое время он хмуро смотрел на телефон. Когда-то на Зани можно было рассчитывать смело, но теперь, похоже, владелец клуба не горит желанием оказать услугу. И всё же лучшего варианта не было.

Керриден шёл в спальню, когда раздался телефонный звонок. Он вернулся и снял трубку.

— Да, кто это?

— Я... Эффи, мистер Керриден,— произнес дрожащий голос.

Он сразу понял: что-то произошло. Эффи прежде никогда ему не звонила. Сейчас её голос дрожал от волнения.

— Что случилось, Эффи?

— Никак не могу к вам пробиться!.. У нас была полиция. Я слышала, как они разговаривали с Зани. Он дал им ваш адрес.

Лицо Керридена окаменело.

— Давно?

— Больше десяти минут назад. Одного полицейского я знаю — Роулинс, старший инспектор. Он говорил что-то об убийстве.

— Чепуха, Эффи, не беспокойся. Спасибо, что позвонила. Я послал тебе с человеком чемоданчик, ты пригляди за ним, там мои вещи. Извини, я спешу. Счастливо!

Он повесил трубку и застыл, погрузившись в раздумье. Во входную дверь резко постучали. У миссис Якобс, которая убирала квартиру, был свой ключ: значит, не она. Нетрудно догадаться, кто пришёл...

Керриден беззвучно скользнул к окну и посмотрел через занавески во двор. С дома не спускали глаз двое коренастых мужчин. Одним из них был Роулинс.

На своём веку Керриден побывал во многих переделках и никогда не терялся. И полиция не первый раз шла по его следам. Он знал, что делать.

Он быстро прошел в спальню, открыл шкаф и надел на себя висевшее там легкое пальто и шляпу. На дне шкафа лежал небольшой рюкзак с необходимыми вещами — как раз на такой случай. Керриден схватил его, вытащил из ящика стола пачку купюр и сунул их в карман пальто. Уже более настоятельный стук застиг его в гостиной. Он усмехнулся, закинул рюкзак на плечо и вышел в коридор. Прямо над его головой находилось слуховое окно. Он отвел задвижку, сдвинул раму, подпрыгнув, ухватился за край и подтянулся на руках.

Со стороны двора его закрывала дымовая труба. Зная, как тщательно действует Роулинс, Керриден не сомневался, что за домом наблюдают и с улицы. Поэтому, держась ближе к центру крыши, он пополз к гаражам. Предпоследний в ряду бокс оказался пустым. Керриден поднял раму и осторожно пролез на пыльный затхлый чердак. Потом спустился по лесенке, потихоньку приоткрыл дверь гаража и выглянул во двор. Роулинс и его спутник стояли к нему спиной, задрав головы, смотрели на окна второго этажа. Многие шоферы перестали мыть машины и с интересом наблюдали за происходящим. Керриден ждал. Все взоры были прикованы к дому, но он понимал, что первый же его шаг привлечет всеобщее внимание. Роулинс обменялся несколькими фразами со своим коллегой, решительно кивнул и быстро пошел к выходу со двора.

Керриден отпрянул от щелки и замер, пока шаги Роулинса не стихли. Потом снова выглянул.

Роулинс исчез, зато другой полицейский явно собирался торчать здесь целый день. Керриден терпеливо ждал. Через несколько минут детектив повернулся к нему спиной и побрел в дальний конец двора. Керриден, не колеблясь, проскользнул в дверь и направился к улице, каждую секунду ожидая услышать позади себя окрик, с трудом удерживаясь от соблазна оглянуться. Однако ничего не произошло. Благополучно выйдя со двора, он ускорил шаги и двинулся по направлению к Гайд-Парк-Корнер.

3

На воротах, в двухметровой зеленой стене, висела табличка: «Чейни-Уок. Художественные мастерские».

Керриден помедлил секунду, огляделся по сторонам и вошел в ворота. Огромный асфальтовый двор был полон маленьких коттеджей с застекленными крышами. Номер 2а, крошечный, аккуратный домик с побеленными стенами,

стоял в самом конце левого ряда, словно архитектор, заду-
мав построить пятнадцать мастерских, нашел место лишь
для четырнадцати, а последнюю стыдливо спрятал.

Керриден приблизился к выкрашенной в синий цвет
двери и позвонил. Потом, втянув голову в плечи и засунув
руки в карманы, стал ждать. Он совершенно не пред-
ставлял, что говорить сестре Мэллори, и рассчитывал только
на свою сообразительность — сама внешность Энн подка-
жет ему нужные слова. Стоя под теплым солнцем, Керриден,
будто взявшая след гончая, чувствовал растущее возбуж-
дение.

Дверь открылась, и на пороге возникла молодая девуш-
ка. С первого же взгляда он испытал острое разочарование,
ожидая почему-то увидеть кого-нибудь наподобие Риты
Аллен. Но сестру Мэллори никак нельзя было назвать
эффектной. Среднего роста, очень худенькая, с тонкими
и слабыми руками. Ее широко раскрытые серо-голубые
глаза смотрели прямо и приветливо, под скромным платьем
угадывалось хрупкое тело. Все вместе взятое производило
впечатление ранимости и незащитности.

— Добрый день,— сказала девушка спокойным чистым
голосом.

Ее лицо осветилось улыбкой. Казалось, она говорит
Керридону, что он ей нравится, что она встречает его добром
и верит, что ей отплатят тем же.

Охотничий азарт и самоуверенность слетели с Керриде-
на, как шелуха, надежды на сообразительность развеялись
в дым. Эта тихая наивная девушка с большими серьез-
ными глазами выбила его из колеи. И у него вырвалось
то, чего он никак не собирался говорить — правда.

— Я разыскиваю вашего брата, Брайана Мэллори,—
робко произнес он.— Ведь вы его сестра?

Улыбка дрогнула, лицо девушки омрачилось.

— Как, разве вы не знаете? — сказала она, будто сразу
признав в Керридене старого товарища.— Брайан погиб.
Почти два года назад.

Глава 7

1

Гостиница «Эндфилд» на Брюэр-стрит явно не при-
надлежала к числу первоклассных. Вывески над входом, за-
жатой между фотоателье и магазином канцелярских това-
ров, не было. Название гостиницы оглашали золотистые

буквы, выделенные на стеклянных панелях так давно и витиевато, что прочитать его было невозможно.

За распахивающимися в обе стороны двухстворчатыми дверьми начиналась крутая лестница, наверху которой зачем-то висел пыльный занавес из бусинок, противно гремящих на постоянном сквозняке. Занавес отгораживал от ступеней маленькое темное, почти квадратной формы фойе с шестью креслами, тремя бамбуковыми столами и двумя чахлыми пальмами, растущими в тусклых медных горшках.

Административная часть находилась тут же, рядом. На взгляд простого постояльца, она состояла из вечно запертой двери с табличкой «УПРАВЛЯЮЩИЙ» и небольшой, но грозной надписью «Посторонним вход строго запрещен» и крошечного окошка, напоминающего железнодорожную кассу. Согнувшись в три погибели и постучав, вы могли обратиться в это окошечко с просьбой о комнате, а после томительного ожидания получить и ключ, не видя при этом ничего, кроме черного корсажа, пыльного и плоского, и дряблых рук жены управляющего.

Расположенная неподалеку от кабинета управляющего дверь с табличкой «Комната отдыха. Только для проживающих в гостинице» вела в помещение даже еще более темное и унылое, чем фойе. Свет с трудом проникал в два маленьких окна, которые выходили на тыльную сторону зданий по северной стороне Чансери-Лейн, и в комнате отдыха царили полумрак и затхлость. К холодному пустому камину зябко жались азиатские ландыши, в самых темных углах притаились расставленные попарно старые кожаные кресла. За бамбуковым столом возле одного из окон сидел Ян Шиманович, человек в черном берете.

Вот уже почти час, плотно сведя колени и спустив массивный подбородок на сжатые кулаки, Ян предавался воспоминаниям. Так он проводил почти все свободное время. Вся его жизнь теперь заключалась в прошлом. Будущего у него не было. Он напоминал человека, страдающего неизлечимой болезнью, смерть которого могла наступить в любую минуту, без предупреждения. К такой перспективе он относился с полным безразличием, если задумался о ней вообще. Думы его постоянно занимали два человека: Шарлотта и Мэллори.

О своей жене он сохранил точные и прекрасные воспоминания. Ему стоило лишь закрыть глаза, и она возникала перед ним ярче, чем в жизни. И сейчас, тоскуя в мрачной пыльной комнате, он видел перед собой ее образ: невысокая,

крепкого сложения женщина, склонная к полноте, с мускулистыми ногами, широкими бедрами и спадающими на плечи волосами цвета вороньего крыла. Шарлотте не было и семнадцати, когда они поженились. В тридцать пять она погибла.

Ян старался воскресить в памяти малейшие подробности каждого дня их совместной жизни. Он вспоминал и тяготы лишений, и простые скромные радости, вспоминал адский труд на купленной им — поляком в чужой стране — ферме. Он вспоминал отчаянные попытки вылезти из бедности, мужество и доброту Шарлотты, как гневным огнем зажглись ее глаза, когда она узнала, что второй раз за двадцать пять лет Германия напала на Францию. Он ждал, что его призовут в армию, но враг прорвал линию Мажино, и маленькая ферма около Седана сразу же попала под власть гитлеровцев. Яна, конечно, посадили бы в лагерь, если бы Шарлотта не спрятала его и не держала в укрытии, пока не схлынула волна немецких солдат. Именно тогда у нее родилась мысль вместе пойти в ряды Сопротивления. Ян сперва колебался: это дело мужское, но она настояла.

Пьер Гурвиль и Жанна приняли их с радостью, и они вчетвером как только могли подрывали коммуникации бошей. Позже к ним присоединились Джордж, Любош и Ренли; потом Гаррис и, наконец, Мэллори.

Ян не доверял англичанам. Разве не Англия обещала помочь Польше? Разве не англичане втянули Францию в войну? Разве не они позорно бежали из Дюнкерка на свой остров, оставив Польшу и Францию на произвол Гитлера?

Мэллори Ян доверял еще меньше, чем двум остальным англичанам. Он не любил его потому, что Мэллори относился к их делу, как к игре, совершенно не обращая внимания на опасность, которая жутким страхом выедала сердце Яна. Страхом не за себя — за жену.

Когда Жанна сообщила, что Мэллори выдал Гурвиля, он не удивился. Сам он избежал ловушки гестапо только потому, что пришел позже, через несколько часов после того, как взяли Гурвиля. И нашел тело Шарлотты и Джорджа, убитых в перестрелке.

Сперва ему казалось, что Шарлотта не могла умереть. Ян жил словно в оцепенении, все время ожидая услышать ее громкий смех, увидеть, как она готовит еду или стирает с тем умиротворенным выражением лица, которое служило ему постоянным напоминанием об их счастье.

Он не мог поверить, что ее нет. Он слышал слова, но

мозг его был будто в тумане. Лишь через несколько дней он понял, что в смерти Шарлотты повинен Мэллори. Тогда отчаяние и горе сменились жадной мести. Ян рвался в одиночку кинуться на поиски предателя, но Жанна уговорила его подождать. Она тоже хотела свести с ним счеты и убедила Яна в том, что им надо подготовиться, в частности, Яну необходимо овладеть английским языком, так как охотиться за Мэллори предстоит в Англии.

Больше года он изучал английский. Любош, Гаррис и Ренли добровольно вызвались остаться с ними. И Ренли, который давал уроки Яну, был поражен его успехами. Все это время — пока они готовились, пока откладывали каждый грош, зарабатывая деньги любой черной работой — все это время Ян лелеял свою ненависть к Мэллори и не мог смириться с тем, что в охоте участвуют посторонние. Он сомневался в своих силах, не был уверен, что сумеет обойтись без помощи в чужой стране, но мысль о том, что Гаррис и Ренли вмешиваются в глубоко личное дело, наполняла его горечью.

Затаил он неприязнь и к Жанне, — за ее ненависть к Мэллори, — считая, что ее любовь к Гурвилю не идет ни в какое сравнение с его любовью к Шарлотте. С самого начала он осуждал их связь. Им нужно было пожениться, раз уж они дорожили друг другом. Супружество — вот единственный исход настоящих отношений между мужчиной и женщиной. Если бы они были женаты, он, скрепя сердце, признал бы за Жанной право на мечь. Но они не поженились. В таких отношениях не могло быть искреннего чувства.

Если бы он только мог сделать все сам, думал Ян, сидя в кресле у окна, давно бросил бы Жанну и Ренли и продолжал охоту за Мэллори в одиночку. Но без них он обязательно вляпается в Лондоне в какую-нибудь историю, которая неминуемо приведет его в полицию. А там обнаружат, что у него нет паспорта, и отправят обратно во Францию или, еще хуже, в Польшу. И продовольственные карточки умеет доставать только Жанна, и деньги все у нее, а что можно сделать без денег? Мысль о том, что врага ищет Керриден, его бесила. Он бурно протестовал, когда Ренли предложил воспользоваться посторонней помощью, но Жанна согласилась с этим, и они оказались в большинстве — двое против одного.

Единственное, что принесло Яну удовлетворение, это смерть Крю. Впервые после приезда в Англию он взял инициативу в свои руки — пока Ренли и Жанна в растерян-

ности колебались. Не успел Ренли выйти из квартиры, как он всадил воришке пулю в голову. Жанна находилась в соседней комнате. Ян старался заглушить звук выстрела подушкой, но она все же услышала и вошла как раз в тот момент, когда Крю уже лежал на полу, а он сам гасил загоревшуюся наволочку.

Жанна, надо отдать ей должное, не закатила истерику, а сразу же увидела возможность держать Керридена в руках. Яну никогда бы не пришло в голову свалить на него убийство Крю. Он сомневался, что на пистолете сохранились отпечатки пальцев Керридена, но, как сказала Жанна, это не имеет значения, пока сам Керриден в это верит. Главное, его можно было держать в узде. Теперь Ян хотел убедить Жанну отказаться от услуг Керридена, забрать деньги, а если он заартачится, расквитаться с ним.

Еще оставался Ренли. Он был ненадежен, да и смерть Крю его потрясла. Ян никогда не доверял этому слабаку. Правда, он неплохо показал себя во Франции, выдержал пытки гестапо, но это было во время войны, которая делает мужчин мужественными, а год покоя и безделья превратил Ренли в тряпку. Вскоре придется заняться и им...

Дверь в комнату отдыха открылась, и вошел пожилой человек. Он остановился на пороге, всматриваясь в темноту. Его морщинистое лицо выражало недовольство.

— Опять куда-то задевали «Таймс»! — проговорил он дребезжащим голосом. — Где только не искал... Я не собираюсь долго терпеть эту комедию!

Ян кинул на него презрительный взгляд и вновь отвернулся к окну.

Старик в нерешительности колебался. Гнев подточил его силы. Он был одинок, тянулся к общению и с радостью присел бы, чтобы поговорить с этим парнем, на вид иностранцем, но у него не хватило духа завязать беседу.

— Извините за беспокойство, я не знал, что здесь кто-то есть, — робко произнес он. Потом, так как Ян промолчал, старик стал хорохориться: — Уму непостижимо, как вам разрешают въезд в страну! У нас и так достаточно иностранцев. Вероятно, в правительстве сидят сумасшедшие! Нам самим скоро нечего будет есть.

— Уходи, старый идиот, — не поворачивая головы, бросил Ян.

— Что? Что вы сказали? — забеспокоился старик, очень удивленный. — Прошу прощения, я плохо слышу. Повторите, пожалуйста.

Ян нетерпеливо повел плечами, не считая нужным отве-

тить. Старик замялся, чувствуя презрительное к себе отношение, и, не зная, что делать, пробормотал:

— Вы случайно не видели «Таймс»?.. Я буду жаловаться управляющему. Вам не понять: это часть уклада нашей жизни...

Он вышел в коридор и, шаркая ногами, направился к кабинету управляющего, оставив дверь в комнату приоткрытой.

Ян встал, закрыл дверь, потом вновь занял свое место за столом и стал планировать смерть Ренли.

2

Жанна Персины вошла в гостиницу и медленно, задумчиво стала подниматься по ступенькам, сжимая под мышкой несколько газет. Она раздвинула занавеску из бусинок как раз в тот момент, когда старик, который хотел завязать беседу с Яном, стучал в окошко управляющего. При виде Жанны его рука застыла в воздухе. Он заметил молодую женщину в первый же день ее приезда и с тех пор задавался вопросом, кто она такая. Он уже много лет жил в «Эндфилде» и ненавидел его всей душой. Но пенсия отставного капитана английской колониальной армии в Индии не позволяла ему отыскать место получше. Старика звали Генри Мидоус. Семидесятитрехлетний и совершенно одинокий, он давно не видел в гостинице такой молодой и красивой женщины. Жанна, в черном свитере и черных брюках, казалась ему пришедшей из другого мира.

— Доброе утро,— сказал он тонким дрожащим голосом и поклонился.— Вы сегодня рано... Ага, газеты! Я как раз разыскивал «Таймс». У вас случайно...

Окинув его холодным неприязненным взглядом, Жанна молча прошла мимо. Такая грубость и полное пренебрежение будто физически ударили старика. Он повернулся, провожая девушку глазами, и неожиданно почувствовал себя очень старым и никому не нужным.

Жанна вошла в комнату отдыха и закрыла за собой дверь.

— Полиция обнаружила труп Крю,— спокойно сообщила она, по-французски.

Ян подпрыгнул и быстро обернулся.

— Я не слышал, как ты вошла,— сказал он, оправдывая свою нервозность.— Что, уже трубят?

Жанна бросила газеты на стол и села в пыльное кресло в дальнем углу.

— На первой странице.

Ян стал просматривать газеты. На его гладком пухлом лице ничего не выразалось.

— Керриден описан точно,— отметил он, закончив чтение,— ему не ускользнуть.

— Не думаю. Он достаточно хитер — выкрутится. И с еще большим рвением будет искать Мэллори.

Ян отбросил газету и пытливо посмотрел на Жанну.

— Но если его схватят, он расскажет про нас. Зря мы связались с таким типом. Надо было действовать самостоятельно.

— Перестань ворчать, надоело! — раздраженно воскликнула Жанна.— Если кто-нибудь и способен отыскать Мэллори, так это он. Сам посуди: он лучше нас знает страну и, кроме того, неизвестен нашему врагу.

— Повторяю, мы совершили ошибку,— сказал Ян настойчиво.— Я был против с самого начала. Зачем ты послушалась Ренли?

— Ты невежда,— повысила голос Жанна.— Только и можешь критиковать. Ты так глуп и упрям, что готов броситься в пасть волка, разделить участь Гарриса и Любоша. Ну, а я на это не согласна. Ты хочешь расправиться с Мэллори сам, но для этого тебе не хватит мозгов,— как и мне, и Ренли. А Керридону хватит. Сколько раз я должна повторять? Какая разница, кто покончит с Мэллори? Лишь бы с ним было покончено!

— Это ты так думаешь,— хрипло возразил Ян. Его глаза горели сдерживаемым гневом.— Я желаю убить его собственными руками, и я доставлю себе это удовольствие!

— Ну, что ж, валяй! — вспыхнула Жанна.— Не собираюсь тебя останавливать. Найди его и убей... Если сумеешь!

— Сумею — в свое время,— заверил Ян.— Вот уже больше года я жду этого момента. Мне только не хватало зависеть от каприза женщины!

— Господи, какой дурак! — презрительно бросила Жанна.— До сих пор все делала я. Это я провезла тебя в страну, я составляла планы и доставала карточки, которые дают нам возможность существовать. Я нашла Керридена. А ты... Все, что ты сделал, это убил Крю, и еще не известно, не придется ли нам об этом жалеть. И ты еще смеешь говорить о женских капризах!

— Увидим,— сказал Ян, отворачиваясь к окну.— Лично я не стал бы ждать. Тебя, может, это и устраивает, но меня нет. Если мы хотим быть вместе, придется действо-

вать активнее. Иначе я возьму часть денег и займусь делом сам.

— Деньги проси у Керридена, — с насмешливой улыбкой парировала Жанна. — Они теперь у него, и если ты думаешь...

Она внезапно замолчала, так как дверь открылась, и на пороге возник Ренли. Он бросил на них быстрый взгляд, закрыл дверь и со смущенным видом подошел к камину.

— Почему ты вернулся? — спросила Жанна, подаваясь вперед. — Где Керриден?

— Не знаю, — ответил Ренли. — Я его потерял.

Наступило долгое молчание. Потом Ян повернулся к Жанне, грозно тряс пальцем.

— Вот видишь! Он удрал вместе с деньгами! А ты еще называешь меня дураком!

— Замолчи, — еле сдерживаясь, процедила Жанна, неожиданно встала и подошла к Ренли. Черные глаза пылали на ее бледном напряженном лице. — Как это случилось? Я же велела тебе не выпускать его из виду! Что произошло?

— Он отправился к себе домой, — спокойно ответил Ренли. — Я наблюдал, пока не погас свет, и решил, что Керриден лег спать. С утра я ничего не ел и забежал в кафе напротив перекусить. Меня не было от силы четверть часа. Всю ночь я провел возле его двери, но утром он не вышел. Вероятно, смылся, пока я был в кафе.

Жанна яростно взмахнула руками.

— Почему ты мне не позвонил? Тебя мог бы подменить Ян. Ты что, не в состоянии соображать? Мне надо растолковывать тебе каждую мелочь?

— Его счастье, что он удрал вечером, — произнес Ренли, поджав губы. — Утром явилась полиция... Они все еще были там, когда я ушел.

Жанна и Ян переглянулись. Ян встал.

— Полиция? — переспросила Жанна.

— Да. Мне повезло, что сам не влип — вовремя заметил полицейскую машину.

— Видишь! — торжествуя воскликнул Ян. — Говорил же, найдут!

— Его еще не поймали, — заметила Жанна, скрывая свое беспокойство.

— Я сделал все, что мог, — продолжал Ренли. — Пойду спать — всю ночь не сомкнул глаз. А вы подумайте, что нам делать.

— Больше мы его не увидим, — с горечью сказал Ян. — Удрал вместе с деньгами. Теперь, когда за ним гонится

полиция, плевать ему на нас. Очередной провал...— Он бросил на Жанну неприязненный взгляд.— Пора заняться тем, что мы должны были сделать неделей раньше — найти Мэллори. Я пойду на встречу с Ритой Аллен.

— Можешь себя не утруждать,— опрометчиво выпалил Ренли.— Она мертва.

Не успел он это произнести, как понял, что допустил промашку.

— Мертва? — повторила Жанна.— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Керриден,— признался Ренли, сознавая, что врать опасно.

— Керриден? — Ян и Жанна переглянулись.— Когда это он тебе сказал?

Ренли переступил с ноги на ногу, вытащил портсигар и размял сигарету, чтобы дать себе немного времени подумать.

— Вчера вечером. Мы... мы столкнулись случайно на улице. Он был у нее дома.

— Ну-ка погоди! — Ян насторожился, и глаза его стали ледяными.— Почему ты не сообщил об этом сразу?

Ренли нервно закурил. Его руки дрожали.

— Вы же не даете мне возможности! — резким тоном ответил он.— Я просто не успел.

— Неужели? Что-то не похоже. Ты говоришь, она мертва. Как она умерла? Что произошло?

— Керриден думает, что ее убил Мэллори.

Ян и Жанна вздрогнули.

— С чего он взял? — спросила Жанна, подняв руки к горлу.

Тем временем Ренли обрел самообладание.

— Керриден провожал Риту Аллен,— объяснил он спокойно,— а Мэллори, по его мнению, прятался у нее в квартире. У Риты развязался язык, и Мэллори, вероятно, услышал ее признания. Она поднялась наверх за какой-то вещью, потом раздался дикий крик... Рита лежала у подножия лестницы со свернутой шеей. Керриден уверен, что постарался Мэллори. Похоже на правду. Не представляю, кто бы мог это сделать, кроме него.

Ян подошел к нему вплотную.

— Что еще тебе известно? Ты ничего не скрываешь?

Ренли отпрянул от пронзительного злобного взгляда.

— Что мне скрывать? — жалобно проговорил он.

— Да? А для чего эта женщина поднялась наверх?

— Откуда я знаю! Керриден не расписывал мне все детали.

— И ты его не спрашивал? Точно? Или, может быть, просто нам не говоришь?

— Что ты себе...— сердито начал Ренли, но его перебила Жанна.

— Хорошо, Ренли, достаточно. Иди спать.

— Нет, недостаточно! — взорвался Ян.— Он врет! Я ему не верю! Я никогда ему не верил! Он что-то утаивает!

— Ты что несешь? — встревоженно воскликнул Ренли.— Попридержи язык! Я не больше твоего знаю, что сообщила ему Рита. Керриден не из самых разговорчивых!

— Оставь его в покое, Ян,— сказала Жанна.

— Ну нет! — вскричал поляк вне себя от ярости.— Я доберусь до правды!

— Иди ты к черту! — заорал Ренли и, повернувшись, направился к двери.

— Ренли!

Что-то в голосе Яна заставило англичанина быстро оглянуться, и он увидел наставленный на него маузер.

— Не двигайся! — продолжал Ян.— Я хочу...

— Спрячь пистолет, болван! — закричала Жанна.— Сюда идут.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Генри Мидоус, с детским восторгом размахивающий номером «Таймс».

— Миссис Коддистолл с самого утра...

Увидев пистолет, он запнулся на полуслове и замер с разинутым ртом. Блеклые глаза под редкими белесыми ресницами широко раскрылись и бегали между Яном, Ренли и Жанной.

— Что случилось? Что здесь происходит? — хрипло выдавил он.

Ян торопливо убрал пистолет в плечевую кобуру и с угрожающим видом шагнул к старику.

— Ян! — предостерегающе одернула его Жанна.

Мидоус попытался.

— Что... что... что...

Голос изменил ему под безжалостным свирепым взглядом Яна, и, бросив «Таймс» на пороге, он убежал, быстро семеня ногами.

На миг в комнате воцарилась тишина. Первой ее нарушила Жанна; и голос ее прозвучал одновременно сдавленно и яростно:

— Сумасшедший! Проклятый идиот! Ты все испортил! Думаешь, старик будет молчать? Нам надо сматываться! Живо! Собираем вещи!

— Ничего он не сделает,— ошеломленно пробормотал

Ян.— Он выжил из ума.

— Поднимайтесь и укладывайте вещи! — повторила Жанна.— Если только он вызовет полицию...

Она оттолкнула Яна и выскочила в коридор. Старик исчез. Жанна бегом бросилась к лестнице.

— Она права.— У Ренли от волнения стало дергаться лицо.— Ты действительно сумасшедший дурак! И слишком любишь размахивать оружием.

Он тоже кинулся к двери. Ян, что-то ворча, последовал за ним.

— Идите скорей! — позвала Жанна с верхней площадки.— Он ушел. Скорей!

Они побежали по лестнице. Никому и в голову не пришло заглянуть в телефонную кабину возле кабинета управляющего. Генри Мидоус был там, скрючившись в три погибели. Его стариковское сердце судорожно колотилось в чахлой груди. Пистолет! Боже мой, в гостинице «Эндфилд»!.. Если бы не он, Мидоус, в комнате отдыха могло произойти убийство! Вот так!.. Этим иностранцам нечего делать в его стране. Господи, да его самого могли застрелить!..

Он задрожал. Но офицеру не должно бояться оружия. Мидоус знал, что надо делать и был преисполнен решимости выполнить свой долг. Как только Ян и Ренли исчезли на лестнице, он выпрямился. Ему не хватало воздуха, тело сковала невероятная слабость, но не колеблясь старик снял трубку и, подслеповато прищурившись, — некогда идти за очками, нельзя терять ни секунды! — дрожащим пальцем набрал номер 999.

3

Они вышли из своих комнат одновременно, держа в руках по кожаному чемоданчику. Все трое были одеты в старые зеленого цвета плащи и черные береты, которыми их снабдили во Франции. Стоя на лестничной клетке, крепко прижавшись друг к другу, они чувствовали свое единство и силу, как во время войны, когда самозабвенно сражались с общим врагом. Несмотря на свое сомнительное положение, Ренли ощутил прилив энергии и бодрости. Он неожиданно понял, что жизнь для него — именно в этих ощущениях. В настоящих, не книжных событиях. В действии. И еще он с удивлением осознал, что доведись ему заново строить жизнь, он вновь связал бы свою судьбу с этими иностранцами. Приключения, опасность — но только не

жалкое существование: квартирка в сером районе, опустылевшая жена, нудная работа... Жизнь человека из толпы...

Гостиница затаилась. В комнате отдыха было пусто, даже занавес из бусинок застыл, будто окаменев при виде беглецов. Все трое знали, что за ними наблюдают. За те десять минут, пока они кидали вещи в чемоданы, ситуация изменилась; бурная деятельность подконтрольных сил готовила им ловушку. Атмосфера нависшей катастрофы на каждого из них влияла по-разному.

Ренли был возбужден, полон отваги — как школьник, посмотревший фильм о герое, который в одиночку прорвался через стан врага.

Ян был испуган. До сих пор все складывалось для него удачно, и он не мог поверить, что фортуна отвернулась. Теперь, если их общее дело сорвется, то только по его вине, по его собственной непростительной глупости. Скоро облеченные властью лица узнают, что у него есть оружие. Полиция начнет расследование, а он до смерти боялся полиции. Если его сцапают, то посадят в тюрьму. Мысль о том, что он попадет в тюрьму, а Мэллори будет разгуливать на свободе, приводила его в бешенство. Ян был готов на все, лишь бы не угодить в лапы полиции. Для него война продолжалась и он находился во вражеском лагере. Он не отступит перед смертью, не отступит перед убийством, если это поможет ему ускользнуть.

Жанна это почувствовала и понимала, какую опасность представляет собой Ян в таком состоянии. Попытаться сейчас отобрать у него оружие бесполезно. Он всегда был безжалостен, и если она станет ему перечить, то пойдет против нее. Жанна надеялась только на удачу, на счастливый случай, который помог бы им беспрепятственно выйти из гостиницы.

Она спускалась первой, за ней следом Ян, Ренли шел замыкающим. Они двигались спокойно, не спеша, ожидая, что капкан вот-вот захлопнется. Ренли оглянулся и увидел голову женщины, склонившейся над перилами; женщина тут же испуганно отпрянула.

Жанна уже спустилась до середины лестницы, когда заметила движение, которое заставило ее замереть. В дверях комнаты отдыха стоял Мидоус, он сразу же исчез, увидев их. Жанна успела разглядеть только тощую ногу в старом, но тщательно начищенном ботинке. Значит, старик стоял на страже, так же как и жена управляющего, прильнувшая к окошку — амбразуре своей крепости.

Мидоус не терял времени даром. Он позвонил в поли-

цию и предупредил управляющего: оружие в руках иностранцев! Волна паники проникла под мирный покров гостиницы. Даже старый швейцар, который по своей должности обязан был задерживать жильцов, намеревающихся съехать, не заплатив, покинул свой пост и укрылся в мужском туалете.

Управляющий сперва отказался поверить Мидоусу и уж было решил убедиться лично, но по здравому размышлению передумал. Конечно, Мидоус — выживший из ума занудный старик, но, в конце концов, он бывший офицер, а британская колониальная армия не плодила лжецов и паникеров. Пусть разбирается полиция!.. Управляющий не вышел из своего кабинета и на всякий случай даже заперся на ключ.

Троица достигла фойе.

— Идем,— сказала Жанна, полагая, что счастье им улыбнулось.

Она шагнула к последнему пролету, раздвинула занавес из бусинок и резко остановилась. В гостиницу только что вошли двое полицейских. Они подняли головы, и один из них крикнул: «Минутку, мисс!» и устремился к ней навстречу.

Жанна поняла, что в одно мгновение пропали труды четырех лет. Ее охватила паника. Она хотела повернуться и бежать и, без сомнения, поступила бы так... Но бежать было некуда.

Полицейский — высокий светловолосый молодой парень с решительными глазами — уже почти настиг ее, когда напряженную тишину гостиницы разорвал оглушительный выстрел маузера.

Глава 8

I

«Брайан погиб. Почти два года назад».

Керриден даже не пытался скрыть свое удивление. Его взгляд переместился с лица девушки на синие и белые цветы ее платья. Он никак не ожидал услышать подобный ответ и сразу подумал: ей известно, что он охотится за Мэллори, и таким образом она пытается сбить его со следа.

— Я не знал,— тихо произнес Керриден.— Прошу прощения. Если бы я знал, то не стал бы вас беспокоить.

Он с трудом оторвался от ее платья и, подняв глаза, встретил прямой честный взгляд.

— Ничего,— сказала девушка быстро, словно желая ободрить его.— Два года — долгий срок. Сначала мне было очень тяжело... Но нельзя же вечно жить прошлым, правда?

— Пожалуй,— согласился Керриден, не представляя, что делать дальше.— Очевидно, мне не имеет смысла продолжать поиски. Очень жаль.— Затем, поняв, что говорит не то, поспешно добавил: — Трудно поверить, что такой человек, как Мэллори, мертв.— Он отступил на шаг, нагнулся и взял лямки рюкзака.— Не смею вас больше отвлекать...

Керриден чувствовал, как ее серые глаза внимательно изучают его, и думал, не узнала ли она в нем недруга брата.

— Нет-нет, так вы не уйдете,— живо проговорила Энн.— Войдите, прошу вас. Вы с ним вместе воевали? Вы тоже летчик?

— Нас познакомили,— осторожно ответил Керриден.— Замечательный был человек... Между прочим, я Керриден, Мартин Керриден. Не хочу вам мешать...

Девушка сделала шаг в сторону и широко распахнула дверь.

— Входите, прошу вас.

Он переступил через порог и оказался в просторной студии. Деревянный каркас застекленной крыши бросал строгие квадратные узоры теней на зеленый пробковый пол. На подрамнике стоял незаконченный холст с изображением нагой женщины. Керриден совершенно не разбирался в живописи, но его поразили глаза этой женщины. Казалось, они смотрят прямо в душу.

— Замечательно! — невольно вырвалось у него.— Ваша работа?

— Да.

Едва доставая головой ему до плеча, Энн, засунув руки в большие карманы платья, стояла так близко, что почти касалась Керридена. Некоторое время они молча смотрели на картину, затем, с оттенком печали в голосе, девушка произнесла:

— Брайан шутя назвал бы ее открыткой. Он мне сильно помогал. В нем от природы было заложено отличное чувство перспективы.

Глаза нагой женщины, слишком честные и пронизательные, начали беспокоить Керридена. Он отвернулся и стал рассматривать студию, в которой царил образцовый по-

рядок. С одной стороны помещения находились полки с книгами, и их пестрые переплеты красиво сочетались с многочисленными цветами, расставленными по комнате, и с развешенными по стенам картинами. Большой, покрытый подушками диван занимал место в одном углу, в другом стояла радиолка.

Работы на стенах были выполнены рукой Энн. Керриден узнал ту же внутреннюю энергию, те же яркие краски и твердую точную кисть. Он еще удивился про себя, что такая хрупкая на вид девушка пишет такие мощные картины. Если в творчестве проявляется характер, то значит в ней таится немалая сила. Сила духа.

Керриден чувствовал себя явно не в своей тарелке, не знал, с чего начать, о чем говорить. Энн же, наоборот, была очень приветлива и обращалась с ним, как со старым знакомым.

— Когда вы познакомились с Брайаном?

Она неожиданно повернулась к нему, и Керриден с замешательством обнаружил, что ее взгляд такой же пронзительный и честный, как у женщин на картине.

— Мы встретились случайно,— ответил он, жалея, что не ознакомился подробнее с биографией Мэллори, которую предоставил ему Ренли.— В течение недели жили под одной крышей... Он дал мне займы десять фунтов. Я хотел их вернуть.

— Садитесь, пожалуйста,— пригласила Энн.— Я давно не встречала никого из его знакомых. Теперь мне жаль, что я мало ими интересовалась... Что-нибудь выпьете, или, считаете, рано?

— Выпить для меня никогда не рано,— сказал Керриден, снимая пальто. Пока она доставала из буфета джин и бутылку «Дюбонне», он продолжал: — После войны я долго провалялся в госпитале, а затем отправился в Америку. И вот недавно вернулся оттуда и вспомнил, что должен вашему брату деньги. Честно говоря, я подумал, что это прекрасный повод для встречи. Попытался найти его адрес в телефонном справочнике, но вместо его имени нашел ваше. Он как-то упомянул про сестру Энн. Я догадался, что это вы, и вот пришел...

— Что он вам обо мне рассказывал? — Она поставила бутылки на столик. Руки у нее чуть дрожали.— Садитесь же!

— Не помню,— ответил Керриден, опускаясь в кресло.

Он не собирался лгать больше, чем необходимо. Ему и так было необычно трудно играть взятую на себя роль,

постоянно приходилось подавлять порыв во всем признаться, поведать ей о Жанне, Яне и Ренли, о причинах, которые заставили его искать Мэллори.

— Мы разговорились о своих близких, и он упомянул вас. В памяти осталось имя Энн — мое любимое.

— И вы забыли остальное? Как жаль! Признаюсь, я немного сентиментальна. Мне дорого все, что связано с Брайаном.

В замешательстве Керриден обратился к помощи новой лжи:

— Правда, я не помню. По-моему, он говорил, что вы красивы...

Она испытующе посмотрела на него.

— Нет, этого он не говорил. Ну ладно. Я не должна была вас расспрашивать.

— Простите. Напрочь вылетело из головы... Я и подумать не мог, что мне удастся с вами познакомиться. — Он поспешил сменить тему. — А как Брайан погиб? Если вы не хотите говорить об этом...

— Не хочу говорить об этом? — Девушка подалась вперед, щеки ее порозовели. Керриден поразился, что вначале она показалась ему некрасивой. — Наоборот, я только и ищу предлога, чтобы поговорить о нем! Второго такого нет!.. Через несколько недель после начала войны его сбили и взяли в плен. Он бежал и вступил в один из отрядов французского Сопротивления. Ему удалось тогда переслать мне письмо — последнее, что я от него получила. Письмо принес американский пилот, его приятель... Брайан казался таким счастливым, работая с этими людьми! Их было восемь, они пускали под откос поезда. Командиром был француз, Пьер Гурвиль. Брайан отзывался о нем восторженно, как о человеке бесстрашном, умном и справедливым. Он вообще писал очень образно, и все восемь членов группы были как живые: два француза, две француженки, два поляка и три англичанина, включая его самого. Одной молодой француженкой, Жанной Персиньи, он просто восхищался. Вероятно, это были замечательные люди. Я страшно волновалась, зная, какой опасности он подвергается, но ничего не могла изменить... Даже написать ему не могла. Потом из министерства военно-воздушных сил мне сообщили, что он попал в руки гестапо и был убит при попытке к бегству. Он погиб за два дня до капитуляции Германии.

«Тупик», — подумал Керриден, уверенный, что девушка говорит то, что принимает за правду.

— Его смерть потом подтвердилась? — осторожно поинтересовался он. — Всякое иногда случается...

Энн бросила на него изумленный взгляд.

— Почему вы об этом спрашиваете?

Керриден решил прощупать, что она знает на самом деле.

— Я недавно говорил о вашем брате... с Ритой Аллен. — Он заметил, как девушка вздрогнула и сжала кулаки. — Вы знакомы? По ее мнению, ваш брат жив. Она утверждает, что несколько недель назад видела его.

Гнев, который обуял Энн при имени Риты, исчез так же быстро, как и появился. Она долго молчала, внимательно глядя на Керридена.

— Что за ерунда? Зачем вы ходили к этой женщине? Я не понимаю.

Керриден смущенно поерзал в кресле.

— Ваш брат говорил и о ней. И вот случайно несколько дней назад мы с ней встретились. Услышав ее имя, я вспомнил, что она была подругой Мэллори. Естественно, я спросил у нее, как найти вашего брата. Адреса она не знала, но заявила, что в прошлом месяце они виделись.

— Что за ерунда! — гневно повторила Энн. — Вы ошибаетесь, она никогда не была подругой Брайана. Он мне о ней рассказывал. С его стороны это было чисто плотское влечение. Вы же знаете молодых офицеров — они словно боятся что-то упустить... Ну, а эта девица сама бросилась ему на шею. И сразу же стала доить из него деньги. Он и встречался-то с ней всего один или два раза... Как у нее хватает наглости делать такие заявления?!

Керриден был удивлен.

— Она дала мне понять, что их знакомство длится около шести лет. Она даже сказала, что он купил и обставил ей домик.

— Домик?! — воскликнула Энн со смесью возмущения и презрения. — Но это смешно! Брайан знал ее всего лишь несколько дней, а потом его послали за границу. Больше они никогда не виделись.

— Он мог вам всего не говорить, — возразил Керриден, раздраженный ее слепой верой в брата. — Братья обычно не рассказывают сестрам...

— Дело не в этом, — перебила она. — Нас не касаются взаимоотношения моего брата и этой женщиной. Она заявила, что он жив? Ну что ж, она лжет!

— Но по какой причине? — спросил Керриден, против воли вовлеченный в спор. — Для чего ей лгать?

Энн сперва растерялась, затем ответила:

— Сколько вы ей заплатили за эти сведения?

Теперь растерялся Керриден.

— Откуда вам известно, что я ей заплатил?

— Говорю вам, я знаю эту женщину. Ради денег она способна на все.

— Да, действительно, я ей заплатил. Однако почему она сказала, что Брайан жив?

— А разве не это вы ожидали услышать? Скажи она вам, что он мертв, вы бы быстро потеряли к ней всякий интерес.

Керриден внимательно смотрел на девушку. Такая мысль не приходила ему в голову, и она посеяла в нем сомнения. Пока он раздумывал, пытаясь решить, солгала ему Рита Аллен или нет, Энн встала, прошла через комнату и остановилась у холста.

— Я начинаю беспокоиться,— произнесла она после продолжительного молчания.— Брайан никогда не упоминал вашего имени. Не знаю почему, но мне кажется, что вы не знакомы с моим братом. Что именно вам от него надо?

Керриден быстро поднялся и хотел что-то сказать, как вдруг заметил, что к дому приближается, пошатываясь, человек в зеленом плаще и черном берете. Ренли! Задышающийся, потный, с безумными глазами, Ренли подбежал к двери, привалился к косяку и стал громко стучать.

Одним прыжком Керриден пересек комнату, распахнул входную дверь и подхватил падающее тело.

— Что случилось? — потребовал он.

— Они гонятся за мной по пятам,— хрипло выдавил Ренли.— Мне некуда было идти... только сюда... Этот проклятый дурак убил двух полицейских...

— Замолчите! — прошептал Керриден и поспешно оглянулся.

Сзади стояла Энн.

— Ваш брат писал в письме о Ренли, помните: один из восьми? Так вот, это он! Вы сказали, что к вашему сожалению плохо знаете друзей Брайана. Теперь у вас есть возможность с ними познакомиться.

2

Щеколда зеленых ворот в высокой белой стене поднялась, и ворота медленно приоткрылись. Прошло несколько секунд. Потом в щель просунул голову полицейский и

внимательно оглядел двор. Удостоверившись, что все спокойно, он решил открыть ворота и, сжимая в руке дубинку, медленно двинулся вперед. За ним появился второй полицейский, тоже с дубинкой.

Коттеджи стояли футах в двадцати друг от друга. Керриден, укрывшись за занавеской, видел из окна проход между двумя домиками, а также часть двора и ворота. Он видел, как оба полицейских осторожно продвигались по узкой дорожке из бетонных плит.

Полицейские шаг за шагом приближались к правостороннему ряду коттеджей. Керриден испытывал к ним симпатию. Слишком жалкими выглядели их дубинки против предполагаемого вооруженного убийцы.

— Вас засекли? — спросил Керриден, не отрывая глаз от окна.

Ренли, без сил повалившийся в кресло, понемногу приходил в себя.

— Не думаю. Я был ярдах в пятидесяти впереди, потом завернул за угол и бросился сюда, по пути никого не встретив. Вряд ли меня видели. Они уже здесь?

— Осматривают двор.

Ренли с трудом поднялся.

— Если меня схватят, я пропал. Кто поверит, будто я не знал, что Ян собирается стрелять?

— Садитесь и молчите, — оборвал Керриден, с беспокойством взглянув в сторону Энн. — Если они не знают, что вы здесь, то это еще полбеды. — Ренли упал в кресло, а Керриден продолжал, обращаясь к девушке: — Мне очень жаль. Я вам все объясню, только не сейчас. Что бы ни произошло, вас я постараюсь не впутывать. Впрочем, полагаю, вы не останетесь безучастной?

Она посмотрела на него — встревоженно, но без испуга.

— Ни вас, ни вашего товарища я никогда раньше не видела. Если полиция будет задавать вопросы, я сообщу им то немногое, что мне известно.

Керриден улыбнулся.

— Это самое разумное. Но мы не можем допустить вашей встречи. — Он взглянул на Ренли. — Придется ее связать. Поройся здесь — надо найти кусок веревки...

Энн быстро сделала шаг назад, но Керриден схватил ее за запястье.

— Прошу вас, будьте благоразумны, — сказал он. — Вы не пострадаете, только не кричите и не вырывайтесь. И Ренли, и меня разыскивает полиция. Мы не хотели бы прибегать к силе — разве что в самом крайнем случае.

Пожалуйста, не пытайтесь сопротивляться. Как только эти двое уйдут, мы оставим вас в покое.

— Я чувствовала в вас фальшь... — произнесла Энн. — Хорошо, я не буду сопротивляться. Я слышала, что сказал ваш приятель. Он убийца, да?

— О господи, нет! Ренли и мухи не обидит. Он приехал в Англию с товарищами вашего брата. Стрелял Ян. Ян, помните? Поляк?

Девушка была настолько смята, что даже не испытывала страха.

— Что все это значит? Зачем вы оба сюда пришли?

— Извините, объяснения позже, — ответил Керриден, когда в комнату вошел Ренли с охапкой ремней и шарфов.

Ренли подошел к окну.

— Так вы не будете сопротивляться?

Керриден отпустил руку девушки, но внимательно за ней следил, подозревая, что она станет кричать. Однако Энн тихо сказала:

— Нет. Что я должна делать?

— Повернитесь и заложите руки за спину.

Она повиновалась, и Керриден быстро связал ее запястья.

— Не очень туго? — спросил он, удивляясь, до какой степени ему не нравятся собственные поступки.

— Нормально.

Керриден смял в кулаке шелковый носовой платок, который дал ему Ренли.

— Откройте рот.

Теперь ей стало страшно.

— Я не буду кричать, — пообещала она и попятилась.

— Послушайте, если произойдет какой-нибудь срыв и вас найдут в таком виде, то непременно захотят узнать, почему вы не позвали на помощь, — терпеливо разъяснил Керриден. — Кляп необходим — для вашей же пользы. Энн немного побледнела, но позволила заткнуть себе рот.

— Ну вот и отлично, — бодро проговорил Керриден. — Давайте пройдем в спальню. Будете лежать на кровати, пока все не останется позади. Как только они уйдут, я вас развяжу.

Они миновали крошечную прихожую и попали в спальню. Девушка села на кровать и подняла на него полные страха и беспокойства глаза.

— Я хочу, чтобы вы мне верили, — сказал Керриден, становясь на колени и связывая ее ноги. — С вами ничего не случится, даю слово.

Энн откинулась на подушки.

— Представляю, что вы сейчас думаете, — продолжал он, желая во что бы то ни стало ободрить ее. — Все будет хорошо. Вы ведь не боитесь, а?

Девушка поколебалась немного, потом покачала головой. Керриден похлопал ее по плечу, улыбнулся и поспешил в студию.

— Ну как? — спросил он, заглядывая через плечо Ренли в окно.

— Думаю, они осматривают каждый дом, один за другим, — ответил англичанин.

— Должен сказать, что вы просто напрашиваетесь на неприятности. Чистое безумие — говорить о таких вещах при посторонних!.. Так что же произошло?

Ренли глубоко вздохнул.

— Ян прикончил двух полицейских! Дурак, сумасшедший кретин!.. Он что-то заподозрил и обвинил меня в предательстве. Я все отрицал. Тогда он вытащил пистолет и стал мне угрожать — прямо в гостинице, в комнате отдыха! И, разумеется, вошел постоялец и это увидел. Жанна поняла, что пахнет жареным, и велела нам складывать вещи. Мы уже спускались по лестнице к выходу, когда появились полицейские. Один из них бросился к Жанне, и Ян спокойно его застрелил. Второй и пошевелиться не успел, как Ян и его ухлопал..

Керриден закурил.

— Единственное, чего не следует делать в этой стране, так это убивать полицейских, — мрачно сказал он. — Хуже неприятностей не бывает... Что потом?

— Я, наверное, потерял голову, — продолжал Ренли тихим голосом. — Сообразив, что они мертвы, я бросил вещи и выскочил на улицу. На гостиницу глазели прохожие — видимо, услышали выстрелы. Представляю, какой у меня был вид. Один тип попытался остановить меня, но я вывернулся. — Ренли неожиданно обернулся. Его лицо подергивалось. — Вы можете не поверить, но Жанна выбежала из гостиницы с диким криком «Держите его!», словно я убийца. Естественно, все бросились за мной, а Жанна и Ян в суматохе сели в полицейскую машину и укатили. Они проехали мимо меня, даже не взглянув, а за мной гналась разъяренная толпа...

— Железное самообладание!.. Ну, продолжайте. Как вы сюда попали?

— Мне повезло. Один раз я налетел на полицейского, но вырвался и удрал. Я путал следы, прятался, снова

бежал. Потом взял такси до вокзала Виктория. Когда я расплачивался с водителем, нас догнала полицейская машина, и один из фараонов заорал шоферу, чтобы тот меня задержал. Мне снова удалось бежать, и все началось заново. Потом я сообразил, что нахожусь рядом с Чейни-Уок. Если бы я не завернул сюда, меня бы поймали.

Керриден хмыкнул.

— Долго оставаться вам здесь нельзя. Вы все испортили, Ренли, спутали мои карты. Я только успел наладить контакт, как появились вы.

Однако англичанин не слушал, занятый собственными переживаниями.

— Кто поверит, что я невиновен? — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Те двое — настоящие дьяволы! Сперва они свалили на вас убийство Крю, а теперь хотят подставить меня.

— Действительно, дьяволы, — согласился Керриден с улыбкой. — Но это не значит... — Он замолчал, ткнул Ренли локтем и кивнул в окно. — Вот они!

Два полицейских и плешивый человек в бежевом вельветовом костюме, скромно державшийся чуть сзади, вышли из-за ряда коттеджей и направились к дому № 2а.

— Ступайте в спальню! Предоставьте это мне, — велел Керриден. — И будьте наготове.

Звонок раздался, когда Ренли был уже в спальне. Керриден дал ему время закрыть за собой дверь, потом пошел открывать.

— Что вам угодно? — небрежно поинтересовался он.

— Мы ищем человека, который находится где-то здесь, — резким голосом ответил один из полицейских и вытянул шею, заглядывая в прихожую. — Высокий, худой, однурукий и одноглазый. На лице шрам. Одет в плащ зеленого цвета и черный берет.

— Такого не видел.

К двери протолкался плешивый. Его маленькие водянистые глазки смотрели напористо и зло, небритый подбородок был агрессивно выпячен вперед.

— А вы кто? — спросил он. — Я вас раньше не видел.

Керриден смерил его надменным взглядом.

— Вам не мешало бы побриться, — заметил он с издевательской улыбкой. — Или вы отпускаете бороду?

— Кто вы такой?

Толстые и дряблые щеки человека в бежевом костюме налились пунцовой краской.

— Меня зовут Хэнли. Я старый знакомый мисс Мэллори. А вам что за дело?

— Я Холройд, Криспин Холройд,— заявил плешивый, будто это все объясняло.— Сосед мисс Мэллори. Где она? Я хотел бы с ней поговорить.

— Она вышла за покупками,— бросил Керриден и демонстративно повернулся к полицейскому.— Это все?

— Если вы не видели интересующего нас человека...

— Нет, не видел.

Холройд потянул полицейского за рукав и зашептал ему что-то в ухо. Керриден уловил слова «Незнакомец... впервые... мне он не нравится...».

Керриден подмигнул полицейскому.

— Если у вас есть свободное время, то через полчаса вернется мисс Мэллори. Она вам за меня поручится.

— Ладно, ладно,— ответил тот, бросил гневный взгляд на Холройда и с явным раздражением вырвался из его рук.— Пошли, Билл,— сказал он своему коллеге.

Керриден наблюдал, как полицейские и Холройд удалились по дорожке.

— Все в порядке,— закричал Керриден, закрыв дверь.

В прихожую вошел Ренли, бледный и напряженный.

— Что будем делать с ней? — Он кивнул в сторону спальни.

— Она-то как раз у себя дома. Вопрос в том, что делать с вами.

Ренли прошел в студию и начал мерить ее шагами.

— Положение безнадежное. Лучше всего, если я добровольно сдамся. Может быть, мне поверят.

— Кто-нибудь видел, как это произошло?

— Не знаю. Вряд ли... Они ведь все от нас попрятались. Выстрелы-то, конечно, слышали, но готов поспорить, что никто и носа не высунул.

— И все же полиции теперь наверняка известно, что вы были не один. У них есть описание Яна. Если его схватят первым, то, возможно, найдут маузер.

— Что же делать? Сдаваться?

— Лучше идите со мной,— сказал Керриден после минутного размышления.— Скоро обнаружат труп Риты Аллен, и тогда все они бросятся на меня. Я направляюсь в Шотландию. Да, между прочим, я вам не говорил, что Мэллори купил вблизи Данбара остров с домом? Прекрасное убежище для нас! И кто знает — вдруг мы случайно обнаружим там его самого?

— Мы пойдем с вами,— бесстрастно отчеканила с порога Жанна, а в комнату мимо нее прошел Ян и наставил на Керридена пистолет.

— Я гляжу, вам доставляет удовольствие затягивать петлю на собственной шее, — насмешливо произнес Керриден, переминаясь с ноги на ногу.

— Без резких движений! — предупредил Ян. В его глазах сверкала злоба. — А ты садись! — велел он, обращаясь к Ренли.

С явным облегчением Ренли сел.

— Выходит, вы следили за своим товарищем? — спросил Керриден.

Жанна подошла к нему со спины.

— Да, — ответила она. — Не шевелитесь, я заберу у вас оружие. Если шелохнетесь, Ян будет стрелять!

— Ради Бога, забирайте, милости прошу... Я-то надеялся, что больше вас никогда не увижу, — сказал Керриден, обернувшись на Жанну через плечо. — Вы, конечно, знаете, что полиция совсем рядом?

Жанна засунула руку в его плащ, вытащила пистолет и отошла в сторону.

— Я все знаю, — коротко бросила она. — Не пытайтесь хитрить, Керриден. И ты тоже, Ренли.

Она обошла вокруг Керридена и опустила пистолет в карман своего плаща.

— Не мешай мне держать его на мушке, — нетерпеливо проговорил Ян. — Постарайся стоять на одном месте!

— Стрельбы не будет. Теперь у нас общие проблемы.

— Ваши проблемы меня не интересуют, — отрезал Керриден. — Я не сторонник убийства полицейских, так что отвечайте сами за себя. А эта хлопушка здорово смахивает на пистолет, из которого угрохали беднягу Крю. Сильно сомневаюсь, что отпечатки моих пальцев сохранились. Теперь, полагаю, я совершенно свободен.

Жанна достала из кармана дневную газету и швырнула ее Керридену.

— Не делайте поспешных выводов! — злорадно усмехнулась она. — Нашли тело Риты Аллен и разыскивают вас.

Керриден пробежал глазами первую страницу и скорчил гримасу.

— Нет хуже врага для преступника, чем таксисты. И меня еще называют «опасным»! Да, развинулись у них нервы... — Керриден бросил газету на пол и холодно улыбнулся. — Разве я похож на «опасного»? — Он закурил и

задумчиво посмотрел на Жанну. — Любопытно, как давно продают этот выпуск?

— Полагаю, не больше часа. Почему вы интересуетесь? Вас здесь видели? — резко спросила она.

— Еще бы! Я имел беседу с двумя полицейскими и одним соседом. Они занимаются поисками нашего друга Ренли. Вы их не заметили по дороге? Когда они прочитают описание, то сразу же вернуться... и с подкреплением.

— Какое описание? — хрипло выдавил Ренли.

Это были его первые слова с тех пор, как появилась Жанна.

Керриден подобрал с пола газету и кинул ему:

— Можете убедиться.

Затем он посмотрел на Жанну.

— При всех обстоятельствах оставаться здесь нельзя. Нам надо сматываться.

Она сделала нетерпеливый жест.

— Все улицы в районе перекрыты полицией. Среди дня проскользнуть не удастся.

— Если мы сейчас же не уйдем отсюда, нас переловят как крыс в ловушке, — сказал Ренли, просмотрев газету.

— Ну вот, опустились до штампов! — рассмеялся Керриден. — Лично я не причисляю себя к крысам.

Ренли бросил на него затравленный взгляд.

— Нужно уходить! Нам нельзя сидеть на месте! Они вернуться!

— Только не нервничайте. Полицейские и этот тип Холройд видели меня здесь. Хорошо — устроимся до ночи в студии Холройда. Если полиция сюда вернется и найдет дом пустым, то они решат, будем надеяться, что я прорвался через кордон. А если они снова начнут осматривать студии, я уверен, что Ян сумеет заставить Холройда покривить душой.

— Кто такой Холройд? — спросила Жанна.

— Добрый сосед. Он живет как раз напротив.

— Где сестра Мэллори?

Керриден задумчиво посмотрел на девушку.

— Удивительно! Вы всегда в курсе последних событий! Каким образом вы узнали о ее существовании?

Жанна ответила ему прямым холодным взглядом. Ее глаза на бледном бесстрастном лице сверкали.

— Не тяните время! Где она?

— В спальне, связанная.

— Она тебя видела? — спросила Жанна, повернувшись к Ренли.

— Да.

— В таком случае, оставлять ее нельзя.

Керриден понимал, что она права, но соглашаться не хотел.

— Если забрать ее к Холройду, все осложнится...

— Холройд, — перебил Ренли, указывая в окно, — смотрит сюда.

Через тонкую занавеску был виден Холройд, стоявший на пороге своего дома. Он наблюдал за их коттеджем. На бледном потном лице читалось выражение живейшего любопытства.

— Я им займусь, — быстро сказала Жанна. — Берите сестру Мэллори, все свои вещи и следуйте за мной.

Она вышла из комнаты, открыла входную дверь и зашагала по дорожке по направлению к Холройду. Не дожидаясь исхода их встречи, Керриден прошел в спальню. По беспорядку, который царил на кровати, он понял, что Энн пыталась освободиться. Она подняла на него наполненные тревогой глаза.

— Ситуация изменилась, — коротко сообщил Керриден. — Я не могу вас пока отпустить. Здесь вся банда: Жанна Персиньи и поляк, Ян. Но сюда может нагрянуть полиция, и мы перебираемся к Холройду.

Он развязал девушке ноги и помог встать. На пороге спальни появился Ренли.

— Идем! Все в порядке, она уже там.

— Захватите мою шляпу, — попросил Керриден, — и не забудьте рюкзак. — Он взял Энн под руку. — Ничего не бойтесь, я не позволю причинить вам зла.

Но на этот раз она не дала себя уговорить и резко вырвалась.

— Будьте благоразумны... — терпеливо начал Керриден.

Оттолкнув Ренли, в комнату вошел Ян.

— Не тяни время! — злобно рявкнул он. — Тебе сказано привести ее, значит веди, да поживей!

Он наставил пистолет на Энн, которая при виде его замерла.

— Пошли, малышка, — сказал Керриден. — Все будет в порядке, только не надо сопротивляться.

Ян не спускал с нее глаз.

— Вытащи кляп, — приказал он. — Его могут увидеть. Если она закричит, я буду стрелять. Накинь ей что-нибудь на плечи. — Поляк приблизился к Энн, а Керриден подошел к шкафу за пальто. Глаза Яна были холодны,

как смерть.— Попробуй сыграть с нами шутку, и я тебя убью. Я с удовольствием убью сестру предателя!

Керриден шагнул между ними, отодвинув Яна в сторону, вытащил кляп и накинул на девушку пальто, чтобы не были видны связанные запястья.

— Не слушайте его,— сказал он, беря ее за руку.— Пойдем.

— Шевелись! Выходи! — прорычал Ян, обращаясь к Ренли. Тот прошел вперед. Керриден и Энн — за ним.

2

В студии Холройда было грязно и тесно от угрюмых безжизненных акварелей с видами Чейни-Уок и набережной Темзы. «Их здесь не меньше сотни,— подумал Керриден, устраиваясь в ветхом кресле около печи с прошлогодним пеплом.— Мертворожденные творения бездарной кисти, обреченные вечно висеть на этих стенах».

Жанна присела на подлокотник другого старого кресла напротив Керридена, опустив смуглые сильные руки на колени, и с задумчивым видом смотрела то на Керридена, то на окно.

Ренли возился в кухоньке — готовил из тех продуктов, что нашел в доме. Запах поджариваемого бекона внезапно напомнил Керридену, что он голоден.

За закрытой дверью, в спальне, Ян неохотно сторожил Энн и Холройда.

Когда Энн вместе с Керриденом вошла в дом, она оказалась лицом к лицу с Жанной. Взгляды молодых женщин встретились. Лицо Жанны посерело, в глазах зажглась мстительная ненависть, и Керриден поспешил увести Энн в спальню.

Жанна до сих пор не обрела свое обычное горькое спокойствие, и, глядя на нее, Керриден с тревогой осознал, что женщин нельзя оставлять наедине. Так велика была ненависть Жанны к Мэллори, что она могла не сдержать ее в присутствии Энн.

Словно догадавшись, о чем он думает, она неожиданно сказала:

— Поговорите с ней. Узнайте, где находится этот остров. Придется взять ее с собой.

Керриден и сам уже понял, что это неизбежно, и внутри него зрела тревога. Но выхода не было. Если Энн сообщит, как найти остров, ее нельзя оставлять в

живых. Иначе полиции сразу станет известно, где их теперь разыскивать.

— Хорошо.— Керриден вытащил мятую пачку сигарет и предложил ее Жанне.— А Холройд? Что будем делать с ним?

— Он нам не нужен: ничего о нас не знает. К тому же очень важно, чтобы стало известно: сестра Мэллори у нас. Мэллори будет искать ее. Она послужит приманкой в ловушке, которую мы ему устроим.

— Почему вы так уверены, что он бросится на ее поиски?

— Не сомневаюсь,— тихо проговорила Жанна, и ее смуглые руки сжались в кулаки.

— Нам немало еще предстоит. Путешествие будет долгим и весьма непростым. Вся полиция страны пойдет по нашим следам.

— Думаете, это меня беспокоит? Мы ушли от гестапо, уйдем и от английской полиции.

— Энн считает, что ее брат мертв. Ее известили, что он погиб при попытке к бегству. Вы уверены, что Мэллори действительно жив? Тут, случайно, не может быть ошибки?

— Вы хотите сказать, что это призрак убил Гарриса и Любоша и столкнул Риту Аллен с лестницы? — саркастически спросила Жанна.— Конечно, в его интересах притвориться мертвым, избавиться от нас, а потом вновь воскреснуть!

Керриден повел плечами.

— Пожалуй... Ладно, я поговорю с ней. Самое главное сейчас — найти этот остров... Кстати, о Мэллори,— продолжил он, вставая,— ваши планы придется изменить. Если мы все-таки поймем его, то только для того, чтобы передать полиции. Понимаете? Он снимет с меня подозрения в убийстве Риты, и его повесят. Вы будете отомщены. Но не смейте его касаться! Теперь он мой. Ясно?

Жанна посмотрела на него с ледяной усмешкой.

— Мы его еще не поймали. А может, и вообще не поймем... Поживем, увидим.

Керриден понял, что ей доверять нельзя. Они с Яном собираются сами убить Мэллори, это очевидно. Что будет с ним, Керриденом, им безразлично. Значит, надо опередить их, самому во что бы то ни стало разыскать Мэллори и оберегать его от них, пока за дело не возьмется полиция. Операция предстояла сложная.

Не желая больше спорить, Керриден направился в спальню. Энн и Холройд сидели на стульях, их руки были заведены назад и связаны за спинками. Ян растянулся на кровати и курил, держа маузер поблизости. Он поднял голову и посмотрел на Керридена недобрым взглядом.

— Уведи Холройда и выметайся сам.

Ян быстро вскочил.

— Чего ты хочешь?

— Мне нужно с ней поговорить, — ответил Керриден, указывая головой на Энн.

— Шевелись! — велел Ян Холройду, угрожая ему пистолетом.

Лицо Холройда было пепельно-серым. Когда он поднялся, ноги его подогнулись, и он чуть не упал.

— Смелее! — ободрил Керриден. — Ничего страшного с вами не случится. Через несколько часов мы уйдем. Подумайте только, о чем потом вы сможете рассказать! Вы станете местным героем!

И подтолкнул дрожащего Холройда к двери.

3

— Сейчас я это уберу, и вам сразу станет легче, — сказал Керриден, развязывая ремень, которым были стянуты руки девушки. — Настало время немного поговорить.

Она потеряла запястья, восстанавливая кровообращение, но промолчала.

— Хочу, чтобы вы поняли, — продолжал Керриден, слегка смущенный ее прямым спокойным взглядом. — Этот поляк — убийца. Жанна — психопатка, а то и просто сумасшедшая. Ренли совершенно безобиден, но слаб духом и смертельно боится тех двоих. Все они разыскиваются по обвинению в убийстве. Убить для Яна — раз плюнуть. Он уже застрелил двух полицейских и беднягу Крю, который на свою беду сунул нос, куда не следует. Если Ян вообразит, что мы можем доставить ему неприятности, то уничтожит нас, не задумываясь. Говорю все это для того, чтобы вы поняли: пытаться бежать — опасно.

— Если это правда, — произнесла Энн, — то каким образом вы оказались в их компании?

— Я вам уже сказал: Ян прикончил одного типа по

имени Крю. Так получилось, что я беседовал с беднягой за несколько минут до убийства. Меня видели выходящим из его квартиры и теперь подозревают в преступлении. Не буду вдаваться в подробности, но если меня схватят, я с трудом сумею оправдаться, а возможно, и не сумею вообще. Вот почему я с ним: надеюсь найти доказательство, что Крю убит Яном, а не мной.

Энн недоверчиво смотрела на него, продолжая растирать запястья.

— Ничего не понимаю. Все это просто фантастично!..

— Ну как я могу вам поверить?

— Подождите, — сказал Керриден. — Только ради Бога, не вздумайте глупить.

Он вернулся в студию. Жанна и Ян перешептывались между собой; Холройд с искаженным от ужаса лицом неотрывно следил за ними глазами. Ни на что не обращая внимания, Керриден порывлся в груде старых газет на столе, выбрал нужную и поспешил в спальню.

— Вот, читайте, — произнес он, протягивая газету девушке. — Здесь все детали убийства Крю. Вплоть до описания моей внешности.

Энн быстро прочитала репортаж и отложила газету на стул. Керриден заметил, что она взволнована.

— Но откуда мне знать, что не вы убили его?

— Не имеет значения. Честно говоря, если вы думаете, что я убийца, мне все равно. Главное, чтобы так не думала полиция.

— Понимаю, — сказала девушка, покраснев. И добавила резко: — Но при чем тут мой брат?

— Разве я утверждал, что он замешан в этой истории?

— Тогда зачем вы ко мне пришли? Зачем задавали о нем столько вопросов? Я не верю, что вы с ним знакомы. И почему этот человек назвал его предателем?

— Что он имеет в виду?

— Ваш брат мертв. Оставим его в покое.

— Они не верят, что он мертв, да? — быстро спросила она.

— Нет. Но это еще ничего не значит.

— Не верите и вы. И Рита Аллен. — Грудь Энн судорожно вздымалась, в ее глазах появился испуг. — Он жив, да? Потому они и пришли? Он им что-то сделал? Они преследуют его? Я вас умоляю, скажите, он жив?!

— Во всяком случае, так они думают, — осторожно ответил Керриден.

— Они ему больше не друзья?

— Нет.

— Почему?

— На то есть определенные причины. Вам лучше в это не вмешиваться.

— Но я хочу знать, жив ли мой брат. Я вас прошу, скажите правду!

— Вам известно не меньше, чем мне. Вы говорите, министерство военно-воздушных сил уведило вас о его смерти. Другие уверены, что он жив и скрывается, чтобы ускользнуть от возмездия. Вот все, что я могу вам сообщить. Они полагают, что если увести вас с собой, ваш брат бросится на выручку. Таким образом они надеются устроить ему ловушку... — Керриден замолчал и раздраженно щелкнул пальцами. — Я слишком много болтаю.

— Продолжайте, прошу вас, — тихо сказала Энн.

— Ну, ладно. Только предупреждаю, это будет для вас не слишком приятно. Впрочем, вряд ли вы поверите. Вот что мне рассказали. Жанну, вашего брата и Ренли схватили гестаповцы. У них хотели узнать, где скрывается командир группы, Гурвиль. Жанна и Ренли не сказали ни слова даже под пытками. Ваш же брат добровольно выдал эту информацию. Его и пальцем не тронули, а он им все выложил. Гурвиля поймали и замучили в гестапо. Эти трое желают отомстить за его смерть. Вот почему они ищут вашего брата.

Энн резко выпрямилась. На белом, без кровинки, лице горели широко раскрытые глаза, наполненные слезами гнева и возмущения.

— Нет! Нет! Это ложь! — вскричала она страстно. — Кошмарная, чудовищная ложь! Брайан никогда бы так не поступил. Он не способен на предательство! Как они смеют!..

Керриден закурил и аккуратно бросил спичку в пепельницу, не глядя на девушку.

— Я лишь повторил их рассказ. Эти люди сражались с ним бок о бок. Зачем им лгать? В чем смысл их дьявольских ухищрений, дикой жажды мести, если он не выдавал Гурвиля?

— Говорю вам, это ложь! Брайан никогда не предал

бы друга, а Гурвиль был его другом. Я не верю ни одному слову!

— Ваше право, — сухо заметил Керриден. — Однако они верят, и этого достаточно.

— Вы тоже обвиняете его?

— То, что сделал ваш брат, меня никак не касается.

— Но ведь вы тоже думаете, что он предатель? Как вы смеее так думать?! Вы же его не знаете!

Керриден действительно не подвергал сомнению то, что рассказал ему Ренли. Даже сейчас, безразличный к боли и негодованию Энн, он верил этой версии безоговорочно.

— История правдоподобная. Поступок вашего брата вполне объясним. Ренли оставил в гестапо руку и глаз, Жанна вынесла страшные пытки — специальные, для женщин... Рано или поздно кто-нибудь заговорил бы. Ваш брат дал нужные сведения, и это избавило его от мучений. Я не могу его обвинять.

— Вот как? А я бы обвиняла! — Девушка сжала кулаки, и Керридону показалось, что она его сейчас ударит. — Если бы он предал друга, я бы сама... — Энн отвернулась, борясь со слезами. — Но он этого не сделал, я знаю!

— Хорошо, — проговорил Керриден бесстрастным тоном. — Что бы там ни было, ничего изменить уже нельзя. Не следовало вам рассказывать. Я и не хотел.

Она неожиданно повернулась к нему.

— Брайн жив?

— Да. Жив и здоров.

— О Боже! — Энн бессильно опустила на кровать.

Керриден подошел к окну и стал смотреть на белый коттедж напротив. Наступило молчание.

— Его жизнь в опасности? — наконец спросила девушка.

— Возможно, — не поворачиваясь, ответил Керриден. — Если они загонят его в угол, то непременно убьют, но судя по тому, что мне о нем говорили, он вполне способен себя защитить.

Снова повисло молчание.

— Что будет со мной?

Керриден повернулся.

— У вашего брата есть домик под Данбаром, не так ли?

Энн удивленно вскинула голову.

— Да... Откуда... вам это известно?

— На острове, верно? Где точно он находится, вы не знаете?

— Конечно, знаю. Он принадлежит теперь мне. Почему вы спрашиваете?

— Потому что мы все направляемся туда. И вы с нами.

— Думаете, Брайан там?

— Я ничего не думаю. Они уверены, что он попытается вас спасти.

Глаза девушки вспыхнули.

— Безусловно. Если узнает, где я.

Ее вера в брата выводила Керридена из себя.

— А вдруг нет? Вы ведь несколько лет его не видели!

— Он придет. Он своего не уступит.

Глядя на задумавшуюся девушку, Керриден пришел к выводу, что она необычайно привлекательна...

— Вы недавно интересовались, не останусь ли я безучастной,— сказала Энн внезапно.— Теперь я хочу вас спросить, на чьей стороне вы? На моей или на их?

Он не ожидал этого и посмотрел на нее с недоумением.

— То есть как?

— Вы просили меня вам доверять. Почему?

— Ну, полагаю, мне было вас жаль,— проговорил Керриден, смутившись.— Хотелось вам помочь — в конце концов, вы попали в это положение по моей вине.

— Действительно. И вы не передумали?

— Конечно,— суховато ответил Керриден.— Я позабочусь, чтобы вам не причинили зла.

— Вы сказали, что остаетесь с ними лишь поскольку хотите снять с себя подозрение в убийстве. Другими словами, вы против них. Я тоже. Было бы логично объединить наши усилия, не так ли?

— Пожалуй,— с улыбкой произнес Керриден.— А вы далеко не глупы.

— Брайан тоже. Если он жив и находится в опасности, я постараюсь ему помочь. Но я и от вас ожидаю помощи. Вы ведь ничего не имеете против него?

Керриден колебался. Он никак не мог признаться ей, что Мэллори убийца.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы они его не пристрелили.

— Он не предавал Гурвиля,— продолжала Энн твердым

и спокойным голосом.— Вы придерживаетесь иного мнения, я знаю, но он не предавал. И вы убедитесь в этом, если встретитесь с ним на Отшельнике.

— Любопытное название.

— Остров находится в двенадцати милях от Басс-Рок.

— Вы можете нас туда проводить?

Она кивнула.

Керриден с удивлением посмотрел на ее исполненное решимости лицо.

— Почему?

— Я хочу, чтобы столкновение с теми тремя произошло на знакомом месте. Вы не представляете, насколько опасен остров для тех, кто не знает каждую его пядь. Безлюдье, внезапные густые туманы, множество укромных уголков, зыбучие пески и острые скалы. Мы с Брайаном знаем остров как свои пять пальцев.— Ее глаза вспыхнули.— А они — нет. О да, я приведу их... И они еще пожалеют об этом.

Глава 10

1

В грязной студии Холройда они ждали наступления ночи. Ян, засунув руки в глубокие карманы плаща, прислонился к стене у окна, с его тонких губ свисала сигарета. Рядом в кресле дремала Жанна. Всякий раз, погружаясь в сон, она резко вздрагивала и выпрямлялась. Ренли сидел напротив них, подперев голову рукой, мрачный и молчаливый, за весь день он едва промолвил несколько слов.

В дальнем конце комнаты, отгороженные от остальных аляповатым экраном, сидели рядом на диване Эни и Керриден. Атмосфера в коттедже была напряженной, и Керриден старался убрать Эни с глаз Жанны, уверенный, что от контакта молодых женщин ничего хорошего ждать нельзя.

С помощью Эни он разработал маршрут поездки в Данбар. Решили, в конце концов, воспользоваться ее машиной. В Данбаре, по словам девушки, они переседут на моторную лодку, принадлежавшую ей же, которая переправит их на остров.

Оставалось ждать наступления ночи. Полицейские не возвращались, и Керриден предположил с облегчением, что они не связали его внешность с описанием примет, опубликованных в газетах.

Каждые полчаса Ян уходил от окна и направлялся в спальню, где, привязанный к кровати, лежал Холройд. И каждый раз, проходя мимо Керридена и Энн, он бросал на девушку взгляд, полный недоверия и ненависти.

Чуть позже семи, когда начали сгущаться сумерки, Ренли пробормотал что-то насчет ужина и удалился на кухню.

Керриден, уставший от долгого ожидания, тоже поднялся и подошел к окну. Когда он проходил мимо Жанны, та вздрогнула и выпрямилась.

— Уже пора?— спросила она.

— Нет еще,— ответил Керриден, чувствуя на себе подозрительный взгляд Яна.— Стемнеет примерно через час.— Все трое посмотрели на мрачное небо. Над крышами коттеджей медленно карабкались грузные тучи. Становилось прохладнее.— Будет дождь,— продолжал он.— Повезло — меньше людей на улицах.

Остальные промолчали. Ощущая их враждебность, Керриден нетерпеливо передернул плечами и направился на кухню, где хозяйничал Ренли.

— Как дела? Помощь не требуется?

— Они со мной не разговаривают,— прошептал Ренли взволнованно.— Теперь я понимаю, что испытывал Крю.

— Не нервничайте,— сказал Керриден. Он бросил взгляд назад через открытую дверь и увидел спину Яна, смотревшего в окно.— Нас трое против двоих. Энн с нами.

— Какой от нее толк? — спросил Ренли безнадежно.

— Она будет полезна, когда мы попадем на остров.

— Если мы туда попадем. Я знаю их лучше вас. Они безжалостны. Мне не доверяют...

Он замолчал, услышав сдавленный крик. Одним прыжком Керриден достиг порога кухни. Энн вышла из-за экрана, чтобы присоединиться к ним, и оказалась лицом к лицу с Жанной. В тот момент, когда Керриден влетел в комнату, Жанна, бледная от ярости, схватила Энн за руки. Ее лицо было искажено безумной ненавистью.

Керриден быстро взял Жанну за плечо и резко повернул к себе, заставляя отпустить Энн.

— Достаточно,— сдержанно проговорил он.— Успокойся. Без драматических сцен, пожалуйста.

Секунду Жанна смотрела на него, будто не узнавая, потом попыталась нанести удар, но Керриден на лету перехватил ее руку и толкнул. Она отшатнулась.

— Достаточно, я сказал! — рявкнул он.

Жанна привалилась к стене, сиюсья заговорить, но язык

ей не повиновался. Затем она вдруг начала задыхаться, в ней произошла чудовищная перемена. Глаза закатились и будто провалились в глазницы, мышцы лица окаменели, хриплый свист вырывался сквозь стиснутые зубы.

— Осторожно!— закричал Ренли.— Я уже видел ее в таком состоянии...

Керриден невольно отпрянул. Энн судорожно втянула в себя воздух. Ненависть, горевшая в глазах Жанны, поразила их обоих. Пальцы Жанны скрючились, смуглые руки поднялись, словно прикидывая расстояние перед тем, как нанести удар.

Ян, до сих пор безмолвно наблюдавший, неожиданно бросился между ними и, не колеблясь, дал Жанне прямой в подбородок. Она повалилась вперед, но он подхватил ее и осторожно опустил на пол.

— Принеси подушку,— сказал он Ренли, но выполнил его просьбу Керриден — англичанин с расширенными от ужаса глазами замер, не в силах пошевелиться, и только смотрел на лежавшую без сознания женщину.

Пока Ян подкладывал ей под голову подушку, Керриден достал носовой платок и вытер лицо. С неожиданной слабостью во всем теле он понял, что его первое впечатление о Жанне было правильным. Она действительно сумасшедшая.

— Принести воды? — неуверенно предложил Керриден.

— Нет, теперь все будет в порядке,— ответил Ян. В его слегка навывкате глазах затаилась тревога, грубые руки осторожно поправляли подушку.— Она немного поспит. Приступ. У нее иногда такое бывает. Стоит ли удивляться?— Он встал и посмотрел на Энн, бледную и испуганную.— Немногие смогли бы перенести то, что выпало на ее долю.

— Но это очень серьезно,— сказал Керриден, подходя к Энн.

— Только не надо ей ничего говорить. Она сама и не вспомнит. Ерунда, нервы...— произнес поляк с напускной небрежностью.

— Не рассказывайте сказок,— сухо возразил Керриден.— Жанна вела себя как буйно помешанная. Она нуждается в специальном уходе.

— В самом деле?— с улыбкой процедил Ян.— Не думаю. Во всем виноваты тревоги и волнения. Жанна слишком много переживала. Она поправится, когда мы найдем Мэллори.

И он вновь улыбнулся — холодной зловещей улыбкой, от которой по спине Энн пробежали мурашки.

Жанна открыла глаза. Перед ней на коленях стоял Ян и легонько тряс ее.

— Очнись! Как ты себя чувствуешь?

Голос доносился до нее словно издалека, в голове шумело, виски сдавливала ноющая боль.

— Я чувствую себя хорошо... — покорно ответила она. — Я спала?

Неожиданно осознав, что сидит на полу и держится за руку Яна, девушка уставилась на него испуганно и тревожно.

— Что произошло? Что со мной случилось?

— Ты потеряла сознание, — ответил Ян голосом, каким разговаривают с больными. — Полежи немного, время еще есть. Керриден отправился за машиной.

— Потеряла сознание?! Ты лжешь! — Она судорожно вцепилась в руку поляка. — Что произошло?

— Ты просто потеряла сознание, — терпеливо повторил Ян. — Не волнуйся, ничего особенного.

Она была уверена, что он лжет, и ей стало страшно.

— Скажи честно! У меня опять был припадок?

Жанна пристально, с мольбой, вглядывалась в лицо Яна, стараясь прочитать в нем правду.

— Как в последний раз? Признайся! Я должна знать!

Он замялся, и Жанна усмотрела в его замешательстве доказательство своей правоты.

— Приступ очень тяжелый? — спросила она, не дожидаясь ответа. — Сколько времени я была без сознания?

— Ничего страшного, — пробормотал Ян. — Обычный обморок. — Потом, видя ужас и недоверие в глазах Жанны, добавил: — По всей вероятности, больше это не повторится.

Жанна прикоснулась к подбородку и вздрогнула.

— Больно!.. Ты меня ударил?

— Нет! Ты потеряла сознание, вот и все. Пустяки!

— Ты меня ударил, — монотонно повторила девушка. — А говоришь, пустяки. — Она отпустила его руку. В ее голосе вдруг зазвучала энергия, вызванная отчаянием. — Ян, что со мной происходит? Я чувствую, что схожу с ума.

— Это все нервы. Вспомни, каково тебе пришлось...

— Что же будет? — спросила Жанна.

Терпение поляка иссякло.

— Мне совершенно безразлично, что с нами будет — лишь бы мы успели найти Мэллори! Мне больше незачем жить... А тебе?

Она обхватила голову руками, сдавив пальцами виски.
— Только найдем ли мы его? И если найдем... это все. После его смерти наша жизнь теряет смысл. Нам конец.

— Моя жизнь закончилась, когда погибла Шарлотта,— просто сказал Ян.— Но давай не будем сейчас говорить об этом.

Жанна вновь схватила его руку.

— Не знаю, что бы я без тебя делала, Ян. Мы спорим между собой, иногда ссоримся, порой даже испытываем ненависть друг к другу, но когда нужно, в трудную минуту, ты всегда рядом.

Яну стала надоедать эта сентиментальность. За двадцать минут долготерпения исчерпан весь запас нежности и доброты. Теперь он хотел одного: чтобы она поскорее восстановила силы и не была для него обузой.

— У нас общий враг,— холодно проговорил он.— Настоящие друзья всегда спорят. Этим и испытывается дружба. Вставай, время не ждет.

Жанна сделала нечеловеческое усилие, пытаясь обуздать разыгравшиеся нервы, собраться, забыть о дикой боли в голове. Медленно, неуверенно, она поднялась на ноги, держась за Яна, постояла немного, шатаясь...

— Как обстоят дела?

— Керриден с девушкой пошли за машиной, Ренли на кухне, собирает продукты.

Жанну захлестнул приступ раздражения: никогда Ян не может действовать правильно!

— И ты отпустил их вдвоем?!

— Я не мог от тебя отойти, а кому-то ведь необходимо отправиться за машиной...

Она опомнилась.

— Прости меня, Ян. Только теперь им ничто не помешает удрать. Ты об этом подумал?

Поляк безразлично пожал плечами.

— Пусть удирают, мне все равно. Мы в них не нуждаемся.

— Нет, Керриден нам нужен, это он найдет Мэллори. Мы не должны выпускать его из виду!

Ян взорвался.

— Перестань талдычить одно и то же! Доверься мне! Почему ты так надеешься на Керридена?

— Не знаю. Это сильнее меня. Интуиция. Я уверена, что он найдет Мэллори. Не могу объяснить, почему, но я

чувствую это, как чувствуют голод. Наши судьбы каким-то образом связаны... Я знаю: он найдет Мэллори.

— Что ж, хорошо,— вздохнул Ян, стараясь оставаться спокойным.— Увидим. Только предупреждаю тебя: ему нельзя доверять.

— Знаю,— как-то беспомощно призналась Жанна,— и ненавижу его. Моя бы воля, я бы с ним не церемонилась. Однако именно он приведет нас к Мэллори.

— Пойду посмотрю, что делает Ренли,— сказал Ян, сознавая, что если они не прекратят разговор о Керридене, он может не выдержать.— Садись и жди. Скоро придет машина. Волноваться не о чем.

Он прошел на кухню.

— Ну, все готово?

Ренли бросил на него смущенный взгляд.

— Да подсобрал, что тут есть, хотя было негусто... Как она?

— Нормально. Машины пока не видно?

Ренли покачал головой.

— А Холройд — с ним все в порядке?

— Понятия не имею. Я к нему не подходил.

Ян презрительно усмехнулся.

— От тебя немного пользы...

Он вышел из кухни, пересек студию и заглянул в спальню. Жанна услышала приглушенный возглас.

— В чем дело? — спросила она, когда поляк вбежал в комнату.

— Холройд удрал! — сказал Ян.— Этот идиот Ренли за ним не следил. Сейчас сюда нагрянет полиция!

2

— Не включайте свет,— предупредил Керриден, входя с Энн в ее коттедж.— Предполагается, что мы в гараже... А теперь послушайте, что я хочу сказать. Эта женщина опасна, она сошла с ума. Вам нельзя ехать с нами.

Они стояли, почти касаясь друг друга, в темной студии. Он не видел ее лица — лишь общий силуэт фигуры,— но слышал ее ровное дыхание.

— Поклянитесь, что не выдадите, куда мы отправляемся, и я вас отпущу. А им скажу, что вы убежали.

— Я поеду вместе с вами,— не задумываясь, ответила Энн.— Если Брайан жив, я должна быть там. Ему, возможно, потребуется моя помощь.

— Но Жанна просто сумасшедшая! — с тревогой по-

вторил Керриден.— Я не могу постоянно вас оберегать, и кто знает...

— Придется рискнуть. Теперь, когда вы меня предупредили, я буду настороже. Я отправляюсь с вами, это решено.

— Ладно,— сказал Керриден.— Будь по-вашему. Надо признать, что, зная остров, вы действительно можете помочь. Мы сэкономим немало времени... Не передумаете?

— Ни в коем случае.

— Тогда берите, что вам нужно, и побыстрей. Где у вас здесь телефон? Мне надо сделать один звонок.

— Возле окна.

Как только девушка исчезла в спальне, он ошупью нашел аппарат и позвонил на почту.

— Примите телеграмму. Инспектору Роулинсу, криминальная полиция. Скотланд-Ярд.

«Сравните пули, которыми убиты Крю и двое полицейских в гостинице «Эндфилд». Владелец маузера, из которого они выпущены, Ян...— диктую по буквам: Ян Ш-и-м-а-н-о-в-и-ч.— Записали? Продолжаю.— Этот человек с двумя товарищами проживал в гостинице: расследование покажет, что они же три дня провели в квартире Крю. Никакого отношения, повторяю, никакого отношения к этим убийствам я не имею. Керриден». Вы все записали? Отлично. А теперь, моя красавица, отправляйте!

Керриден хотел уже отойти от окна, когда его внимание привлекло какое-то движение. Через двор к коттеджу Холройда подкрадывались едва различимые фигуры, изредка поблескивая металлическими пуговицами. Керриден отпрянул от окна и кинулся к спальне.

— Эни!— прошептал он.— Где вы?

Она быстро возникла из темноты и чуть не столкнулась с ним на пороге.

— В чем дело? Я почти готова...

— Полиция! Бросайте все. Из дома есть второй выход?

— Да, вот здесь. Идите за мной.

В голосе Эни не было ни колесбания, ни страха. Она решительно взяла его за руку и повела во тьму.

— Погодите,— сказал Керриден, когда девушка остановилась перед дверью.— Давайте разберемся. Куда мы идем?

— В гараж, потом через него на Рили-стрит, а оттуда на Кингз-Роуд.

— Хорошо. От меня не отходите. Если нас засекут,

бросайтесь на землю. На этот раз они будут вооружены. Понятно?

— Да.

Он осторожно открыл дверь черного хода и выглянул наружу. В этот миг тишину разорвали три выстрела.

— Ян...— прошептал Керриден.— Дайте руку.

Они погрузились в ночь, и тут же со стороны дома Энн раздались еще выстрелы. Совсем рядом закричали.

— Пора!— Керриден решительно повел девушку на едва освещенную Рили-стрит.— Улицу могли оцепить. Если нас остановят, предоставьте все мне.

Они быстро зашагали к ярким огням Кингз-Роуд. На полпути Керриден заметил во мраке одинокого полицейского и не замедляя хода взял Энн под руку.

— Приготовьтесь бежать,— процедил он краешком рта.— Вроде бы рядом с ним никого нет?

— По-моему, нет,— ответила девушка хриловатым от волнения голосом.

— Эй, минутку!— окликнул их полицейский, замахав рукой.

— Как только подам знак, бегите,— прошептал Керриден, а затем громко обратился к полицейскому:— Это вы нам?

Теперь они поравнялись и стояли совсем рядом. Полицейский сделал еще шаг вперед, пытаясь разглядеть их в темноте, и Керриден мощным ударом в подбородок свалил его на тротуар.

— Бегите!— приказал он и подтолкнул Энн вперед.

3

Одного взгляда было достаточно, смятая постель, два куска веревки на полу, колышущиеся от ветра занавеси... Как давно удрал Холройд? Пятнадцать, двадцать минут назад? Полиция, вероятно, уже извещена...

Стоя на пороге позади Яна, Жанна и Ренли ошеломленно смотрели на пустую кровать. Жанна до сих пор находилась будто в полусне: ее отсутствующий вид и остекленные глаза вызывали у Яна тревогу. На француженку всегда можно было положиться в случае опасности. В прошлом. Теперь об этом не могло быть и речи. «По всей вероятности, она еще не оправилась от приступа,— решил Ян,— и сейчас ни на что не годна». Он быстро посмотрел на Ренли и, к своему облегчению, убедился, что тот, как ни странно, сохраняет присутствие духа.

— Они вот-вот будут здесь.— Ренли сразу оценил нависшую над ними угрозу.— Если Холройд позвонил, у нас остаются буквально считанные минуты.

— Да, и на этот раз полиция будет вооружена,— мрачно добавил Ян.— Отсюда смыться — не то что из «Эндфилда»... Пригляди за Жанной. Я посмотрю, что там снаружи.

Он инстинктивно понял, что на Ренли сейчас можно рассчитывать. Нависшая угроза, безнадежность их положения обострили его нервы, вернули ему мужество. Время пошло вспять. Это был тот самый Ренли, кто сражался с гестапо, кто выдержал все пытки, член непокоренной девятки.

Ян почувствовал эту перемену. Он вспомнил, как всего двенадцать часов назад собирался убить его, и криво усмехнулся.

— Вылезай в окно,— посоветовал Ренли.— Возможно, у двери засада.

«Правильно»,— подумал Ян. Былые навыки быстрее возвращались к Ренли, чем к нему. Он вытащил из кобуры маузер и взвесил его на ладони.

— Дай ему пистолет Керридена,— велел он Жанне.

Но та стояла как статуя: молча, не шевелясь. Слышно было только, как из ее груди с шумом вырывался воздух.

— Забери у нее оружие, Найджел,— Ян впервые обратился к англичанину по имени. Он хотел показать Ренли, что вновь доверяет ему, и не мог найти иного пути, не мог выразить свое чувство словами.

Ренли сунул руку в карман Жанны и достал оттуда пистолет. Девушка с дрожью отстранилась.

— У меня болит голова,— простонала она, прислоняясь к стене и сжав виски руками.

У Яна вырвался жест отчаяния. Ренли снял пистолет с предохранителя, и в ночной тиши щелчок прозвучал как выстрел.

— Пойду проверю, что делается позади дома,— сказал Ренли.— Стой здесь, пока я не вернусь,— обратился он к Жанне,— и ни о чем не беспокойся!

В его голосе сквозили внимание и забота, и Ян подумал, что вот в таких безнадежных ситуациях и проявляется старая дружба.

Когда Ренли беззвучно скрылся, Ян подошел к окну, раздвинул занавески и стал вглядываться во тьму. Он ничего не увидел, но все же его инстинкт, хоть и дремал до этого, не утратил своей остроты, подсказал: снаружи опасность. Ян отворил окно и прислушался. Сперва доносился

лишь монотонный гул движения на Кингз-Роуд, потом, когда уши привыкли к отдаленному шуму, стали выделяться другие, тихие, почти неуловимые звуки: плеск воды о бетонный парапет, шуршание подошв по асфальту, позвякивание металла, приглушенные голоса. Ян застыл и напрягся, а затем, когда глаза, наконец, свыклись с темнотой, различил силуэты людей, занимавших позиции перед коттеджем. Поблескивание пуговиц подтвердило его догадку. Полиция была уже здесь — осторожно и неторопливо окружила логово затравленного, но еще очень опасного зверя.

Вернулся Ренли.

— Вот и все,— сказал он.— У черного хода караулят четверо.

— Впереди я насчитал пока восемь,— ответил Ян.— На самом деле их гораздо больше, а улицы наверняка перекрыты. Нам придется нелегко.

Он говорил вяло и невыразительно, но горло его пересохло, сердце судорожно колотилось.

Они молча стояли в темноте. Вновь Ян почувствовал, какое спокойствие исходит от англичанина и злился на себя за то, что сам находится на грани паники.

— Втроем нам не уйти,— сказал Ренли.— Бери Жанну и попробуй прорваться через черный ход. Я вас прикрою.

Ян не мог поверить своим ушам.

— Ты нас прикроешь? — тупо повторил он.— То есть как?

— Идите,— настаивал Ренли.— Это единственный шанс. Бери ее с собой и беги.

— Ты понимаешь, о чем говоришь?— спросил потрясенный Ян.— Тебя же прикончат!

— Какая разница?— Ренли подавил всколыхнувшуюся в нем бурю чувств.— Мне все равно конец. Сейчас не время для долгих речей. Надеюсь, вам удастся проскользнуть.

— Да...— Яну было стыдно — и это человек, которого он еще совсем недавно собирался пристрелить!— Но ты тоже имеешь право...

Ренли оборвал его, оттолкнув от окна.

— Забирай Жанну! Как только я начну стрелять, бегите!

Ян нашел в темноте руку англичанина и сжал ее изо всех сил, униженный тем, что обязан ему жизнью.

— Мой верный друг,— проговорил он, хотя из души рвались проклятья.— Мой добрый верный друг!..

И исчез, оставив Ренли одного.

Некоторое время тот стоял, не шевелясь, потрясенный чудовищностью своей жертвы. Ян недавно сказал, что война для них продолжается. А на войне, когда человек отдаст жизнь за друга, это героизм — так всегда считал Ренли. И еще больший героизм, пытался убедить он себя, — отдать жизнь за врага. Он не питал никаких иллюзий относительно Яна. Рано или поздно поляк убил бы его — пулей в голову, ножом в спину, какая разница? Все равно он был приговорен; Ренли не заблуждался на этот счет.

Так лучше. Теперь они будут помнить его до конца своих дней. И больше не придется ожидать смерти, следя за каждым движением Яна, не спать по ночам, боясь повернуться спиной...

А еще, думал Ренли, этим поступком он, наконец, одержал победу: заставил Яна назвать его своим лучшим другом!.. Ренли горько усмехнулся. Это триумф: ибо спаси ему Ян жизнь, он бы не назвал его другом.

Стволom пистолета англичанин чуть отодвинул занавеску, и холодный сырой воздух из открытого окна коснулся его разгоряченного лица. Сомнений нет: стоит начать стрелять, и конец наступит быстро. Те, снаружи, шутить не намерены. Убиты два их товарища, и они церемониться не станут... Интересно, что будет с Мэллори? Мэллори... Жаль парня. Какой бес в него вселился — пойти на предательство?.. Но если бы не Мэллори, эта фантастическая ситуация не могла бы возникнуть!

С другой стороны, горько отметил Ренли, если бы не Мэллори, он бы сейчас работал на заводе или протирал штаны в конторе, снимал бы пенки с людской жалости, показывая пустой рукав и черную повязку поверх глаза, как нищий выклянчивает подаяние, щеголяя своими лохмотьями. По крайней мере, Мэллори избавил его от такого унижения. Мэллори наградил его быстрой смертью...

«Кто знает, — сказал себе Ренли, — быть может, мы еще встретимся на том свете?»

Потом Ренли услышал, как Ян отодвинул засов на двери, на короткий, кошмарный момент его уверенность вдруг ослабла, и он задрожал, больше чем полиция боясь этой слабости, своей собственной несостоятельности. Пистолет в руке стал весить тонну. Чтобы поднять его, требовалось колоссальное усилие. Ян прошептал: «Мы готовы»; и были в этом шепоте и нетерпение, и недоверие.

Тогда Ренли рывком отдернул занавеси, встал, не скрываясь, прямо перед окном и, хотя все его нервы кри-

чали в агонии, сжавшись в ожидании смертельного удара, начал стрелять в темноту.

Глава 11

1

Такси подъехало к тупику рядом с клубом «Аметист». Шел дождь — холодный серый занавес в свете уличных фонарей. Фрит-стрит была пустынна.

Склонив голову, будто закрывая ее от брызг, Керриден расплатился с водителем и под проливным дождем побежал с Энн по переулку.

Он направился прямо к служебному входу, открыл железную дверь и втолкнул девушку в тускло освещенный коридор, где пахло помоями и кухней.

— Пока все в порядке. Если я найду Эффи, несколько часов мы здесь будем в безопасности, — тихо проговорил Керриден и стряхнул с плаща воду. — Ждите здесь. Я постараюсь не задерживаться.

— Хорошо, — ответила Энн. — А если кто-нибудь меня увидит?

— Скажите, что вы подружка Эффи. Но я быстро. — Он дотронулся до ее руки и улыбнулся. — Вы молодец. Можно подумать, вам каждый день приходится убегать от полиции.

— Идите к Эффи, — напомнила Энн. — Compliments подождут.

«Феноменальная девушка! — думал Керриден, быстро шагая по коридору, ведущему к подземным кухням. — Какая выдержка! Она не дрогнула. Если Мэллори из того же теста, то понятно, почему Жанна и Ян так его опасаются!»

Дверь на кухню была приоткрыта, и Керриден, не входя, заглянул внутрь, разгоряченные повара носились между плитами, в ноздри ударил сильный запах лука и топленого жира. Эффи он не увидел и двинулся дальше. Девушка сидела в овощной — чистила картошку, тихонько что-то напевая.

— Эффи! — окликнул он с порога. — Ты одна?

От неожиданности она выронила нож и, глядя на него широко раскрытыми глазами, поднялась, прижав к груди кастрюлю с картошкой.

— Мистер Керриден!

Он вошел в помещение, ногой прикрыл дверь и улыбнулся.

— У меня как обычно неприятности. Нужна твоя помощь... Не откажешь?

— Конечно!— Эффи отставила кастрюлю. Ее большие глаза потемнели от беспокойства.— Что случилось, мистер Керриден?

— Можно подняться к тебе? Со мной друг. Я не хочу, чтобы Зани знал, что мы здесь. Кстати, где он?

— В зале. Я должна почистить картошку, а потом свободна. Вы найдете мою комнату?

— Надеюсь. Приходи как только освободишься. Раздобудь, пожалуйста, железнодорожный справочник с расписанием поездов и прихвати что-нибудь поесть. Но главное, о нас никому ни слова!

— Не волнуйтесь, мистер Керриден. Идите ко мне. Я буду минут через десять.

Он обнял ее за хрупкие плечи и дружески привлек к себе.

— Ты замечательная девочка, Эффи. Я знал, что когда-нибудь ты меня выручишь.

— Вас ищет полиция?— спросила Эффи, нежно прикоснувшись к его руке.

— Боюсь, что да,— ответил Керриден с улыбкой.— Не тревожься, выкрутимся... Приходи поскорей.

Он вернулся к Энн, которая, прислонившись к грязной стене, ожидала его с невозмутимым спокойствием.

— Идемте наверх. Эффи разрешила нам подняться в ее спальню.

Они достигли комнаты, никого не встретив. Прежде чем зажечь свет, Керриден задернул шторы.

— Давайте помогу,— предложил он, когда девушка сняла плащ, и повесил оба плаща — ее и свой на крючок за дверью.— Садитесь на постель, там удобнее, чем на стуле...— И добавил, улыбаясь:— Вот теперь вы не скажете, что ведете спокойный образ жизни.

— Если я художница,— ответила Энн с легкой насмешкой,— то это еще не значит, что я божий одуванчик... Все время думаю о тех троих — им ведь оттуда не ускользнуть, правда?

— Держу пари, что как раз наоборот. Они не повички в таком деле. Давайте полагать, что они ушли, и в своих планах исходить из этого. Я настоятельно рекомендую вам вернуться домой. Пока вы ни в чем не

замешаны, но если останетесь со мной, то рано или поздно попадете в серьезные неприятности.

— Вы очень хотите от меня отделаться? Я не боюсь неприятностей и отлично могу постоять за себя — вся в Брайана.

— Похоже на то, — сухо произнес Керриден. — Но зачем связываться с полицией? Если уж вы должны попасть на остров Отшельника, почему бы вам не отправиться туда самостоятельно?

— Я считала, что мы договорились объединить усилия. — Ее глаза насмешливо блестели, но лицо оставалось серьезным.

— Это было до вмешательства полиции, — терпеливо возразил Керриден. — Дело в корне изменилось.

— Я уже потеряла из виду тех троих, — с внезапной твердостью сказала Энн, — и теперь не намерена терять из виду вас... К тому же, — добавила она, рассмеявшись, — вам не найти этот остров без меня, а я хочу, чтобы вы попали туда раньше, чем они.

Керриден нахмурился и задумчиво посмотрел на нее.

— Поразительно... Женщины так себя просто не ведут! Все совершенно неправильно: вы должны быть смертельно напуганы. А вместо этого с первым встречным — который практически напал на вас, — бросаетесь в дикую авантюру!..

— Во всем виновата война, — со смехом проговорила Энн. — Надеюсь, вы не думаете, что я валяла дурака у себя дома? Вот так и сложились иные нормы поведения — или дурные привычки, не знаю, как правильнее назвать. С тех пор я старалась вести тихое мирное существование, но преуспевала лишь наполовину, когда неожиданно появились вы... — Она помолчала и улыбнулась. — Скажем, я люблю острые ощущения и не собираюсь лишать себя такого удовольствия.

— Что же вы делали во время войны? — подозрительно спросил Керриден.

— То же, что и вы. Сперва я вас не узнала, но потом сообразила. Я много о вас слышала. Вашим инструктором был Ричи, да? А я была в группе Мэссингема.

— Мэссингема?.. Боже милосердный! Не хотите ли вы мне сказать, что вы были в команде его сумасшедших амазонок?

— Именно. Десять прыжков на парашюте.

— Когда нам сообщили, что готовится девичий парашютный десант, мы решили, что это новое секретное оружие! — Глаза Керридена заблестели. — Господи, если бы Мэссингем знал, какие шуточки мы сочиняли об его ударных войсках!.. Будь я проклят! Вот значит как...

— Не удивляйтесь, — сказала Энн. — Глядя на меня, многие думают, что я хрупка, как спичка. Поверьте, это не так. Я вполне могу постоять за себя.

— Не сомневаюсь, — заверил Керриден, всегда испытывавший глубокое уважение к воспитаницам Мэссингема.

В дверь тихонько постучали. Вошла Эффи, неся поднос с едой. И едва не выронила его, увидев Энн. Керриден заметил, как потемнели ее глаза. Она будто потухла и оттого сразу потеряла всякую привлекательность.

— Заходи, Эффи. — Керриден взял у нее из рук поднос. — Познакомься — Энн Мэллори. Энн, это Эффи, мой лучший друг.

Но даже эта неуклюжая лесть не затушила холодного огня в глазах молодой девушки. И когда Энн поблагодарила ее за помощь, Эффи покраснела и отвернулась, сразу же почувствовав в незнакомке соперницу.

— Расписание принесла? — спросил Керриден, опуская поднос на стол, и посмотрел на часы: десять с минутами.

— Сейчас попробую найти, мистер Керриден, — неприязненно ответила Эффи и вышла из комнаты.

Керриден нахмурился.

— Давайте скорее поужинаем, — сказал он. — Нельзя терять времени.

Энн взяла сэндвич с цыпленком, потом протянула тарелку Керридену.

— Она в вас влюблена?

— Кто? Эффи? — Керриден пожал плечами. — Наверное... Милая девочка. Боюсь, что я сам виноват... Я знал ее совсем ребенком и хотел ей помочь избавиться от заячьей губы. Она была мне верным товарищем...

Энн заметила его смущение и тактично сменила тему.

— Хорошо бы узнать, что случилось с теми тремя. Нам надо попасть на остров раньше их.

Вернулась Эффи с расписанием.

— Послушай, — обратился к ней Керриден, — я должен уехать из Лондона. Нет смысла вдаваться в подробности, чем меньше тебе будет известно, тем лучше для тебя же.

Сегодня вечером мы отправляемся в Шотландию. Потребуется еда в дорогу, и еще я хочу, чтобы ты проводила нас на вокзал и купила билеты. Полиция, конечно, взяла вокзалы под наблюдение; нам очень важно сесть на поезд незамеченными. Ты сможешь?

— Хорошо, мистер Керриден,— мрачно ответила Эффи. Мысль о том, что Керриден едет с этой девушкой, ранила ее в самое сердце.

— Пожалуйста, приготовь провизию и попроси подняться сюда Макса. Постарайся, чтобы Зани ничего не заметил.

— Постараюсь,— безжизненным голосом ответила Эффи и вышла из комнаты.

— Бедняжка, по-моему, принимает меня за свою соперницу,— с тревогой сказала Энн.— Не лучше ли вам успокоить ее на этот счет?

— Боюсь, это невозможно,— произнес Керриден, оторвав глаза от справочника, который он сосредоточенно изучал.— Я и сам-то не вполне в этом уверен.

Энн на секунду опешила, а потом высокомерно повела плечами.

— Вы вовсе не обязаны говорить мне подобные вещи. Керриден вновь уткнулся в справочник.

— Хорошо,— сказал он, пресбегая взглядом расписание движения на Шотландию.— Но дело обстоит именно так, и я решил, что вам не мешает об этом знать... Есть поезд в час ночи на Данбар с вокзала Кингз-Кросс. Завтра в полдень будем на месте.

— Думаете, вокзалы под наблюдением?

— Если те трое ускользнули, полиция наверняка начеку — перекроет все так, что и мышь не проскочит,— ответил Керриден.— Вот почему я и хочу, чтобы билеты взяла Эффи. Мои приметы известны всем; а теперь, возможно, известны и ваши.

Энн пошарила по карманам.

— Не угостите ли сигаретой? Я все оставила дома. Жаль, что не было времени собрать вещи.

— Я тоже оставил свой рюкзак,— посетовал Керриден, протягивая ей пачку сигарет.— Причем у Холройда. Полиция узнает, что я был вместе с Яном. Просто здорово, да? — Он раздраженно махнул рукой.— Я, видимо, совсем ошалел, раз не подумал об этом раньше.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилась голова Макса. Его глаза остановились на Энн, и он тихонько присвистнул.

— Я тебе нужен?

— Входи и закрой за собой дверь,— коротко сказал Керриден.— Знакомить вас не стану. Чем меньше ты будешь знать, тем меньше тебе придется лгать.

Макс отвесил Энн глубокий поклон.

— Весьма сожалею, мисс.

— Ладно, ладно,— поморщился Керриден.— Оставь свои светские замашки для более подходящего случая. Слышал что-нибудь о перестрелке на Чейни-Уок?

Макс улыбнулся.

— Еще бы, весь клуб гудит! Только об этом и говорят.

— Что там произошло?

— А ты не знаешь?! — удивился Макс — Ну и ну!

— Что же там произошло? — сухо повторил Керриден.

— Та самая тройца, что шлепнула двух фараонов в «Эндфилде». — Судя по восхищенному блеску в его глазах, Макс не жаловал спокойную жизнь.— Полиция получила сведения, что их можно найти в одной из студий на Чейни-Уок, и окружила дом. Однорукий задержал полицейских, а двое других спаслись бегством через черный ход. Пальба была отчаянная. Хотел бы я там присутствовать! Похлеще того случая на Сидни-стрит. Впрочем, ты тогда под стол пешком ходил...

— Бог с ней, с Сидни-стрит! Им удалось бежать?

— Да, тем двоим. Однорукого просто изрешетили. Жаль парня. Вот кому не откажешь в выдержке... — Макс печально покачал головой.— Те двое пустили в ход нож — одного фараона прикончили, а другого ранили. Говорят, один из них сам задет, но, возможно, это болтовня. Во всяком случае, оба скрылись.

Керриден и Энн обменялись взглядами.

— Хорошо, Макс, благодарю. Держи язык за зубами.

— Не беспокойся.— Макс замолчал, не сводя задумчивых глаз с Керридена.— Ходят слухи, что ты как-то связан с той тройцей... Выдумки, полагаю?

— Сейчас не время задавать вопросы.

— Понятно... Мое дело предупредить. Полиция твердо обещала найти эту парочку. Фараоны буквально на ушах стоят! Будь поосторожней.

Керриден кивнул.

— Я буду осторожен.— Он вытащил из кармана две пятифунтовые банкноты.— Вот, купи себе галстук.

Тонкие пальцы Макса приняли деньги.

— Если бы не нужда, я бы их не взял,— проговорил он.— Спасибо. Я могу тебе еще быть полезен?

Керриден покачал головой.

— Счастливо, Макс.

Макс снова поклонился Энн.

— Надеюсь, наша следующая встреча, мисс, состоится при более благоприятных обстоятельствах, — сказал он. И исчез — так же тихо, как и появился.

2

Одинокая электрическая лампочка, свисавшая с потолка часовни, едва освещала пол и передние скамьи. Серебряное распятие тускло блестело в мерцании двух восковых свечей, горевших по обеим сторонам алтаря. В глубине часовни, закрыв лицо руками, сидела старуха. Ее громкое астматическое дыхание нарушало тишину и напоминало мужчине и женщине, затаившимся в тени на задней скамье, что они не одни.

Старуха не торопилась уходить. Она вошла в тот момент, когда Ян, болезненно скривившись, снимал плащ, и села неподалеку, а теперь молилась с таким усердием, что Ян просто бесился. Он старался пережать вены, но рана в левом бицепсе все время кровоточила. Кровь пропитала рукав, капала на скамью и белый каменный пол часовни. Снять пиджак и тем самым привлечь внимание старухи поляк опасался — полицейские прочесывали близлежащие улицы. Один крик, и они были бы здесь.

Жанна сидела рядом, не сводя глаз с сияющего распятия, и ее полное безразличие приводило раненого в ярость и отчаяние.

Случилось чудо, им удалось бежать. Жанна ничем не помогала и была только обузой; кукла, которую приходилось тащить и толкать. Охваченная пугающей апатией, она, похоже, просто не отдавала себе отчета в опасности. Ян до сих пор не мог понять, как им посчастливилось прорваться через кордон. Был момент, когда казалось, что все пропало. Из темноты возник фараон. Он поднес ко рту свисток и замахнулся дубинкой, но свист замер у него на губах, когда Ян ушел от удара и воткнул ему нож в живот. Во тьме грянул выстрел, и пуля раскаленной иглой прошила руку Яна. Но он не выпустил Жанну, а, скрипя зубами от боли, потащил ее за собой, ища брешь в цепочке безжалостных охотников.

В ту секунду, когда уже казалось, что выхода нет, и им завладело отчаяние, Ян увидел часовенку. Он рванулся к ней и, притянув к себе Жанну, затаился у входа,

стиснув в руке нож. А полицейские пробежали мимо.

Только тогда Ян понял, что кровь ручьями льется из его руки. Голова будто горела, в ушах стоял звон, мешавший прислушиваться. Держа Жанну за руку, Ян увлек ее в часовню, сел на скамью и тут же провалился во тьму, где не было ни боли, ни убийств, ни кошмарной опасности оказаться схваченным.

Но легкость, с какой истощенный мозг был готов принять беспамятство, испугала Яна, и он заставил себя встряхнуться. Рассчитывать ему приходилось только на себя. Жанна ни на что не годилась. Она сидела, глядя прямо перед собой чуть расширенными глазами: ее рот дергался в тике, пальцы судорожно сжимали виски.

Ян украдкой обернулся и бросил взгляд назад — взгляд, выдававший его растерянность и страх. Старуха по-прежнему сидела на месте, наклонившись вперед, закрыв лицо руками и облокотясь на переднюю скамью. Дыхание ее стало еще громче. Она больше не молилась; она спала.

Ян расстегнул пиджак, скривившись от боли, снял его и с испугом посмотрел на пропитанный кровью рукав.

— Сделай что-нибудь! — отчаянно прошептал он на ухо Жанне. — Я истекаю кровью. Помоги мне!

Девушка медленно повернула голову и уставилась на него отсутствующим взглядом, будто в полудреме. Он схватил ее за руку и встряхнул, глубоко вонзая ногти в плоть.

— Я истекаю кровью! Помоги мне!

Тогда Жанна, наконец, пришла в себя и перевела взгляд с его лица на рукав.

— Дай нож, — сказала она, вырываясь. — Иними свой шарф.

Он с облегчением вздохнул и протянул ей нож. Жанна с присущей ей ловкостью отрезала рукав и открыла опухшую рану.

— Сделай тампон и как можно туже перевяжи. Надо остановить кровь.

Она сделала тампон из носовых платков и перетянула руку шарфом.

— Вот теперь хорошо, — выдохнул Ян, смахнув выступившую на лице испарину. — Помоги мне набросить плащ.

Потом оставалось только ждать. Он устроился поудобнее и положил около себя пистолет. В ногах чувствовалась слабость, и Ян с ужасом подумал, как много он потерял крови. Если сейчас появятся полицейские, о бегстве нечего и мечтать. Он убьет столько, сколько сможет, и

застрелится. Живым им его не взять. Ян посмотрел на часы: четверть одиннадцатого. Интересно, что с Керриденем и той девчонкой? Если им удалось уйти от полиции, собираются ли они на остров? Действительно ли Мэллори скрывается там, как предполагает Керриден?..

Ян быстро дотронулся до холодного ствола пистолета, словно желая набраться от него сил. Он знал, что времени ему осталось немного. Рано или поздно полиция его настигнет. Если он хочет поймать Мэллори, это нужно сделать как можно скорее. Остров — вот последняя надежда. Если Мэллори там нет, то придется признать свое поражение. Теперь, когда по пятам гонится полиция, невозможно искать Мэллори по всей стране. Надо любой ценой попасть на остров... Но как это сделать, Ян не имел ни малейшего представления.

Была уже полночь, когда он решил, что можно без особого риска выйти на улицу. Старуха, так и не заметив их, давно ушла.

Долгое время в часовне царила тишина. Потом Ян ласково тронул Жанну за плечо, выводя ее из дремы.

— Пора идти.— Его рука болела и словно отнялась.— Ты хорошо себя чувствуешь?

Жанна выпрямилась, и он с удовлетворением отметил, что в ее глазах появилось осмысленное выражение. Она понемногу приходила в себя.

— Все нормально,— ответила девушка и поправила расстрепавшиеся волосы.— А ты? Как твоя рука?

— Ничего, обойдется. Нужно идти!

— Я не слишком-то тебе помогла, верно?— неожиданно спросила она.

Ян покачал головой, чересчур усталый и взволнованный, чтобы быть деликатным.

— Теперь тебе придется наверстывать. Я сейчас мало на что способен. Мне плохо.

— Что надо делать?

— Ты меня спрашиваешь?— резко сказал Ян.— Разве не ты всегда составляла планы?

Жанна посмотрела на него долгим и беспомощным взглядом, тщетно пытаясь сосредоточиться, и Ян с ужасом понял, что на нее рассчитывать нельзя. Последний приступ явно помрачил ее рассудок. Прежде Жанна быстро приходила в себя и становилась как всегда энергичной и находчивой. Но теперь ее умственные способности были совершенно расстроены, и держалась она только за счет своей воли и выдержки.

— Остров,— нетерпеливо напомнил Ян.— Нам надо попасть на остров. Как туда добраться?

— Поезда в Шотландию отправляются с вокзала Кингз-Кросс. Автомобиль для нас исключен.

— Кингз-Кросс? Где это? — спросил он, покачиваясь из стороны в сторону, чтобы унять боль.

— Возле Грей-Иннз-роуд. Придется идти пешком.

У Яна сжалось сердце. Долгий переход страшил его. Ноги дрожали, время от времени накатывалась дикая слабость. Он знал, что не выдержит дороги.

— Боюсь, мне не дойти,— проговорил поляк и тут же подумал, что если она поймет, в каком состоянии он находится, то, весьма вероятно, захочет его бросить. Он решил при малейших признаках предательства убить ее. Теперь голова у него была легкой и кружилась, а боль в руке доводила до иступления. Ян с трудом скрывал отчаяние и гнев.— Я потерял много крови.

Жанна повернулась, окинув его взглядом, и увидела серое искаженное лицо, бусинки пота, выступившие на лбу, и клекотавшую внутри ярость.

— Ян... — Она мягко прикоснулась к его раненой руке.— Не волнуйся, все будет хорошо. Мы найдем какой-нибудь выход. Я тебя не брошу. Ты так много для меня сделал... Рискнем взять такси?

Ян облизал пересохшие губы. Чего он совершенно не ожидал от нее, так это проявления доброты. Смерть Пьера убила в ней все человеческие чувства, и эта неожиданная жалость тронула его до глубины души.

— Пешком я далеко не уйду,— промолвил он.— Без такси нам просто не обойтись. Я оставлю свой плащ здесь, а ты дай мне твой. Может, нас и не узнают, если мы будем с непокрытыми головами. Не забудь, они ищут береты.

Жанна сняла плащ и накинула его ему на плечи, скрывая раненую руку.

— Нужно уточнить расписание.— Приняв ответственность и инициативу на себя, она вновь обрела уверенность.— Ты подожди здесь, а я позвоню на вокзал.

Ян покачал головой.

— Мы не должны расставаться, Жанна.

Она поняла, что он боится предательства, и, все еще охваченная страхом перед невыносимой болью в голове, страхом потерять рассудок, почувствовала вдруг прилив счастья при мысли о том, что Ян в ней нуждается.

— Тогда просто сядем на товарняк... По крайней мере, к этому нам не привыкать.

Ян медленно поднялся, с трудом держась на ногах.

— Одно из немногих наших преимуществ,— грустно проговорил он.— Впереди долгий путь. Я беспокоюсь. Как ты думаешь, мы доберемся?

— Да.— Жанна повернулась и устремила взгляд к серебряному распятию на алтаре.— Дай мне еще несколько минут. Может быть, я последний раз нахожусь в часовне.

Ян привалился к скамье, борясь с надвигающимся обмороком.

— Поторопись,— выдавил он, вытирая со лба пот.

Жанна опустилась на колени перед алтарем, а Ян, глядя на ее широкие плечи и прямую спину, удивлялся: как она может молиться? Он тоже когда-то верил в Бога; но с этим давно покончено. Его вера умерла вместе с Шарлоттой. «Так откуда же в Жанне стремление молиться?— спрашивал он себя, сидя с закрытыми глазами. Ему было холодно, чтобы не закричать от боли в руке, приходилось изо всех сил стискивать зубы.— Неужели она воображает, что Бог сотворит для нее чудо? Или она хочет примириться с Ним? Как ей получить прощение, когда единственная цель ее жизни — убить Мэллори?.. Нет, она зря тратит время».

Ян нетерпеливо потянул Жанну за плечо. Она повернулась к нему, подняла голову и сверкнула странно горящими глазами.

— Надо идти. Дорога каждая секунда.

Жанна встала.

— Да, ты прав. Нам с тобой здесь нечего делать.

Они молча вышли из часовни и на мгновение замерли. А потом, словно два привидения, растворились в пустынной и мокрой темноте.

Глава 12

1

Северный экспресс прибыл на станцию Бервик по расписанию — в восемь утра. С черного угрюмого неба падал дождь. Он барабанил по навесу платформы и стекал на головы пассажиров, которые ринулись к вагонам, спеша занять свободные места.

Бервик был последней остановкой перед Данбаром, и Керриден высунулся из окна вагона третьего класса, внимательно оглядывая платформу — не видно ли полиции.

На вокзале Кингз-Кросс он засек несколько агентов в штатском. Караулили ли они его, сказать было трудно, и Керриден решил не рисковать. Получив от Эффи билеты, они с Энн разделились, договорившись встретиться в поезде после Бервика, если все будет хорошо. Энн села за десять минут до отправления; он же ждал до последней секунды и вспрыгнул на подножку вагона, когда поезд уже тронулся. Оставалось ждать. Если при посадке его заметили, то самыми опасными станциями были Питерборо, Йорк, Дарлингтон, Дархем, Ньюкасл и Бервик. На каждой остановке Керриден искал глазами полицейских, но не видел никого, кто возбудил бы его подозрения.

Керриден облегченно вздохнул и подозвал мальчишку-разносчика, бегом помчавшегося к нему. Он купил несколько газет, сунул их в карман и решил, что пора искать Энн. Она села в головной вагон, и Керриден подумал: найдется ли для него место в переполненном составе? Он подождал, пока два летчика ложились, наконец, свои чемоданы и после того, как поезд тронулся, зашагал по качающемуся проходу, переходя из вагона в вагон, пока не увидел беспокойно высматривающую его Энн.

Их взгляды встретились, но Керриден как ни в чем не бывало прошел мимо и остановился в тамбуре. Ожидая девушку, он достал из кармана газеты и пробежал по заголовкам. На первой полосе красовался крупный снимок, под которым было набрано жирным шрифтом: «ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА?»

Керриден отлично помнил эту фотографию. Он снялся для одной своей подружки, но карточку так и не послал, в последний момент передумав, а поставил на каминную полку, совершенно о ней забыв, пока однажды вечером не обнаружил, что она исчезла — видимо, выкрадена полицией.

Не желая читать того, что напечатано мелким шрифтом внизу, Керриден развернул другую газету и вновь увидел свою фотографию.

Такой неприятности он не ожидал. В любой момент его мог кто-нибудь опознать. Хуже не придумаешь! Люди, как правило, не запоминают описания; зато многие способны уловить сходство со снимком.

С растущим беспокойством Керриден стал читать газету. Полиция обращалась к населению с просьбой оказать

содействие в поимке Мартина Керридена, который должен быть допрошен в связи с убийством Эдвина Крю, Риты Аллен (названной в материале «очаровательной блондинкой») и двух полицейских, хладнокровно застреленных в гостинице «Эндфилд». Предполагается, осторожно сообщалось в газете, что этот человек может дать важные для следствия показания.

О Яне Шимановиче там выражались без церемоний. Прямо констатировался факт, что он разыскивается по обвинению в убийстве двух полицейских.

— Покажите,— требовательно сказала Энн, подойдя к Керридену прежде, чем тот успел спрятать газеты. Он быстро сложил их и убрал в карман плаща.

— Не задерживайтесь здесь, проходите дальше. Нам не должны видеть вместе. В газетах помещена моя фотография, в любую минуту меня могут задержать.

Энн сразу поняла нависшую опасность, но вместо того, чтобы уйти, взяла его за руку и потянула в туалет, закрыв за собой дверь на задвижку.

— Здесь нас пока никто не потревожит,— спокойно проговорила она.— Откуда у них ваша фотография?

Керриден усмехнулся.

— Какая разница? Она у них уже несколько лет. Главное, в любой момент меня могут опознать; если уже не опознали.

— Покажите снимок!

Он сперва замялся, не желая, чтобы Энн узнала о смерти Риты Аллен, но потом решил, что рано или поздно этого не миновать, так пусть уж лучше услышит от него. Он вытащил газеты и протянул их ей.

Девушка внимательно взгляделась в фотографию.

— Да, сходство есть... Через полчаса мы будем в Данбаре. Что вы намерены делать?

— Рискнуть,— мрачно произнес Керриден.— А вот вы держитесь от меня подальше.

Энн слушала его вполуха, быстро пробегая глазами текст, и Керриден настороженно ждал ее реакции, когда она прочитает про смерть Риты. Долго ждать не пришлось. Девушка вдруг оцепенела, сжав пальцами газету.

— Она мертва! — воскликнула Энн, подняв на него пытливым взгляд.— Тут сказано, что ее убили!

— Совершенно верно,— тихо сказал Керриден.— Полиция считает, что это сделал я. Я действительно был у нее в это время. Она упала с лестницы.

На лице Энн появились страх и отвращение.

— Но тут говорится, что ее убили,— настойчиво повторила она.— И еще другого, как его... Крю. Вы и у него были?

— Да.

Керриден вытащил пачку сигарет и предложил ей, но Энн покачала головой и стала потихоньку отодвигаться, пятиться от него, вжимаясь в дальний угол крохотного помещения. Делая вид, что не замечает ее растущего беспокойства, Керриден закурил и глубоко затянулся.

— Я знаю, о чем вы думаете. Ну что ж, вы вправе иметь свое собственное мнение, и мне не под силу его изменить. Согласен, скверная история. И опять же, я ничего не могу поделать. А главное, это не имеет ни малейшего значения,— сказал Керриден.

И тут же осознал лживость своих слов. Это имело значение. Он не хотел, чтобы Энн считала его убийцей.

— Сейчас мы с вами расстанемся. С моей стороны непростительная глупость, что я вообще втянул вас в это дело. Примите совет: как только приедем в Данбар, первым же поездом возвращайтесь в Лондон. Я один доберусь до острова, найду там вашего брата и переговорю с ним. Если хотите ему помочь, не сообщайте полиции, куда я направляюсь.

— Вы ведь что-то скрываете от меня?— резко спросила девушка.

И потому что Керридену внезапно стало важно, чтобы Энн сохранила о нем при расставании хорошее мнение, он решил сказать правду.

— Вы правы. Говорить об этом неприятно, но другого выхода нет. Помните: группа Гурвиля первоначально состояла из девяти человек? Гурвиль, Шарлотта и Джордж были убиты гестапо; ваш брат исчез. Оставшиеся пятеро были уверены, что это он предал Гурвиля, и приехали в Лондон с намерением отыскать его. Любош и Гаррис напали на след — и умерли насильственной смертью: один упал с поезда, другой утонул в пруду. Я пришел к Рите Аллен, чтобы расспросить ее о вашем брате. Пока я находился у нее дома, Риту столкнули с лестницы и сломали ей шею.— Керриден прислонился к стене, не сводя глаз с лица Энн.— Любош, Гаррис и Рита погибли — потому что знали что-то о вашем брате или случайно столкнулись с ним. Кто их убил? Ответ, мне кажется, ясен.

— Не понимаю, к чему вы клоните,— тихо произнесла она.— Думаете, это дело рук Брайана?

— Я не верю в совпадения. По крайней мере, в три совпадения подряд.

— Так вот почему вы хотите найти брата!

— Совершенно верно. И вы не можете оставаться нейтральной. Самое лучшее для вас — предоставить все мне, а самой вернуться в Лондон. Если вы выдадите полиции мое местопребывание, то тем самым выдадите, где находится ваш брат.

— Он вам очень нужен, да?

Керриден впился в нее взглядом.

— Очень. Видите ли, если мне не удастся доказать, что Риту Аллен прикончил не я, моя песенка спета. Полиция обвинит в убийстве меня. Я во что бы то ни стало должен найти вашего брата.

— Почему вы не сказали мне этого раньше?

— По правде говоря, я рассчитывал выйти на него через вас.

— Почему же вы вдруг передумали?

Керриден снял шляпу и пригладил волосы.

— Вероятно потому, что узнал вас ближе. Вначале вы были для меня всего лишь полезной. Теперь...

— Понятно.

— Ну вот и все. Возвращайтесь на свое место, а в Данбаре садитесь на обратный поезд и отправляйтесь домой. Забудьте обо мне. Я буду справедлив с вашим братом, обещаю. — Неожиданно им овладело страстное желание схватить ее и обнять. С огромным трудом он сдержался и с неудовольственным равнодушием добавил: — Итак, до свидания. Приятно было познакомиться.

Керриден открыл дверь, стряхнул руку, которая хотела его удержать, и быстро зашагал по проходу.

2

Длинная цепь товарных вагонов, судорожно дергаясь, остановилась. Один за другим залязгали буфера, и утренний покой разорвал истошный гудок локомотива, вставшего на красный сигнал семафора.

Ян очнулся и, подняв голову, уставился во тьму. Мирное покачивание вагона в конце концов усыпило его. Но теперь, когда поезд остановился, он тут же пришел в себя. Боль в опухшей и будто раскаленной руке толчками отдавалась в висках, словно по голове били резиновым молотком. Никогда в жизни Яну не было так плохо...

— Жанна! — Голос сорвался на хрип — искаженный

до неузнаваемости, и он испугался еще сильнее.— Жанна!. Ты здесь?

— Да, здесь,— раздалось из темноты, и он услышал, как она села на пол вагона.

— С моей рукой совсем худо,— выдавил Ян сквозь зубы, когда тело вдруг захлестнуло волной огненной боли.— У нас ничего нет попить?

— Нет.

Он надеялся, что она подойдет к нему, ждал слова сочувствия, но Жанна осталась на месте. Несколько минут Ян лежал, не двигаясь, стараясь хоть как-то унять дикую боль в руке. Господи, как же он ослаб за время сна!

— Здесь впору задохнуться. Ты не могла бы впустить свежего воздуха? Где мы? Жанна, посмотри!

Ян услышал, как она встала и ощупью пробралась к двери, потом раздался лязг металла, верхняя часть двери откинулась наружу и тусклый свет зари проник в вагон, высветив силуэт девушки.

Ян нечеловеческим усилием попробовал сесть, но боль и слабость тут же заставили его упасть, судорожно хватая ртом воздух. Молот застучал с удесятенной силой, раскалывая голову на части.

— Красный семафор,— спокойно сообщила Жанна и стала всматриваться в циферблат часов.— Сейчас четыре утра.

— Где мы находимся? Ты хоть представляешь?

— Точно не знаю. Возле Шантили, по-моему.— Она вновь высунулась наружу, вглядываясь в почти неразличимые окрестности.— К западу от Шантили, пожалуй.

«Шантили? О чем она говорит?» Напряжение оказалось слишком большим, и Ян бессильно закрыл глаза. Он лежал не шевелясь, как ему казалось, бесконечно долгое время, затем поезд дернулся, загремели в обратном порядке буфера, и тишину вновь разорвал крик паровоза.

Толчок привел Яна в чувство. Что она сказала? Шантили? Но Шантили во Франции, а они в Англии; по крайней мере, так он думал. А если нет? Ян заскрипел зубами, чувствуя, как по лицу стекает холодный пот, и напряг все силы, пытаясь вспомнить точно, что произошло. Бегство с Чейни-Уок, часовня... Там, в часовне, он потерял много крови. Жанна сказала, что нужно попасть на вокзал Кингз-Кросс. Они взяли такси. За рулем сидел какой-то старик, усталый и ко всему безразличный. Он бросил на них лишь короткий взгляд, когда они влезали в машину, и никогда не опознает их, Ян был в этом уверен. А

еще он помнил, что потерял в такси сознание, и Жанне стоило больших трудов привести его в чувство — буквально в ту секунду, как они подъехали к вокзалу.

Откуда Жанна знает, на какой поезд садиться, Ян понять не мог. Она оставила его у цистерны с нефтью, а сама исчезла во тьме. Ее не было очень долго, хотя время и потеряло для него всякий смысл. Он был счастлив уже тем, что просто сидел, не шевелясь, нянчил свою больную руку и мог ни о чем не думать, отдаваясь волнам забытья, благодарный Жанне за то, что она взяла ответственность на себя.

Ян помнил, как она подняла его и поддерживала, пока он переставлял одну ногу за другой, сосредоточившись лишь на самом процессе движения и совершенно не заботясь о направлении.

Он помнил неистребимый запах рыбы, и скрежет засова на двери, и сильные руки Жанны, за воротник плаща втянувшей его в вагон. Без ее помощи ему бы туда никогда не влезть.

Но больше он не помнил ничего. Он упал всем телом на раненую руку, и взрыв боли будто ударной волной швырнул его сознание в кошмарную бурлящую черноту.

И вот теперь Жанна говорит о Шантили. Выходит, они пересекли Ла-Манш? Как они могли оказаться к западу от Шантили? Может, она назвала какой-то английский город, похожий по звучанию?..

Ян погрузился в воспоминания. Шантили! Здесь они сражались. Здесь находится последнее прибежище Пьера Гурвиля. Здесь похоронена Шарлотта... Задохнувшись от восторга, Ян подумал, что каким-то чудом Жанне удалось вывезти его из Англии. Но здравый смысл взял верх, — он наверняка что-то не так понял.

— Что ты сказала, Жанна? Где мы находимся?

— В Шантили, — нетерпеливо ответила она, оглянувшись через плечо. — Встань и посмотри сам! Чего ты валяешься? Поднимайся! Через несколько минут поезд остановится!

— Но как мы сюда попали? — растерянно спросил Ян. — Мы же ехали в Шотландию... Что произошло?

— Заткнись! Ты бредишь! — сердито выкрикнула Жанна и вновь высунулась наружу. Ее волосы развевались, как флаг на ветру.

Ян, спрятав лицо, заплакал. Свершилось чудо, и теперь ему было совершенно безразлично, что ждет их впереди. Они едут домой! Если он умрет здесь, то будет счастлив.

Если его похоронят рядом с Шарлоттой, он примет смерть с радостью... И снова заговорил здравый смысл. Они не могут находиться во Франции. Это просто невозможно.

— Жанна! Иди сюда! — позвал Ян, стараясь перекрыть шум поезда. — Жанна!..

— Подожди! — закричала она и обернулась, резко и четко впечатав свой силуэт на фоне серого утреннего неба. — Я высматриваю Пьера. Он обещал нас встретить.

— Жанна! Что ты говоришь?!

Но она не обращала внимания. С долгим душераздирающим гудком поезд промчался мимо освещенной газовыми фонарями маленькой станции: безлюдной, тоскливой и грязной от дождя и нефти.

— Он не остановился! — иступленно закричала Жанна. — Он проехал мимо Шантили!

На какой-то кошмарный миг Яну показалось, что она сейчас выбросится. Жанна высунулась из вагона, с трудом сохраняя равновесие, стараясь в последний раз увидеть станцию, в то время как после поворота длинный хвост состава вышел на прямую, и поезд стал набирать скорость.

— Мы проехали мимо! — Жанна повернулась и отчаянно заломила руки. — Что подумает Пьер? Что нам делать?

— Иди сюда и садись, — сказал Ян, окончательно убедившись, что она сошла с ума. Он и раньше подозревал, что после пыток в гестапо, потери Пьера и долгих месяцев болезни ее рассудок помрачился. Странные припадки, взрывы дикого, неукротимого гнева, сменяемые периодами апатии и молчания, лихорадочный блеск в глазах — все это было признаками помешательства. И именно теперь, когда он в ней так нуждается, тоненькая изношенная нить разума окончательно оборвалась.

— Сейчас не время сидеть! — яростно воскликнула Жанна. — Поезд идет в Париж. Надо что-то делать!

— Я ни на что не гожусь, — возразил Ян. — Я тяжело ранен. Неужели ты не помнишь? Пуля в руку...

Шатаясь от вагонной качки, Жанна подошла к нему и опустилась на колени.

— Как тебя ранило? Почему ты мне ничего не сказал? Когда это произошло?

Ее глаза лихорадочно блестели, из груди с присвистом вырывалось учащенное дыхание.

— Тебе плохо, — сказал Ян, взяв девушку за руку. — Соберись, ты мне нужна... Послушай, Пьер мертв. Его предал Мэллори. Мы сейчас в Англии, едем в Шотландию, чтобы найти там Мэллори. Вспоминаешь?

Жанна долго молчала, стоя на коленях, и он чувствовал, как дрожит ее тело. Наконец она проговорила:

— Да, вспоминаю... А только что все казалось таким реальным! Я думала, мы встретим Пьера, ты прав, он мертв...

«Удалось ли мне привести ее в норму? — мучился Ян, пытаюсь разглядеть выражение лица девушки. — И если удалось, долго ли она продержится?» Нет, теперь он не сомневался, что просветление могло быть только временным.

— Не надо волноваться, — произнес Ян. — Мы уже давно не ездили в поезде, вот и вспомнилось невольню... Мне тоже сперва показалось, что это Франция... Но где мы находимся?

— Не знаю, — хрипло выдавила Жанна. — У меня болит голова. Не задавай мне вопросов.

Она встала, безжизненно добрела до двери и вновь уставилась в полумрак.

«Бесполезно!» — с отчаянием подумал он. Что с ними будет? Теперь, когда задача отыскать Мэллори возложена только на него, решимость Яна ослабла. Это невозможно, чересчур много препятствий! Он готов был сложить оружие и признать себя побежденным, и едва пришел к такому решению, как его захлестнул летаргический покой. Даже боль в руке, казалось, отступила, и через несколько секунд поляк погрузился в сон настолько крепкий, что ни вагонная тряска, ни пронзительные гудки паровоза не могли его разбудить.

3

Керриден поспешно двигался по пароходу, когда высокий крепкий человек вышел из купе первого класса и преградил ему путь. Это был инспектор Роулинс.

— Только, пожалуйста, без шума, — проговорил он с широкой улыбкой. — Сзади вас стоит Хадсон, так что давайте без эксцессов.

Сердце Керридена судорожно дернулось, он застыл, но, взяв себя в руки, с нарочитой непринужденностью воскликнул:

— Боже мой, Роулинс! Добрый день. Вот уж не ожидал вас здесь увидеть! Вы получили мою телеграмму?

— Получил, — приветливо ответил инспектор.

Этот улыбчивый, краснолицый, крупного сложения человек с открытым лицом, полный энергии и пышущий здоровьем, всегда выглядел так, будто только что вернулся с двухнедельного отдыха на море. Керриден знал, что он

храбрый полицейский, честный и самоотверженный. Преградить ему вот так путь — дело нешуточное и опасное, и Керриден невольно почувствовал к нему уважение.

— Вы напрасно беспокоились о Крю,— доброжелательно продолжал Роулинс.— Ваше послание не дало нам ничего нового. И все же за информацию спасибо. Не возражаете, если Хадсон вас обыщет? У вас, вероятно, при себе оружие?

— Конечно,— ответил Керриден с насмешливой улыбкой.— Валяйте, Хадсон, в правом кармане.

Хадсон с каменным лицом сунул руку в карман Керридена и вытащил автоматический пистолет 25-го калибра.

— Чего это вы игрушками увлеклись?— удивился Роулинс, потирая ладони.— Я ожидал увидеть что-нибудь посолиднее. Разрешение на оружие у вас есть, старина?

— Ну, разумеется! Оно у меня в бумажнике. Хотите взглянуть?

— Не к спеху! Вы не очень-то стремились отдать себя в руки правосудия, верно?

— А разве у правосудия ко мне претензии?— Керриден вскинул брови.— Я чист как стеклышко.

— О, поверьте, так говорят ну абсолютно все преступники!— просиял Роулинс.— Я поражен, Керриден. Вы — и вдруг уподобляетесь прочим!.. Заходите сюда, дружище. На вашем месте я был бы горд,— продолжал он, заводя его в купе первого класса, из которого только что сам вышел. В купе сидел еще один полицейский, метнувший на Керридена хмурый взгляд.— Нам пришлось потеснить пассажиров, чтобы освободить место. А из Данбара специальная машина отвезет вас в Лондон. Вы должны чувствовать себя важной персоной!

— О, да,— заверил Керриден.— Однако в Лондон возвращаться не собираюсь.

— Мне искренне жаль, старина, но с вами хотят немного потолковать,— сказал Роулинс, вытаскивая пачку сигарет.— Какие-то мелочи, очевидно... Попортим здоровье?

Керриден взял предложенную сигарету и прикурил от зажигалки инспектора.

— Ну если так,— рассмеялся он,— то не возражаю.— Ему хотелось выяснить, знает ли Роулинс, что Энн в поезде.— Кстати, откуда вы взялись?

Роулинс устроился возле двери.

— Мы сели в Бервике, увидев ваше красивое лицо в окне. Не хотелось беспокоить вас раньше времени. Правда, Хадсон?

Хадсон, сидевший рядом с Керриденом, хмыкнул.

— Наши парни засекли вас еще в Кингз-Кросс, — продолжал инспектор, — да чуть-чуть опоздали. Пришлось позвонить в полицию Питерборо, и на поезд сел инспектор Стюарт. Судьбе было угодно, чтобы я сам оказался в Карлайле — совсем по другому делу, не имеющему к вам никакого отношения. Мне позвонили, и я присоединился к вам в Бервике.

«Ни слова об Энн», — с облегчением отметил Керриден.

— Вы предъявляете мне обвинение?

— Только в самом крайнем случае, — с обворожительной улыбкой ответил Роулинс. — И на вашем месте я бы до этого не доводил. Не стоит портить отношений. Я предпочитаю обратиться к вашей доброй воле. Конечно, если вы заупрямитесь, я вас арестую. Так что решайте.

— В чем меня обвиняют?

Роулинс подмигнул.

— Ну же, старина, не стоит допытываться. Коли совсем припрет, я всегда к чему-нибудь смогу придраться... В первую очередь мы хотим с вашей помощью взять этого поляка. А потом уже, возможно, придется побеседовать с вами более серьезно.

— Другими словами, доказательств у вас нет, — подытожил Керриден. — И, обещаю вам, никогда не будет.

Роулинс глубоко затянулся.

— Увидим! — беспечно проговорил он. — Признаюсь, дружище, я бы с огромным удовольствием засадил вас за решетку. И даже, если повезет, обеспечил бы вам петлю. Все не дает мне покоя тот маленький эпизод перед войной, когда вы прикончили секретаря посольства. Знаете, у меня такое чувство, что я плохо тогда сработал, а от плохой работы, извините за вульгарность, у меня изжога.

— Какого секретаря посольства? — спросил Керриден.

— Ладно, ладно, сейчас это не имеет значения... А та блондиночка, — неожиданно прибавил инспектор. — Хорроша была в постели?

— Вы говорите загадками! Сперва секретарь посольства, теперь какая-то блондинка... Что это значит?

Роулинс весело обратился к двум детективам, смотревшим на Керридена с холодной неприязнью.

— Вот выдержка, а?! Да, ему палец в рот не клади. — Инспектор вновь повернулся к Керридену. — Я говорю о той шлюшке, которую вы проводили домой в ночь на семнадцатое мая, о Рите Аллен. Ну, помните, та, что упала с лестницы и сломала себе шею?

— Впервые о ней слышу, — с готовностью ответил Керриден. — У меня немало знакомых блондинок, но Рита... Нет. Как, вы сказали, ее фамилия?

Неожиданно чья-то тень упала на пол купе, и Роулинс быстро вскинул голову. В дверях стояла молодая девушка. Керриден тоже поднял голову, и по его спине пробежал холодок. Это была Энн.

Она стояла на пороге и улыбалась Роулинсу.

— Прощу прощения. Я бы хотела здесь сесть, — сказала она, переведя взгляд на толстые ноги инспектора, которые загораживали проход.

Роулинс стремительно поднялся.

— Извините, мисс, — вежливо произнес он, — купе забронировано. Уверен, что вы найдете себе другое место.

— Боюсь, что и дальше все занято, — возразила Энн, ничуть не смутясь. — Я уже смотрела. И потом, нигде ведь не обозначено, что купе забронировано?

— Совершенно верно, мисс. Но мы из полиции, — терпеливо разъяснил Роулинс. — Так что вынужден вам отказать. Весьма огорчен.

— О, я не знала. Но раз вы из полиции... Могу я попросить вас об одном одолжении? — Энн кокетливо улыбнулась.

— Разумеется, — удивленно согласился Роулинс. — О чем речь?

— Мой брат утверждает, что никто еще никогда не заплатил штраф в пять фунтов за то, что без причины сорвал рычаг аварийного тормоза. Он говорит — обман! Но ведь на самом деле штрафуют, правда?

— Штрафуют, мисс, действительно штрафуют, — ответил Роулинс. — Это все?

— Да. Простите за беспокойство.

Сердце Керридена заколотилось. Этот абсурдный вопрос мог означать только одно: Энн собиралась остановить поезд, чтобы дать ему возможность удрать.

— Пустяки, мисс, рад услужить! — галантно сказал Роулинс.

— Еще раз спасибо. — Энн улыбнулась и закрыла дверь.

— Очаровательная девушка! — заметил Роулинс, потирая ладони. — Старина, вы, как знаток женщин, не находите, что она очаровательна?

— Безусловно, — ответил Керриден.

И с пересохшим ртом стал ждать остановки поезда.

Кто-то закричал истошным голосом:

— Остановите ее!

Но Энн открыла дверь вагона, выпрыгнула на откос и бросилась к мосту, перекинутому через небольшую речку в глубине долины. Когда она уже подбегала, Керриден сиганул с ограждения вниз, и рука Роулинса схватила пустоту.

Из вагона вывалились еще два детектива — один из них прижимал к носу окровавленный платок — и присоединились к инспектору.

Все трое, затаив дыхание, следили, как Керриден летит к воде, — казалось, бесконечно долгое время. При всем своем мужестве Роулинс не решился последовать за ним.

Они были так поглощены этим, что не заметили Энн, влезшую на ограждение моста в нескольких метрах от них.

Десятки пассажиров, высунувшихся в окна поезда, увидели эту сцену и, не веря собственным глазам, в ужасе закричали. Роулинс повернулся и бросился к девушке, но Энн была уже в воздухе.

Керриден выплыл на поверхность как раз в тот момент, когда Энн спрыгнула. Пулей и почти без всплеска она вошла в воду, и едва она вынырнула, как Керриден быстро поплыл к ней.

— Идиотка! — заорал он, приближаясь к девушке. — Вы могли сломать себе шею!

— А вы разве нет? — возразила Энн. — К тому же, все обошлось, правда?

— У вас действительно все нормально?

— Ну, конечно! — Она плыла рядом с ним. — Согласитесь, я остановила поезд как раз вовремя... Что касается меня, то иного выхода просто не было. Этот инспектор мог догадаться, что я ваша сообщница, а мне вовсе не хочется попасть в тюрьму.

— Сработано отлично, — признал Керриден. — Но почему вы это сделали, черт побери? Я же велел вам держаться от меня подальше. Теперь посмотрите, во что вы вляпались!

— Вода — не худшее из того, во что можно вляпаться, — рассмеялась Энн. — Мне лучше здесь, чем там.

Они обернулись и посмотрели, что делается на мосту.

Большинство пассажиров выбежали из вагонов и усыпали ограждения. Керриден узнал в толпе Роулинса и помахал ему рукой. Инспектор, приняв неизбежное, ответил ему тем же.

— Бедный старый Роулинс! Держу пари, сейчас он дьявольски сквернословит!.. Ну, давайте проплывем немного вниз по течению, а потом выберемся на берег.

Течение было довольно сильным, и вскоре мост остался далеко позади. Через несколько минут они обернулись на слабый гудок поезда: паровоз, теперь похожий на игрушку, вновь тронулся в путь.

— Интересно, Роулинс остался или спешит на ближайшую станцию, чтобы поднять тревогу? — вслух подумал Керриден. — Спорю, он предпочитает висеть на телефоне, а погоню предоставить другим. Ну, не устали еще?

— Чутьочку, — созналась Энн. — Одежда мешает... Как вы полагаете, может хватит?

Он внимательно осмотрел поросший густым лесом берег.

— Ладно. Давайте левее!

Вскарабкавшись на крутой откос, Энн без сил рухнула на траву.

— У-уф! — выдохнула она. — Совершенно потеряла форму... Любопытно, мы когда-нибудь высохнем?

Не обращая внимания на стекающую с него воду, Керриден поднялся и осмотрел полупустынную местность с пологими холмами, покрытыми кустарником.

— Ничего-ничего, высохнем, — подбодрил он. — Отдыхитесь немного и пойдем.

— А вы знаете, куда идти?

— Туда, на северо-восток. Кратчайший путь к Данбару. По этим холмам прогулка получится, конечно, не из легких, но ничего не поделаешь. Похоже, здесь и в помине нет никакого жилья.

— Может, дальше, за холмами? — вздохнула Энн, с трудом вставая на ноги. — Господи, я совсем разбита!.. Так и придется мне в мокрых тряпках шлепать до Данбара?

Керриден с улыбкой посмотрел на нее.

— Снимайте их, я не возражаю. Сушить нет времени.

— И не рассчитывайте! — сказала она, стараясь по частям отжать платье. — Но серьезно, нужно найти, где бы переодеться, да и перекусить не мешает. Вы понимаете, что до Данбара миль двадцать?

— Ну, для вас это просто пустяки! По-моему, амазонки Мэссингема не пасуют перед неудобствами.

— Я же вам говорю: совершенно вышла из формы. Что будем делать? Может, угоним какую-нибудь машину?

Керриден рассмеялся.

— Самый верный способ навести на себя полицию. Другое дело — попробовать нанять... Но сперва эту машину надо найти! Ладно, в путь.

— Я и шага не ступлю в таком виде! — решительно заявила Энн. — Зайду за дерево и выжму одежду. В туфлях полно воды, а на спине, похоже, барахтаются рыбки.

— Только поскорее, ради Бога.

Она исчезла в чаще. Керриден, ожидая ее, тоже выжал пиджак и брюки.

— Энн! — крикнул он, застегивая ремень. — Все-таки почему вы остановили поезд? Мы же договорились расстаться! И вдруг вы вновь появляетесь и помогаете мне бежать...

— На вас больно было смотреть — такой грустный и по-нурый в окружении полицейских, — ответила она, выглянув из-за деревьев. — Ну как я могла уйти?

— Бросьте эти шутки, — отрезал Керриден. — Меня считают убийцей. И вы отлично знаете, что я разыскиваю вашего брата. Если бы меня посадили, все ваши проблемы решились бы сами собой. Так в чем же дело?

— Вы старались уберечь меня, когда явились те трое. Я вам обязана, — ответила Энн. — И кроме того, я совершенно уверена, что вы не причастны к смерти Риты Аллен. Сперва, признаюсь, мне было немного страшно, однако потом, оставшись одна, я подумала и пришла к выводу, что вы невиновны.

— Ну и глупо! — с раздражением бросил он. — Лучше б вы не лезли в то, что вас не касается.

— Иными словами, вы хотите сказать мне спасибо! — рассмеялась Энн.

2

Около шести вечера Керриден заметил, что их преследуют. До того времени он считал, что удалось запутать следы, но, увидев неожиданно возникшую на гребне холма цепочку людей, понял: Роулинс оказался хитрее.

— Вот они! — воскликнул Керриден, указав рукой. — Смотрите, вон там!

Девушка и он стояли на опушке леса и вряд ли были видны, но Керриден знал, что всякое резкое движение неминуемо их выдаст; особенно, если среди преследователей есть пастухи с наметанным взглядом.

— Думаете, ищут нас? — спросила Энн.

— Безусловно! Давайте вернемся в лес — только не спеша, иначе заметят.

Медленно они вновь углубились в чащу. Керриден опустился на землю и потянул Энн за собой.

До сих пор им везло. В нескольких милях от моста они наткнулись на одинокую ферму. Керриден решил рискнуть: надо было обсохнуть, да и раздобыть немного еды.

Жена фермера поверила рассказням об автомобильной катастрофе. Она высушила их одежду и нажарила огромную сковороду яичницы с ветчиной, пока они, завернувшись в одеяла, грелись у камина.

Фермерша сообщила, что в полдень приезжает фургон с продуктами. Водитель фургона, по ее мнению, не откажется подбросить их до Бортуика, где можно найти квалифицированного механика.

Это Керридена устраивало. Одежда уже успела высохнуть, когда приехал фургончик. В Бортуике они сели в автобус на Гиффард — обманный ход, потому что машину нанять не удалось. Керриден не сомневался, что в автобусе их кто-нибудь опознает и поднимет тревогу.

Теперь они находились приблизительно в пяти милях от Гиффарда: пешком шли в Данбар. Они были полны сил, так как хорошо отдохнули, и мысль о погоне не слишком-то беспокоила Керридена.

— Десятью минутами раньше — и мы бы выскочили прямо на них, — заметил Керриден, наблюдая, как цепочка преследователей уклоняется в сторону. — Куда идти — вот загвоздка. Если придерживаться своего прежнего маршрута, они легко догадаются, что мы стремимся в Данбар.

— Почему бы не направиться на север? — предложила девушка. — Доберемся до Хэдингтона, а оттуда, если сумеем оторваться, повернем на восток к Данбару.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Откуда вы знаете?

— Ох, уж эти мужчины! — со смехом воскликнула Энн. — Конечно, только вы всеведущи!.. Ларчик просто открывается: я часто путешествовала по Шотландии, приходилось бывать и в Хэдингтоне.

— Примите мои поздравления, — улыбнулся Керриден. — Жаль, что у нас нет карты. Идти вслепую опасно, да и времени много потеряем. Как, сумеете довести нас до Хэдингтона?

— Надеюсь, — неуверенно ответила она. — В прошлый раз мне не было нужды удаляться от дорог... Что будем

делать? Ждать, пока стемнеет, или сразу двинемся в путь?

— Мы не можем позволить себе терять время. Преследователи скрылись за холмами. Они направляются на запад; мы пойдем на север.

Они пустились в дорогу.

— Я за вас волнуюсь,— неожиданно сказал Керриден.— Лучше б вы тогда меня бросили.

— Не тревожьтесь,— с улыбкой проговорила девушка.— Я вполне способна постоять за себя.

— Вам так кажется,— сердито возразил он.— Но если меня обвинят в убийстве Риты Аллен, вы запоете по-другому. Слышали о таком понятии: «соучастие в преступлении»?

— К чему расстраиваться раньше времени? Я же не волнуюсь! Так почему волнуетесь вы?

Керриден хмыкнул, а потом резко и с недовольством произнес:

— Для вас ведь не секрет, что вы начинаете мне нравиться!

— В самом деле? — Энн кинула на него быстрый взгляд.— Только, по-моему, вас это не радует.

— Совершенно не радует. Я вам не подхожу.

— У вас определенная склонность делать из мухи слона.

— Когда-то я менял женщин как перчатки. Война выбила из меня дурь, и, казалось, я совсем потерял интерес к прекрасному полу.— Керриден посмотрел на девушку.— Вы же меня интересуете, и я, естественно, недоволен. Вы обручены?

— Что-то вроде,— улыбаясь, ответила Энн.— Он служит во флоте. Мы видимся раз в полгода.

Керриден снова хмыкнул.

— Ладно, тогда все ясно.

— Вот как? Что же вам ясно? Мы просто симпатизируем друг другу.

— Ну и продолжайте симпатизировать,— мрачно отрезал Керриден.— Избавьтесь от многих огорчений. Зачем лишние сложности?

— Какие сложности?

Он остановился и посмотрел на Энн пристальным взглядом.

— Вы мне нравитесь. А когда мне кто-нибудь нравится, я стараюсь не причинить этому человеку зла.

— Почему вы должны причинить мне зло? — удивленно спросила она.

— Я ищу вашего брата, верно? — нетерпеливо ска-

зал Керриден.— И собираюсь передать его в руки полиции. А вы невольно сбиваете меня с толку.

— Вам не придется передавать его полиции,— тихо произнесла Энн.— Вся эта история высосана из пальца.

— То есть?

— Говорю вам, Брайан не убивал Риту Аллен и не предавал Гурвиля. Я очень хорошо его знаю. В чем-то он похож на вас: Брайан просто не стал бы делать ничего подобного.

— Послушайте,— вздохнул Керриден,— кто-то ведь убил Риту, Любоша и Гарриса. Если не ваш брат, то кто?

— Понятия не имею. Но только не Брайан.

— Это не объяснение.

— И к тому же я не верю, что он жив. Мне очень хотелось бы поверить. Я почти поверила вначале, услышав ваш рассказ. И все же... Я очень его любила и знаю, когда он погиб. Однажды ночью год назад я проснулась с сознанием того, что он мертв. Извещение пришло лишь спустя четыре месяца. Я даже не почувствовала удара.

Керриден ласково похлопал ее по плечу.

— Давайте больше не будем об этом. Думайте лучше о своем милом морячке... Вперед! Мы зря теряем время!

3

Немного позднее, когда солнце садилось за холмами, случилось неожиданное. Сперва Энн услышала гул двигателя. Она подняла голову и увидела, как над вершинами сосен появился вертолет.

— Ложитесь!— закричал Керриден.

Но Энн уже лежала в густой траве, когда он упал рядом с ней. Они замерли, не спуская глаз с вертолета, зависшего прямо над ними.

— Нас засекли!— с отвращением воскликнул Керриден.— Ну, что вы скажете! Да, видно я им отчаянно нужен.— Пилот машины высунулся и помахал рукой.— Дружелюбный!.. Сейчас вызовет по радио своих псов. Идемте скорее в лес, это наше единственное спасение.

Они вскочили и бросились к сосновому бору. Вертолет коршуном следовал за ними.

Порыв ветра донес звук человеческих голосов, и Керриден посмотрел назад. Справа на вершине холма появилась группа людей.

— Двое из них умеют бегать по-настоящему,— мрачно заметил Керриден.— Давайте живей! Не стоит встречаться с ними на открытом пространстве.

— По-моему, вообще не стоит с ними встречаться,— на одном дыхании проговорила Энн и рассмеялась.

Она бежала легко, ее глаза сияли от возбуждения.

Он еще раз оглянулся. Двое самых быстрых вырвались далеко вперед из основной группы преследователей и явно их нагоняли.

— Берите! — крикнул он Энн.— Подождите меня в лесу. Я займусь этими двумя... Ну же!

Девушка, прибавив ходу, стрелой понеслась к лесу.

Тяжелый топот сзади становился громче, и Керриден вновь бросил взгляд через плечо. Его почти настигли. Он споткнулся и чуть не упал.

— Эй, остановитесь!— закричал один из преследователей и еще прибавил скорости.

Опушка была совсем рядом, и Энн, с шумом ломая ветки, уже скрылась в лесу. Керриден не собирался увлекать погоню в чащу. Остальные преследователи отстали на полмили — достаточно, чтобы управиться с этими двумя, а потом спокойно убежать.

Он неожиданно повернулся и, когда первый бросился на него, ребром ладони нанес ему выверенный удар в шею. Человек упал, словно подрубленный.

Его напарник отпрянул, оценив внезапно изменившуюся ситуацию, но Керриден кинулся ему в ноги, и они оба покатались по траве. Керриден легко отшвырнул рвущиеся к его горлу руки, встал на колени, а когда соперник попытался последовать его примеру, выдал ему правой по подбородку, и тот свалился.

Керриден мгновенно вскочил. Преследователи, измученные долгим бегом по пересеченной местности, все еще были далеко. Заметив в толпе пыхтящего Роулинса, он помахал ему и устремился в чащу. Энн схватила его за руку, и они вместе помчались по тропинке.

Судя по звукам, преследователи достигли леса: слабо доносились хруст сломанных веток, крики и свистки.

Энн и Керриден продолжали бежать, чуть сбавив ход, пока шум погони не затих.

Керриден остановился.

— Кажется все,— проговорил он, вытирая лицо рукавом.— А здорово мы от них улизнули, правда?

Энн, прислонившись к дереву, пыталась отдышаться. У нее был совершенно измученный вид, но она ответила ему улыбкой.

— Что теперь?

— Чтобы преследовать нас в лесу, слишком темно.

Скорее всего, они отойдут и будут ждать утра. К тому времени, если нам хоть немного повезет, мы будем далеко.

— Значит, вперед?

— Самый лучший вариант. Ну, готовы?

— Не могу этого сказать. Но другого выхода нет.

— Спешить не обязательно. Пойдем по этой тропинке — должна же она куда-то вести. А как выберемся из леса, сориентируемся на местности.

Через полчаса они вышли на опушку. В кромешной тьме идти было трудно — если бы не специальная тренировка, они не сделали бы и шагу.

— Любопытно, куда мы попали? — вслух подумал Керриден. — И кстати, не перекусить ли нам, прежде чем двигаться дальше? Я умираю с голоду.

Они сели рядом на траву. Из сумочки на поясе Энн достала провизию, предложенную гостеприимной фермершей. Ели молча, занятые своими мыслями. Керриден чувствовал беспокойство: что же будет, когда он лицом к лицу столкнется с Мэллори? И наоборот: что делать, если Мэллори на острове не окажется?

— Вы опять о чем-то тревожитесь? — спросила Энн, поднимая на него глаза.

— Ну! — Он рассмеялся. — Люблю, знаете ли, потревожиться...

«Хорошо ей говорить, что Мэллори мертв, — думал Керриден. — Однако привидения не стреляют по ночам». Он вспомнил шепчущий голос в квартире Крю, выстрел... Нет, Мэллори жив! И чрезвычайно опасен.

— Смотрите, там машина! — внезапно воскликнула Энн. — Внизу, наверное, дорога.

Из-за холма вырвались два луча света, очень длинных, медленно приближающихся к деревне.

— Не очень-то они торопятся, — заметил Керриден, напряженно вглядываясь в темноту. — Похоже, останавливаются... — Он вскочил на ноги. — Остановилась! Давайте скорее, Энн, может подбросят нас до города.

— А вдруг это полиция? Стоит ли рисковать?

— Мы будем осторожны. Пошли!

Спуск к дороге был крутым и в то же время легким, и вскоре они добрались к стоявшему с поднятым капотом автомобилю. Над мотором склонился какой-то мужчина, светя себе электрическим фонариком.

— Ждите здесь, я с ним переговорю, — велел Керриден.

Покинув Энн, он стал приближаться к машине и, подойдя ближе, убедился, что водитель один.

— Вам помочь?

Мужчина резко выпрямился и направил на Керридена луч фонаря.

— Вряд ли вам это удастся, — раздраженно ответил он, не скрывая дурного настроения. — Разве что вы разбираетесь в автомобилях...

— Здесь неподалеку деревня, милях в пяти. — Керриден подошел поближе и рассмотрел водителя. «Никаких оснований для беспокойства, — подумал он. — Типичный коммивояжер».

— От этих новых моделей меня тошнит! — сказал водитель, в сердцах ударив ногой по колесу.

— Давайте взглянем, — предложил Керриден и склонился над двигателем. — Что случилось?

— Чертовая паскудина сперва зачихала, а потом совсем заглохла.

— С бензином порядок?

— Полный бак.

— Наверное, карбюратор... Инструменты есть?

— Прошу. Вы очень любезны, — водитель воспрянул духом. — Каким чудом вы здесь оказались?

— Маленький поход с женой, — степенно ответил Керриден и повысил голос: — Дорогая, выходи!

Из темноты появилась Энн.

— Представляю вам мою супругу!.. У этого джентльмена нелады с мотором. Постараемся помочь.

— Муж — мастер на все руки, — смеясь, сказала Энн. — Я уверена, что он в два счета все исправит.

— Замечательно! — воскликнул мужчина. — Меня зовут Брюэр. Спасибо вам, добрые самаритяне! Я в машинах ни черта ни смыслю.

Он восхищенно уставился на Энн, и девушка неожиданно обнаружила, что ее юбка здорово села, обнажив большую часть ног.

— Честно говоря, для нас это тоже удача, — произнес Керриден, раскладывая инструменты. — Мы тут заблудились и хотели остановить какую-нибудь машину. Довольно пустынное местечко, правда? Так что везение обоюдное.

Пока он возился с карбюратором, Брюэр явно обхаживал Энн и почти расстроился, когда Керриден закрутил последний винт и попросил включить двигатель.

— Думаю, теперь всё будет в порядке. Просто грязь набилась. Ну, попробуем!

Двигатель завелся при первом нажатии на стартер.

— У вас действительно золотые руки! — просиял Брюэр, высунувшись из окошка. — Если б не вы, торчать мне

здесь всю ночь. Прошу садиться! Куда прикажете доставить?

— Вообще-то мы направляемся в Данбар,— сказала Энн.— Не подбросите?

— Почему же нет? Я в Эдинбург, но буду счастлив оказать вам услугу.

Машина набрала скорость, и рука Энн скользнула в руку Керридена, но его мысли были заняты Мэллори.

Глава 14

I

Моторная лодка была футов восемнадцати в длину, имела десятицильный двигатель и рулевое управление. Она висела в ангаре, в колыбельке на стальных тросах, и по нажатию кнопки электрическая лебедка плавно опустила ее на воду.

Пока Энн проверяла мотор, Керриден с беспокойным чувством нес вахту у двери.

Как только Брюэр, довезший их до главной улицы Данбара, исчез из виду, они направились к морю. И почти сразу же у Керридена возникло ощущение, что за ним следят. Однако, сколько он ни вглядывался и ни вслушивался в темноту, ничего не сумел заметить и, не желая зря тревожить Энн, промолчал.

Теперь, стоя на страже у ангара и не имея своим подозрениям убедительных доказательств, Керриден пытался списать все на расшатавшиеся нервы.

— Порядок,— сказала Энн.— Поехали?

— Да,— ответил он, неохотно покидая свой пост.— Поднимается ветер. Чем скорее мы тронемся, тем лучше. Нам долго?

— Около часа,— ответила девушка.— Главное — добраться до острова. В доме полно припасов, по крайней мере, на неделю хватит.

— На неделю? Этого вполне достаточно.— Керриден вновь настороженно замер.

Энн заметила его беспокойство.

— Что-нибудь не так?

— Ерунда, скорее всего, просто нервы расшатались. У меня такое чувство, будто за нами наблюдают.

— Тогда давайте скорее уедем. Ужасно...

Она запнулась, тихо вскрикнув, когда неожиданно дви-

жение в дверях заставило их обоих повернуться. По лодке промелькнула чья-то тень.

— Кто там?— спросил Керриден, шагнув вперед.

Наставив на них маузер, на свет вышла Жанна. Ее бледное лицо выражало твердую решимость, глаза сверкали.

— Я с вами,— проговорила она, словно задыхаясь.

У Керридена вырвался вздох облегчения. Слава Богу, не Роулинс!

— Вы верны себе — всегда появляетесь в самый неподходящий момент,— сказал он с широкой улыбкой.— Как вам удалось сюда добраться?

— Мы договорились здесь встретиться,— отчеканила Жанна бесстрастно.— Надеюсь, вы не воображаете, что от меня легко избавиться?

— Я вообще о вас забыл,— произнес Керриден, искоса поглядывая на маузер.— А где Ян? Тоже прячется?

Она расхохоталась, и от этого неестественно звучащего смеха по спине Керридена пробежала дрожь. Он внимательно присмотрелся и заметил, что Жанна совсем больна. Она осунулась, кожа на лице будто стянулась, плотно обтягивая кости и придавая ей вид дикого изголодавшегося зверя. Глубоко запавшие глаза, обведенные темными кругами, лихорадочно блестели, бескровные губы потрескались.

— Он мертв.

— Мертв?— Керриден был поражен.— Что произошло?

Жанна посмотрела на Энн, и в уголках ее рта появилась саркастическая усмешка.

— Спросите у нее. Она знает. Его убил Мэллори.

Энн судорожно выдохнула и сделала шаг вперед, но Керриден остановил ее.

— О чем вы говорите?— недоверчиво спросил он Жанну.

— Я все видела.— Она нервно провела рукой по густым черным волосам.— Он за нами следил.

— Следил?

Жанна секунду молчала, и вдруг слова полились из нее непрерывным потоком.

— Ренли был убит, он пожертвовал собой ради нас. Яна ранили. Нас едва не схватила полиция. Мы спрятались в часовне.

Она неожиданно остановилась, сжав пальцами виски.

— Ну, говорите! Что потом?

— Мы сумели сесть в товарный поезд. Нам повезло, поезд шел прямо на Данбар. Яну было очень плохо. Он страдал от жажды и все время просил пить. Я оста-

вила его и начала перебираться по вагонам в надежде найти воду. Потом я услышала крик и обернулась. Ян свешивался наружу, из последних сил держась за дверь... — Жанна понизила голос и добавила почти шепотом: — Мэллори держал его за горло. Я ничего не могла сделать, я была слишком далеко. Ян упал на рельсы, и встречный поезд превратил его в крошево. Он умер, как Любош. Его убил Мэллори.

По спине Керридена пробежал холодок.

— Значит, вы видели Мэллори? — спросил он, не сводя с Жанны глаз.

— Да.

— И вы его узнали? Вы не могли ошибиться?

Ее лицо окаменело.

— Вы всерьез считаете, что я могла ошибиться?

— Она лжет, — шепнула Энн, прижимаясь к Керридену.

— Подождите, дайте ей сказать... Что же случилось потом?

Взгляд девушки затуманился. Она нахмурила брови и неуверенно, будто напрягая ослабевшую память, проговорила:

— Он отправился на остров. Я его видела.

— Не торопитесь! — попросил Керриден. — Мэллори знал, что вы едете вместе с Яном. Почему он не попытался убить и вас?

Жанна оцепенела, тупо уставившись прямо перед собой, дуло маузера опустилось.

— Он на острове. Я видела, — с трудом выдавила она.

— Интересно, как он мог туда попасть? Вот его лодка. Выходит, он обошелся без нее?

Жанна потерла рукой лоб. Она выглядела растерянной.

— Я его видела. Он взял лодку на пристани... Из всей нашей группы осталась одна я. Мэллори убил их всех по одиночке. Он перехитрил их!.. Но со мной у него ничего не выйдет. — Жанна шагнула вперед, угрожающе подняв пистолет. — В лодку, живо! Мы и так потеряли много времени. На этот раз он не уйдет.

— Пошли, — сказал Керриден Энн и добавил вполголоса: — Будьте начеку, она совсем сошла с ума.

Жанна села на корме, нацелив на них маузер. Энн, напряженная и бледная, запустила мотор и направила лодку в открытое море.

Остров Отшельника оказался гораздо больше, чем ожидал Керриден. Он рисовал в своем воображении каменный пяточок, поэтому был глубоко потрясен, когда увидел высокий скалистый берег, исчезающий во мраке. Над водой стелился тяжелый морской туман, в расщелинах жутко завывал ветер. Приближение лодки вспугнуло чаек, и они неожиданно взмыли из тьмы в воздух, на миг перекрыв скорбным криком рев разбивающихся волн.

От причала с маленьким ангаром круто вверх уходили ступеньки, вырубленные в скале, и маленькая группа начала подниматься, цепляясь за камни и борясь с дикими порывами шквалистого ветра, грозившего скинуть их в море. Керриден насчитал более двухсот ступеней прежде чем выбрался на равнину. Вдали, на фоне утреннего неба, вырисовывался силуэт огромного утеса с зазубренным пиком.

Наклонившись вперед навстречу ветру, Керриден следовал за Энн по узкой дорожке. Жанна шла сзади, время от времени она глухо бормотала что-то, спотыкаясь о камни.

Дом возник из тьмы совершенно неожиданно. Он стоял у подножья скалистой стены, но был открыт яростным ветрам с Северного моря. Это приземистое двухэтажное строение, сложенное из толстых бетонных плит и крепившееся к скальной породе стальными тросами, уродством и мощью напоминало древнюю шотландскую крепость.

Возле дома Керриден заметил другую вереницу узких ступеней, уходящих куда-то вверх. Позже он узнал, что они вели на плато — самую высокую точку острова, кроме далекого пика Отшельника.

Дом был погружен во мрак, в окнах, как в черных зеркалах, отражались медленно плывущие тучи. Энн подошла к двери, но Керриден схватил ее за руку и оттащил назад.

— Не так быстро, — предупредил он, рассматривая фасад. — К чему спешка? Если здесь кто-нибудь прячется...

— Никто здесь не прячется, — перебила его Энн. — Неужели вы поверили вранью этой женщины?

— Мне все равно, рисковать не стоит.

— Мне нечего бояться! — Девушка вырвалась и, прежде чем Керриден успел опомниться, подбежала к двери. — У вас есть фонарик? — спросила она, обернувшись через плечо. — Мы всегда печатываем дом, когда уезжаем. Так что если печать цела, то никого там нет.

Керриден подошел к ней и осветил большую сургучную печать. Печать была цела, дверь явно давно не открывали.

— А другой вход есть?— спросил он, когда к ним настороженно приблизилась Жанна.

— Нет,— ответила Энн,— войти можно только отсюда. Как видите, на окнах первого этажа ставни, и закрыты они изнутри.

Она достала из кармана ключ и отперла замок. Все трое оказались в большой, уютной гостиной.

Пока Энн зажигала свет, Керриден выступил вперед.

— Оставайтесь здесь. Я осмотрю дом.

— Вы никого не найдете,— устало произнесла девушка.

— Ничего, на всякий случай.

Он прошел по всем помещениям, убедился, что в дом можно проникнуть только через входную дверь, и вернулся в гостиную. Энн стояла перед электрокамином, Жанна беспокойно мерила комнату шагами.

Время близилось к полночи, и Керриден предложил подождать с поисками до утра. Жанна нехотя согласилась. Размеры острова, острые скалы и ярость ветра, очевидно, произвели на нее сильное впечатление.

Когда Энн вызвалась проводить ее в спальню, она сказала, что останется в гостиной, у камина.

— Не стоит ее трогать,— тихо проговорил Керриден.— Пойдемте лучше наверх.

Он вошел вслед за Энн в одну из четырех спален второго этажа и закрыл за собой дверь.

— Вы все еще думаете, что Брайан где-то здесь?— спросила девушка.

— Я уверен, что она сошла с ума,— спокойно ответил Керриден.— Ее рассказ об убийстве Яна — просто бред. Похоже, она так помешалась на Мэллори, что половина изложенных ею фактов, вероятно, плод ее воображения.— Он нахмурил брови и потер подбородок.— Я даже готов допустить, что вся это история — вообще вымысел. Если б только объяснить смерть Любоша, Гарриса и Риты Алэн... Беда в том, что, как бы ни была ненормальна Жанна, Ян и Ренли тоже не сомневались, что ваш брат жив.

— Значит, вы не верите, что поляка убил Брайан?

— Нет. Вспомните: она сказала, что ничего не могла сделать, когда увидела, как борются Ян и Мэллори. Но у нее был маузер! Ясно, что он был именно у нее, а не у Яна, ведь поляк упал с поезда, и как тогда оружие

попало к ней? Жанна великолепно стреляет — почему же она не расправилась с вашим братом? Нет, концы с концами не сходятся. Скорее всего, Ян умер от ран, а она либо вообразила, будто это дело рук Мэллори, либо умышленно лжет.— Керриден взъерошил волосы.— Но зачем ей лгать? Что-то здесь не так, какого-то звена не хватает...— Он встал и подошел к девушке.— Ложитесь спать. Дайте мне подумать и ни о чем не беспокойтесь.

— Господи, какое облегчение, что вы не верите ее рассказам!— воскликнула Энн, взяв его за руку.— Брайан совсем другой...

— Она утверждает, что он на острове,— перебил Керриден.— Отлично! Если так, я его найду.

— Брайана здесь нет,— просто сказала Энн.

— Ложитесь. И закройте дверь. Жанне доверять нельзя. Жаль, что я не могу отобрать у нее пистолет... Ступайте, Энн. Сегодня уже ничего не сделаешь.

После ухода Энн Керриден стал нервно расхаживать по комнате. В окно бил дождь, доносились завывание ветра и шум прибора.

Керриден раздраженно упал в кресло. Сколько времени он уже без сна? Немного вздремнул в поезде — и все. Веки его были налиты свинцом, и тем не менее Керриден чувствовал, что заснуть не сможет. Он развалился в кресле, закрыл глаза и стал думать о Мэллори.

Мэллори: голос в ночи; образ, сложившийся по чужим рассказам; замечательный парень, подлец; мифическая личность, воплощение зла, безжалостный убийца. Человек, которым восхищался Ренли и которого обожала Энн; ненавистный враг для Яна и Жанны. Честный, смелый и благородный; предатель. Где он, этот неуловимый призрак,— таится здесь, на острове, или похоронен во Франции, в безымянной могиле?

В цепи не хватает одного звена. Теперь он был в этом уверен. Все началось с предательства. Если бы Мэллори молчал, ничего бы этого не случилось. Гаррис, Любош и Рита Аллен были бы живы. И те трое не обратились бы к нему за помощью. Если бы Мэллори молчал... Но почему он выдал Гурвиля? Даже Ренли не мог этого понять. Не тут ли таится ключ к разгадке?

Неожиданно в комнате погас свет.

Авария на линии или кто-то отключил рубильник? Керриден бесшумно встал, на ощупь пробрался к двери и выглянул в коридор. В доме царила кромешная тьма. С судорожно колотящимся сердцем он прислушался и на

фоне отдаленного рокота волн уловил доносящийся снизу голос, от которого волосы у него на голове поднялись дыбом. Шепот, хриплый и будто бестелесный, тот самый, что он слышал в квартире Крю... Голос Мэллори.

— Жанна, ты здесь?

Керриден пришел в себя за мгновение до выстрела и ослепительной вспышки. Тут же раздался крик. Кричала Жанна! Потом послышался звук отодвигаемого засова, и в дом ворвался порыв холодного ветра.

Из своей комнаты выскочила Энн, в темноте столкнувшись с Керриденом.

— Что это? Что случилось?— Ее голос дрожал от страха.

Керриден оттолкнул ее в сторону, выбежал на лестницу и включил фонарь.

Гостиная была пуста. Распахнутая входная дверь еще качалась на петлях.

— Жанна!— окликнул Керриден.

Ответа не последовало.

— Где распределительный щиток?— спросил он у Энн.

— На кухне.

— Ждите здесь,— бросил он и побежал по лестнице. Через несколько секунд свет загорелся, и Керриден вошел в гостиную.— Ее нет.

— Кто стрелял? Что произошло?— Энн спустилась в гостиную.

Керриден шагнул к двери, взгляделся в рассекаемую дождем тьму, потом закрыл дверь на засов.

— Посмотрите хорошенько, Энн. Я хочу найти пулю.

Пулю, засевшую в дубовой панели, которыми были обиты стены, нашла Энн. Керриден выковырял ее ножом и задумчиво повертел в пальцах сплюснутый кусочек металла.

— Это пуля от маузера,— произнес он и криво усмехнулся.— Я же говорил, что не хватает одного звена! Меня обманывал голос. Думаю, теперь все ясно.

3

С плато над домом открывался вид на весь остров, в дальнем конце которого гордым черным пиком на фоне утреннего неба высился Отшельник. Кое-где виднелись поляны, поросшие вереском, но в основном до самого моря тянулись голые камни.

Внимательно изучив окрестности, Керриден пришел к

выводу, что на полянах не спрятаться. В скалистой части острова с огромными валунами — вот где можно найти надежное укрытие.

Он спустился в небольшую долину и, пригнувшись, двинулся вперед, стараясь держаться ниже уровня кустов. За долиной начинался подъем. Через некоторое время Керриден вышел к пересечению двух тропинок, одна из которых вела к песчаному берегу, а вторая змеилась по крутому склону к скалам в западной части острова.

Когда Керриден достиг скал, было около полудня, и солнце пекло вовсю. Он бродил уже три часа и не встретил ни одной живой души, не считая чаек, которые носились над ними с громкими криками.

Керриден лег на землю, чтобы не выделяться на фоне неба, и подполз к обрыву. Прямо внизу тянулась каменная гряда, правее начинались пески, уже просохшие на солнце. Что-то на поверхности песка привлекло его внимание. Он вытянул шею и хорошенько взгляделся.

Следы! Даже на таком расстоянии, с высоты двухсот футов, явственно виднелась цепочка человеческих следов.

Керриден был ошеломлен. Вот уж чего не ожидал он увидеть! Мэллори! И будто по подсказке вдаль мелькнула чья-то тень. Тщетно озираясь по сторонам, Керриден уже решил, что воображение сыграло с ним злую шутку, когда заметил силуэт высокого, широкоплечего мужчины. Силуэт исчез так же быстро, как и появился, но этого было достаточно.

Не колеблясь, Керриден на четвереньках стал спускаться по тропинке, потом выпрямился и побежал по неровной каменной почве.

Дальше, вплоть до пика Отшельника, простиралось открытое пространство, усыпанное обломками скал. До утеса оставалось с полмили, когда из какой-то расщелины вылетел орел, взмыл высоко вверх и издал испуганный крик. Керриден догадался, что человек, которого он только что видел, находится поблизости, и стал осторожно продвигаться в этом направлении.

Через полчаса он высунул голову из последних кустов и посмотрел на подножье Отшельника. То, что он увидел, заставило его выпрямиться во весь рост.

Неподалеку на валуне сидел крепкого сложения мужчина, ожесточенно растиравший лодыжку. На его красном, опаленном солнцем лице застыло недовольство.

Он резко вскинул голову и при виде Керридена облегченно вздохнул.

— Привет, старина, наконец-то!— бодро воскликнул он.— Отвратительные здесь дороги. Признаться, я рассчитывал встретить вас раньше. Проклятый остров мне уже порядком осточертел.

Это был инспектор Роулинс.

4

— Вы не поверите,— неторопливо приближаясь, сказал Керриден,— но я не меньше вас рад нашей встрече.

Роулинс продолжал излучать дружелюбие, но взгляд его стал напряженным, а рука будто случайно опустилась в карман пиджака.

— Неужели?— удивленно произнес он.— Никогда бы не подумал, что вы будете рады меня видеть!

— Тем не менее, это правда,— заверил Керриден.— Что вы там шарите? Револьвер не понадобится,— насмешливо продолжал он, усаживаясь рядом с инспектором.— Я не причиню вам хлопот. Вы невольно подтвердили одну мою теорию... Скажите, не вы ли разгуливали по берегу в нескольких милях отсюда?

— Ну я,— Роулинс с трудом удерживал на лице улыбку.

— Представьте себе, а я было решил, что кое-кто другой. Хотя кому еще, кроме полицейского, под силу оставить следы такого размера... Как вы сюда попали?

— Нас навел поляк,— коротко сообщил инспектор.— Француженка здесь?

— Безусловно. Значит, Ян у вас?

— Да. Вернее, у нас то, что от него осталось. Мои ребята подобрали его на путях возле Кокбарнспата. Ему было что рассказать.

— С ним все в порядке?

— Не сказал бы. Сомневаюсь, что он долго протянет. Ян упал с поезда. Чудо, что он вообще мог говорить.

Керриден закурил и протянул пачку Роулинсу. Ему показалось, что сзади раздался шорох, но он не повернул головы.

— Упал? Его не сбросили?

— Эта француженка... Как ее имя?

— Жанна Персиньи.

— Вот-вот. Он заявил, что она его оглушила и столкнула на рельсы.

Керриден кивнул.

— Так я и думал.

— А что вы об этом знаете?— резко спросил Роулинс.

По склону скатился камушек. Роулинс поднял голову, но Керриден словно ничего не замечал.

— Много чего... Вся эта история вертится вокруг одного человека по имени Брайан Мэллори. Ян не упоминал о таком?

— Ха! Он только о нем и говорил! И еще о вас — как вас наняли для поисков этого типа, и... Послушайте, правда, что вам заплатили семьсот пятьдесят фунтов? Керриден усмехнулся.

— Он преувеличивает. Хотя мне действительно выдали небольшой задаток.

Роулинс пытливо посмотрел на него.

— Он уверяет, что Мэллори убил его друзей: Любоша и Гарриса, а также Риту Аллен. Бедный парень, совсем свихнулся... Мы сразу же навели справки. Мэллори погиб больше года назад. В этом нет никакого сомнения.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен.

— Полагаю, Ян ввел вас в курс дела? — поинтересовался Керриден. — Он рассказал вам о Гурвиле и о том, с чего все началось.

Инспектор хмыкнул.

— О, да! Сейчас мы проверяем, но к нам это отношения не имеет. Я занимаюсь в первую очередь расследованием убийства Риты Аллен и хотел бы побеседовать с француженкой... — Он не спускал с Керридена пристального взгляда. — У вас изумительное самообладание. Что вам известно о Рите Аллен? Вы ведь были у нее, когда она умерла, правда?

Керриден кивнул.

— Только между нами: был. Но я и пальцем ее не тронул. Я услышал крик, обнаружил у подножия лестницы тело и счел за лучшее удалиться. При моей репутации положение сложилось слишком уж щекотливое. Понятия не имею, упала она или ее столкнули.

— Экспертиза показала, что ее столкнули. Иными словами, убийство, — мрачно проговорил инспектор.

— Это еще надо доказать, — возразил Керриден.

— Попробуем. При вашей репутации... — Роулинс улыбнулся. К нему вновь вернулось хорошее настроение. — Я не удивлюсь, если партия останется за нами.

— Цыплят по осени считают, — вкрадчиво произнес Керриден. — Как я полагаю, сейчас вам предстоит маленький сюрприз, только ради Бога не делайте резких движений. Она великолепно стреляет и вот уже минуты три

держит нас под прицелом. Вы разве не слышали? — Он обернулся через плечо и повысил голос: — Выходите, Жанна. Я познакомлю вас с инспектором Роулинсом.

Из-за валуна с маузером в руке появилась Жанна. В уголках ее рта блуждала презрительная улыбка.

— Хотя один раз вы пришли вовремя, — сказал Керриден и, бросив взгляд на ошеломленного инспектора, добавил: — Перед вами Жанна Персиньи. Не советую с ней шутить. Сидите себе спокойно и, если можете, помалкивайте. Нам с Жанной надо поговорить. Правда, Жанна?

— Вот как? — ответила она ледяным тоном.

— Послушайте... — начал было Роулинс, но Керриден жестом перебил его.

— Не знаю, слышали ли вы наш разговор, но если нет, то вам будет небезынтересно, что Ян попал в полицию и развязал язык. По его словам, именно вы, а не Мэллори, сбросили его с поезда. Это так?

Жанна хранила молчание, прислонившись к скале и крепко сжимая в руке пистолет. Несмотря на издевательскую усмешку, она казалась на грани изнеможения.

— Сейчас можно и признаться, — резко сказал Керриден. — Это вы сбросили его на рельсы?

— Да, — хрипло произнесла она. — Ну и что?

— Как — ну и что? — воскликнул Керриден. — Это очень важно! — Он помолчал немного, потом продолжил: — Обидно, вы не знали, что больше года назад Мэллори погиб.

— Он жив, — сказала она, поднимая руку ко лбу.

— Увы, нет. — Керриден не сводил с нее глаз. — Знай вы, что он мертв, ничего бы этого не произошло, верно? До вчерашнего вечера я, как последний идиот, во все верил. Но вы переиграли. Ваш трюк с имитацией голоса Мэллори был хорош только один раз, зря вы его повторили. Убедившись, что двери и окна заперты, я понял: проникнуть в дом никто не мог. Потом я нашел пулю от маузера, и все стало ясно. Лишь один человек мог нажать на курок и прошептать ваше имя — вы сами. Я начал соображать: если вы имитировали голос Мэллори вчера, то, вероятно, вы же имитировали его в квартире Крю. Тогда возникает вопрос, зачем?

На белом, как полотно, лице Жанны задергалась мышца. Девушка молчала.

— Интересовал меня и другой вопрос: почему были убиты Любош, Гаррис и Рита Аллен? Их всех объединяло одно: каждый что-то знал о Мэллори... какие-то сведения

могли привести к нему. Если Мэллори мертв, то кто их убил?

Жанна отпрянула от пристального взгляда Керридена.

— Моя ошибка заключалась в том, что я принял рассказ Ренли о предательстве Мэллори за чистую монету,— спокойно продолжал Керриден.— Ренли сам искренне верил... Но ведь об этом он узнал от вас! Не Мэллори выдал, где скрывается Гурвиль, а вы!

Жанна судорожно вздохнула и подняла руки к лицу.

— Это единственное возможное объяснение. Я вас не виню: имею личный опыт, как работает гестапо. Ничего не добившись от вас, они стали пытаться Ренли, а когда он потерял сознание, вновь вернулись к вам и на этот раз сумели заставить вас заговорить. Мэллори слышал, как вы выдали Гурвиля, но он пожалел вас и из рыцарских побуждений взял вину на себя. Благородный поступок, как раз в его духе... Когда Ренли очнулся, он сказал ему, что выдал Гурвиля. И Ренли поверил. Я прав?

Жанна попыталась что-то вымолвить, но ни одного звука не вырвалось у нее из горла.

— Здесь и таится ключ к разгадке,— снова заговорил Керриден, внимательно наблюдая за девушкой.— Ян вбил себе в голову во что бы то ни стало отомстить, и вы боялись, что он узнает правду. Вы понимали: найди он Мэллори, и тот может все рассказать. Вы сделали все возможное, чтобы помешать этому. Когда Любош и Гаррис напали на след Мэллори, вы их убили, опасаясь разоблачения. Вы подслушали признания Риты Аллен про остров Мэллори, испугались и столкнули ее с лестницы. Убийца — вы! Только вы одна! Мэллори здесь ни при чем!

Жанна на миг застыла с перекошенным лицом и лихорадочно горящими глазами.

— Да!— визгливо закричала она.— Да, я выдала Пьера! Вы не представляете, что они со мной делали!.. Но я не просила Мэллори брать вину на себя. Он любил меня, болван.

Жанна начала пятиться, угрожая пистолетом.

— Оставайтесь на месте!— завопила она, когда Роулинс встал.— Я не дам посадить себя в тюрьму! Если вы двинетесь, я вас убью!

Она повернулась и, не разбирая пути, бросилась бежать вдоль каменистой гряды к обрыву. Роулинс громко закричал и рывком устремился вперед, но остановился, когда за ней помчались двое мужчин, выскочившие из кустарника.

— Догоните ее, Хадсон!— заорал он.— Не дайте ей уйти!

Но детективы не могли угнаться за девушкой.

— Ничего, далеко она не уйдет,— тихо произнес Керриден.

Достигнув края обрыва, Жанна даже не попыталась свернуть. Через показавшееся невыносимо долгим время донесся глухой удар — тело разбилось о скалы.

5

Детективы, неся завернутый в плащ груз, шли по песку к полицейскому катеру.

Засунув руки в карманы, Роулинс стоял на ветру, о чем-то задумавшись, и время от времени поглядывал на Керридена, который сидел на камне и курил.

— Похоже, и на этот раз вы выйдете сухим из воды.

— Вы заблуждаетесь на мой счет. У меня доброе сердце и отзывчивая душа. Я всегда готов помочь людям, а мне от этого сплошные неприятности.

— Ага!— фыркнул Роулинс.— «Помочь людям» за семьсот пятьдесят фунтов! Советую вам впредь быть осторожней. Рано или поздно добром это не кончится.

— Дело не в деньгах. Сколько бы они ни заплатили — это сущие гроши за такие испытания!— с горечью сказал Керриден.— Мои фотографии были напечатаны в каждой газете, меня преследовали, пытались застрелить, обвиняли в убийстве и Бог весть что еще! А теперь, вероятно, придется ехать с вами, давать показания, копаться в грязи...

— Утешьтесь, по крайней мере, тем, что мы вас долго не задержим. На ваше счастье, Хадсон и Сандерс были поблизости и могут подтвердить слова Персиньи. Ну, пора в путь. Вы ничего с собой не берете?

— Нет, я готов.

— А ваша лодка? Вы же не вплавь сюда добрались?

— О лодке не беспокойтесь,— сухо ответил Керриден.— Не стоит терять время. Она на другом конце острова. Я кого-нибудь пришлю, чтобы ее привели в Данбар.

— А та молодая женщина? Ну, которая остановила поезд?— настаивал инспектор.— Она же здесь? Ей грозит штраф в пять фунтов. Я вынужден забрать ее с собой.

— Не говорите глупостей! Никто не видел, как она остановила поезд, а я под присягой заявлю, что она тут ни при чем. В суде вы ничего не докажете.

— Не имею права. Я обязан снять свидетельские показания.

— Послушайте, она замечательная девушка!— горячо произнес Керриден.— Это ее дом, ее лодка... Хоть раз забудьте, что вы полицейский.

Роулинс поскреб подбородок.

— Она сестра Мэллори, да?

— Вы прекрасно это знаете. Газеты поднимут немалый шум, а я не хотел бы, чтобы ее имя фигурировало рядом с моим. Репортеры придадут такую окраску... У вас есть дочь?

Инспектор широко улыбнулся.

— Осечка. У меня сын.— Он задумался и спросил:— Не ее ли десять раз забрасывали во Францию во время войны?

— Ее. Вы в наши-то дни прыгните с парашютом...

— Еще чего!— возмутился Роулинс. Он помолчал и продолжил уже другим тоном:— Ладно, как ни странно, сейчас, пожалуй, вы правы. Не стоит афишировать ее связь с таким прохвостом... Хорошо, в дорогу!

— Подумать только, есть люди, которые считают полицейских бессердечными!— с насмешкой проговорил Керриден.

Когда он уже направлялся к катеру, Роулинс небрежно бросил:

— Вы не хотите проститься с ней? Мы подождем.

Керриден удивленно посмотрел на него.

— Зачем? Она не в моем вкусе. К тому же, у нее дружок во флоте,— добавил он угрюмо.

— О, моряки — brave ребята!— согласился Роулинс.— И все равно, вы меня разочаровали. Я-то думал, что с женщинами вы орел!

— Да заткнитесь, в конце концов!— прорычал Керриден и, садясь в катер, посмотрел на скалистый берег, надеясь еще хоть раз увидеть Энн.

Содержание

В ловушке. Перевод Н. Пусенковой.....	3
Похититель. Перевод Н. Пусенковой.....	149
Почему я? Перевод С. Соколова.....	260

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ЧЕЙЗ

Почему я?

Романы

Переводы с английского

Редакторы Ю. Розвадовский, С. Тарбсева
Художник А. Пономарев
Художественный редактор Х. Рахматуллаев
Технический редактор Ж. Надилова
Корректоры З. Наджатова, З. Хасанова, Е. Ченурнова

ИБ № 3185

Сдано в набор 24. 05. 93. Подписано в печать 13. 09. 93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура тип «Таймс». Усл. печ. л.
21,04. Уч.-изд. л. 23,9. Тираж 100.000. Договор 49—93. Заказ 46. Цена
договорная.

Издательско-полиграфическое объединение СМ Узбекистана «Кама-
лак». 700113, Ташкент, м. Чиланзар, 8 квартал, ул. Катартал, 60.

Янгиюльская арендная книжная фабрика Госкомитета по печати
Республики Узбекистан. 702801 г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.

КАМАЛАК

